

Семен Букчин

Прощание со славянкой

*Повесть
Статьи
Фельетоны*

Санкт-Петербург
«Невский простор»
2010

УДК 821.161.3-4
ББК 84(4Бей=Рус)-44
Б91

На обложке использован эскиз Н. К. Рериха
к балету И.Ф. Стравинского «Весна священная»

Букчин, С.В.
Б91 Прощание со славянкой / Семен Владимирович Букчин. —
Санкт-Петербург : «Невский Простор», 2010. — 426 с.

ISBN 978-5-94716-226-4

В книгу, наряду с документальной повестью «Красноярск-26»,
входят очерки, связанные с поездками в Сербию и Швейцарию,
а также публицистические материалы, статьи, фельетоны, рецензии.
Последний раздел составили «прощальные слова».

Адресуется широкому кругу читателей.

ББК 84 (4 Бей=Рус)-44
УДК 821.161.3-4

ISBN 978-5-94716-226-4

© Букчин С. В., 2010.
© Оформление. Издательство
«Невский Проспект», 2010.

Вместо предисловия

С детских лет терзает душу этот марш Василия Агапкина. Великий марш надежды, тоски и несбывшегося, невозможного счастья. Почти сто лет, со времени первой Балканской войны (1912 – 1913 годы), звучит он. Железнодорожные платформы провинциальных городов, запыленная листва, уезжающие солдаты и офицеры, девушки, старики, дети... Я помню эту музыку со времени своего военно-послевоенного детства... Высоко взмывали кларнеты – «прости-прощай, прости-прощай», бухал барабан, и было так радостно и тревожно...

В последние годы строки из марша почему-то все чаще звучат в моей голове. «Наступает минута прощания, ты глядишь мне тревожно в глаза...»

К мальчику конца 1940-х – штаны до колен, с лямками через плечи и крест-накрест на спине – подходит другой мальчишка, очень похожий на него, и спрашивает: «Ну и какую жизнь ты прожил?» – «Не знаю, – отвечает тот. – Какую-то прожил...» – «А зачем ты все это писал? Кому и что ты хотел доказать?» – «Не знаю, – отвечает тот. – Может, себе...» – «Не себе, другим ты доказывал. А они не поймут. Ты чужой для них. Понимаешь? Да и слово сегодня не имеет того значения, как раньше было. В общем, не твои это дела». – «А какие мои?» – спрашивает тот. – «Не знаю», – отвечает другой.

*А мари звучит все громче, музыка бьет в душу все
больнее. И мальчик понимает, что это не славянка
прощается, а он с ней.*

*«Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад».*

Март, 2010

I. Из биографии

Красноярск-26

Записки военного строителя

Капитан Артеменко

– Завтра будем пиздить капитана Артеменко! – вечером в сушилке объявил Рашид.

Сказано было буднично, как нечто само собой разумеющееся. Кто был Рашид по национальности? Татарин, башкир, монгол? Впрочем, это было неважно. Важно было то, что сержант Рашид был командиром моего отделения, а, следовательно, и моим бригадиром. Так было принято в наших военно-строительных частях: командир отделения – он же и бригадир. Рашид был высокий, тонкий в талии, его узкие тюркские глаза глядели на мир сумрачно и жестко. Я был единственным интеллигентом в его отделении, всего две недели как переведенным сюда, в шахтерский полк, с лесоповала. Это было наказание за нежелание работать в лесной бригаде. Ну и за пьянку... Но об этом позже.

Рашид присматривался ко мне. Иногда я ловил на себе его тяжелый взгляд. Но за две недели ни одного хамского жеста или слова в мой адрес. И в то же время он как бы не замечал меня. А я хотел быть замеченным! Вдруг я уловил в себе подлое желание, чтобы этот красивый и жестокий потомок Чингис-хана заговорил со мной, может быть, приблизил к себе.

Сейчас, в сушилке, объявив о предстоящем избиении капитана Артеменко, Рашид, наконец, заметил меня. Все было ясно. Его глаза спрашивали: «Ну как, студентик, ты с нами? Или струсил? Или откажешься?» Я выдержал его

взгляд, изо всех сил старался не отвести глаз, смотрел ему прямо в лицо.

Итак, завтра мой экзамен. Будут бить ротного командира. И я должен принять в этом деле участие. Наш ротный был зверь. В пять вечера мы выгружались на станции из электрички, вывозившей нас из шахты, полтора километра пешком топали до части, потом ужин, какие-то мелкие личные дела, и вот мы на вечерней поверке в казарме. Страшно хочется лечь, ноет все тело, особенно болят руки, плечи, натруженные тяжелым отбойным молотком. Мы работали в штреках, где машине было не развернуться, и долбили грунт третьей категории, а это был базальт прямо под дном Енисея, – работа тяжелейшая, изматывающая физически до последнего. И вот когда мы в казарме, еле стоя в строю, буквально качаясь от усталости, с плавающими кругами в глазах, мечтали о том, чтобы добраться до койки, капитан Артеменко начинал свой спектакль.

Для начала он материл нас из-за низкой процентной выработки и угрожал, что премии квартальной мы не получим, и из-за нас, лентяев и подонков, премию не получит и ротное и батальонное начальство. Потом он начинал заниматься нашим внешним видом. Ну какой у нас, солдат-работяг, день проводивших в шахте, а потом еле успевавших переодеться в чистое хабэ, мог быть вид? Конечно, подворотнички засалены, пряжки не надраены, сапоги – страшнее не бывает... И все это сидело косо, криво, ремень болтался где-то ниже пупа, погоны перекручены... А он, наш ротный, блистал в отутюженных галифе, кителе с надраенными пуговицами, поскрипывал кожаной портупеей. Он ненавидел нас, нелепых, грязных, «позор Советской Армии». Наконец, звучала команда «отбой!» Но мы знали, что это не конец мучениям. Усталость и сон брали свое почти мгновенно, и как же тяжело было вырываться из этого провала спустя час или два, когда в казарме зажигался свет и раздавался дикий ор капитана Артеменко: «Рота! Подъем!»

Он мог устраивать нам «тревоги» и подъемы по три раза на ночь, особенно любил делать это под утро. Этот изувер прекрасно знал, что хотя мы и относимся к несущим строевую службу, на самом-то деле мы – рабочие, мы – рабы в во-

енной форме, принадлежащие министерству среднего машиностроения СССР, мы вкальваем целыми днями и часто без выходных на тяжелейших работах. И потому ночью нам нужно дать отдохнуть, чтобы набраться сил для следующего дня в шахте. Но капитан Артеменко делал вид, что мы – прежде всего солдаты строевой службы, что мы должны быть готовы к защите Родины, а потому нас нужно поднимать по ночам, швырять в марш-броски не только по территории ночной части, но и по окрестным дорогам.

Но пришел день возмездия. Это был день, когда капитан Артеменко получал зарплату. Ротный с вечера заперся в своем кабинетике в казарме и безобразно напивался. Потом он шел блевать за стоявшую на краю полковой территории баню. У него была язва, ему было плохо... И вот тут начиналось...

В тот вечер он, уже полубезумный от выпитого, стоял за баней в расстегнутом кителе, одной рукой удерживая пустую бутылку, второй опираясь о деревянные перила крыльца. Рашид подошел к нему и спросил с неожиданной лаской в голосе:

– Ну что, товарищ капитан, плохо вам, да? Сейчас поправимся!

Он налил из своей бутылки в загодя припасенный стакан. Артеменко жадно выпил.

– Ну вот и легче стало! – сказал Рашид. – Теперь и еще стаканчик можно.

И когда Артеменко, бессмысленно-блаженно улыбаясь, протянул ему опорожненный стакан, он с придыханием засадил ему кулаком в лицо. Потом ротного били другие: ефрейтор Пенцак, Шаповаленко, Гусь, Демидчик... Били толково, с расчетом, чтобы без членовредительства, но как можно больше и чтобы побольше синяков на физиономии. Рашид взглянул на меня. Это был приказ. Я подошел к стоявшему на четвереньках и пытавшемуся приподняться Артеменко. Буря происходила в моей душе. «Ты, читавший Достоевского, Толстого, Чехова, сделаешь это?» И второй голос: «Это не человек, это зверь, страшное животное!» Не в оправдание себе, но все же скажу, что и сам я к этому времени сильно морально загрубел. Я ненавидел этот строй,

эту власть, вырвавшую меня с четвертого курса университета, превратившую в раба под видом солдата и сославшую в этот сибирский мрак, в этот проклятый зонный город с его проклятыми тайнами, с его страшной радиацией. Артеменко был звериным ликом этой власти. И я слегка пнул ногой в плечо капитана, он рухнул лицом в грязь.

– Не бьешь лежачего? – эти слова Рашида прозвучали и как полувопрос и как некое если не одобрение, то разрешение именно на подобное мое участие в акции. Сам он ударил Артеменко единственный раз, ударил, когда тот стоял. И он согласился с таким моим поступком, ему было важно, чтобы я, «студент», принял участие в «общем деле», активность тут не имела значения – важен был сам факт.

– Ну а мы еще и душ товарищу капитану устроим, – сказал Рашид, расстегивая ширинку. Став в кружок, они мочились на Артеменко. Потоки обильной солдатской мочи заливали его голову, мундир, погоны. И это было самым мучительным испытанием для меня. Мой отец, фронтовик, капитан, потом майор Советской Армии, закончил войну под Кенигсбергом, где был контужен. Я, пацан, родившийся в русской деревне под Курском в августе сорок первого года, конечно же, выпитал в детские годы, как все мои сверстники, ненависть к немцам-фашистам и преклонение перед человеком в форме советского офицера. И хотя за последующие годы в силу разных причин «военный идеал» сильно померк, вдруг так явственно представилось, что льют мочу на мундир моего отца. Я отвернулся, не мог на это смотреть...

Два последующих дня Артеменко не появлялся в роте. Проводивший вечернюю поверку замполит, старший лейтенант Петриков, тихий, запуганный белорус, объявил, что «у товарища капитана плохо с желудком». На третий день комроты явился, и вид его был страшен: вся физиономия в синяках, примочках, ссадинах. К тому же он сильно хромал. И мундир был явно какой-то запасной, заношенный. Он медленно шел вдоль строя и каждому бешено смотрел в глаза. И молча спрашивал: «Ты? Ты? Ты?» И речей никаких не было, как и угроз. И внешний вид наш его совсем не интересовал. Он нас ненавидел жуткой, смертельной не-

ненавистью. Если бы можно было, если бы была у него такая власть, он лично расстрелял бы всю роту не моргнув глазом. Но что он мог сделать? Кого обвинить? И в чем?

Самым удивительным было то, что эта история с избиванием смертельно упившегося Артеменко повторялась регулярно, раз, а то и два в месяц. Во вполне определенные, «зарплатные» дни. Казалось бы, комроты, мог сделать вывод и напиваться за пределами части. Но то ли он не мог изменить традиции, то ли действительно опасался жены, по слухам, отбиравшей у него деньги...

В общем, «пиздить капитана Артеменко» – это уже был ритуал, с которым, похоже, «согласились» обе стороны – и пьюще-избиваемая и лупящая, а затем поливающая мочой.

...Он задержался перед Рашидом. Что-то подозревал Артеменко. Но лицо потомка Чингис-хана было непроницаемо.

В ту ночь Артеменко устраивал нам «тревогу» шесть раз. К утру мы были мертвые. Командиры отделений не могли поднять людей с коек. Сержанты-бригадиры, собравшись в каптерке, обсуждали возможность подачи жалобы «по начальству». Рашид выскочил оттуда, что-то доказывая, размахивая руками, потом неожиданно подошел ко мне.

– Ведь понимают, мудаки, что в армии жаловаться запрещено, что Артеменко только и ждет, чтобы мы какой-нибудь бунт устроили. А потом нагонят спецсуд, определят тюрягу за неповиновение. И еще дослуживать будем после тюрьмы!

Да, мы знали: в наших частях нет отправки в дисбат, военных строителей судят специальные суды. И определяют в обычные тюрьмы или колонии, а потом – действительно – давай дослуживай неотбытый военный срок.

– Жаловаться не нужно. Надо всем как-то подняться, сесть в электричку, а когда прибудем на объект, объяснить начальнику промзоны, что нас шесть раз поднимали по тревоге, люди не выспались и потому могут быть аварии и на проходке и на крепеже. Не нужно жаловаться, – повторил я. – Вы просто должны проинформировать начальника промзоны...

Начальнику промзоны подполковнику Моисееву не

нужно было долго объяснять, он увидел наши лица. Через час мы были отправлены в казарму «на отдых».

С того дня изменилось отношение Рашида ко мне. Выяснилось, что за стальной азиатской жесткостью прячется довольно простодушный и, что особенно поразило меня, необыкновенно любознательный парень. Ну обо всем на свете он хотел знать! И донимал меня невероятными по наивности вопросами...

Капитана Артеменко куда-то ушли. Его место занял тихий и безвольный замполит Петриков. Но настоящим хозяином в роте стал верный ученик Артеменко старшина Задыба. Мой главный мучитель, истязатель и враг. И так уж получилось, что именно конфликт с Задыбой привел к решительному повороту в моей судьбе.

Старшина Задыба

Задыба пришел за мной в «двадцатку» (так сокращенно называлась часть 1020), чтобы забрать в «полусотку» (1050).

– А ну покажите мне этого вашего героя! – с этими словами в канцелярию роты вошел низенький, пузатенький, лысоватенький старшина сверхсрочной службы в сапожках с короткими голенищами и фуражкой в руках, которой он почему-то бил себя по колену. Он долго изучал «арматурку», бумажку, в которой перечислены личные вещи воина, переводимого в другую часть, и очень быстро обнаружил, что в ней нехватает бушлата.

– Бушлат-то где? Почему не указан? – воззрился Задыба на передававшего меня старшину Харчука.

– Да пропил он бушлат, сменял на спирт в Терентьевке, на лесоповале, – сказал с досадой Харчук.

– Не-е-ет, без бушлата я его не возьму. Это кто мне поверит? Должен быть по арматурке бушлат! – заупрямился Задыба.

– Что ж я тебе свой отдам или у кого из своих солдат возьму? – взъерился Харчук.

– А давайте, я напишу расписку, что бушлат пропил.

Это мое предложение повергло обоих сверхсрочников в раздумье.

– А что, – неуверенно сказал Харчук. – Пускай напишет... Я могу подтвердить.

– Только пусть напишет, что не пропил, а продал, – предложил Задыба.

Я не согласился:

– Только пропил! Так, как было! Я военное имущество не продаю, но пропиваю.

– Какой принципиальный! – удивился Задыба.

По дороге в часть он быстро разъяснил мне, что только абсолютные идиоты попадают из «двадцатки», с лесоповала, в «полусотку», в шахтерский полк.

– Плохо тебе было на свежем воздухе, в тайге, да? Пиля «Дружба» тебя донимала, да? Сучья тебе обрубить было лень? Ну вот теперь порубаешь породу под Енисеем, подышишь радиоактивной пылью! Укрепишь здоровье так, что через три года мама родная не узнает! Ты ж вроде образованный, в университете учился! Понимать должен, что к чему!

Уже в каптерке своей казармы, тихой, пустой (рота была на объекте), он предложил мне чаю из термоса и стал успокаивать.

– Да ты не расстраивайся! Чего теперь? Дело сделано! А и у нас прожить можно! Ежели человек с умом! За три дня пройдешь учебку, а потом в шахту! Я тебя в бригаду к Рашиду определяю, он парень правильный, службу понимает. Но ты больше меня слушай! Я тебе всегда правильно подскажу! Ну и ты мне, в каком случае поможешь? Так?

На какую мою помощь рассчитывал Задыба, я узнал спустя полтора месяца, уже после того, как от нас убрали капитана Артеменко. А сейчас он был со мной почти как отец родной – и строгий, и заботливый. И обо всем расспрашивал. И про семью, и про университет... И остороженько про политику. Только что (осень 1964 г.) брежневцы убрали Хрущева за «волонтаризм». Имея в виду именно это событие, Задыба осторожно обронил:

– Дела, однако, там, у вас, на Большой Земле!

Так я узнал, что Большая Земля – это и то, что западнее Урала. До сих пор в моем восприятии почему-то это было все большое, материковое, видевшееся с каких-то очень дальних, чаще островных территорий. Во всяком случае,

я не предполагал, что для жителей Красноярского края европейская часть России – это тоже Большая Земля. Несколько позже пришло ощущение громадности расстояний, необъятности Сибири.

Про политику я в разговоре с Задыбой особенно не распространялся и не потому, что чего-то опасался. Просто с самого начала отправки в армию я впал в жестокую депрессию и, будучи по натуре довольно общительным и говорливым, здесь замкнулся, постоянно молчал, вызывая среди окружающих подозрение таким поведением. Позже узнал, что еще в учебной роте в «двадцатке» сержант Шумратов, который вез нас из Минска, велел одному старослужащему за мной присматривать. Он считал, что от таких молчунов можно всего ожидать: накинет в уборной ремень через перекладину и повесится. Бывали такие случаи.

А с Задыбой все поначалу складывалось как нельзя лучше. Он постоянно приглашал меня в каптерку вместе с командирами отделений-бригадами, попить чаю, а то и спиртом побаловаться, правда, последнего было позволено употреблять понемногу и «чтобы без шума». Таким образом, я как бы входил в некую «элиту» роты. Ну, и конечно, никаких нарядов – ни по кухне, ни в казарме. «Тебе все-таки двадцать три, до четвертого курса университета дошел, это ж не хрен с капустой, – говорил Задыба, – пускай молодые на пола кидаются». Он вообще говорил – «пола, мыша, простыня». «Что-то у нас вроде как мыша в казарме завелась? Попахивает чтой-то? Надо кого на пола бросить! Пускай подрают лишний раз! А, может, простыня у кого завонялась?»

И вот случилось. Зазвал меня как-то Задыба в каптерку. Вид был у него сумрачный.

– Ты старшину Жаврида с вещевого склада знаешь? Представляешь, эта сука накатила на меня телегу в штаб, будто я по фальшивым накладным получил восемь комплектов пэша.

Пэша – это парадное, полушерстяное обмундирование военного строителя, гимнастерка и брюки. В том, что Задыба воровал, у меня не было никаких сомнений. Эта страсть была просто написана на его физиономии.

– Я вот тут докладную написал в штаб про этого самого Жаврида, – он подвинул на столе бумажку. – Ворюга, понимаешь, страшнейший, а порядочных людей грязью обливает. Ты погляди тут, как и что... Да и перепиши. Чтобы поубедительнее вышло, чтобы начальство, понимаешь, мне поверило. Ты же человек ученый! Должен суметь!

– Это ваши с Жавридом дела, я ничего писать не буду.

– Не будешь? Да ты в своем уме, студент гребаный! – Задыба был искренне удивлен. – Да я ж тебя задушу нарядами, я тебя, сука...

Ну и кончилась моя привилегированная жизнь. Задыба бросал меня на пола и по воскресеньям, и после ужина, и даже после отбоя.

– Помоешь от картинки до картинки, – чаще всего говорил он. И это означало, что я должен был с тряпкой в руках и на коленях использовать всю здоровеннейшую – метров не меньше тридцати в длину – сибирскую казарму от одного конца, где висел портрет Брежнева, до другого – с портретом Ленина. Иногда, впрочем, делалось послабление – давалась команда помыть только до двадцатой тумбочки, это означало приблизительно середину общего расстояния. Но независимо от задания я только имитировал работу. Накручивал на швабру тряпку и лениво растирал грязь по углам. Задыба бесился. Он пытался засекал время, поминутно глядел на часы и орал:

– Ну что ты тянешься, как беременная вошь по мокрой пизде? Я тебе двадцать минут дал на два прохода, а ты и одного не осилил!

Матерщинник, надо сказать, он был отменный. Я даже некоторые его особо выдающиеся речения в блокнот записал.

– Я, товарищ старшина, устал, мне отдых требуется, – с этими словами я отставлял швабру и ведро и усаживался или даже укладывался на ближайшую койку. Ну и что мог сделать Задыба? Отправить меня на губу? Так я уже там бывал не раз. Слесоповала отправляли четыре раза. Жизнь там, конечно, не сахарная. Подъем в пять утра. И до четырех часов, с перерывом на обед, надо таскать на железнодорожной станции мешки с цементом на склад. Сорок ки-

логаммов мешок, сто метров – расстояние от вагона до склада. Каждые два часа перекур на двадцать минут. И все-таки это была работа на свежем воздухе, а не в ненавистной шахте. И краснопогонники из внутренних войск, которые нас там охраняли, были как-то полиберальнее, что ли. Солнце на них действовало, может быть, хорошая погода. А вот те чекисты, что следили за нами в шахте, не упускали случая поизмываться над грязным, валящимся с ног от усталости «земелей». И у них был повод. Они служили за три рубля восемьдесят копеек в месяц – денежное довольствие рядового. А у нас, военных строителей, серьезные деньжата, водились. Платили нам хотя и негусто, но все-таки... Потому и шмонали они нас, впуская в следовавшую на объект электричку, отбирали водку, колбасу, тушенку, польские супы в концентратах, которыми почему-то были забыты чайные в наших зонных частях. Но об этом тоже чуть позже...

Так вот, что мог сделать со мной Задыба? Тем более, если Рашид постоянно твердил, что ему и без того нехватает людей в бригаде. Но Задыба был человек наблюдательный и дождался своего часа. Он видел, что у меня завязались дружеские отношения со Славой Голубчиковым из четвертого отделения. Слава был тихий, молчаливый москвич, длинный, невероятно худой, с печальными голубыми глазами. Однажды после отбоя я застал его в умывалке, он стирал старый свитер. Такую одежду «молодым», то есть первогодкам, запрещено было пододевать под рабочее хабэ. Это была привилегия «стариков». Но холод донимал, и приходилось тайком надевать что-то потеплее. Два молчуна, мы слово за слово неожиданно разговорились.

Слава был предан классической музыке. Он хотел поступить в консерваторию, на музыковедческое отделение, но не добрал нужных баллов. И после того устроился корректором в издательство «Музыка», чтоб быть поближе к искусству. Я, конечно, намного слабее его разбирался в классической музыке, но тоже был меломаном и в начале 60-х годов достаточно активно посещал концерты в Минске – симфонические в Доме офицеров и сольные в консерватории. Помню, как загорелись Славнины глаза, когда я рас-

сказывал ему, как мать взяла меня, четырнадцатилетнего, на концерт Вертинского, проходивший в Доме офицеров. Было это, кажется, в 1955 году... И уже студентом я был на концерте Вана Клайберна (Клиберна, как его тогда называли) в клубе имени Дзержинского, нормального билета, конечно, не достал, стоял между рядами кресел.

Славины же рассказы о концертах московских были истине фантастичны. Он видел и слышал богов – Рихтера, Ростроповича, Ойстраха... Впрочем, и эти боги гастролировали в Минске, и я их тоже видел и слышал. Но Слава говорил о них, как о знакомых, как о близких ему людях, и мне было непонятно, как же он, человек из мира такого высокого искусства, попал в этот ад крошечный, в зону, шахту. К тому же было видно, что он не очень здоров, часто кашлял.

– Да призвали и все тут! – махнул он как-то рукой. А потом добавил:

– А ты заметил, сколько здесь больного и вообще всякого уродливого народа?

Это и в самом деле бросалось в глаза. Вроде бы и нормальных парней хватало, а присмотришься – этот как-то странно ходит, одна нога, что ли, короче, у другого двух пальцев на руке нет, третий немыслимо малого роста, почти карлик, у четвертого явно с мозгами не в порядке. Но прежде всего, повторю, замечались физические недостатки. И еще замечалось: много было народу из Средней Азии и с Кавказа, притом какого-то пожилого, ну явно не призывного возраста. Про сидевшего в сапожной мастерской Хачика говорили, что он четвертый срок служит за своих братьев. Мол, братья, богатые армяне, и притом сильно похожие друг на друга, вот они и уговорили Хачика служить за них за большие деньги. Кончается трехлетний срок службы одного брата, Хачик идет служить за другого. В военкомате, может, и догадываются, в чем дело, да ведь у этих «чурок» все там схвачено-подмазано, все – свои, поэтому проблем никаких. И вроде сам Хачик как-то похвалялся: мол, вот кончит третий срок, вернется на родину, а у него на книжке такие деньжищи – всю жизнь работать не нужно, сразу дом купит, женится... Хачик вообще

смотрелся лет если не на пятьдесят, то на сорок – точно. Морщинистый, старообразный, что особенно бросалось в глаза, когда он стоял в строю с восемнадцатилетними пацанами.

И приходили мы в наших рассуждениях, что в таких войсках, как наши, другой народ и не требуется. Рабочие ведь нужны прежде всего, а не танкисты или артиллеристы. И вот под видом призыва в армию набирают дармовую и послушную рабочую силу. Тогда я еще не мог предполагать, что все то, что «нащупывали» мы в разговорах с Голубчиковым, очень быстро подтвердится рассказом человека, занимавшего большой пост в самых верхах Системы.

Говорили мы о Системе, о музыке, а вот о том, что Слава женат, я и не подозревал. Двадцать лет всего, на три года моложе меня, а уже жену имеет! Может, Слава и не сказал бы мне об этом, но он получил письмо, из которого узнал, что жена приехала на встречу с ним в краевой Красноярск, а получить «свиданку» у нас в зоне – это большая проблема, которую и обсудить-то не с кем, кроме как с верным товарищем. Родственники ехали, точнее летели по почтовому адресу и радовались, вероятно: сын, брат, племянн или муж служит не в какой-то Тьмутаракани, а в большом городе – Красноярске. Поскольку адрес почтовый был – Красноярск-26. И откуда им, родственникам, было знать, что сын, брат, племянн или муж служит совсем в другом городе, который находится за 65 километров от краевого центра и попасть в который им невозможно. И вот являлись они в краевую комендатуру, чтобы узнать, где же это находится такая-то часть, а им говорили: вы, товарищи, не спешите, мы тут справки наведем, а пока поживите в специальной гостиничке. И шел запрос в зонный город насчет такого-то солдата, а уж если сам солдат дознавался, что маманя или сеструха или жена приехала, то должен был, имея соответствующую справку из краевой комендатуры, обратиться по начальству за разрешением на выезд.

А это была морока. Писать нужно было, конечно, ротному командиру, тот обращался к командиру батальона, тот – в штаб полка. И еще две визы были обязательны на той разрешительной бумаге – начальника промзоны и на-

чальника городского режимного управления. А еще надо было быть на хорошем счету у начальства, поскольку выезд в краевой центр на три дня – это ведь награда, нерадивому воину, плохому производственнику она не положена. И бывало нередко, что зря платили родные большие деньги за авиабилеты, улетали не солоно хлебавши, поскольку воина не удостоивали такой награды.

К Славе вроде бы у начальства претензий не было. Разве что малый срок от начала службы прошел – всего полгода.

– С ума сошла Наталья, – грустно улыбался Слава. – Денег у родителей заняла и, меня не предупредив, прилетела. Она у меня такая...

Рашид раздобыл по моей просьбе чистый лист бумаги, и мы вместе со Славой сочинили докладную на имя старшего лейтенанта Петренко. В качестве основной причины неожиданного прилета Наташи из Москвы указали ее беременность, мол, хочет посоветоваться с мужем. Хотя о чем советовать? Рожать или не рожать? Так ведь на шестом месяце таких вопросов вроде не задают.

– Да и вообще, летают ли беременные так далеко, когда до родов три месяца? – сомневался Слава.

Но я настаивал: в нашем обществе уважительное отношение к материнству, будущей молодой матери не должны отказать. К тому же, возможно, матери будущего воина Советской Армии. А еще могут испугаться, что в случае отказа ей плохо станет, тогда хлопот не оберешься...

Но сомнения не оставляли Славу. А вдруг увидят, что никакой беременности-то и нет? На это я с видом знатока заявлял, что она по-разному проходит, и у некоторых молодых вообще ничего до самых родов не видно.

На нашу беду ротный, старлей Петренко, был на каком-то трехдневном семинаре, и замещал его старшина Задыба. Когда на вечерней проверке, после рабочей смены, мы стояли в строю, Задыба, сильно поддатый, но вполне державшийся на ногах и тем более все соображавший, объявил:

– Вот Голубчиков у нас и полугода не прослужил, а ему уже к женушке под ребро захотелось!

И он вынул из кармана галифе смятый лист просьбы, которую мы написали вместе со Славой.

– Что, очень хочется? Стоит крепко по ночам? Спать не можешь, бедный? Ну погоди, я тебе помогу!

Он вынес из каптерки графин с водой с широким горлом, ткнул им Славу в грудь:

– Ты член в холодную воду, вот в этот графин, опусти, вот тебе и полегчает!

Кровь бросилась мне в лицо, я вдруг понял, что схожу с ума. Потом Рашид рассказал мне, что я сделал. Я вышел из строя без команды, строевым шагом, подошел к Задыбе и молча, но очень сильно врезал ему кулаком прямо под нос. Потом выбежал из казармы.

Я не помнил, кто и как догнал меня, как меня заволокли в КПЗ при КПП (в камеру предварительного заключения при контрольно-пропускном пункте у ворот части). Утром, после развода на работы, меня привели в кабинет начальника штаба части, всегда краснорезого майора Бутова. По части мата Бутов далеко превосходил Задыбу, его речи на плацу перед разводом напоминали художественные выступления. Он любил читать мораль, говорить о патриотизме попеременно с удивительно забористыми матерными выражениями. Я даже намеревался отдельно составить словарь ругательств Бутова.

Но в то утро майор был спокоен. Как-то буднично он сказал:

– Ну ты сам понимаешь, что натворил. Ударил старшину, своего командира. Пойдешь под спецсуд, года на два... Потом дослуживать будешь. Мне тебя воспитывать некогда. Нам план нужно выполнять. Тебя вон и в «двадцатке» не воспитали, и у нас ты ничего не понял... Поэтому пока посидишь на губе, а мы дело для передачи в спецсуд подготовим. Ну давай, тяни свое счастье!

Он подставил мне карман своего кителя. Майор Бутов был большой оригинал не только по части мата. В кармане кителя он носил «записки об арестовании», типографские бланки с уже заполненными сроками наказания, – от трех до десяти суток. Оставалось только вписать фамилию арестованного. Каждый мог испытать судьбу и, независимо от проступка, вытащить любой срок. Я, конечно, вытащил максимальный – десять суток.

– Видишь, какой ты у нас везучий, – с удовлетворением отметил начштаба, вписывая в бланк мою фамилию. – Будет время посидеть, подумать о жизни...

Изгнание из университета

Да, на «губе», действительно, вспомнилось многое...

Первый раз меня дернули в военкомат осенью 1959 года, как только исполнилось восемнадцать. Я был фрезеровщиком на Минском электротехническом заводе (тогда он еще не носил имени Козлова, поскольку сам партизанский герой, занимавший пост председателя Верховного Совета БССР, был жив) и по всем статьям представлял несомненную ценность для вооруженных сил. Кроме здоровья. Положили на обследование в больницу на автозаводе, а там признали порок митрального клапана и выдали заключение: «Негоден к строевой службе». Второй раз дернули через пять лет, в 1964-м, и тут оказалось, что, согласно новому «Расписанию болезней и физических недостатков» (документ министерства обороны СССР), я вполне годен к службе. Проблема была только в одном: я учился на четвертом курсе отделения журналистики филологического факультета, год оставался до окончания Белорусского государственного университета. Впрочем, это была моя проблема, а не государственная. Государству нужны были воины. Призывали тогда 1946-й год рождения, и было их мало по причине демографической – война. Вот и подгребли более ранние годы, включая и мой, 1941-й. Военной кафедры на нашем факультете не было. А мне уже исполнилось двадцать три.

Военком Заводского района был приличный человек. Полковник, кажется, Герой Советского Союза, в принципе он вообще мог не объяснять мне моей ситуации, тем более не подсказывать выход из нее. Однако и объяснил и подсказал. По закону призывали тогда до 25-и лет. Следовательно, у меня в запасе был еще год. Но для того, чтобы получить отсрочку, нужна была серьезная причина. В противном случае мог «зацепиться» прокурор, проверяющий дела призывников: на каком, мол, основании этого освобо-

дили? Такой причиной, по мнению военкома, могла стать официальная бумажка из университета, подтверждающая, что я, будучи успевающим студентом, могу заниматься по индивидуальной программе и сдать экзамены сразу за четвертый и пятый курс. Закончив в будущем году университет, я тогда же мог быть призван на срочную службу, но, как имеющий законченное высшее образование, уже только на год, а не на три.

– Ну а уж как тебе удастся сдать экзамены за два курса и диплом написать – это твое дело, – усмехнулся на прощанье военком. – Да и за год может что-то измениться... Понимаешь?

Все я понимал. Военкомату нужен документ, не хотят они срывать меня с четвертого курса, тем более, что до университета я два года после школы оттрубил на заводе. Но понимал я и другое: не дадут мне этой бумажки на факультете. Достаточно гуманного профессора белорусской литературы Ларченко на посту декана к этому времени сменил доцент Волк, большой борец за идейность, а сама эта борьба к концу хрущевской «оттепели» уже выдвигала на первый план таких людей. В замах у Волка был тоже большой поборник идейной чистоты, заведующий кафедрой партийно-советской печати Булацкий. У обоих я, мягко говоря, не пользовался симпатией. Ну, разумеется, прежде всего сказывалась пресловутая «пятая графа». Человеку с этой «отметиной», попавшему на такое идеологическое отделение, как журналистика, сидеть бы тихо, не высывываясь, и все было бы в порядке. А я высывался. Время было интересное. Эхо антисталинских 20-го и 22-го партсездов уже заглушалось проработочными «встречами руководителей партии и правительства с интеллигенцией», постановлениями Идеологической комиссии, которую возглавлял приснопамятный секретарь ЦК КПСС Ильичев (тогда и шутка такая ходила: мол, живем «от Ильича до Ильича»). Уже поносили «клеветника» Солженицына, автора еще недавно официально одобренного «Одного дня Ивана Денисовича» (а вместе с ним и других авторов, «слишком уж углубившихся в разоблачение культа личности» на фоне несомненных побед социалистического

стройка), Эренбурга за его «неправильные» мемуары «Люди, годы, жизнь». Уже разгромили выставку «абстракционистов» в московском Манеже. И даже Аксенову доставалось за вполне невинную повесть «Звездный билет» – не тех мальчиков прославляет, непохожих на его же героев из официально одобренной повести «Коллеги».

Мне, конечно, хотелось поговорить на эти темы, о которых много писала периодика. И я говорил, спорил, не задумываясь о том, что моя, понятно, неправильная идейная позиция становилась тут же известна и начальству факультетскому и, безусловно, тем, кому, что называется, по службе следовало знать о настроениях в студенческой среде. Видит Бог, я не хочу бросить тень на моих товарищей-сокурсников. Хотя и не намерен скрывать, что был в небольшой степени разочарован, оказавшись единственным минчанином среди бывших сотрудников районных газет и отслуживших срочную службу солдат и матросов, тоже родом из провинции. Ну не то, чтобы я мнил себя «столичной штучкой», право, не в этом дело, хотя, конечно, характер имел нелегкий, скажем так, выделялся... Но и культурный уровень большинства из этих уже в солидном возрасте парней, как правило, поступивших по направлениям партийных организаций и, конечно, имевших свой жизненный опыт, в общем, не соответствовал моим представлениям о студенте университета. Многие попросту были малобразованны, мало читали, говорить с ними было не о чем... В то же время некоторые бывшие сотрудники «районок», сержанты и матросы отличались принципиальной идейностью. Один из них постановил прочитать всего Ленина, все пятьдесят пять томов собрания сочинений и время от времени приносил известие, что вот уже осилил шестнадцатый или двадцатый том. Ребята, которые были гораздо интереснее для меня, с культурным кругозором, начитанные, учились на русском и белорусском отделениях.

Всего двадцать пять человек училось на отделении журналистики, столько было мест на стационаре. Но на втором курсе, придя осенью на занятия, мы неожиданно обнаружили четверых новичков. Бывшие «районщики», солдаты и матросы, почти сплошь члены партии, естественно

возмутились. Дело в том, что тогда для поступления на специальность «журналистика» требовался двухлетний стаж. Некоторые «районщики» имели и значительно больший, солдаты отпахали на срочной службе три года, матросы – четыре, я два года отмотал станочником на заводе. Ну а эта четверка новичков обошла закон. Сразу после школы поступили на вечернее отделение и, проучившись год, перевелись на дневное. Такой вот нехитрый фокус, впрочем, возможный лишь при соответствующих связях. Ну а как им не быть, этим связям, ежели у одной девицы папа был замминистра, у другой – тоже какой-то крупный чиновник. И двое парней не без крыши, один – сыночек известного скульптора, чьи памятники Ленину усеяли всю республику, другой – родной брат собственного корреспондента Всесоюзного радио по Белоруссии. Партгруппа нашего отделения решила добиваться изгнания «блатных». Но бывшим солдатам и матросам партбюро факультета быстро указало на меру их «компетенции», и борцы за справедливость тут же увяли. Этот случай сблизил меня с некоторыми сокурсниками, поскольку я оказался прав, указывая с самого начала на обреченность их выступления. А с другими, напротив, отношения охладились...

Но еще на первом курсе произошла история, в которой я при всем, на первый взгляд, косвенном отношении к ней уже, как говорят, зарекомендовал себя не с лучшей стороны. Неожиданно по факультету разнеслось: госбезопасность раскрыла группу «неправильно настроенных» студентов с четвертого и пятого курсов русского отделения, духовным вождем которой был некто Ким Хадеев, на своих сборищах они вели антисоветские разговоры, читали антисоветские тексты. Спустя несколько лет, после того, как Ким выйдет из тюрьмы, я познакомлюсь с этим поразительной образованности и одаренности человеком. Впрочем, не буду отвлекаться... Кажется, года полтора назад Ким умер, и его друзья опубликовали прекрасный по силе чувства и точности портрета некролог. А тогда, в 1962 г., имя Хадеева произносилось в интеллигентских кругах с оглядкой. И вот факультетское комсомольское собрание, на котором какой-то кагэбист делает сообще-

ние о «группе Хадеева», а затем начинается избивание ее членов. Выступают профессора, доценты, студенты. Кто-то предлагает после исключения направить «антисоветчиков» на завод: пускай, мол, поработают, узнают почем фунт лиха... Это предложение вызвало резкий отпор с моей стороны. Выскочив на сцену, я заявил, что, как бывший рабочий, не считаю завод местом какой-то ссылки-каторги. А если кого-то не устраивает идейный облик этих студентов, то где еще, как не в университете, и не попытаться помочь им, здесь же такая культурная сила собрана, такой интеллект...

Я хотел, чтобы эти ребята остались в университете. Дело шло явно к исключению. Я жалел, что не познакомился с ними раньше. Впрочем, если бы это знакомство произошло, наверняка я вылетел бы из университета вместе с ними, не дойдя до четвертого курса, с которого отправили в армию. Но моя попытка, как выразились тут же взявший слово секретарь партбюро факультета, «превратить очевидную вещь в дискуссионную проблему» провалилась. Кажется, четверых парней и одну девушку исключили, две фамилии запомнились – Кобля и Буткевич... А Кима Хадеева и молодого актера Русского театра Эдуарда Горячего посадили.

Мой однокурсник, руководитель партгруппы отделения, выглядевший уже пожилым «районщик», сказал мне: «Зря ты это... Уж если вышел на сцену, так надо было развешивать... А ты, рабочий парень, вроде в адвокаты полез...»

Так постепенно накапливалось на факультете мое «досье»: «нехорошие» разговоры, выступления... А тут и конфликт с главным знатоком истории партийно-советской печати, доцентом Булацким, подоспел. Позже я понял, что сделал глупость, поступив на «журналистику». Образование там давали куцее: курсы литератур «обрезанные», сокращенные, что ли, языковые программы тоже были усеченные, зато налегали на идеологию, историю партийной печати и прочую дребедень. На белорусском и русском отделениях учили куда основательнее. Немало повстречалось и преподавательской бездари и даже убожества. Хотя, конечно же, были и замечательные педагоги. Зарубежную литературу читал истинный златоуст Давид Евсеевич Фак-

торович (его убрали из университета, кажется, за передачу на Запад документов о дискриминации евреев при поступлении в первый вуз республики, году в 1966-м я встретил его случайно в московском метро, какого-то жалкого, напуганного), историю русской журналистики – молодая и обаятельная Нина Александровна Сницерева (всегда вспоминается в паре со своей подругой, рано ушедшей из жизни Ариадной Ивановной Апельинской, приехавшей меня к занятиям в научном студенческом кружке, где я сделал свой первый доклад – о Гиляровском), античную литературу – основательный Наум Исаакович Лапидус, современный русский язык – добрейшая Людмила Александровна Шевченко... С Федором Ивановичем Кулешовым, замечательным знатоком творчества Куприна, я достаточно близко сошелся несколько позже. А накануне ухода в армию он не позволил мне досрочно сдать экзамен по русской литературе – был великий формалист.

Но, в общем, в университете, было скучно, не тянули меня туда особо ни лекторы, ни друзья, с которыми хотелось бы поговорить, обсудить какие-то литературные новинки. И еще была существенная причина, по которой я стал активно пропускать лекции. По результатам вступительных экзаменов (сплошь пятерки) я вполне мог рассчитывать на стипендию. Но на первом же заседании нашей группы выяснилось, что число стипендий ограничено, и предназначаются они в первую очередь тем, у кого доход на члена семьи не превышает сорока рублей. Совместный заработок моего отца и матери, поделенный на четырех членов нашей семьи, был выше этой суммы. Таким образом, я, бывший фрезеровщик, получавший до 120 рублей ежемесячно на заводе, оказался без копейки в кармане. А расходов и у тогдашнего двадцатилетнего молодого человека, хотя и не было в ту пору компьютеров, хватало. Во всяком случае, общество трезвости вряд ли сделало бы меня своим активистом.

Кстати, Минск конца 50-х – начала 60-х годов давал широкие возможности для недорогой и эффективной выпивки. Помимо разного рода шалманчиков и забегаловок, на Комаровском рынке прямо из цистерны торговали хоро-

шим, а главное, дешевым молдавским вином. Впрочем, такие цистерны появлялись не только на Комаровке, но и в других районах города. Вообще Минск той поры был больше городом традиций, нежели ныне, а потому в большей степени напоминал все-таки город по сравнению с той непомерно разросшейся деревней, которую он являет собою ныне. 500 тысяч жителей... Уютно, зелено, провинциально-спокойно... В центре тон задают почтенные граждане с довоенным воспитанием – мужчины в драповых пальто, габардиновых плащах и шляпах, женщины в жакетах с накладными плечиками и в ботиках. Не скажу, что все всех знали, но многих... Ну и традиции, само собой... Первомайская и октябрьская демонстрации, суть которых состояла в проходке по свежему воздуху, после которой (и во время, чему способствовали многочисленные стоявшие вдоль улиц прилавки) следовало законное пьянство и обжорство в гостях. Ну а у молодых свои, заранее сговоренные компании с вином, новыми и старыми пластинками, танцами... А еще были маевки, коллективные выезды на природу с той же целью – выпить, закусить, попеть песни. Был и общий гражданский порыв. Например, существовала замечательная традиция бить минский «Спартак» (вскоре превратившийся в «Динамо») после проигрышных матчей. У стадионного выхода, откуда должна была уезжать команда, собиралась громадная толпа, вслед шедшим сквозь строй понурившимся футболистам летели крепкие слова и угрозы, наиболее ярые из болельщиков тянулись с кулаками к физиономиям своих любимцев, те прятались в клубный автобус, который толпа начинала тут же раскачивать... В дело вмешивалась конная милиция... Народ грамотно разбегался.

В общем, деньги требовались на многое: билеты на футбол, в кино, в театр... И ведь не один идешь, девушек приглашаешь. А в букинистическом отделе магазина подписных изданий на проспекте (тогда не говорили – Ленинский, а просто – проспект, и все знали, о чем идет речь) можно было купить настоящие раритеты, и не то чтобы уж очень задорого...

К тому времени я уже сотрудничал в газетах «Зорька»

и «Знамя юности». Но по-настоящему много писать и неплохо зарабатывать стал на Белорусском радио. Много молотился по республике с тяжеленным – тогда еще на лампах – магнитофоном марки «Репортер». Однажды встретил в центре Минска Николая Андреевича Павленко, он вел у нас курс введения в языкознание. Прищурился острый украинский глаз, он скептически хмыкнул: «А я-то думал, глядя на пустующее ваше место, что вы бездельничаете! А вы, оказывается, делом занимаетесь! Ну что ж, до встречи на экзамене!»

С Павленко все обошлось, экзамен я сдал. А вот Григорий Васильевич Булацкий не мог мне простить не только отсутствия на его лекциях. Я его смертельно обидел. Булацкий был из тех, кого зовут «дубами», имея в виду прежде всего невысокий культурный уровень, малограмотную речь. Он вызубрил все постановления КПСС о печати, и это было его основным интеллектуальным багажом. На факультете рассказывали, что в юности он получил телеграмму от Сталина, благодарившего молодого колхозника за деньги, сданные в начале войны на танк или самолет. Трудно было понять, откуда у сельского жителя, да еще совсем молодого, взялись такие деньги. Но вроде все так и было в действительности, помнится, что как будто об этом факте рассказала какая-то газета и даже снимок этой самой сталинской телеграммы воспроизвела. Еще запомнилось, что Булацкий всю жизнь занимался изучением жизни соратника Ленина и уроженца Беларуси Пантелеймона Лепешинского, он выпустил о нем монографию под названием «Ленинской гвардии солдат».

И вот на лекции такого человека я позволил себе более чем рискованную шутку. «Царские сатрапы разгромили типографию народовольцев...» – читал давно выученное наизусть наш преподаватель. Я поднял руку и, делая вид, что старательно конспектирую, спросил: «Григорий Васильевич, простите, как пишется слово, – «сатрапы» или «со-трапы»? И получил ответ, на который рассчитывал: «Со-трапы». Сдавленное хихиканье нескольких знатоков русского языка дало понять нашему доценту, что он вляпался. Он напрягся, покраснел, но лекцию закончил. После этого

случая я сдавал ему историю партийно-советской печати шесть раз. Я запомнил на всю жизнь, что в Женеве Ленин начал издавать газету «Вперед», а в Цюрихе она уже превратилась в «Пролетарий», что в 1932 году ЦК ВКП(б) издал постановление об архангельской газете «Северная коммуна»... Короче, я знал предмет не хуже самого Булацкого. Наконец, он поздним вечером в пустой аудитории поставил мне тройку и сказал: «Ну и чего ты добился? Хотел показать, что ты грамотнее меня? Да я таких, как ты, в молодые годы давил...»

И вот к этому человеку мне нужно было идти за бумажкой, которая бы удостоверила, что я смогу сдать за один год экзамены за два курса, то есть досрочно закончить университет по особой, ускоренной программе. И я пошел. А что было делать? Пошел, сознавая, что надежды нет никакой.

– И ты решил, что я дам тебе такую справку? – искренне удивился Булацкий. – Да я еще и позволю в военкомат, чтобы тебя побыстрее забрали в армию.

И я опять не удержался:

– Вам, Григорий Васильевич, конечно, известно, что Ленин протестовал, когда царское правительство сдавало студентов в солдаты. Почему бы вам не последовать его примеру? Тем более, что у нас сегодня не самодержавие...

– Молодец! – сказал Булацкий. – Не зря мы тебя, выходит, учили, знаешь предмет. Но ты лучше не теряй времени, иди в учебную часть, подай заявление об отчислении из университета в связи с призывом в армию, может, и примем тебя обратно через три года... Когда поумнеешь...

Уж не знаю, звонил ли он в военкомат, но позже мне рассказывали, что Булацкий мою отправку в армию с четвертого курса стационара на разных курсах преподносил как наказание, которое понес «нехороший» студент, из чего прочие обязаны извлечь соответствующий урок.

Дорога в зону

Полдня нас, призывников, продержали в обширном, изолированном дворе старой, дореволюционной застройки на площади Свободы, где находился областной военко-

мат. Бегали офицеры, сержанты, куда-то нас вызывали, переписывали, но понять, куда отправляют и в какие войска, догадаться было невозможно. Наконец, построили и пешком – благо расстояние невелико, потому, вероятно, и решили обойтись без автобусов – погнали довольно унылую и даже мрачно, лагерно выглядевшую колонну (потрепанная одежда, ватники, старые сапоги) на вокзал. Помню, что мне было стыдно (не хотелось, чтобы увидел кто-то из знакомых) идти по проспекту в такой колонне, хотя одет был вполне прилично – плащ и даже шляпа.

Я до сих пор не могу разгадать эту загадку, понять, кто это сделал, кто написал, но на запыленном окне тамбура нашего вагона прочитал без труда, хотя надпись и была сделана с обратной стороны и потому выглядела как перевернутое зеркальное отражение: «Красноярск». Может быть, кому-то из родных или друзей удалось узнать... Едва я разобрал буквы, как кто-то из сержантов, проходивших по платформе, стер их обшлагом шинели.

Выходит, нас везут в Сибирь, в Красноярск? И было похоже на то: эшелон миновал Москву и устремился на восток. Чувство обреченности не оставляло меня. Сын офицера, я был крайний индивидуалист по характеру, не терпел малейшего насилия над личностью, все строевое, казарменное, армейское было мне чуждо и потому страшило. Я отчетливо понимал, что не выдержу всего этого в течение трех лет, и, следовательно, просто погибну. Потому в дороге был мрачен, неразговорчив, что вызывало некоторую озабоченность старшего сержанта Шумратова, под командой которого и еще нескольких «купцов» (так называли офицеров и старослужащих, приезжавших за молодым пополнением) находился наш вагон.

– Тебе, наверное, выпить нужно, – сказал Шумратов, когда состав наш приближался к Кургану. – У тебя деньги есть?

Выпить, конечно, хотелось не только мне, но и самому старшему сержанту. И то, что деньги у меня были он быстро просчитал. Кстати, сумма была немаленькая, что-то около 80 рублей, на прощанье мне выплатили щедрый гонорар на радио. Шумратов четко объяснил, что в своей

приличной гражданской одежде – плащ, шляпа, да еще и нестриженный, я не вызову никаких подозрений со стороны патрульных нарядов, обычно присылаемых на вокзалы городов, через которые проходят поезда с призывниками. Они быстро отлавливают отоварившихся водкой в вокзальных буфетах и окрестных магазинах, налысо остриженных парней в старых ватниках и рваных куртках, безошибочно распознавая в них выскочивших из поезда призывников.

– Не должны тебя зацепить, – сказал, критически оглядывая меня Шумратов. – Очень даже прилично выглядишь! Не меньше шести бутылок должен пронести!

– Это как же? Не полезу же я обратно в вагон с авоськой. Засекут ведь!

И тогда старший сержант, великой мудрости человек, которому оставалось до дембеля пара месяцев, объяснил мне, как следует вставлять в оба рукава плаща по три бутылки водки, одна на другую, да так держать руки, чтобы ничего не было заметно. Я прекрасно справился с заданием и при возвращении в вагон был подстрахован двумя сержантами, коллегами Шумратова.

Спустя час наше купе и два ближайших сильно отличались по настроению от остальных. Языки развязались и у старослужащих, им явно хотелось показать нам, «салагам», что они знают нечто такое, о чем мы и понятия не имеем. И в то же время что-то сдерживало их. Они недоговаривали, обходились намеками. А мы напирали, и разговор, естественно, вращался вокруг одной темы: «Так куда же нас, в конце концов, везут?»

Наконец, Шумратов, опрокинув очередной стакан, рубанул:

– Я только одно скажу: через три года кое у кого волосы повыпадают, лысые будете, вроде меня.

Он провел рукой по голове, уставленной плотным светлым ежиком, и добавил:

– И член стоять не будет.

– Да ты вроде и нелысый, – заметил кто-то из призывников.

– Да был я лысый, но мне мазь кедровую по знакомству достали, вот и отросло, – разъяснил наш командир.

– А это... у тебя, что, в самом деле... не стоит? – продолжали допытываться явно напуганные «салаги».

– А это я после дембеля проверю, – отрезал Шумратов и вышел в коридор, давая понять, что разговор на эту тему закончен. Я вышел следом за ним и без обиняков потребовал, чтобы он тут же назвал место, куда нас везут.

– Я тебе только, как в кроссворде, первую и последнюю букву назову, а ты уж сам догадывайся. Больше не могу – служба! Сам понимаешь!

И он назвал первой буквой «Т», а второй – «А». Полночи бился я над этой загадкой, призывая на помощь весь свой географический багаж. И откуда же мне было знать, что все попытки мои обречены, ибо подразумевалась деревня Терентьевка, пункт нашей выгрузки и последующего распределения по частям в зоне. Позже, уже в «двадцатке», я узнаю от того же Шумратова гораздо больше, а пока он проявил истинную заботу обо мне, посоветовав сменить плащ и шляпу на ватник и шапку-ушанку. Более того, он сам добыл мне эти теплые вещи, без которых я просто погиб бы на том жутком морозном ветру, который охватил нас при выгрузке в Терентьевке. Это была не только благодарность за водку, но и за то, что я не назвал его имени, все взял на себя, когда через пару часов после окончания нашей гульбы меня вызвали в штабной вагон.

Кто-то стукнул по начальству, что это я пронес водку, и вот в штабном вагоне, где ехали сопровождавшие нас офицеры, не в купе, а в проходе, со мной ведет воспитательно-дознательную беседу майор Машалов. Это был новейшей формации Порфирий Петрович из романа Достоевского. Приторно вежливый, он настойчиво добивался одного: «Кто же это помог вам выйти из вагона и пронести столько бутылок, что вы все купе споили? Ведь сержанты наши кругом контролируют, следовательно, вам кто-то из них позволил выйти из вагона?»

Я скучно и однообразно уверял майора, что мне удалось усыпить бдительность сержантов, вышел в туалет, а потом незаметно вышмыгнул из вагона.

– Что значит вышмыгнул? – удивлялся Машалов. – У каждого входа в вагон стоят наши солдаты. Да еще пат-

рули... Это невозможно – вышмыгнуть, вы должны сказать мне, кто вас пропустил.

Наконец, убедившись, что другого ответа не будет, он сказал:

– Вы знаете, в этом штабном вагоне, в отдельном купе лежат личные дела призывников, мы их просматриваем. И ваше просмотрели и уже подобрали вам такую должность, такую замечательную работу. И вот теперь этот случай... Не знаю, не знаю... Вряд ли теперь что получится... Шесть бутылок. Зачем так много? Ну я понимаю – еще бы одну, ну две, а то ведь шесть.

– Так ведь народу много, товарищ майор, всем вроде понемногу.

– Нет, это пьянство, это распущенность, – решительно заявил Машалов. – Я тоже, к примеру, выпиваю. Но немного... Так, к примеру, пятьдесят граммов вина. Перед обедом, для аппетита.

Потом мне случилось видеть, какова «доза» майора Машалова. Две бутылки – это была норма, с которой все только начиналось.

... Позади почти десять суток очень медленной, с долгими стоянками на каких-то запасных путях, езды. И вот действительно Красноярск, пересекаем широченный Енисей. Но это не конец нашего путешествия. Здесь нас пересаживают в электричку, которая спустя час с небольшим тормозит у какой-то крохотной станции. Наверное, это и есть та самая Терентьевка, хотя названия никакого не видно. Мы выходим из вагона на платформу и оказываемся в узком проходе, образованном слева и справа высоко, под два метра, натянутой колючей проволокой. За проволокой стоят богатырского типа сибирские тетки в белых армейских полушубках, с карабинами на плече. С поводков рвутся и лают на нас здоровенные псы. Мороз явно за тридцать градусов, да еще с жутким, пронизывающим до костей ветром. По проволочному лабиринту, начинающемуся прямо от платформы и тянущемуся добрую сотню метров до железных ворот, мы попадаем в лагерь-распределитель. И платформа и лагерь – все это действовало с конца сороковых годов, когда сюда стали доставлять заключенных.

А потом пошли составы с военными строителями. И хотя в положении первых и вторых была существенная разница – одни осуждены и отбывают наказание, другие призваны в армию и несут «священный долг» – никакой разницы по части «приема» новоприбывших не было, поскольку процедура была отработана раз и навсегда, а главное – утверждена «наверху».

В лагере-распределителе вокруг одного капитального барака стояло множество больших брезентовых палаток, внутри которых находились двухэтажные нары, топились железная печка с трубой наружу. Было тепло. Мы забились на нары и ожидали, пока нас по очереди, по три-четыре человека, выкликали в барак, где заседала комиссия. Рабы были доставлены на место, теперь их распределяли по частям. Время от времени в палатку забежали старики-дедбеля из охраны и внимательно осматривали нас: нельзя ли чем поживиться из более менее приличной одежды, которая сгодилась бы на гражданке. Предлагали и меняться на старое армейское добро – ремень или гимнастерку, убеждали, что отправленная посылкой домой хорошая одежда все равно не дойдет. Кто-то соглашался на добровольно-принудительную менку, а у кого-то и отбирали силой...

Часа в два ночи выкликнули меня. За столом, на котором горками лежали наши личные дела, сидели два капитана и майор Машалов. Было видно, что верховодит процедурой капитан с усиками, имевший погоны внутренних войск, позже я узнал его фамилию – Литовкин. Машалов наклонился к нему, что-то зашептал на ухо.

– Журналист? Ну и что? – недовольно скривился капитан. – Это ж тот самый, что полвагона в Кургане спойл! Сразу его в Управление взять? Да вы что? И кто за него, за такого кадра, может поручиться?

Машалов снова что-то шептал ему на ухо, похоже, на меня были какие-то виды. Но Литовкин был настроен решительно:

– Нет, пускай сначала в ДОКе послужит, в «двадцатке»! А, может, он алкаш вообще! Нет, товарищ майор, пишем его в «двадцатку», а там посмотрим...

«Двадцатка»

Семь дней продержали в учебном полку: хождение строем, отдавание чести, песни орали, стараясь перекрыть идущую навстречу такую же «молодую» роту. Однажды в клуб загнали, показали «Воскресение» по Толстому, с Матвеевым в роли Нехлюдова и Семиной – Катюшей. Две серии. Знаменитое Катюшино в суде: «Невиноватая я! Невиноватая!» И потом уход на каторгу, проводы, серые башлыки конвойных, несчастное лицо Нехлюдова...

Под эти кадры вспомнилось жаркое лето 1962 года. Мы с приятелем Володи, студентом БПИ, плывем на теплоходе «Иван Франко» из Киева до Херсона. Все тогда кидались в стройотряды, в основном, на восток, на заработки, а мы, пренебрегавшие трудовым порывом студенческих масс, устремлялись на юг, к морю, за теплом, за солнцем, за новыми впечатлениями и приключениями. И маршрут выбирали поинтереснее, чтобы не просто поездом, а, скажем, из Гомеля на «Ракете» до Киева (вот были распрекрасные времена, по Сожу комфортабельные пассажирские катера ходили!), а оттуда уже по Днепру к Черному морю. На палубе первого класса «Ивана Франко», откуда мы, трюмные пассажиры, выползаем из своего мрака, царит молодой, неотразимый, уже популярный Евгений Матвеев. Он курит шикарную трубку в окружении кучи почитателей. Но мы с Вовкой пьемся, в основном, на его симпатичную дочку Светлану, тоже не страдающую от невнимания. Но куда нам, явным провинциалам, в застиранных безрукавках и грубых, точно из жести, китайских синих рабочих штанах, которые мы специально приобрели для путешествия, до молодых лощеных московских снобов. Но вот завязался разговор о поэзии, и я бросил свое коронное:

– Могу читать стихи по памяти не менее трех часов!

Москвичи не поверили. Заключили пари. Проигравшие кормят двоих шикарным ужином в корабельном ресторане. У нас, конечно, были деньги, Володя на протяжении года откладывал из своей стипендии, я копил на летнее путешествие из гонораров, но сэкономили мы жестоко, желая

побывать и в Крыму и на Кавказе. Поэтому все время хотелось есть невероятно.

Я начал с классики – Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин... Потом перешел на менее известное и полузапретное – Ахматова, Мандельштам, Гумилев, Цветаева... Последние тогда не издавались. Но не зря же я просиживал вечера в Республиканской библиотеке имени Ленина и переписывал в общие тетради из старых изданий и дореволюционных журналов – «Аполлона», «Золотого руна», «Весов»... Я был помешан на стихах, в особенности на поэтах серебряного века. Ну и охмурять интеллигентных девушек с помощью хорошей поэзии – это был один из безотказных моих приемов.

Матвеев несколько раз покидал нас и возвращался, удивляясь, что чтение продолжается. А вот Светлана не ушла до самого конца. И, конечно, была на великолепном ужине в ресторане, где мы с Володей заказывали умопомрачительных по стоймости блюд и напитков. Но ужином все и закончилось. Прекрасная матвеевская дочка растаяла, как сон, на корабельном трапе в Херсоне, откуда мы морем отправились в Одессу.

А в роте слухи, разговоры по углам, намеки... Говорили, что под городом, в котором мы сейчас находимся и которого мы, впрочем, еще не видели, глубоко под землей, есть такой же город, с освещенными улицами, зданиями, транспортом и даже магазинами. И что занимаются в том подземном городе очень опасным для здоровья делом, связанным с радиацией. Но чем конкретно – этого никто не знал. «Да нам эти дела, как до пизды дверцы, – говорили, сплевывая, Леха Корнильченко, парень из Волгограда. – Мы ведь в ДОК определены, на деревообделку. Так?» Наши койки были рядом, и Леха, хотя и старался держаться уверенно, явно искал у меня, бывшего старше его на четыре года, поддержки. По ночам в роте слышались сильные шорохи, под тонкими одеялами молодые воины занимались онанизмом, проверяя, не сказались ли уже последствия радиации.

В один из дней в ленинской комнате нас заставили написать обязательства о неразглашении государственной и

военной тайны. Но в чем была суть этой тайны – не сказали. Предупредили только, что в письмах родным и друзьям нельзя рассказывать о месте и условиях службы. Наконец, в сорокаградусный мороз нас выстроили на плацу, и тут же появился маленький майор-армянин. В распахнутой шинели он бежал перед строем и весело сообщал нам:

– Я – майор Авакян, замкомандира полка по производству! Вы что приуныли? Мороза испугались? Да я тут уже двенадцать лет, и все у меня нормально! Здоров, как бык! Даже жарковато, потому и шинель не всегда застегиваю. И вы привыкнете. Теперь разберемся, что вы за народ! Значит так, кто работал на деревообделке, шаг вперед! Каменщики, штукатуры, плиточники, два шага вперед! Водители, три шага вперед! Учтите, врать не следует, мы проверим все по личным делам позже.

Вместе со мной осталось человек двадцать. Из первой шагнувшей вперед колонны мне делал знаки Леха Корнильченко, он даже крутанул пальцем у виска, показывая, что я поступаю, как круглый дурак. Леха работал до армии в часовой мастерской, но сейчас решил, что нужно прорываться хотя бы дуриком на деревообделочный комбинат, лишь бы не нарваться на что-то опасное, близкое к той же радиации.

Оставшихся на месте майор Авакян опрашивал лично.

– Кем работал до армии? – дошел и до меня.

– Фрезеровщиком.

– Станочники нам не нужны. Пойдешь на лесоповал.

Это прозвучало как приговор, который никакому обжалованию не подлежал.

Затем нам был объяснен наш, если можно употребить здесь это слово, статус. Получалось, что, с одной стороны, мы – солдаты, призванные на действительную срочную службу, а потому должны подчиняться всем уставам и правилам Вооруженных Сил. Поэтому будет присяга, и карабин, пообещал майор, подержите в руках несколько минут один раз за всю службу. А, с другой стороны, мы – прежде всего военные строители, рабочие, главная задача которых не метко стрелять и поражать врага, а выполнять производственный план. Соответственно, как рабочим, нам

положена заработная плата, в зависимости от выработки, и даже премии. Правда, все деньги на руки выдавать не будут. После вычетов за хлопчатобумажное и полушерстяное обмундирование, за бушлат, сапоги, за спецодежду и питание оставшуюся сумму будут делить пополам, одну половину класть на сберкнижку, а вторую выдавать на руки раз в месяц. В общем, вполне самокупаемые рабы: сами себе зарабатывают на пропитание и одежду и еще кое-что могут скопить ко времени освобождения. И даже – поистине вершина либерального отношения к рабам – можно было с той, второй половины оставшегося после вычетов заработка, что шла на личный счет в сберкассе, что-то снять, ежели к примеру воин-раб захотел бы послать матери ко дню рождения подарок – пуховый платок, к примеру. Правда, для этого нужно было написать специальное обращение на имя командира роты, а тот, завизировав свое согласие, обращался к командиру батальона, и лишь после его разрешения соответствующая сумма могла быть снята со счета. Как выяснилось очень скоро, воины-рабы нередко злоупотребляли столь либеральным отношением. Начальство начинало путаться в количестве дней рождения ближайших родственников и друзей своих подчиненных, неожиданно выяснялось, что один снимал деньги на подарок матери трижды в течение полугода, другой так любил отца и сестру, что готов был заваливать их подарками чуть ли не каждый месяц, третий раза четыре успешно доказывал, что готов купить баян, только вот нужной марки в местном универмаге не находится. Разумеется, никаких подарков чаще всего не высылалось, а «баянист» понятия малейшего не имел об инструменте, деньги снимались, как правило, на пропой души, к чему более чем соблазняли тамошние магазины. Но и другая тенденция наблюдалась: немало было и таких, которые, желая побольше скопить к концу службы, писали заявления, в которых отказывались от получения на руки половины заработка и просили выдавать им наличными ежемесячно от трех до пяти рублей на курево, почтовые конверты и прочую мелочь. Их называли «куркулями», они сторонились «алкашей» и вели тщательные подсчеты своего заработка.

– В общем, те, кто не намерены лентяйничать, а, напротив, добросовестно трудиться, могут к концу службы скопить на своем личном счету весьма приличную сумму. У нас тут один грузин, сварщик, уехал в дембель на своей «Волге». Вот так!

Этот заключительный «аккорд» майора Авакяна про грузина-сварщика, уехавшего домой на своей «Волге», разжег в нашей роте жуткие страсти. Одни говорили, что майор гонит туфту и заработать на «Волгу» при таких вычетах за три года невозможно. Другие, загадочно усмехаясь, намекали: «А ты знаешь, какой здесь объект, какие бабки сюда государство всаживает? Да им никаких денег здесь не жалко! Ты был в нашей чайной, видел, какие там продукты?»

Да, наша солдатская чайная, попросту обычный буфет с пластмассовыми столиками, конечно, свела бы с ума привыкших к дефициту всего и вся рядовых советских граждан, притом не только в глухой провинции, но и в больших городах. Крупные, сочные крымские яблоки и груши, которые можно было увидеть только в знаменитой «микояновской» «Книге о вкусной и здоровой пище», разного рода сухие колбасы, шоколад и дорогие конфеты в коробках, торты и пирожные, рыбные и мясные консервы... От этого невиданного изобилия кружилась голова и разбегались глаза. Народ балдел и проедал последние привезенные с гражданки деньги, хотя и в столовой кормили неплохо. Кое-кто попытался соорудить посылочку домой, благо почтовое отделение находилось на территории части, но это дело начальство тут же пресекло.

Я не спал ночи напролет. Давали знать о себе и привычная бессонница, и нервное напряжение. Утром поднимался с жуткой, кружащейся от боли головой, с глубокими темными подглазьями. Татарин-дневальный, досиживавший последние недели в роте перед дембелем, спрашивал участливо: «Опять не спал?» Раз по пять на день нас выстраивали и делали переключку. Проверяли, не пропал ли кто. На мое замечание насчет того, что, мол, какая тут может быть пропажа, ежели кругом колючая проволока и посты, сержант Шумратов (а он был приставлен к нам и в учебной роте) отозвался так:

– Не скажи... Молодые, бывает, пропадают... Подгуляли у кого нервишки, или с мозгами у человека не в порядке – вот он и повесился где в уголку, находили таких через день или даже два.

Поскольку встречались одинаковые фамилии, то во время переключки называли и имя. Естественно, и меня выкликали по паспорту: «Букчин Самуил!» После очередной переключки ко мне подошел малый с физиономией блатного и, сделав рукой жест наподобие увиливающей змейки, прогнусавил: «Самуил! Как это ты в армию попал! Вы ведь все вот так от нее бегае!»

Я двинул ему сначала ногой в пах, а потом «разогнул» ударом крюком, это значит снизу под подбородок, так, как учил меня приятель школьных лет Володя Пусель, гроза послевоенного тракторозаводского поселка. Блатной трахнулся затылком о круглый столб-опору, что тянулись вдоль центра казармы, и медленно сполз на пол.

– Прилично ты его сделал, – сказал Шумратов вечером в сушилке, где мы по-приятельски распили приобретенную им в городе (естественно, на мои деньги) бутылку водки. Я по-прежнему пытался разузнать у него подробнее о подземном городе, о существовавшем там производстве, вообще о зоне.

– Ну атом... атом здесь! – досадливо поморщился сержант. – Радиация! Комбинат там горно-химический. Урановую руду перерабатывают. Дальше – сам соображай. Главное – белокровие не подхватить к концу службы. А то снесут на «девятку», и родителям попрощаться даже не дадут. А город сам увидишь, когда пойдешь в увольнение. Только особенно далеко не сунешься – посты вокруг, проволока... А еще говорят – «маленький Ленинград».

И еще я узнал от Шумратова настоящее название города – Железногорск.

– Но оно засекречено... В ходу только это – Красноярск-26.

Уже будучи в рабочей роте, я в первое же увольнение попытался максимально исследовать как центральную часть города, так и выходить, а точнее только приближаться, где это было возможно, к его погранично-проволочно-му периметру. Конечно, место для секретного производ-

ства и, естественно, секретного при нем города было выбрано идеально. Город находился в котловине, с востока и севера ограниченной Енисеем, а с запада и юга замкнутой высокими сопками. Одна из них и называлась «девятка», там располагалось кладбище. Не знаю, есть ли еще где в мире такое обширное «молодое» кладбище, если иметь в виду возраст похороненных. Никаких памятников или плит, только столбики деревянные со звездами, на которых лишь фамилия, инициалы и даты рождения и смерти. Большинство имело от восемнадцати до двадцати лет... И что же здесь за битва такая была, что так много полегло молодых? Часть могильных столбиков со звездочками сгнила, но на некоторых, самых старых, с трудом можно было разглядеть годы смерти (или гибели?) – 1952, 1953, 1956-й...

Вроде никакой войны в центре Восточной Сибири в те годы не было. И такие жертвы... А между тем война была. Только другая, без пушек и пулеметов. Товарищ Сталин так же, как он делал это в годы войны с Германией, не задумываясь бросил в ее котел тысячи молодых жизней. На этот раз в атомный котел. Но подробнее об этом попозже... Пока расскажу еще о городе.

С той же «девятки» было видно, что там, где Енисей огибал город с севера, высилась странная гора. Странность ее была в том, что на ней не рос, как на других сопках лес, она напоминала скорее шахтный террикон, сложенный из множества отвалов извлеченного из земли грунта. Над горой постоянно курился дымок. Несколько позже я понял, почему старослужащие, наблюдая за ним, многозначительно замечали по поводу того, «на кого сегодня несет». Вдоль берега Енисея вилась ветка железной дороги, странно обрываясь у самой горы, попросту утыкаясь в нее.

«Зона», высоченная, в два ряда проволочная ограда, начиналась сразу же на спуске с сопки в западном и южном направлениях. Щиты с надписями «Стоп! Стрельба без предупреждения!» встречались уже метров за триста до ограды, хотя непонятно было, откуда, собственно, могли стрелять. Две сторожевые вышки высились в низине, откуда выходила единственная асфальтированная дорога, вед-

шая в Большой Красноярск. Там располагался и контрольно-пропускной пункт.

Недалеко от «девятки», на одной из невысоких сопок, располагалось несколько неприметных, но крепких одноэтажных построек. Здесь располагалось УВСЧ – Управление военно-строительных частей, объединявшее десяток находившихся в зоне полков, каждый из которых был специализированным – шахтеры, домостроители, дорожники, автомобилисты... В этом зонном государстве все было свое: свой художественный ансамбль с оркестром, свои портные и сапожники (за бесценку они шили офицерам и мундиры и гражданские костюмы, тачали классные сапоги), свои мастера по ремонту часов, телевизоров и радиоприемников, свои повара, обслуживавшие офицерские банкеты в Доме офицеров. Заместитель начальника Управления по тылу полковник Брук отыскал в частях нескольких кавказцев, которые с умопомрачительной красотой расположили виноград в специальных вазах на новогоднем банкете. Где был раздобыт свежайший виноград посреди сибирской зимы – об этом полковник Брук помалкивал, лишь таинственно улыбаясь на вопросы любопытствовавших. Об этом событии неделю говорил весь город. Однажды я возвращался с Бруком из Большого Красноярска в зону на его «газике», и он неожиданно стал жаловаться мне, солдату, на тяготы своей жизни. А когда я осторожно заметил, что все-таки он дослужился до полковника, старый еврей сбросил с абсолютно лысой головы папаху и досадливо поморщился:

– Знаешь что, возьми себе мои три звезды и отдай мне свой член.

Брук прослужил в Красноярске-26 двадцать пять лет. Его слова припомнили мне сказанное сержантом Шумратовым еще в поезде:

– Стоять не будет.

У Брука были проблемы. И не только у него. Может, потому так отчаянно пилю тамошнее офицерство.

Но продолжим путешествие по зоне. Ближе к контрольно-пропускному пункту, укрытое небольшой рощей, стояло угрюмое трехэтажное бетонное здание Управления

комбинатом и режимом промышленной зоны. Единственный вход в него стерег специальный наряд солдат из внутренних войск в составе четырех человек, вооруженных автоматами. Здесь находился мозг зоны. УВСЧ подчинялось людям, работавшим в этой бетонной коробке, оно было только поставщиком и организатором быта рабов в военной форме. Полусшепотом произносилась фамилия истинного бога зоны – начальника комбината генерала Штефана. Наш генерал Лавазов, начальник УВСЧ, безукоризненно исполнял приказы Штефана, над которым был только один властитель – сам министр среднего и специального машиностроения СССР Ефим Павлович Славский, ставший за заслуги в области военной ядерной индустрии кавалером десяти орденов Ленина. Короче, министерство обороны было исполнителем воли «Средмаша». О Штефане говорили, что он технический гений и большой любитель классической музыки. У меня была с ним одна встреча, о которой расскажу ниже.

Спустя некоторое время я понял и неслучайность расположения Управления комбинатом – там, где сопки раступались и сам собой образовался воздушный коридор от дальней излучины Енисея до шоссе, ведущего в Большой Красноярск. Это пространство проветривалось, и воздушные потоки, несшие дыхание радиации со стороны комбината, обходили его.

Сам город напоминал о Ленинграде не только своим строго шахматным порядком улиц, уставленных – увы! – не старинными зданиями, а главным образом серыми блоками кирпичных пятиэтажек. Встречались и добротные, плотно огороженные особнячки, некоторые даже «ампириного» вида, с колоннадой. Впрочем, о «ленинградских претензиях» свидетельствовала больше центральная площадь, посреди которой располагалось здание городского театра, напоминавшее отчасти бывший Александринский, слева от него – четырехэтажная гостиница, выстроенная в ложноклассическом стиле, явно «под» «Асторию», справа – здание горкома партии и горисполкома с лепниной и прочей помпезностью советского классицизма 50-х годов. Естественно, самое центральное ме-

сто в этом ансамбле занимал громадный памятник Ленину, протягивавшему руку к горе, над которой курился дымок. Никаких вывесок ни на театре, ни на гостинице, ни на здании горисполкома. Магазины, правда, обозначены коротко – «Продукты», «Промтовары», «Книги»... А в них еще большее изобилие, чем в наших полковых лавочках. Прямо коммунизм какой-то! О продуктах я уже говорил, но всякая бытовая техника, за которой гонялись и записывались в безумные очереди наши граждане, – телевизоры, холодильники, пылесосы, наконец, мебель, приличная одежда и обувь, причем многое из импорта, – все это стояло свободно, никаких очередей, никакого ажиотажа.

Да, еще были обозначены кинотеатр «Родина» и ресторан «Байкал». В первом я почему-то не был ни разу, во второй мне, натурально, не было ходу как солдату. А вот театр городской составлял для меня потеху особого рода. Да, это был самый настоящий профессиональный театр, с режиссером, с актерами и всем прочим, что полагается в профессиональном театре. В том числе с очень приличным буфетом. В городе, население которого составляло немногим более ста тысяч человек, для того, чтобы заманить публику, они давали по две премьеры в месяц. Как правило, и в постановочном плане, и в актерском исполнении – это была ужасающая халтура, хотя в труппе числились два заслуженных артиста почему-то Якутской АССР и один народный из Молдавии. Это был театр, который никуда десятилетиями не выезжал на гастроли и который, конечно же, не посещали никакие труппы из других городов Союза, включая совсем рядом расположенный Красноярск. Они варились в собственном соку и потому застряли на уровне художественной самодеятельности конца сороковых годов. Преувеличенно-аффектированные жесты, форсированные голоса... Жуткая ненатуральность. Из этого города никто и никогда десятилетиями не выезжал в отпуска. Поэтому, получив в качестве отпускных двойные и тройные, сумасшедшие по размерам, оклады, его жители сидели в городе и пили и ели, ели и пили.

Подшофе актеры являлись и на спектакли, естественно, им не мог помочь и сидевший в своей будке пьяный в стельку суфлер. И вот в полупустом зале я, заняв место в середине первого ряда и положив на колени том Островского, с наслаждением и достаточно громко подавал им реплики в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», которые они тут же подхватывали, бросая в мою сторону благодарные взгляды. Кстати, и сидевшая за моей спиной публика воспринимала все это как норму: ну помогает солдат артистам, что ж тут плохого? И режиссер Павел Маркович, человек неопределенного возраста, в пиджаке, густо обсыпанном перхотью, и с какой-то полусжеванной бородой, выдыхая густые коньячные пары, говорил, что взял бы меня в театр своим помощником. Но я несколько забежал вперед... Пора вернуться к моей недолгой – увы! – службе в «двадцатке».

... Пролетело несколько занятий по технике безопасности на лесоповале и обращению с бензопилой «Дружба», и вот я уже переведен в часть, именуемую в просторечии «двадцаткой», а там определен в бригаду Васи Сверчкова, состоявшую наполовину из старослужащих, наполовину – из молодняка. Работа была непыльная – валить тайгу. Стволы отменного кедрача и пихты доставляли на деревообделочный комбинат, где трудилась большая часть состава «двадцатки». Нас вывозили на грузовиках в половине восьмого утра километров за десять от части, в час дня на заимку доставляли горячий обед в котлах, в пять – везли обратно. Точно такой же распорядок был в располагавшемся в ста метрах от территории нашей части лагере для заключенных. Вся и разница была – у них черные бушлаты, у нас – зеленые. Не зря, наверное, они приветственно махали нам и кричали: «Привет, коллеги!» Правда, ехали они на работы в сопровождении «краснопогонников» из внутренних войск, а мы вроде как вольные...

На «политчase» капитан Цедриченко, ротный замполит, посоветовал не обращать внимания на эти «оскорбительные для советского солдата» крики и четко объяснил разницу в нашем положении:

– Эти... они же, понимаете, ну отбросы общества, осужденные... А вам родина тут такое дело доверила! Такое дело!

Но напрасно я напрягся в ту минуту. Ничего конкретного Цедриченко насчет «такого дела» не рассказал, и, может, оттого я разочарованно брякнул:

– Да вроде одно дело – лес валить.

– Одно да не одно! – жестко отрезал замполит.

В первый же таежный выезд я сказал Сверчкову, что работать не буду, повергнув бригадира в невероятное изумление.

– Ты, что, студент, ты в своем уме? А, может, ты баптист какой? Но ты ж присягу давал, карабин брал в руки? А тут никакого оружия – только бензопила!

Младший сержант Сверчков был незлой, вообще добродушный парень откуда-то с Кубани. Он искренне пытался понять, в чем дело, предлагал пойти на обрубку сучьев и погрузку стволов на тягачи, – это считалось более легкими работами. Но вскоре убедился, что я почти «в полном отказе».

– Так это ж тюряга, студент, на хрена тебе это? – кипятился он. – Теперь даже у уголовников, соседей наших, полного отказа нет! И урки работают и «суки»...

Но он не донес начальству, наверное, надеялся, что я скоро одумаюсь. Впрочем, иногда я брался и за бензопилу и сучья обрубал. И это не совесть во мне говорила, просто было холодно, а работа согревала. В душе же моей продолжала кипеть ненависть к власти, сломавшей мою жизнь, сорвавшей меня с учебы накануне окончания университета. Почему я, двадцатитрехлетний четверокурсник университета, отпахавший два года фрезеровщиком на заводе, должен был валить тайгу вместе с восемнадцатилетними пацанами? И через три года, в двадцать шесть лет, снова идти на четвертый курс университета, чтобы закончить его в двадцать восемь лет? В то время как мои отмазавшиеся от армии однокурсники (тот же сыночек известного скульптора и брат собкора Всесоюзного радио) получают дипломы на три года раньше. Эти цифры бесили меня еще и потому, что через два месяца после призыва вышел указ Президиума Верховного Совета СССР не брать студентов даже

вузов, где не было военной кафедры, в армию до окончания учебы. Всего два месяца, так не повезло! Но что толку было рассказывать об этих моих настроениях Сверчкову? Вечерами вокруг его койки толпились бригадники, шел подсчет выработки, кубометры умножали на рубли, вычитали, делили, и в конце Вася объявлял сумму чистого заработка за день. Самое ужасное для меня было в том, что заработок был общий, бригадный и делился поровну на всех, следовательно, была и моя доля. На мое заявление о том, что как только накопится некая сумма на лицевом счету, я сниму ее и передам Сверчкову, бригадир только обреченно махнул рукой.

– Не успеешь разбогатеть, студент. Не я, так другие доложат и пойдешь под спецсуд.

Между тем у меня невольно образовалось свое место в бригаде – некоего просветителя, что ли. Очень скоро я обнаружил, что от нашей заимки до Терентьевки, места где нас выгружали после привоза из Красноярска, всего пять километров. И что Терентьевка – это не только железнодорожная станция, но и довольно большая деревня. А в ней неплохая библиотека, которой заведует симпатичная молодая сибирячка Валя. Не знаю, какими путями, но в эту деревенскую библиотеку попали старые, дореволюционные издания – собрания сочинений Чехова, Гоголя из приложений к «Ниве», отдельные тома словаря Брокгауза и Ефрона, комплекты журнала Сойкина «Природа и люди» и прочих библиографические неожиданности. Для меня, страстного книгочеля, это был безусловный подарок судьбы. А рядом с библиотекой находился продовольственный магазин, в котором продавалась настоящая диковинка для студента из Беларуси – питьевой спирт, 96 градусов, пять рублей и пятьдесят копеек за поллитра. Естественно, солдату такой товар не продавали, не положено, но Валя, добрая душа, выручала. И вот нагрузившись несколькими бутылками спирта и захватив очередной тяжеленный, с золотым обрезом, том из брокгаузовской серии «Библиотека великих писателей», я спешил к своим тяжело трудившимся товарищам. В обед Сверчков строго следил, чтобы никто не напивался, а я читал вслух

Шиллера. Особый успех имели «Разбойники». Сверчков одобрял Карла Моора:

– Имел право убить! Потому что довели человека!

Из ротного начальства к нам никто на заимку не приезжал, а гражданский инженер Сергей Иванович даже одобрял мою просветительскую деятельность:

– Молодец, хороших писателей товарищам рекомендуешь.

И даже сам иной раз присаживался послушать. Впрочем, вся эта идиллия закончилась через месяц с небольшим. Библиотекарша Валя была девушка разведенная, держалась твердых правил, и взять эту крепость стихами даже Есенина было сложно. Чехов говорил, что «употребить даму в городе не так легко». Спустя много лет могу заметить Антону Павловичу, что и в деревне это не всегда просто. Была Валяша особой не столько романтической, сколько рассудительно-практической.

– Заарестуют тебя скоро, – говорила она вполне скучным голосом, выставляя на стол потрясающее угощение – настоящие сибирские пельмени. Я пытался шутить и рисовал картины нашего совместного бегства.

– Да уж, прямо из зоны самолетом полетим! – отзывалась она.

– Ну зачем самолетом? Можно и попроще – автобусом, – пытался я неуклюже выведать подробности зонных порядков. – Я ведь знаю, что из зоны в Большой Красноярск регулярно ходит автобус.

– Только не для таких, как ты!

– Ну а для тебя, конечно, всегда пожалуйста!

– Конечно! У меня штампик такой в паспорте есть! Две лошадки! В любой момент могу выехать! Библиотека-то наша комплектуется в краевом центре. Понял?

– Покажи паспорт!

– Еще чего!

Валя замыкалась, делалась отстраненной. Это наступало всегда, когда мы заговаривали о зоне и ее порядках. Чувствовалось, что она что-то знает, но ни за что не скажет.

Однажды, после любимых ею моих рассказов о том, как

живут в Минске, вообще в Беларуси, я, воспользовавшись ее размягченностью, пошел напрямки:

– Скажи, что там делают, под землей?

– Под какой еще землей?

– Не строй дурочку. Ты понимаешь прекрасно, о чем я спрашиваю!

– Не понимаю и понимать не хочу.

В такие минуты она становилась похожей на гражданского инженера Сергея Ивановича, с которым я мог говорить сколько угодно о литературе, искусстве, но как только приближался к «зонной теме», он напрягался, переводил разговор на другое. У нас не было с Валею романа, но однажды она «пожалела солдатика», и я остался у нее на ночь, соврав что-то вроде того, что ночи теплые и нашей бригаде разрешили заночевать на заимке для лучшего выполнения плана.

Наутро прямо к библиотеке за мной пришла машина с гауптвахты. И я начал свою трудовую деятельность на цементной станции. Десять суток оттащал мешки с цементом – из вагонов на склад. Можно было и здесь «пойти в отказ», но меня предупредили, что «отказников» жестоко избивает охрана из «чекистского полка». Очень скоро зарешеченный «пазик» гауптвахты сделался, можно сказать, моим персональным транспортом, а цементная станция местом моего действительно трудового подвига. Шиллер и питьевой спирт не перевешивали нараставшего глухого брожения в бригаде по поводу того, что она должна вкалывать «за студента». И ротное и полковое начальство узнало о моем «особом положении» в бригаде. Еще три раза меня на разные сроки «бросали на цемент». А потом было принято решение о переводе моем в «полусотку», в шахтерский полк, которым командовал суровейший, по рассказам, полковник Янчук. Смысл перевода коротко сформулировал на вечерней поверке замполит Цедриченко:

– На проходке не забалует! Там деваться некуда! И народ там такой, что живо рога обломают! Научат правильной жизни любого студента!

И очень скоро за мной из «полусотки» явился старшина Задыба.

«Полусотка»

– Радиационный фон на производстве повышен. Поэтому правила техники безопасности должны соблюдаться безукоризненно.

С этой фразы молодой гражданский инженер Алексей Головачев начинал каждое занятие с «молодыми», которым предстояло работать в шахте. Но отчего этот фон там повышенный – об этом, разумеется, ни слова. Отбойный молоток оказался серьезной вещью, под двадцать килограммов весом, да еще электрошнур к нему нужно было правильно удерживать. Нам выдали каску, «прокладочный» комбинезон, который надевался между нижним бельем и рабочим хабэ, и второй, «защитный», надевавшийся поверх. Это была какая-то синтетика, которая создавала жуткий тепловой эффект. Даже в мороз мы здорово потели в этой «слоености», прикрытой сверху бушлатом, который перед работой снимался в рабочей бытовке.

Отдельный инструктаж я прошел у Рашида.

– Когда в шахте выйдем из электрички, – учил он, – смотри под ноги, старайся идти по шпалам и не попадай ногами между ними, там грязная вода. На выходе из подъемника в штрек есть железная лестница, иди по ней, не касаясь перил, на них пыль лежит вредная. Неделю мы работаем на проходке базальта под рекой – это выработка для служебных помещений и монтажа оборудования. Здесь полегче в смысле сохранения здоровья. А на следующей неделе меняемся с бригадой, которая работает под горой на добыче руды. Там полегче, потому что молоток не нужен, все делает комбайн, мы стоим только на отгрузке. Зато вреда для здоровья намного больше. Поэтому после смены нужно сильно отмываться. Сначала в душевой на комбинате, а потом в умывалке в роте, потому что после комбинатского душа то же хабэ на себя натягиваем. Жалко им для нас второго комплекта одежды. Экономят...

И еще Рашид предупредил: любая, даже самая маленькая ранка будет заживать долго и гноиться, поэтому лучше, чтобы никаких царапин, ссадин.

– Короче, осторожно на объекте поворачивайся.

И вот первый рабочий выезд в шахту. На железнодорожной платформе, при входе в электричку, «краснопогонники» тщательно обыскивают нас. Отбирают, как правило, продукты – супы-концентраты, консервы, сухую колбасу, печенье, яблоки, фруктовые напитки. Иногда от них удается откупиться трешкой или пятеркой. В комбинатском подземелье, на втором горизонте, есть столовая, где мы обедаем. Но мы любим в три положенных нам, помимо обеденного, получасовых перерыва, готовить что-то свое на тайком пронесенных и тщательно укрытых в рабочих «биндюгах» (железных коморах-ящиках, где хранился инструмент) электроплитках. Было в этом что-то почти домашнее...

Электричка несется вдоль Енисея. Я вглядываюсь в окно. Боже мой, сейчас, за крутым поворотом, она врежется в гору! Но поезд мягко врывается в черный туннель, на стенах которого, как в московском метро, мелькают огни. Сейчас услышишь по динамике: «Станция «Дзержинская»! Увы, другая звучит команда: «Быстро на выход!»

Я никогда в жизни не был, и, скорее всего, уже не буду в таком поистине циклопическом по размерам подземелье. Здесь было просторно, ну, как, к примеру, на площади Независимости в Минске. От платформы, у которой остановилась электричка, отходили в разные стороны не только пути узкоколеек, но и устланные бетонными плитами автомобильные дороги, по обеим сторонам, которых шли, как в городе, тротуары. А вот вдоль ярко освещенных непонятно откуда шедшим светом тротуаров располагались не здания, а какие-то полупрозрачные, как будто из какой-то пленки сделанные, ярко светящиеся стены, за которыми – это было видно по шевелящимся за ними теням и гудению техники – шла какая-то гигантская работа.

– Второй горизонт. Монтажное производство, – коротко и приглушенно бросил мне Рашид. – Мы сегодня на четвертом, на базальте.

Позже я узнал, что горизонты соединены между собою скоростными лифтами. Люди, работающие, к примеру, на первом горизонте, не знают, что делается на шестом или пятом. Пропуск был только на свой рабочий горизонт. Для

посещения другого нужна была соответствующая отметка. Были, конечно, специалисты из гражданских, которые имели доступ всюду. Но даже их «краснопогонники», охранявшие входы на каждый горизонт, тщательно проверяли – и документы, и одежду. Если у нас отбирали продукты и водку (провоз спиртного в шахту, как и сама выпивка там, считались тяжелейшим нарушением режима и влекли серьезнейшие кары), то у гражданских изымали малейший клочок бумаги – нельзя было ни вносить, ни выносить. Искали обрывки схем, чертежей – к этому было особое внимание. ...

...Крошечным составчиком из двух вагонов нас потянули по узкоколейке. Затем был спуск клетью в шахту и уже пешком по шпалам, по которым шуровали вагонетки с породой и под которыми действительно хлопала вода, мы добирались до нашего штрека. Здесь была бытовка с двумя телефонами, столом с топчанами, запертая на замок железная «биндюга», ключ от которой имелся у Рашида. Над входом в штрек был укреплен счетчик Гейгера, и лупил он как пулемет. Рашид перехватил мой взгляд.

– Да, фон повышен, но здесь такие нормы, главное, чтобы стрелка не перешла за красную отметку. Вот на руде, там еще покруче...

Мои познания в атомной физике были более чем скромными. Но кое-что я невольно узнал, потому что, самостоятельно занимаясь проблемами гносеологии (теории познания), уперся в физику элементарных частиц и кое-что популярное почитал из этой сферы. Пытался разобраться в «принципе дополнительности» одного из отцов квантовой механики Вернера Гейзенберга, в теории квантовых ансамблей академика Блохинцева. Прочитанное по философским проблемам атомной физики и стало, собственно, основой элементарной моей осведомленности о процессах, связанных с ядерной реакцией. И это знание дало мне повод подозревать, что если у нас счетчик Гейгера работает почти на полную мощность и здесь же добывается урановая руда, то это означает не просто «повышенный» радиоактивный фон (как считал Рашид), а прежде всего то, что

где-то рядом идет использование урана как ядерного горючего. Его основа – это изотопы урана и плутония. Но в природе в открытом виде встречается только уран. Все остальное можно получить только в ядерных реакторах. Кажется, это называется вторичным ядерным горючим... Значит, здесь работает или один реактор очень большой мощности или несколько реакторов, поддерживается постоянная цепная ядерная реакция. Но ведь не ради же выработки электроэнергии все это запрятано под землю? Впрочем, кто знает, откуда сюда поступает энергия и для города и для производства... А главное – что же здесь производят? Да, конечно, прежде всего, добывают природный уран... И что дальше?

... Вот над чем неделями билась моя голова, когда мы попеременно работали то на выработке базальта, то на отгрузке руды. На последних работах счетчик Гейгера действительно стучал с большей скоростью, но и красная метка превышала на ряд делений показатель, установленный в базальтовом штреке. Уровень безопасности как бы повышался. Получалось, чем опаснее работы, тем лучше с безопасностью. Чепуха, рассчитанная на идиотов!

Очень хотелось обсудить эти проблемы с Рашидом. Но что-то мне подсказывало, что при всех моих добрых отношениях с командиром отделения, не следует заходить столь далеко в подобного рода откровенностях. Видно было, что Рашид говорит мне только то, что сам считает нужным, и не ждет от меня каких-то расспросов. Да и знает ли он что-то до конца? Образование-то всего восемь классов, потом, до армии, работал на стройке... Да и где было найти время на разговоры? Во время долбежки базальта за нами следом шли крепильщики из второго отделения, Рашид перемещался от нас к новым крепям, проверял их на прочность, следил за прокладкой электрошлангов, чтобы где не замкнуло или не убил кого случайно оголившийся провод. На отгрузке руды он вместе со всеми орудовал «шуфелем», громадной совковой лопатой с загнутой концом, комбайн только половину породы выбрасывал в вагонетку, остальное просыпалось на шпалы, и мы должны были освободить путь и догружать вагонетку доверху.

Вечером, в казарме, после ужина, мы валялись с ног от усталости. Некоторые после вечерней поверки падали на койки, в рабочей «грязной» одежде, не сняв «прокладочного» комбинезона и, естественно, не вымывшись. Не желая, чтобы «грязь» от них попадала на мою койку, я попросил Рашида дать мне место у стенки, чтобы мою койку и соседнюю, на которой спал часто не снимавший комбинезона казах Кенжебаев (Кенжа), отделял проход. Кенжа не обиделся, его вообще нельзя было обидеть.

Ну а уж мылся я и в шахтной душевой, а потом еще и в казарме до посинения! В последней, где горячей воды не было, поливал себя на кафельном полу холодной из шланга и даже укладывался на этот пол спиной, не только избавляясь от радиактивной грязи, но и страстно мечтая заполучить ангину, и даже был согласен на воспаление легких, лишь бы оказаться если не в прекрасном, расположенном на берегу озера зонном госпитале, то хотя бы в добротной полковой санчасти, чтобы там передохнуть несколько дней в безделье и чтении книг. Но куда там? Не вылезавшего в Минске из ангин и всяческих фарингитов и ларингитов, здесь, в тайге, в резко континентальном, здоровом сибирском климате, меня ничто не брало. Несмотря на все усилия заболеть – я не болел.

Нельзя сказать, чтобы о нашей безопасности совсем уж не заботились. И спецодежда и тщательное мытье были первейшим средством от радиационной заразы. На объекте, как дополнительное питание, выдавали молоко и сухую колбасу. Каждую неделю грейдер срывал на полковом плацу «грязь», которую наносили солдаты сапогами из шахты, и грузовик привозил свежий песок, который мы разбрасывали лопатами. Но – увы! – большая часть рабочей солдатни совершенно не понимала, где служит-вкальвает. Это прежде всего касалось тех, кого мы звали «чурками», рабов из Казахстана, Средней Азии и с Кавказа, которых было большинство. Этим ребятам настолько нравилась красивая цветистая спецодежда, что они в ней укладывались спать. Ну а уж долгое мытье и вовсе не было их традицией. Двумя слегка смоченными пальцами они проводили по глазам, ушам, и на этом обряд омовения, как правило,

заканчивался. Опасность была невидима, и слово «радиация» не производило на них никакого впечатления. «Чурки» первыми заболевали лейкемией и отправлялись сначала в озерный госпиталь, где приходили в восторг от настоящего дворца, в котором их помещали, от белоснежных постелей, ежевечернего кино, сверхвнимательных врачей и сестер, ошеломляющей кормежки. Ну а потом их последний путь лежал на «девятку».

Маленькому туркмену с укороченной левой ногой, которого все звали Дайла (от фамилии Дайлетджанов), на объекте давали пятнадцать минут на доставку в лабораторию опытного образца урановой породы из нового слоя. Кусок породы заворачивали в специальную бумагу, клали в контейнер, который закрепляли на тележке. Однажды по дороге на третий горизонт, где размещалась лаборатория и куда мне по поручению Рашида иногда приходилось ходить за новыми головками и предохранителями к отбойным молоткам, я встретил Дайлу. Он сидел на тележке в закутке и с удовольствием пил молоко, закусывая колбасой.

– Дайла, – сказал я, – тебе дали пятнадцать минут, а уже час прошел. Ты понимаешь, на что ты уселся своей туркменской жопой? Ты же заразу радиационную себе прямо в задницу запускаешь?

Дайла был добродушный парень. Он махнул рукой.

– Зачем ругаешься, бачка? Дайла отдыхает. Пятнадцать минут и еще пятнадцать минут – никому плохо не будет. А Дайла отдохнет. И заразы никакой здесь – посмотри как чисто.

В лаборатории не очень переживали по поводу опозданий Дайлы. Работы было много, образцы доставлялись из разных штреков.

Через три месяца добрый Дайла умер в госпитале-дворце на берегу чудесного озера, окаймленного тайгой.

В одну из смен, едва мы выгрузились на объекте, прозвучал приказ: «Лицом к вагонам! Руки упереть! Головы не поднимать!» Навстречу шел какой-то состав. Приподняв слегка упертый в вагонную стенку локоть, я из-под мышки умудрился увидеть стоявшие на открытых платформах громад-

ные металлические бочки с надписью D-2. Дейтерий-два! То, что в ядерной физике называется «тяжелой водой». И далее все то, что я к тому времени знал, выстраивалось в понятную схему. Дейтерий способствует замедлению ядерной реакции. А замедление требуется потому, что идет очень мощный поток быстрых нейтронов, под воздействием которых делится уран. В итоге получается новый продукт – плутоний. И не в тех микроскопических дозах, в которых он содержится непосредственно в урановой руде, служащих лишь для лабораторных целей, а в количествах, необходимых для ядерного оружия. Следовательно, здесь добывают оружейный плутоний – начинку для атомных бомб.

Вот причина этой сверхсекретности! Конечно, я не имел возможности судить о мощности комбината. Но в том, что это суперпроизводство, сомнений не было. Сами масштабы его – объемы вынудили породы, гигантские площади подземного города, располагавшегося на шести горизонтах-этажах, – впечатляли и убеждали в этом. Конечно, что-бы поставить производство плутония на поток, здесь должен был работать мощнейший реактор.

Своими соображениями и наблюдениями я не делился ни со Славой Голубчиковым, ни с Рашидом. Но в одно из увольнений навестил городскую библиотеку и полистал в читальном зале несколько популярных книжек по ядерной физике и атомным силовым установкам. Все сходилось. Из руды природного и, кстати, дорогостоящего урана-235 или урана-238 путем обогащения добывали искусственные изотопы. А затем уже в процессе цепной реакции (деления урана-235 под воздействием мощного потока нейтронов) получали плутоний. В реакторе с тепловой мощностью около одного миллиона киловатт в сутки можно было получать около 500 граммов плутония. Обычный реактор на тепловых нейтронах при делении одного килограмма урана-235 давал около 500 граммов плутония-239. Конечно, в популярных книжках ни слова не было о том, насколько возрастала бы плутониевая производительность реактора в случае максимального использования запасов природного урана в качестве ядерного горючего.

Но для чего были предназначены гигантские, поисти-

не циклопические пустующие объемы по правую сторону главной железнодорожной ветки? Позже я узнал, что их вырыли под строительство металлургического завода. Он должен был стать третьим крупнейшим производством вместе с уже действовавшими реакторным и радиохимическим заводами. Чтобы разместить такие машины потребовалось вынуть из горы не менее двух триллионов кубометров грунта. Эту цифру недавно вывел один мой приятель, служивший в тех же местах. В его руки попала редкая книга, толстенный, больше тысячи страниц, фолиант «Ядерная индустрия России» (2000 г.). Так вот в томе этом, в статье «Красноярский горно-химический комбинат», говорится, что все его предприятия занимают площадь в 4235 гектаров. Цифра, по мнению приятеля, сильно уменьшена, если иметь в виду производство космических спутников, тяжелых ракетных двигателей, электроники – всех предприятий, входящих в комбинат «Саяны», который является крупнейшим подразделением «Росглаврезерва», суперсекретного федерального агентства. Естественно, что тогда нам и в голову не приходило, что на случай катастрофы вселенского масштаба здесь сделаны гигантские запасы продуктов, одежды, лекарств. Всё, чтобы сохранить главное для советской власти, – плутониевое производство и, следовательно, атомное оружие.

На выходе из библиотеки, уже на улице столкнулся с начальником режимного управления КГБ майором Сицко. Я козырнул и хотел пройти мимо, но он остановил меня вопросом:

– Пополняешь знания?

– Да, журналы кой-какие литературные посмотрел, – буркнул я.

Тогда я еще не сталкивался с ним непосредственно. Пройдет менее полугода, и майор Сицко часами будет расспрашивать (допрашивать?) меня о многих вещах. Тогда же он вспомнит и о моих «библиотечных интересах», запросит мой формуляр. Это будет во времена раскрутки дела о так называемом «Антисоветском литературном объединении». История, рассказ о которой впереди.

Читатель видит, что я часто забегаю вперед, опережая события. Но это происходит оттого, что спустя почти сорок лет время и события спрессовались и желание рассказать о многом борется с пониманием, что говорить нужно о главном. Хотя, где оно и в чем, это главное? Иная бытовая деталь подчас оказывается более существенной по сравнению с кажущимися самыми великими откровениями и «тайнами».

...Итак, два месяца лесоповала и три месяца в шахте до случая с «оскорблением действием» старшины Задыбы – таков был мой «послужной список» к тому моменту, когда я, вкалывая на цементной станции (10 суток «губы»), ожидал решения своей участи.

«Куприн из автобата?»

Они встретили меня так, как будто уже шел суд. Командир части, кряжистый, с отвисшими бульдожьими щеками, полковник Янчук в центре за своим столом, покрытым зеленым сукном, по бокам за малым приставленным столиком начштаба Бутов и замполит, худой язвенник подполковник Зиманенко. У стены, на стульях в роли то ли неполноценных народных заседателей, то ли публики хлыщеватый красавец, покоритель здешних дамских сердец комбат Васильев и наш комроты, вечно чего-то стесняющийся Петриков.

– Ну вот, – почти добродушно сказал Янчук, – комиссия все установила, есть протокол, ты должен подписать... Через три дня в Доме офицеров будет заседать спецсуд. Так что ты как раз поспел к сроку, пятеро вас таких орлов набралось... Получишь не меньше двух лет. Трудиться будешь здесь же, в зоне, в лагере с другими заключенными. Так что поздравляю тебя с началом новой трудовой жизни. А через два года, если покажешь себя с хорошей стороны, может, и возьмем тебя обратно, дослуживать.

Ненависть к этой рассеявшейся передо мной пьяни в офицерских мундирах, к этим вершителям моей судьбы буквально душила меня. Они уже знают заранее приговор! Два года! Впрочем, чего удивляться? Я был в Доме офице-

ров на одном таком «процессе». Судили двух сбежавших из части «молодых». И куда они могли убежать? Вырыли какое-то подобие землянки под «девяткой» и жили там почти две недели. Кончились продукты, и они сами пришли в часть, сдались. А сбежали потому, что «деды» били их смертным боем и всячески унижали. Но кто их слушал, жалких, запуганных пацанов? Выступил замполит ротный, под одобрительные смешки наслаждавшихся зрелищем «дедов» (с которыми он, замполит, естественно, был «в полном контакте») соответствующим образом охарактеризовал своих подчиненных как «регулярных нарушителей воинской и трудовой дисциплины», а потом прокурор потребовал «сурово наказать дезертиров», и спецсуд отправил отошавших, бледных заморышей в лагерь, где ээки быстро превратят их в животных.

Сесть мне не предложили, и протокол я читал стоя. Естественно, в нем не было ни слова о том, как Задыба оскорбил Голубчикова. Зато были перечислены все мои подвиги, начиная со «спаивания товарищей во время следования эшелона к месту службы» до отказа работать и самоволок в «двадцатке». Несомненно, и ненависть, переполнявшая меня, и чувство обреченности, с которым жил с момента отправки в армию, способствовали этому «чуду»: «немой», от которого начальство месяцами не слышало ни слова, заговорил. Да как! Меня буквально прорвало. По обалдевшим лицам я видел, что они ошалели от потока обрушившегося на них моего красноречия. Я заявил, что протокол фальшивка, в нем нет ни слова о грубейшем оскорблении, нанесенном Задыбой Голубчикову, о чем они, безусловно, прекрасно осведомлены. И если уж отдавать меня под спецсуд, то почему никак не наказан старшина Задыба, который по сути спровоцировал мой проступок? Почему не наказаны те, кто сделал нашим командиром, ротным старшиной этого нравственного урода?

— Вы покрываете хама и вора, не только унижающего человеческое достоинство солдата, но и перепродающего солдатское обмундирование, о чем вам также, не сомневаюсь, отлично известно! Вероятно, есть причины, по которым он вас устраивает! — буквально выкрикнул я.

Мрачные, набывчившиеся и вместе с тем несколько подрастерявшие физиономии внимали моему витийству. И только Васильев нагло усмехался: «Вот, мол, какой фрукт у нас имеется!» Комроты Петриков смотрел куда-то в пол.

– У вас порядки в полку хуже, чем описал в свое время Куприн! – продолжал я давить интеллектуально.

– Ты про какого Куприна? Из автобата, что ли? Это ж один из лучших наших офицеров! – угрожающе прохрипел Янчук, имея в виду заместителя командира автомобильного батальона.

– Стыдно, товарищ полковник, быть таким необразованным! Куприн – замечательный русский писатель, в повести «Поединок» изобразил кошмарные порядки в старой царской армии. Так у вас по сравнению с Куприным в сто раз хуже! Тогда хоть офицеры совестливые попадались!

И еще подпустил демагогии идеологической:

– Так то ведь царская армия была, а у нас – советская!

Тут не выдержал замполит Зиманенко:

– Ты нам мораль не читай! Если есть замечания по протоколу, можешь изложить письменно. Суд разберется.

Ага, струхнули начальнички! Теперь нужно их давить до конца!

– Я ничего писать и подписывать не буду. Потому что дальше этого кабинета мои объяснения не пойдут. Но если вы отдадите меня под спецсуд – я отправлю в ЦК КПСС, в министерство обороны, в Средмаш письма с подробным описанием, как издевался над нами капитан Артеменко, как вы покрываете тяжкое оскорбление, нанесенное старшиной Задыбой рядовому Голубчикову, и вообще про все порядки в нашей части!

– Думаешь, дойдут твои цидулки? – скривился Бутов.

– Я знаю, что вы имеете в виду, товарищ майор: зонная цензура проверяет всю почту. Но у меня здесь есть друзья, они бросят письма в почтовые ящики в краевом центре или уже в Москве.

– Смотри, как разговорился, шантажист гребаный! – покачал головой Бутов и прибавил, что хорошо бы мне в задницу засадить некий предмет вместе со скипидаром

и медными стружками. – Прямо Цицерон у нас выискался! А то все молчал, молчал, и вдруг такие речи!

– Да где мне с вами, товарищ майор, равняться, – скромно заметил я. – Вы у нас на плацу перед разводом почище любого Цицерона выступаете.

Зиманенко слегка хохотнул. И Васильев пустил ехидную улыбочку. Бутов побагровел, хотел что-то сказать, скорее всего забористо выругаться, но Янчук остановил его жестом, поморщился и махнул в мою сторону:

– Выйди, подождешь в коридоре.

Почти час я болтался по коридору штаба части под приглядом дежурного лейтенанта и двух рядовых комендантского взвода, доставивших меня с гауптвахты. Через двойную дверь кабинета командира полка ничего не было слышно. Наконец, вышел Бутов. Глядя куда-то мимо моего уха, просипел пропитым голосом:

– Завтра, как обычно, заступишь в смену вместе с бригадой. Поработаешь еще у нас... Со спецсудом повременим... Пока... А там поглядим! Кстати, имей в виду, нам известно, что ты не только на старшину Задыбу руку поднял, но и рядового Кузьева еще в учебной роте избил. Соображаешь, на какой срок потянет, если мы и этот факт к делу приобщим? Знаток Куприна, мать твою!

Весь этот разговор у начальства я пересказал Рашиду.

– Плюхо твое дело, – сказал Рашид. – Ты думаешь, они тебя простили, что ли? Или ты их очень напугал? Да ты понимаешь, что ты им наговорил? Они век такого ни от кого здесь не слыхали! И твоего выступления никогда не забудут и не простят.

– Может, и в самом деле в Москву написать? – пробормотал я, заметно упав духом.

– Да кому еще там твои письма попадут? Если вообще дойдут... Разве ты не знаешь, что жаловаться в нашей Системе запрещено? Только, когда начальство само спрашивает, можно что-то сказать. И то – с умом надо...

– И что же теперь будет?

– А то, что выждут они маленько, крепко присмотрят за тобой, чтоб никаких писем не смог никому передать, это уж Задыба обеспечит, да и увольнений никаких больше не

получишь, а потом отошлют тебя на объект «О». Знаешь, что это такое? Это – «Очистка». Видел за терриконом ограду? Там стоит спецрота, и засылают в нее таких шустрых как ты. На сортировку породы из отвалов. Работа на свежем воздухе, только через три-четыре месяца болеть человек начинает, ну, конечно, в госпиталь его, диагноз известный – лейкомия. Ну и на «девятку» потом, без оркестра. А родителям, как положено, письмецо – погиб ваш сын, выполняя воинский долг. И проститься не дадут, поскольку не положено чужим в зону приезжать.

Печальную картину нарисовал Рашид, и меняхватило только на один вопрос:

– А как же там офицеры служат?

Ответ не оставлял никаких надежд:

– Офицеры на два часа в день приезжают на объект «О». А командуют там бывшие ээки, вольнонаемные из гражданских. Им за эту службу срок на поселении уменьшают здорово. Ну и проволока там, охрана чекистская, не сбежишь...

Я снова стал ездить в шахту. Все было вроде, как обычно. Задыба то делал вид, что не замечает меня, то язвительно улыбался, поймав мой взгляд. Впрочем, нарядами он меня совсем не обременял, и я как будто вернулся в свое первоначальное привилегированное положение. Но все в роте знали, и я прежде других, что все это временно и должно закончиться весьма скверно для меня. Я был вроде зачумленного. И только Голубчиков глядел на меня страдальчески-виновато. Но я запретил ему продолжать дружеские отношения со мной, опасаясь, что начальственная месть перекинется и на него.

Рашид после того разговора был со мной холодно-безучастен, и это поражало меня больше всего. Позже я сообразил, какую выдержку проявил потомок Чингисхана. Спустя недели три в шахте он украдкой шепнул: «После отбоя выйдешь за баню». Мы встретились недалеко от того места, где били капитана Артеменко.

– Слушай, – сказал Рашид, – очень скоро сюда, в зону, приедет московская комиссия, смешанная, люди из Средмаша и Министерства обороны. Она приезжает раз в год

и обходит все роты. Можно заявлять жалобы. Они сами об этом просят. Это твой шанс. Может, тебе повезет... Если нет – после отъезда комиссии тебя отправят на объект «О». Ты все понял?

Да, я все понял. Московская комиссия – это действительно был мой единственный шанс.

Полковник Федорчук

... И вот они идут вдоль строя нашей роты. Впереди невысокий полковник, блондин лет сорока, с каким-то легкомысленным хохолком над лбом. За ним семенит наш генерал Лавазов и далее остальная свита – попеременно наши зонные офицеры и московские гости. Какая поразительная разница в лицах! У наших лица пропитые, угрюмые, скованные, неживые. У москвичей – блеск в глазах, естественность, какая-то свежесть и нормальность людей «оттуда», «с воли», с «Большой Земли».

– Имеются ли жалобы? – выскочил из-за спины полковника худой майор с заметным косоглазием.

Я поймал взгляд начштаба Бутова. Он как бы подначивал: «Ну что ж ты? Давай!»

Вышел из строя, назвал себя. Все было давно продумано, ничего лишнего, никаких подробностей. Коротко: было унижено человеческое достоинство моего друга, рядового нашей роты, я в этой ситуации, видимо, повел себя не лучшим образом, ввиду деликатности некоторых моментов прошу о личной встрече с представителем комиссии. Хорошая литературная речь в устах обычного военного строителя – это должно было произвести впечатление. И сработало!

– Запишите! – бросил полковник косоглазому майору.

Следующим утром, когда в электричке ехали в шахту, Рашид сказал мне:

– Может, тебе и повезет... Комиссия – больше ста человек наехало, а к нам самая головка попала. Видал, как наш Лавазов за этим полковником топал? А потому что большая шишка этот полковник. Начальник политуправления в Средмаше. Он и в прошлом году наш полк проверял. Федорчук его фамилия. Говорят, неплохой мужик.

Однако, ни сам «неплохой мужик», ни другие члены комиссии не спешили встретиться со мной. Я уже решил, что дело мое гиблое, как на четвертый день меня в шесть утра разбудил Задыба.

– Что за пожар? – недовольно пробурчал я. – Подъем через полчаса еще.

– Заткнись, сука! – оборвал меня старшина. – Будешь делать, что я скажу. Сейчас перво-наперво мыться-бриться. Возьмешь потом в каптерке пэша, вычистишь щеткой, чтоб ни пылинки, подворотничок свежий подошьешь, бляху на ремне надрайшь асидолом, чтоб блестела как у кота яйца! Про сапоги не забудь! Пройдешь у меня полный контроль и получишь увольнение на четыре часа. К десяти утра должен быть в городской гостинице, в номере двадцать шесть. С тобой будет говорить полковник Федорчук. Понял?

И впихивая мне в руку увольнительную:

– Думай, мудила, что болтать-то будешь!

Без пяти минут десять я уже прохаживался по ковровой дорожке местной «Астории». Ровно в десять постучал в двадцать шестой номер. Никто не ответил, и я толкнул дверь. Это был, конечно, «люкс» из нескольких комнат. Я оказался на пороге гостиной, на низком круглом столике у дивана стояла початая бутылка коньяка, блюдце с нарезанным лимоном, плитка шоколада, в углу у большого окна с эркером, выходившего на площадь, была прислонена незачехленная двустволка, рядом ней спиннинг и охотничьи сапоги, на кресле валялся охотничий комбинезон. Судя по всему, зонные власти ублажали московских гостей и охотой и рыбалкой.

– Прошу извинить! Душ принимал! – полковник Федорчук вошел в халате, растирая голову махровым полотенцем.

Я вытянулся, отдал честь, доложил «по форме» – такой-то явился по вашему приказанию. Он кивнул и пригласил сесть.

– Коньяку предложить не могу, а вот кофе мы закажем, пожалуйста. Полагаю, не откажетесь?

Я что-то полуутвердительное пробормотал. Надо ска-

зять, полковник Федорчук вел себя со мной, как бы это сказать поточнее, вполне обиденно, что ли. Ни барства, ни начальственности, но и без излишнего демократизма. За этой обиденностью угадывалась привычка к большой власти, соединенная – в чем я убеждался с каждой минутой – с умением быстро оценивать людей и вполне очевидной доброжелательностью. Хотя, конечно, и пафоса идеологического у начальника политуправления было, что называется, с избытком.

Он позвонил, сделал заказ, а затем пошел почти часовой монолог.

– Ну вот что, – начал полковник Федорчук, подливая себе в кофе коньяк, а мне сливки, – ничего мне рассказывать не нужно. Я вашу историю знаю. Вашего друга Голубчикова действительно оскорбили ужасно, жена потратилась на самолет... Одним словом, на следующей неделе он получит десятидневный отпуск, слетает в Москву... И Задыбу мы накажем. А вот с вами что делать? Вы совершили тяжелейшее воинское преступление – ударили старшего по званию. Вас нужно судить!

– Судите, – равнодушно сказал я, уже зная, что суда не будет.

– Попрошу без героических поз! – довольно жестко сказал полковник. – Страдальцем себе представляетесь? Ну как же, с четвертого курса университета в армию призвали? Да еще куда – в зону! Жалко вам себя невероятно, не так ли? А студентов, которых в сорок первом году накануне защиты диплома на фронт отправляли, вам не жаль?

– Так ведь война была, – без особого энтузиазма вставил я.

– А сейчас, по-вашему, нет войны? Только потому, что не стреляют? А между тем война идет, товарищ рядовой, и враг у нас посильнее Гитлера. И поэтому страна, армия нуждаются, как и тогда, в сорок первом, в преданных Родине, умных, образованных. Вот и на вас рассчитывали. Но вы же презириаете нас! Мне рассказывали о вашем выступлении перед командованием части. Все-то офицеры у вас тупицы, малообразованные, пьянчуги, вроде вашего бывшего командира роты капитана Артеменко. Командира части, полковника Янчука, незнанием Куприна попрекну-

ли! А что вы знаете об этих людях? Да, они огрубели, сидя годами безвыездно в этом медвежьем углу! Но благодаря им наша страна, наш народ могут чувствовать себя сегодня в полной безопасности. Эти грубые, необразованные, по вашему мнению, люди создали то, что заставляет с уважением относиться к нам наших противников. Кстати, вы знаете, что здесь производится?

Вопрос застал меня врасплох.

– Не бойтесь! Говорите без уверток! – приказал он.

– Не собираюсь уворачиваться, – тем не менее медлил я. – Нам, конечно, на политзанятиях на эту тему ничего не объясняли, но полагаю, что здесь изготавливают начинку для атомного оружия.

– Надеюсь, вы товарищей по роте не просвещали на этот предмет?

– Не просвещал.

– А как вы догадались? – полковник впери́л в меня свои светло-голубые глаза.

– Ну это не особенно трудно было... Горно-химический комбинат... Не зря же здесь урановую выработку в таких масштабах ведут...

– Да, не зря! – полковник явно воодушевился. – Вы думаете, что попали в некую страшную зону! А ведь вам, молодому журналисту, невероятно повезло! Сейчас, конечно, об этом рассказывать нельзя, но, может быть, через годы... Вы, можно сказать, прикоснулись к еще неведомому человечеству чуду. Единственный в мире мощнейший подземный реактор! Подземная атомная станция! Уникальные сооружения!

Вот этого я не знал. Атомная станция! Значит, все здесь автономно, и энергия здесь своя, питает и производство и город.

Полковник подошел к окну, отдернул штору.

– Знаете, я мечтаю о том, времени, когда там, на горе, будет поставлен памятник солдату-строителю. Его руками, его трудом здесь все создано – и город, и уникальное производство.

– На горе не устоит, товарищ полковник, грунт ненадежный, может обрушиться, а потом отвалы закроют, – обнаглел я. – Лучше уж на «девятке», и высоко, и безопасно.

– Намеряете на жертвы? – сощурился он. – Да, людей погибло немало. Но ведь в присяге сказано: «А если потребуется, то и отдать жизнь...» А жизнь отдают не только в бою. Хотя, как я уже говорил, идет необъявленная война. Наши войска были созданы в 1947 году по личному приказу Сталина. Курчатов испытал атомную бомбу только через два года, но уже было ясно, что дело нужно ставить на серьезную промышленную основу. Особенно после того, как американцы демонстративно, явно угрожая нам, сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Заключенным такую важнейшую задачу нельзя было доверить. Так появились наши части. Боевых офицеров пришлось учить азам строительного дела. А они брали Варшаву, Будапешт, Прагу, Берлин. Танкисты, артиллеристы, летчики... Герои, в орденах и медалях. А тут тайга, котлованы, стройка, сначала командовали заключенными, потом пришли солдаты, военные строители. Некоторые из офицеров не выдерживали, стрелялись... Ну и спивались... И такое было.

– Почему было? – едва не вставил я, но вовремя спохватился.

– Конечно, нам нехватает людей с культурным багажом. Система закрытая, – продолжал Федорчук. – Поэтому мы рады каждому культурному человеку, попадающему к нам. А вы замкнулись, ушли в себя, обиделись на власть нашу, на государство. Стыдитесь! Сын офицера-фронтовика, вы презираете своих командиров, а, стало быть, и своего отца.

– Не надо про отца, товарищ полковник! – попытался запротестовать я.

– Нет, надо! – отрезал Федорчук. – Я понимаю, что вам неприятно. Да, полковник Янчук не читал Куприна, но и вы меньше всего напоминаете поручика Ромашова.

– Ну не мог же я вызвать на дуэль старшину Задыбу!

– Конечно, дуэль с Задыбой у вас вряд ли получилась бы. Но вы же умнее, культурнее во сто крат этого темного старшины. И на что хватило вашей культуры? На элементарный мордобой?

Можно было, конечно, попытаться поспорить о пользе мордобоя в некоторых случаях, но в моей ситуации это было небезопасно, и я смолчал.

– Ладно, – сказал полковник, – перейдем к главному. В 1967 году исполняется двадцать лет со времени создания наших частей. Юбилей! Мы не можем пригласить человека со стороны, литератора, журналиста, чтобы он написал книгу – очерк истории наших военно-строительных частей. А вы член Союза журналистов, человек пишущий, творческий. Вполне возможно, что эту работу мы поручим вам. Как вам такая перспектива?

– Какая книга, товарищ полковник? – искренне удивился я. – Такие объекты, такая секретность!

Федорчук кивнул:

– Конечно, есть военные и государственные тайны, не подлежащие разглашению. Но и книгу такую, товарищ рядовой, можно написать с учетом этих обстоятельств. Мы подсказем, как это делается. Кроме того, наши солдаты построили немало вполне известных сооружений. Вот об этом можно побольше... Впрочем, эту работу мы вам поручим не сразу. Мы уже немало знаем о вас, но еще проверим, в том числе и родню вашу если не до десятого колена, то в любом случае весьма основательно. Это – во-первых. А во-вторых, вы должны зарекомендовать себя с лучшей стороны здесь, в нашей «Восточной конторе». И для этого вам здесь предоставляется серьезное поле деятельности. У нас большое число несчастных случаев на производстве, гибнут люди. И заболеваний со смертельным исходом немало только потому, что не соблюдаются правила безопасности. Нужно наладить выпуск ежемесячного бюллетеня по технике безопасности. Чтобы эта газета висела во всех ротах всех частей Управления. Газета будет печататься в краевом центре в типографии «Красноярского рабочего». Но это временно. Вы составите план организации небольшой типографии здесь, в зоне. Оборудование, штат... А то ведь до чего дошло – бухгалтерские ведомости и разные бланки заказываем в краевой типографии.

– Но нужны специалисты, наборщики, верстальщики, линотиписты, – пробормотал я в полнейшей растерянности.

– Объедете все части, опросите людей, на десять полков наверняка найдется пятерка бывших типографских рабочих. Одним словом, – Федорчук взглянул на часы, – будем

заканчивать. Справитесь с заданием – к Новому году переведем вас в Москву. Будете там работать над историей наших частей. И получите разрешение на продолжение учебы заочно в университете в Минске. И самое последнее. Больше с вами никто никакой воспитательной работы вести не будет. Если вы себе позволите хотя бы что-то похожее на те фокусы, которые вы тут выкидывали, выпивки, самоволки, неподчинение командирам и прочее, с вами поступят так, как должны были поступить уже сегодня, – отдадут под спецсуд по полному списку ваших проступков. Есть вопросы?

– Но, товарищ полковник, – прошептал я вдруг севшим голосом, – солдату срочной службы учиться в гражданском вузе даже заочно запрещено.

– Это смотря кто и где служит! – усмехнулся Федорчук. – В нашей Системе все определяем мы сами – что и кому можно. И наше решение – это приказ для всех остальных, в том числе для министерства высшего образования. Еще вопросы? Тогда желаю успеха. У вас на всё полгода. И помните: я за вас поручился перед командованием Управления. Подведете меня – не сносить вам головы.

Он протянул мне руку:

– До встречи в Москве, наш будущий Карамзин... Или Ключевский? Вам, собственно, кто из них больше по душе?

– Ключевский.

– Это почему же?

– Если разрешите, товарищ полковник, я в Москве вам это объясню. У вас сейчас времени мало.

– Времени действительно в обрез, – он прищурился, как бы заново приглядываясь ко мне. – Ну что ж, я подожду.

«Восточная контора» и система

Я не сдержал слова и не объяснил в Москве полковнику Федорчуку, почему предпочитаю Ключевского Карамзину. А он не напомнил. Причина же заключалась в том, что Василий Осипович, в отличие от добросовестного летописца Николая Михайловича, был мыслителем-провидцем. Блестящий лектор, необычайно щедрый человек, он разбрасыв-

вал свои мысли, и слава Богу, что нашлись умные студенты и немало за ним, как Эккерман за Гете, записали в свои конспекты. Одну такую студенческую запись я себе в тетрадь перенес: «Запомните, что русский мужичок – это олицетворение любви к самодержавию и православной церкви – талантливо обманет и то и другое, но еще лучше и талантливей обманет он пришедший им на смену социализм».

Прогноз, как мы теперь можем засвидетельствовать, полностью, в обеих своих частях, сбывшийся. Не думаю, чтобы эта цитата (как не оценить, что сказано было в 1890 г., задолго до всех революций) понравилась бы полковнику Федорчуку. Впрочем, полковник был человек умный и, возможно, не подал бы виду. Хотя мне, как будущему историку и певцу военно-строительных подвигов, конечно же, не стоило вдохновляться таким пессимистическим высказыванием Ключевского о русском народе.

Но что бы ни думал автор знаменитого «Курса русской истории» о моральных качествах своего народа, то, что сделали военные строители в Советском Союзе с конца 1940-х годов, безусловно, требует своего историка. И я постарался... Другое дело, что от того, что было написано за полтора года московской службы, три цензора – Минобороны, КГБ и Средмаша – оставили небольшую книжицу, напечатанную в 1966 г. в типографии Московского военного округа «Красный воин» и получившую соответствующее название – «Славные традиции». Под твердым переплетом с профилем Ленина на фоне башенных кранов уместилось всего семьдесят страниц. Это все, что осталось от почти трехсотстраничной рукописи. И сама рукопись и подготовительные материалы были уничтожены, о чем капитан Котов из спецчасти Московского управления составил соответствующий акт. Капитан Котов выдавал мне для работы пронумерованные и проштемпелеванные большие обложки тетради, из которых я не имел права выдрать ни одного листа. Черновые записи сжигались им лично, о чем составлялся также соответствующий протокол.

Не знаю, кому из историков приходилось работать под столь жестким контролем. Но зато и узнал я немало о Системе и поездил по стране, повидал такое, что ни в каких

снах не увидишь. Сначала несколько слов об истории Красноярска-26. Его настоящее название – Железногорск – я узнал еще в учебной роте от сержанта Шумратова. Но были в ходу и другие названия – Додоново, от села, недалеко от которого расположен город, и «Восточная контора» – его я впервые услышал от полковника Федорчука. Сегодня Железногорск достаточно известен, перестройка и гласность, а затем последующие годы многое рассекретили. Но в те далекие времена, о которых пишу, люди произносили это слово шепотом и с оглядкой.

Строительство Горно-химического комбината с конца сороковых годов возглавлял ближайший родственник Берии генерал Николай Эсакия, что вполне понятно, если не забывать, что сам Лаврентий Павлович по личному поручению Сталина курировал все работы по созданию атомного оружия. Комбинат строили под землей, в горе, – на случай атомной войны. Грунт поначалу выбрасывали в Енисей. Возмутились речники: русло стало узким, пароходы не могли выгresti против течения. Тогда стали делать отвалы на горе, что немедленно было зафиксировано американскими спутниками-шпионами. ЦРУ очень быстро вычислило характер стройки, и когда был пущен реактор «Голос Америки» поздравил генерала Штефана с этим замечательным событием.

Поначалу на объекте работали 65 тысяч заключенных, потом их сменили солдаты, масштабы строительства были громадные, потому и солдатская сила требовалась значительная – не менее 100 тысяч военных строителей работали здесь уже в 1953 году. Обнесли колючей проволокой территорию в 131 квадратный километр, стал быстро расти город. Места по красоте необыкновенные. Не случайно на противоположном берегу, в селе Атаманово, сразу после войны Иван Пырьев снимал знаменитый фильм «Сказание о земле сибирской». С Дружниковым, Ладыниной, Борисом Андреевым, Верой Васильевой. Давно уже впору снимать на другом берегу вторую серию, что-нибудь вроде «Сказания об Атомграде». При хорошем, главное, правдивом сценарии картина может стать бестселлером.

Кроме Горно-химического комбината, вырабатывавше-

го оружейный плутоний, уже в самом городе возвели корпуса Научно-производственного объединения прикладной механики (поначалу оно было филиалом КБ, возглавлявшегося знаменитым конструктором Королевым) и завод «Красмаш», на котором наладили производство спутников-шпионов, баллистических ракет для подводных лодок и спутников связи. В начале 1960-х годов в город приехало много молодежи – талантливых физиков, химиков, инженеров. Они составили здешнюю техническую элиту. Физика, в особенности атомная, была в моде, о чем свидетельствовал популярнейший фильм Михаила Ромма «Девять дней одного года», в котором с таким блеском играли молодые Смоктуновский и Баталов.

Но в отличие от киноромантиков от науки, неистово споривших о «пользе атома» и будущем человечества, в Красноярске-26 все роли были расписаны четко. Солдаты поначалу проходили по штатам Средмаша как «рабочие военного призыва» (это для того, чтобы не раздувать и без того колоссальные по численности Вооруженные Силы СССР и тем самым не пугать Запад), потом их передали Министерству обороны, но с прежним подчинением Средмашу. Средмашевские рабы строили и комбинат и город, вели выработку урановой породы. Офицеры, державшие в узде дармовую рабочую силу, были кадрами Минобороны. Гражданские специалисты занимались эксплуатацией объектов, работали на реакторе и атомной станции, на «Красмаше» и в НПО прикладной механики. Охрану объектов несли и КГБ, и Минобороны, и спецчасти МВД.

Когда Хрущев лупил ботинком по трибуне в ООН, он знал, что делал. Как и тогда, когда обещал показать проклятым империалистам «кузькину мать». Спрятанный в горе у Енисея комбинат за короткое время наспиговал бомбы плутонием на сто лет вперед. Можно было взорвать всю Западную Европу, от нее просто не осталось бы следа. Если бы, конечно, не США... Сознание, что «мы можем их стереть в порошок», прибавляло наглости Никите Сергеевичу и на встречах с американцами.

И вот прошло сорок лет... Бериевский родственник ге-

нерал Эсакия перевернулся бы в гробу, если бы узнал, что сегодня комбинат сотрудничает с ведущими американскими ядерными лабораториями, в том числе с Ливермором, где делали до недавнего времени нацеленные на СССР атомные бомбы. Американцы в Красноярске-26 – это круче любого фантастического боевика! Но это так. Русские и американские ученые сегодня совместно строят оптимальные тигели, ищут состав специального стекла для захоронения отходов ядерного топлива. Жгучая проблема, между прочим, для сегодняшнего Железногорска.

Да что там генерал Эсакия, бериевский ставленник! Наши генералы Лавазов и Штефан, глубокие старики, если они живы сегодня, могут повредиться в уме, ежели им скажут об американцах, запросто разгуливающих по *их* комбинату. А начальник режимного управления КГБ майор Сицко просто застрелился бы.

Красноярск-26 был крупнейшим из целой серии секретных, наглухо закрытых городов СССР. Эти «города Зеро», находившиеся в разных концах Союза, были связаны между собой производственными, техническими, научными нитями. Челябинск-86, Подольск-32, Арзамас-16, Приозерск, Шевченко... «Блаженные острова коммунизма» (выражение писателя Владимира Тендрякова, не имеющее, правда, непосредственного отношения к этим городам), если иметь в виду снабжение, магазины, зарплаты, они были высочайшими по техногенному потенциалу центрами. Но то, что вся эта научно-техническая мощь была возведена на солдатских костях и крови, – об этом до сих пор упоминать не принято. Может, и потому, что строили, особенно в 40-е – 50-е годы, так, как шли в атаку в первые месяцы войны с гитлеровской Германией, – с винтовкой Мосина против танков. Какая там техника безопасности? Какая там радиационная опасность? Вождь всего прогрессивного человечества требовал, чтобы атомная бомба была поставлена на поток, ему нужно было много, как можно больше бомб. И, естественно, средств их доставки – баллистических ракет. Ну и последыши Иосифа Виссарионовича в этом деле не отставали. Догнать и перегнать Америку – это был призыв, на котором мы надорвали себе пуп не толь-

ко в экономике (до сих пор помнится карикатура из журнала «Крокодил» с подписью: «Держись, корова из штата Айова!»), но и в производстве ядерного вооружения. Страна работала не на себя, не на благополучие народа, а на будущую и, может быть, весьма близкую по времени агрессию.

Прав был полковник Федорчук: шла необъявленная война. Мы проиграли. СССР развалился. Мы говорим о жертвах, оказавшихся под обломками рухнувшей империи, – русских, ставших заложниками суверенных национализмов на окраинах, враз обнищавших пенсионерах, семьях, едва сводящих концы с концами... Не забудем об Афганистане и Чечне. Но кто помнит о том, что задолго до имперского краха произошла «тихая гибель» тысяч военных строителей, солдат, брошенных на опаснейшее дело, – сооружение секретных объектов с высоким уровнем радиоактивности?

Когда в Ужуре (юго-восточная Сибирь) посреди ледяной степи с диким ветром, на почти 40-градусном морозе, выгрузили из машин солдат и приказали, не имея никакого жилья, только ветхие палатки, немедленно приступить к рытью шахт для ракет, которые после Карибского кризиса убирали с Кубы и размещали не только в Польше и ГДР, но и частично в сибирской глубинке, поближе к границе с Китаем, народ взбунтовался. Вызвали «краснопогонников», окружили бунтовщиков и пригрозили расстрелять всех, «кто не понимает, что такое воинский долг».

Военные строители, эти забытые новейшей историей рабы Системы, были великолепными специалистами по возведению объектов, связанных с атомной промышленностью и энергетикой. Поэтому их использовали всюду, на самых разных стройках. В 1954 г. на весь мир раструбили о пуске в Обнинске под Москвой первой в мире атомной электростанции. Но нигде не было сказано и до сих не говорят, что ее построили солдаты. Гордость советской ядерной физики Дубна – это тоже дело рук военных строителей. В дубненском Объединенном Центре ядерных исследований они возвели сложнейшее сооружение – синхротрон с ускорением протонов в 10 миллиардов электро-

новольт. Ускоритель запустили в 1957 г., тогда он считался самым мощным в мире. Но научный прогресс требовал новых мощностей. Поэтому в 1960 г. под Серпуховом (поселок Протвино) на базе академического Института физики высоких энергий развернулось строительство мощнейшего протонного синхротрона в 70 миллиардов электроновольт. Он в семь раз превосходил дубненский синхрофазотрон и был в два с лишним раза мощнее синхротрона Брукхейвенской национальной лаборатории США, а также построенного близ Женевы ускорителя, принадлежащего Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН).

Я прошел по этому полуторакилометровому железобетонному туннелю, когда стройка еще была в разгаре. Ошеломлял своим пространством грандиозный экспериментальный корпус. Его свод из перекрытий в 95 метров не имел ни одной внутренней опоры. Сюда сквозь стальные жерла в стенах должны были врываться пучки ускоренных частиц, и нужно было абсолютно свободное пространство для маневра аппаратуры, несущей материалы, подвергающиеся бомбардировке.

Новосибирский Академгородок, химический комбинат в узбекском Навои, атомные опреснительные установки на каспийском Мангышлаке, Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат – все это никакие не ударные комсомольские стройки. Основная ударная сила была там одна – солдаты Средмаша. Их участие в строительстве и таких гражданских объектов как корпуса Московского государственного университета имени Ломоносова на Ленинских горах, Братской и Красноярской ГЭС и даже шикарных правительственных санаториев на южном берегу Крыма было основным. Одним словом, без военных строителей не было бы в СССР ни крупных учебных и научно-исследовательских центров, ни новых промышленных городов и электростанций, не говоря уже о предприятиях, связанных с производством атомного оружия.

Любопытно, что использование дармового солдатского труда имело в Советском Союзе свою традицию. В начале 1920 г., когда Советы получили небольшую передышку

в гражданской войне, в решениях IX съезда РКП (б) было записано: «Использование военных частей для трудовых задач имеет в равной мере практически-хозяйственное и социалистически-воспитательное значение». Появились так называемые «трудовые армии». Они заготавливали дрова, разгружали вагоны, ремонтировали железнодорожные пути. А когда Антанта снова двинулась на «молодую Советскую республику», трудовые армии перешли на боевое положение. Просто и удобно. Сегодня воин размахивает кайлом, завтра берет винтовку. Председатель Реввоенсовета Троцкий весьма одобрял эту систему.

За десятилетия Система усовершенствовалась. Средмаш превратился в своего рода государство в государстве. Развитие атомной промышленности и энергетики было невозможно без рабского, солдатского труда. Гонка вооружений, в которой Советский Союз изнемогал и в результате которой рухнул, требовала все больших средств и военно-строительной силы. Но уже к началу 1980-х годов Система стала давать сбои. Как в Римской империи, рабский труд стал невыгоден. Пошла разрядка, а за ней разоружение. Американцы остановили 14 реакторов по выработке оружейного плутония, последний закрыли в 1992 г. В Советском Союзе тоже остановили два реактора. Но третий, самый мощный, в той же «Восточной конторе», пашет с прежним упрямством. Склады забиты плутонием. Железногорский реактор давно должны были заглушить. Но штука в том, что к нему подключена атомная станция, дающая городу свет и тепло. Такой вот заколдованный круг. Американцы дают 300 миллионов долларов на решение проблемы, но Россия впервые не берет «халяву», потому что не знает, что с нею делать. Штаты побаиваются, что русские начнут продавать этот страшный товар «оси зла» – Ираку, Ирану, Северной Корее...

Такие бы запасы плутония да нашему белорусскому царьку, уж он бы знал, как им распорядиться. Уж он бы не оплошал, пригрозил бы всем супостатам и врагам своим. Ну и, конечно, толкнул бы на восточный рынок такой ходкий товар. Под вой и вопли и Брюсселя и Вашингтона, на которые ему давно наплевать.

Ну а «Восточная контора» и сегодня тем не менее живет неплохо. Комбинат построен с большим запасом свободных мощностей. От желающих поступить на работу нет отбоя. В последние годы там разворачивается исключительно важное для России дело: производство монокристаллического кремния, без которого невозможны компьютерные чипы. За 48 часов удается вырастить кристалл в 48 килограммов. Кремний заказывают Индия и Чехия. Но основной потребитель – Министерство обороны России, не без оснований опасющееся «закладок» в импортной электронике.

Кое-что о современном Железногорске сегодня можно узнать из Интернета, город имеет свой сайт. В имеющейся на нем «Краткой истории города» говорится, что «Красноярск-26 создавался в 50-е годы как центр оборонного значения, деятельность которого должна была обеспечить потребность государства в оружиином плутонии». Но кем создавался? Кто построил это «единственное в мире производство такого масштаба и технологической сложности, которое было размещено в подземных выработках»? Есть такая фраза: «Силами городских строителей были возведены все объекты, являющиеся предметом гордости, как на территории г. Железногорска, так и за его пределами». Но что этими «городскими строителями» были десятки тысяч солдат – об этом ни слова. Хотя никакой тайны здесь давно нет.

В общем, подвиг военных строителей не живет в веках. Точнее, память о нем не живет. Я рассматриваю размещенные на том же сайте фотографии с видами города, узнаю знакомые места, улицы, здания. Увы, нет в Железногорске до сих пор памятника солдату-строителю, о котором мечтал полковник Федорчук. Иногда мне кажется, что я хотел бы побывать там спустя почти сорок лет. Но, несмотря на все демократические преобразования последних лет, доступ туда по-прежнему непросто. Нужна масса документов, согласований и проч. Не случайно у Железногорска особый статус ЗАТО – «закрытого административно-территориального образования». А вход в гору контролируется несколькими КПП разных силовых ведомств. Говорят, что в годы перестройки кто-то предложил переименовать го-

род в Заколочинск, имея, конечно, в виду его обнесенность проволокой. Не прошло предложение. Хотя по сути было бы правильно.

Впрочем, нет, по совести говоря, меня не тянет туда. Я даже в снах не вижу зону. Разное вижу, а зону – никогда. Может быть, потому, что слишком мрачны мои воспоминания об «Атомграде», слишком много было пережито тяжелого. В том числе и за те полгода, что дал мне полковник Федорчук.

Поиски собратьев

Сразу же после встречи с полковником Федорчуком в моем положении стал происходить «ряд волшебных изменений». Для начала меня перевели из «полусотки» в специальный батальон, входивший в состав полка, солдаты которого работали на монтаже в шахте и на стройках в городе. Полк стоял буквально рядом с Управлением военно-строительных частей, и это было важно, потому что в спецбатальоне служила служба управленческого начальства – водители, портные, сапожники, сантехники, мастера-ремонтники. Сюда же входил комендантский взвод и художественный ансамбль, в котором, помимо оркестра, были и певцы, и танцоры. Житье мне определили в казарме комендантского взвода, что вызвало неудовольствие его командира, самодовольного циника капитана Воронова. Он почему-то решил, что я буду согладатаем и доносчиком «в верхах» обо всем, что делается в его взводе. И чтобы «поставить на место этого непонятно чем занимающегося солдата» сразу предупредил, что хотя за мной и не закреплен карабин, как за всеми «комендантскими», но вставать по тревоге я должен со всем взводом каждый раз, а также совершать ночные кроссы.

– Ты должен понять, что это подрыв дисциплины: все поднимаются по тревоге, а один солдат продолжает лежать.

Памятуя о «наказе» полковника Федорчука, я решил не кофликтовать с Вороновым и сообщил ему, что прошел хорошую школу по части ночных тревог у капитана Артемко.

– Ну тогда у нас с тобой не должно быть проблем! – ослабился командир взвода.

Но особенно настороженно восприняли мой приход солдаты-комендантцы. Я уходил утром, возвращался вечером, нередко после отбоя, о том, чем занимался, не распространялся, вообще держался особняком. Они шарили у меня под подушкой и матрацем, в тумбочке (потом я узнал, что искали пистолет, поскольку о роде моей службы среди них ходили самые невероятные слухи). Однажды сержанты организовали выпивку в каптерке и пригласили меня, явно с намерением «расколоть», но я отказался, и это еще больше восстановило «комендантских» против меня.

Между тем карьера моя набирала сказочные темпы. Меня зачислили инструктором политчасти УВСЧ и выделили на задах управленческого корпуса маленькую комнату, куда начальник ХОЗУ старшина Савостин втащил письменный стол и железный сейф, прибавив при этом, что еще одним бездельником на его голову стало больше. Моим непосредственным шефом стал заместитель начальника политчасти управления майор Макаров. Первым делом он решил испытать мои литературные способности. Дал два малограмотных, корявых текста и попросил сделать «литературную обработку». Я убрал явную неграмотность, расставил привычные газетные штампы. Макаров остался доволен.

Нужно было набирать авторский актив для бюллетеня, который не мудрствуя назвали «Военный строитель», и одновременно искать специалистов типографского дела. Разумеется, я договорился с гражданским инженером по технике безопасности Алексеем Головановым. Он был всего на четыре года старше меня, и мне с ним было легко, хотя в большие откровенности мы не пускались. Алеша познакомил меня со своей начальницей Региной Николаевной Таюрской, умной и весьма деловой дамой. Таким образом, двух будущих авторов бюллетеня я уже имел. Но нужно было, помимо отдела по технике безопасности при управлении комбинатом, иметь авторскую опору в каждом из десяти полков. Конечно, ее могли составить прежде всего студенты. Ну не один же я попал со студенческой скамьи

в зону! Хотя и в «двадцатке» и в «полусотке» мне студенты не попадались. Впрочем, иногда доходили слухи, что вот в такой-то части есть «тоже студент». Сведения, как правило, были глухие, неопределенные. Но я начинал волноваться, мне хотелось увидеть «собрата по несчастью», познакомиться, поговорить.

Разумеется, читатель может усмехнуться по поводу этой очевидной натяжки, но много позже, работая над книгой о декабристах, я по-особому воспринимал те страницы их сибирской переписки, на которых они сообщали, кто и где оказался на поселении, в каких условиях и проч. Эта давняя тяга друг к другу интеллигентных, образованных людей, оказавшихся в неволе и страдавших от одиночества, стремившихся наладить «мосты» на немалых сибирских расстояниях... Правда, в моем случае расстояния были минимальны, но проблема заключалась в другом: в отличие от декабристов, я ничего не знал вообще о людях, которые могли быть мне близки, не знал, есть ли они в зоне. Впору было повторить за Маяковским: «Я одинок, как последний глаз у идущего к живым человека».

– Вот что, – сказал Макаров, – мы дадим тебе машину, объедешь части и постараешься выявить нужных людей. Одно плохо, что ты рядовой. Уважать тебя не будут солдаты. Надо бы тебя в школу сержантов послать на подготовку, но времени нет.

В общем, дали мне звание младшего сержанта, минуя ефрейторское. Это событие произвело шок в комендантском взводе, где почему-то в основном служили украинцы, весьма ревностно относившиеся к получению лычек. В особенности негодовали старослужащие, так и не выбившиеся даже в ефрейторы на третьем году. А тут фраер полгода всего прослужил и уже младший сержант!

И это было одной из причин, почему они хотели заложить меня. Однажды им это едва не удалось. Несмотря на предупреждение полковника Федорчука, я по-прежнему «позволял себе» по части употребления спиртного. Тем более – появились друзья, о чем чуть ниже, ну и возможности соответствующие в связи с новым моим положением. Комендантские не раз наблюдали, как после отбоя я воз-

вращался в казарму «под газом». Но все было, что называется, в пределах нормы. А как-то ужасно не повезло, видимо, закуска оказалась дрянная. И вот ночью я не мог удержаться, и выпитое и съеденное вырвалось, да прямо поверх одеяла! Дневальный заметил и пошел будить замкомандира взвода, старшего сержанта Пилипенко. У меня было не более двух минут. Когда Пилипенко с дневальным подошли к моей койке, я лежал, скорчившись и дрожа от омерзения, под перевернутым одеялом. «Перевернул одеяло! — хмыкнул Пилипенко. — Ну пускай лежит в дерьме до подъема! Ты с него глаз не спускай!»

Но дневальный то ли закемарил где-то, то ли куда-то отлучился. Как только я заметил, что его нет, мигом смотал в клубок простыни и одеяло и выскочил из казармы. Был то ли четвертый, то ли пятый час утра. На стадионе части был бассейн, и я залез в него со всеми шмотками. Вымылся, выстирал и простыни и одеяло, но куда ж было со всей этой мокрой грудой, да еще самому в мокрых трусах и майке идти в казарму и укладываться на койку? Но ангел-хранитель в который раз распростер надо мной свои крыла. Я увидел, как приоткрылась дверь вещевого склада, и оттуда нетвердой походкой вышел Гриша Мещеряков, вольнонаемный, заведовавший этим складом. С вечера он, как обычно, надрался, но не решился пойти домой и остался ночевать «по месту службы». А сейчас его прижало по нужде. Конечно же, Гриша, с которым мы были в прекраснейших отношениях, выдал мне чистенькие простыни, новое одеяло, трусы и майку, забрав всю мокрень.

Отвлечь дневального, который засел в канцелярии и что-то читал, широко открыв дверь комнаты, чтобы просматривался проход казармы, было делом элементарной техники. Я постучал в окно канцелярии, и когда дневальный вышел посмотреть, в чем дело, проскользнул в казарму, в секунду растелился и залег с колотящимся сердцем.

За пять минут до подъема у моей койки сгрудилось все взводное начальство. Это был час моего торжества! Я поднялся лениво, изображая удивление по поводу такого усиленного внимания к своей особе. Дневальный божился, сер-

жанты матерились. Пилипенко щупал простыни и, наконец, сформулировал:

– Больно простыни чистые, а баня еще только через два дня... И морда у тебя зеленая...

Конечно, я не удостоил эти речи комментария. Хотя уже с губ готовилось слететь: «Мыться надо чаще!» Пронесло.

На «газике» с дежурным водителем управления я начал объезд частей. Приезжал, как правило, в выходные, заранее оповестив начальство телефонограммой. Роты выстраивались в казармах, и я выкликал наборщиков, верстальщиков, линотипистов. А есть ли студенты – спрашивал позже у ротного командира. Начал, натурально, со своего полка. В шестой, «сторожевой» роте (о «сторожах» расскажу попозже), из строя вышел высокий, бледный, худой парень – симпатичное интеллигентное лицо, умный взгляд светлых глаз. Юра Гаврилов, наборщик газеты «Известия» и студент-вечерник исторического факультета Московского университета. Будущий единственный по-настоящему друг мой на много лет, которого любил, с которым узнал и счастье и драму мужской дружбы.

... Пройдет полгода, и в Москве я войду в квартиру его тещи, писательницы Инны Густавовны Варламовой (Ландау), изумительной женщины с подлинным французским шармом (недаром ее дед был французом), «подписантки» множества петиций в защиту диссидентов, преследовавшихся властью и в те и в более поздние времена. Мы подружимся. И с той поры возникнет в моей жизни цепь встреч и знакомств с замечательными людьми. С Эммой Григорьевной Герштейн, литературоведом, исследовательницей Лермонтова, близкой подругой Ахматовой и Мандельштама, с Надеждой Яковлевной Мандельштам, вдовой знаменитого поэта, женщиной трагической судьбы и пристрастной мемуаристкой (как жаль, что они, Эмма и Надя, – так называли их в близком дружеском кругу – так круто разошлись в конце жизни), с блестящей Натальей Александровной Роскиной, дочерью известного довоенного крити-

ка и чеховеда, последней любовью Николая Заболоцкого. Наталья Александровна была прекрасным знатоком истории русской литературы XIX – начала XX веков, подготовила издание полного текста недавно вышедших дневников А.С.Суворина, она подарила название подготовленного мною двухтомника «Писатели чеховской поры», который выпустило московское издательство «Художественная литература» в 1983 г.

Не забыть и встреч и бесед с другими друзьями Инны Густавовны – строгим шекспироведом Александром Абрамовичем Аникстом, сердечным и умным публицистом, прошедшим сталинские лагеря Владимиром Яковлевичем Канторовичем (Юра, которого старик любил, называл его Кант) и, конечно же, с неутомимым борцом за справедливость и права человека, другом академика Сахарова и Генриха Бёлля, блестящим германистом Львом Зиновьевичем Копелевым (Рубиным в солженицынском «Круте первом») и его женой Раисой Давыдовной Орловой, замечательным знатоком американской литературы (спустя несколько лет их лишили советского гражданства).

Аникст жил на одной площадке с Инной Густавовной, Эмма Григорьевна двумя этажами выше, квартира Копелевых была на первом этаже, а Канторовичи жили в соседнем подъезде. Так памятна мне улица Красноармейская, район метро «Аэропорт», где в середине шестидесятых годов были выстроены для московских писателей рядом, буквой «П», три громадных кооперативных здания. До сих пор думается, что так «кучно» поселили писателей не только из желания содействовать их общению, но и чтобы легче было присматривать за ними. А работы у «органов» хватало, набирало силу правозащитное движение, шли громкие судебные процессы (их череду открыло дело Синявского и Даниэля), в писательской среде ходили «недозволенные» книжки, изданные на Западе, разная «диссидуха». Телефоны, естественно, прослушивались. Инне Густавовне привезли с Запада игрушку – «уоки-токи», домашнюю телефонную систему, и я тянул провод из ее окна через балкон к Копелевым, таким образом надеялись избежать подслушивания разговоров хотя бы между двумя квартирами.

Всех этих людей, и самой Инны Густавовны и ее друзей, уже нет в живых. Минувшим летом ушла недожившая всего год до своего столетия Эмма Григорьевна, успев выпустить книгу бесценных воспоминаний о Мандельштаме, Ахматовой, своей собственной жизни.. Конечно, надо бы рассказать о встречах с этими интереснейшими людьми. Как и о том круге московских знакомств, который я установил самостоятельно. О встречах в Столешниковом переулке, на квартире Гиляровского, у зятя «дяди Гиляя», члена-корреспондента Академии художеств Виктора Михайловича Лобанова, с Ираклием Луарсабовичем Андрониковым, с автором книг о Пушкине и декабристах, бывшим думским репортером газеты «Русское слово» Арнольдом Ильичом Гессеном, с известным книжником, писателем Евгением Осетровым. О поездках в Переделкино на дачу Корнея Ивановича Чуковского, которому я еще школьником, в 1959 г., послал письмо с разными «умными» литературными вопросами и получил большой ответ и даже своего рода благословение на литературную стезю. А уж тех людей, что я перевидал в «чуковском» доме, невозможно и перечислить.

В поисках материалов для дипломной работы о Владе Дорошевиче я работал в Ленинской библиотеке на Калининском проспекте (возвращено старое название Воздвиженка), в ее газетном корпусе в Химках, в Публичной Исторической библиотеке в Старосадском переулке, и Корней Иванович, зная об этом, загружал меня своими библиографическими поручениями. И как он бывал недоволен, когда я что-то не успевал выполнить. Никакие отговорки, вроде того, что я все-таки солдат срочной службы, не принимались.

– Я – старик, переживший три революции и четыре войны, и не вам жаловаться мне на тяготы жизни, – как-то услышал я от него.

С революциями я разобрался. Но четыре войны? Две мировых – это было понятно. Получалось, что две остальные – это войны с Японией 1904 г. и с Финляндией 1939 г. Их К.И., видимо, зачислял в свой жизненный «актив» как человек, более чем равнодушный к судьбам России.

Однажды я сподобился лицедреть Солженицына, жившего – уже наступили времена гонений на него, и он вынужден был оставить гостеприимную дачу покинувших страну, опальных Шостаковича и Вишневской – во флигельке во дворе дачи Чуковского, маленьком домике, где обычно работала дочь К.И., Лидия Корнеевна. Клара Лозовская, секретарь Корнея Ивановича, попросила меня:

– Отнесите суп Александру Исаевичу. Он обычно готовит сам, но сейчас ему хорошо работается, и я подозреваю, что он голоден.

Солженицын сидел над рукописью, не оборачиваясь, буркнул:

– Поставьте туда.

Я поставил тарелку на край стола и чуть ли не на цыпочках – бог работает, автор «Одного дня Ивана Денисовича»! – удалился.

Эпизод, разумеется, не тянет на мемуары «Мои встречи с Солженицыным». Хотя деталь по-своему любопытная. Но ведь было много других интереснейших встреч и бесед. Надо бы рассказать... Если достанет сил и времени. Воспоминания, кстати, необязательно жанр глубокой старости. Но пока есть другие замыслы, представляющиеся более существенными. Вот и до «Записок военного строителя» я добрался только сейчас. И то случайно. Поминали мы одного хорошего человека, о разном говорили, я стал «травить» про свое армейское, а бывшие свидетелями тому Петр Марцев и Александр Федута стали подначивать: вот так, мол, и следует написать об этом, как рассказывается... Вот и пишу.

... С Юрой мы сошлись мгновенно и с первых дней, что называется, не могли насытиться друг другом. Говорили обо всем – о писателях и книгах, о политике, спорили на философские и исторические темы. И хотя Юра иронизировал над моей склонностью к некоторым позитивистским построениям, очень быстро выяснилось, что оба мы достаточно критически, вполне в диссидентском духе настроены к советской власти. Обстоятельство, сильно способствовавшее нашему сближению.

Юра подсказал, что в четвертой роте нашего же полка есть студент из пединститута, тоже москвич, Женя Фридман.

– Он там буквально задыхается, шпыняют его здорово «деды». А он поэт. Натура романтическая, до армии руководил студией юных стихотворцев при доме пионеров.

В общем, договорились мы Фридмана выдать за верстальщика.

– Я его обучу, когда придет оборудование, – сказал Юра. – А уж тексты строчить в бюллетень мы оба тебе поможем.

Естественно, в штат будущей типографии я зачислил Славу Голубчикова. Все-таки профессиональный корректор! Майор Макаров, правда, поморщился:

– Неужто, сам ошибки не выловишь?

На что я резонно ответил, что у меня без того хватает забот, а вот если бюллетень с ошибками будет – это в Москве сразу заметят. Упоминание о Москве мгновенно сняло вопрос о корректуре.

В Доме офицеров наскочил я на Витю Афанасьева, маленького белобрысого студента Суриковского института. В крохотной комнатенке, заваленной кумачом, бумагой, красками, Витя, одареннейший художник, писал разные лозунги и прочую идеологическую дребедень. Его я оформил как художественного редактора. А единственный линотипист отыскался в «двадцатке». Паша Горюхин заведовал там продовольственным складом и на мое предложение ответил отказом:

– Да я на гражданке металла нанюхался! Не пойду я в типографию! У меня и здесь погляди каково!

Поглядеть было на что. Склад Паши был продуктовым царством, воплощенной мечтой о коммунистическом изобилии. Колбасы, консервы, свежие фрукты, овощи... Паша собственноручно соорудил печурку и принимал рядом с ней особо почетных гостей. И как это славно было – пожарить на громадной сковороде картошку, смешав ее с великолепной китайской тушенкой из большой банки «Великая стена», посыпать свежим лучком, присоединить помидоры и огурцы и употребить все это под питьевой спирт

или польскую «Выборову», которой почему-то были завалены тогда зонные магазины.

И все-таки Паша сдался. Оказалось, что он писал стихи. Очень плохие. Но быть в компании со студентами, рассуждающими о литературе, ему было лестно и приятно. К тому же я убедил его, что покидать теплое место необязательно и работу в типографии скорее всего удастся совмещать с его складской должностью.

Вообще-то на типографских мне не очень везло, кроме Юры Гаврилова и Паши Горюхина, отыскать еще кого-то не удалось. Зато студентов прибавилось. В батальоне, что «тянул зону» (так назывались работы, связанные с установкой проволочной ограды), буквально загибались Игорь Кудинов и Борис Соколов. Первый был студентом-четверкурсником Московской консерватории, пианист, второй служил в театре Балтийского флота и учился в Киевском театральном институте. Игорь показал мне свои руки – в садах, порезах, мозолях, было ясно, что еще несколько месяцев работы с проволокой, и на карьере пианиста можно ставить крест. Борис напоминал типичного лагерного доходягу – исхудавший, беспрерывно кашляющий. Я пошел к Макарову, и Кудинова с Соколовым перевели в ансамбль. Не знаю, как сложилась судьба Кудинова. Вроде после службы он закончил консерваторию, а потом вернулся в Красноярск-26 и руководил там музыкальной школой. А вот Борис Соколов стал народным артистом России, сейчас он ведущий актер петербургского Театра имени Комиссаржевской, снимается в кино и на телевидении. Потом еще отыскились студенты, пишущие стихи, – Юра Литвиненко и Олег Едзаев.

Но тут уж Макаров воспротивился.

– Ну ладно, Соколов – артист, стихи читает на концертах, Кудинов на пианино играет. А что твои поэты в ансамбле будут делать? Бездельничать?

Но у меня уже был готов проект по части устройства поэтов. Без труда я доказал Макарову, что радиоузел Управления, по которому передают только официальные материалы, должен стать средством пропаганды передового опыта – можно передавать очерки о передовиках производ-

ства, стихи, которые пишут военные строители, – о Родине, о трудовых подвигах, ну и, конечно, о любви. Ну и о технике безопасности готовить передачи. А для всего этого нужен актив, люди с литературными способностями. Макаров сдался. Но восстал руководитель ансамбля старший лейтенант Калабушкин.

– На кой хрен мне ваши поэты сдались? Ни на репетициях, ни на концертах их не будет, а я за них отвечаю!

Пришлось убедить Калабушкина, что, во-первых, поэты могут использоваться как рабочая сила – грузить инструменты в автобус, когда ансамбль выезжает на концерты, вообще быть подсобниками при подготовке сцены, а потом, глядишь, и сценарий какой-нибудь приличный сочинят ко дню Победы или к какому другому торжественному дню. В общем, сложились круг, скажем так, интеллигентной публики. К тому же и в самом ансамбле нашлись интересные люди. Прежде всего москвич Толя Головков, великолепный саксофонист и певец, покоритель сердец зонных дам. Спусти много лет, в годы перестройки, он станет одним из ведущих публицистов гремящего тогда журнала «Огонек» (времена редакторства Виталия Коротича). Говорят, что сейчас он в советниках Путина по прессе.

Одним словом, культурная жизнь забила ключом. Соколову я надиктовал стихи полузапретных тогда, а уж в армии, ясное дело, неодобряемых Гумилева, Волошина, Цветаевой, он их выучил и читал на концертах и по управленческому радио, выдавая за произведения Блока, Есенина и даже Маяковского. Тоже было развлечение. Ну и, конечно, всех «своих» студентов я заставлял работать на бюллетень, сочинять материалы и заметки на темы передового опыта и техники безопасности. Кстати, и здесь мои ближайшие друзья, Гаврилов с Фридманом, однажды попытались поразвлечься и притащили мне материал об одном передовике производства, достаточно хитро замаскированный под пародию. Номер не прошел.

Вместе с Гавриловым мы составили список оборудования для небольшой типографии, после чего я записался на прием к генералу Штефану. Я понимал, что иду к «божеству зоны», к человеку, об инженерных и прочих талантах

которого ходили потрясающие слухи. К создателю «чуда в горе». Прием был более чем краток. В присутствии нескольких штатских и военных узколицы, худой, с короткой седой стрижкой генерал в течение минуты просмотрел протянутую ему бумагу, почеркал в ней и сказал:

– Я не думаю, что вам нужны две «американки». Достаточно одной. А вообще у моего заместителя полковника Шильцова есть каталоги более нового типографского оборудования. Посмотрите и представьте новый список.

Вот так оказалось, что генерал Штефан силен еще и по части полиграфии. Когда я выразил свое осторожное восхищение этим фактом перед полковником Шильцовым, тот сухо бросил:

– Да, генерал во многом разбирается.

И прибавил, пододвинув на столе толстенные, явно ограниченные, блестящие яркой краской издания:

– Вы полагаете, мы сами не думали об организации типографии? Вот и каталоги приобрели недавно... Да, полковник Федорчук говорил мне... Но еще нужно подумать. Есть проблемы. Оставьте вашу смету у меня.

И на этом дело с типографией заглохло.

Одним из центральных событий того периода было получение пропуска на право выезда в краевой Красноярск. Два скрепленных автомата и над ними бегущая лошадка – таким специальным штампом на пропуске было подтверждено мое право на выезд из зоны сроком до трех суток. Автобус без обозначения маршрута начинал свой путь от Управления комбината. Никаких билетов, никакого кондуктора. Мог сесть любой. Но на КПП при выезде был строжайший контроль документов с досмотром личного багажа. Помню сильное волнение, охватившее меня в первую поездку, когда зона осталась позади и автобус помчался по неширокой асфальтированной дороге, по обеим сторонам которой тянулись остатки когда-то мощной тайги. Свобода! Я за пределами зоны!

Красноярск мне не понравился. Если бы не широченный и красивейший Енисей, через который были переброшены внушительные мосты, город выглядел бы лишь скопищем случайной застройки, сочетавшей в центре тяже-

ловесный стиль советского классицизма сталинских времен с навалом «хрущоб» и дикого деревянного самостроя на окраинах. Десятки высоченных труб дымили над городом – работали знаменитые заводы, создавая тяжелую воздушную пелену.

Наша зона имела здесь свою достаточно уютную двухэтажную гостиничку, недалеко от которой в тихом переулке в известное только посвященным время дожидался своих пассажиров зонный автобус. На полиграфкомбинате народ быстро раскусил, откуда я приезжаю. Выяснилось, что само существование Красноярск-26 не было такой уж тайной для местных. Мне без обиняков дали понять, что скорость и качество выполнения заказа, печати бюллетеня, напрямую зависит от привоза продуктов из зоны. Совали немалые деньги и начальник цеха, и сменный мастер, и наборщики, и бухгалтерша... И я пёр тяжёлые сумки с сухими колбасами, консервами, коробками конфет, объясняя такую недовольную «перегрузку» начальнику караула на КПП «производственной необходимостью». На КПП меня понимали, потому что знали, какая голодуха царит тогда в краевом центре.

Середина 60-х годов вообще была не лучшей продовольственной эпохой в истории Советского Союза. И в благословенном Минске многое тогда было дефицитным. Но Минск выглядел товарным раем по сравнению с той пустотой прилавков, которую я узрел в Красноярске. На центральном проспекте меня заинтересовала вывеска «Бройлеры». Ну не знал я, книжный человек, что так называются цыплята. Зашел и увидел в абсолютно пустом магазине какую-то одинокую синюшную крошечную тушку в уголке витрины.

– А где бройлеры? – спросил я.

– Издеваешься, солдат? – зло бросила пожилая продавщица. – Товар уже третью неделю как не поступает. А как завезут – за два часа разбирают, с четырех утра очередь...

Бюллетень выходил раз в две недели, и я мотался в краевой центр постоянно. На полиграфкомбинате дела шли замечательно, продуктовые привозы способствовали этому в высшей степени. Отравляли настроение визиты к во-

енному цензору полковнику Паюшкину. Это был щедринский тип, хам с садистскими наклонностями. Принимал он в своей квартире, и когда бы я ни явился, неизменно заставлял его за обеденным столом. Такое было впечатление, что Паюшкин поглощает пищу 24 часа в сутки. Прежде чем просмотреть и завизировать материалы в печать, он усиленно занимался моим внешним видом, делал замечания относительно прически («отрастил волосья»), подворотничка («месяц, наверное, не подшивался»), сапог («специально в грязи потоптался, чтобы наследить у меня в квартире»). Однажды он отправил меня в парикмахерскую, и чтобы досадить цензору я через час явился к нему остриженный наголо. Он кисло усмехнулся:

– Так, пожалуй, лучше.

Завелись новые знакомства. Я записался в краевую библиотеку, наведалься даже в местную писательскую организацию, когда прочитал объявление о каком-то литературном вечере, на котором читал свои стихи тогдашнее молодое светило, а ныне российский (а уж сибирский во всяком случае) классик – поэт, драматург, прозаик Роман Солнцев.

Ну а в библиотеке меня, можно сказать, ждала Ира. Худенькая шатенка с замечательно печальными глазами. Вообще, библиотечные девушки – моя специальность, и я до сих пор не понимаю, почему женился на студентке мединститута. Ира любила литературу, она гуляла со мной по Красноярску, брала билеты в местную оперетту (весьма недурную, кстати), водила к себе домой и познакомила с мамой, которая готовила потрясающие борщи. А я обдумывал под каким предлогом затащить Иру в спецгостиницу. Может, выдать за приехавшую провести брата сестру? Лучше двоюродную, поскольку фамилия-то другая...

Очень скоро Ира решила на настоящий подвиг. Она сообщила, что в библиотеке готовится списание большого количества старых, дореволюционных журналов. Я до сих пор не могу понять, как это можно списывать такие ценности, даже если были дубликаты в трех и более экземплярах. В тесном закутке я просмотрел пачки отобранных для уничтожения изданий и отложил неслабую стопку, состоявшую из номеров бурцевского «Былого» за 1917 год, «Ми-

нувшего» под редакцией Мельгунова, тонких книжечек журнала «Без заглавия» Прокоповича и Кусковой, «Всемирного вестника» Струве, им же редактировавшегося «Возрождения» и «Бюллетеней литературы и жизни» Колтоновской. Перевозил я это богатство в зону по три-четыре книжки и хранил в своем служебном сейфе в здании УВСЧ. Вот так наследие меньшевиков и кадетов нашло пристанище в самом сердце советской атомной зоны. Ну и лежала бы себе спокойно эта, скажем так, «историческая антисоветчина». А потом бы я ее как-нибудь вывез в Москву, а оттуда в Минск, присоединив к своей уже начавшей формироваться библиотеке. Так нет же! Разве мог я не поделиться своими сокровищами с Юрой Гавриловым. А тот попросил почитать и увез несколько экземпляров в шахту, поскольку где же и читать меньшевиков и кадетов располагавшему кучей времени солдату сторожевой роты, как не на секретнейшем атомном объекте?

И вот эти-то журналы сыграли роковую роль в последующих событиях. Потому что стоял на них жирный чернильный штамп с надписью «Красноярская краевая библиотека». Ну а уж кто был усердным посетителем этой библиотеки – вычислить это для начальника режимного управления КГБ майора Сицко и его подчиненных было делом элементарным.

Обыск в шахте

Голос Фридмана звучал в телефонной трубке очень слабо, как будто придавленный подземной толщей, из-под которой он шел сюда, на «девятку», в УВСЧ. Но я сразу почувствовал неладное. Это мгновенно пришедшее ощущение беды растворило головную боль от того, что не выспался. Был седьмой час утра. Дежурный по Управлению, капитан Астафьев, с которым мы были почти в дружеских отношениях, спал в политчасти. Обычно потрепавшись о том, о сем, я часу в десятом садился в одну из трех дежуривших рядом с Управлением машин, ехал в ближайший гастроном, в котором бутылку водки для меня брала знакомая бабуля из соседнего подъезда. Мы спокойно распивали ее с Аста-

фьевым, после чего он заставлял меня, своего помощника-сержанта, идти спать в ту же политчасть, а в половине четвертого уже будил и сам укладывался на старый, обтянутый черным растрескавшимся дерматином диван. Утренние часы были самыми тяжелыми. Голова просто каменеет и невольно опускается на стол с графиками и телефонами.

Я ненавидел дежурства по Управлению, и хотя они выпадали два или три раза в месяц, всячески стремился избежать этой ночной муки. Но старшина Савостин аккуратно вносил меня в график. Однажды я полуспящим – голова на руках на столе – встретил начальника Управления генерала Лавазова. Вдруг почувствовал сквозь дрему, что кто-то смотрит на меня и страшным усилием воли заставил себя поднять голову. Генерал Лавазов, человек громадного – метр девяносто! – роста в упор глядел на меня из-за стеклянной перегородки. Снег таял на генеральских погонах и усах, а подле сапог натекла изрядная лужица, из чего можно было заключить, что генерал стоит здесь уже не первую минуту. Я вскочил, трахнулся животом о стол, так что звякнул графин с водой, попытался что-то доложить, но начальник Управления, ни слова не говоря, грузно прошел в свой кабинет. Удивительное дело, но этот случай последствий не имел.

Но сейчас – я это чувствовал наверняка – последствия будут, и самые грозные. Я еще как-то пытался отогнать это ощущение деланно-бодрым голосом, хотя из первой же фразы Фридмана все понял, все схватил.

– Ну что ты там мычишь? Говори толком! – сказал я.

Голос Жени по-прежнему был слаб, тонок, но каждое его слово, хотя и приглушенное подземной толщей, ознобом вливалось в мое тело.

– Они пришли так рано... в пять утра... Сказали, что должны посмотреть, как у нас с пожарной безопасностью... Ну, забрали плитку электрическую, концентраты, консервы... Не положено. А потом заставили Юру открыть ящик, где хранятся схемы, и забрали все тетради наши, дневники, книги, письма. Там были и твои...

– Заткнись! – рявкнул я и тут же опомнился. Взглянул на часы. Астафьев скоро пойдет бриться в туалет. Фридман ждал.

- Ты когда будешь в части? – спросил я.
- С первой электричкой, в восемь тридцать.
- Ждите меня с Юрой после завтрака возле почты.

За два дня до того случилось происшествие, которое можно считать прологом к разыгравшимся драматическим событиям. В шахте состоялась грандиозная выпивка при моем непосредственном участии и, если уж быть точным, по моей инициативе. Прошло четыре месяца с той поры, как я занялся выпуском бюллетеня и начались мои регулярные поездки в большой Красноярск. Но самым существенным, что наполняло мою жизнь в тот период, было общение с Юрой Гавриловым. Я приходил к нему в казарму после смены, и свободные час-полтора до отбоя мы гуляли по дальним участкам территории части и говорили, говорили, говорили... Нам явно нехватало времени, наверное, будь такая возможность, мы разговаривали бы круглые сутки.

И вот, не скажу, что лишь с целью только чаще видеть Юру, но, конечно, имея в виду и ее, я придумал организовать литературное объединение при УВСЧ. Убедил майора Макарова, что есть смысл объединить пишущих людей – пускай читают друг другу свои стихи, рассказы, обсуждают собственное творчество. Все это будет только содействовать улучшению нашего бюллетеня и вообще может стать заметным явлением в культурной жизни зоны.

Макаров «провентилировал вопрос наверху», разрешение было дано, и каждую субботу из дежурки Управления стали отпраиваться в части составленные мною телефонограммы, в которых предлагалось предоставить такому-то воину увольнение для участия в работе литературного объединения. Собирались то в Доме офицеров, то в моей комнатке в Управлении. Читали стихи, спорили, естественно, как все творцы, задирали нос друг перед другом. Ну и нагнали постепенно. Водку, а то и спирт приносили с собой и хранили в моем служебном сейфе. Там, кстати, иногда хранилось и грязное белье, которое Гаврилов с Фридманом оставляли временно у меня после посещения находив-

шейся рядом с Управлением городской бани. Спиртное разливали из графина, в котором должна была быть обычная вода. В Управлении по выходным было пусто, опасности вроде никакой. Но однажды заглянул капитан Астафьев, он дежурил тогда.

– Стихи читаете, виршеплеты? Можно я у вас водички выпью?

Он налил из графина полный стакан водки. Литераторы замерли в ужасе. Астафьев выпил, не поморщившись ни капли. Сказал:

– Хороша у вас водичка!

И вышел. Все обошлось. Мой авторитет среди литераторов после этой истории еще больше вырос. Но вместе с тем, как и во всякой литературной среде, у нас начались трения. Литераторы – народ, как известно, склочный. Начался отбор произведений для литературного сборника наших зонных гениев, который я с помощью Романа Солнцева пытался пробивать в краевом издательстве. Тут-то и обнаружилась главная линия раздела – эстетическая. В общем, литературное объединение разделилось на «настоящих поэтов» и «графоманов». «Настоящие», к которым принадлежали Фридман, Литвиненко, Едзаев, писали сложно, туманно, ассоциативно, их влекли образы и рифмы возвращавшейся тогда из небытия Цветаевой (первый сборничек вышел в 1961 г.) и раннего Пастернака. «Графоманы» строчили, в основном, патриотические стихи о «трудной, но почетной службе», «о крае синих сопок, в котором победно гудят моторы» и проч. Лидером «графоманов» был Паша Горюхин. Мы с Юрой стихов не писали, но были несомненными метрами, с чьим мнением нельзя было не считаться. И вот на одном из заседаний Юра, не спеша набив свою трубку ароматным табаком, который ему присылала жена, и пустив первый дымок, снобистски заявил, что стихи Горюхина – это полное собрание поэтических штампов.

Паша, естественно, обиделся. И чуть не сквозь слезы бросил:

– Как на складе у меня мясо жрать – все хороши!

Это был прокол, серьезность которого обнаружилась

позже. Действительно, почти все творцы регулярно навещали к гостеприимному Паше, в том числе, конечно, и мы с Юрой. Но как было соединить Пашино гостеприимство с принципиальной эстетической позицией? Посоветовавшись на эту тему, мы решили включить в сборник два стихотворения Горюхина, из тех, что представлялись попроще. К тому же, убеждал я Гаврилова, нельзя же, чтобы в сборнике, подготовленном солдатами срочной службы, совсем уж ничего не было об армии. Нужен своего рода «идеологический паровоз» в начале сборника, стихи про комсомол, тайгу и стройки, которые прикроют наших модернистов, чурящихся политико-патриотической темы.

Юра написал вычурное эссе об образной системе в современной поэзии. Я дал рассказ, навеянный посещением домика Александра Грина в Старом Крыму и встречей с вдовой автора «Алых парусов» Ниной Николаевной Грин (это было летом 1962 г.). Укрепить сборник идеологически должны были воспоминания полковника Коржикова, участника битвы на Курской дуге. Конфликт с Пашей Горюхиным и группировкой остальных «графоманов», у которых мы взяли все-таки по стихотворению, был как будто пригашен.

Но только внешне. И не только потому, что у Фридмана, Едзаева, Литвиненко в рукопись будущей книжки были включены целые подборки, а у «графоманов» отобрали по стишку. Было видно, что даже в группе «эстетствующих» идет разлом. Все чаще мы уединялись вдвоем – Юра, Женя и я. И замолкали или переводили разговор на другое, когда приближался кто-то из других членов литобъединения. У нас появились иные творческие темы. Гаврилов вел дневник, в котором с жестоким сарказмом рисовал быт своей части, фигуры солдат и офицеров, давал волю своему бунтующему настроению. Кроме того, он написал философскую работу «Десять вопросов марксисту-ленинцу», переиначив суть известного труда вождя мирового пролетариата, обращавшегося к своим нестойким товарищам по партии. Перемена адресата язвительных ленинских вопросов и их содержания, при соблюдении канвы ленинской логики, дала по-

разительный результат: выперла на Божий свет очевидная демогогия Ильича как «классового мыслителя».

Женя Фридман трудился над эпической поэмой «Зона», в которой пытался соотнести личный опыт с образом нового Молоха – громадной шахты под горой над Енисеем. Мне запомнились из нее лишь две строки:

Здесь Сталина дети гнездо себе свили,
Дзержинского внуки его стерегут.

Ну а я занялся и вовсе капитальным делом – извлечением, так сказать, корня мирового зла. Был я в ту пору неплохо начитан по части философии и находился под явным влиянием русских идеалистов конца XIX – начала XX веков, прежде всего Владимира Соловьева. Его мысль о «цельном знании» увлекала меня, как, впрочем, и сама романтическая личность автора «Трех разговоров». И вот я графически вычертил на большом листе ватмана линию развития мирового зла, образовавшуюся в результате переплетения различных идеологий и в итоге приведшую к параллельному существованию и взаимодополнению коммунизма и фашизма. К этому графику был сочинен достаточно обширный историко-философский комментарий.

Естественно, что творчество нашей троицы требовало взаимного чтения и обсуждения, чем мы и занимались, уединяясь то у меня в комнате, то уходя на «девятку», где у нас были свои укромные места. Благо стояло лето. А осенью однажды дала ключ от своей квартиры уехавшая на какой-то семинар одинокая пожилая инженерша по технике безопасности Таюрская, попросила поливать цветы и кормить кошку, и, конечно, мы использовали эту возможность на полную катушку. Были закуплены, продукты, выпивка... Жаль было возвращаться в казарму к отбою.

Плоды своего тайного творчества Гаврилов и Фридман хранили в шахте. Они служили в сторожевой роте, и это считалось «лафой». Согласно договору, подрядчик, в роли которого выступало УВСЧ, должен был не только вести различные работы в шахте, но и отвечать за сохранность в процессе монтажа как самого оборудования, так и мон-

тажных схем. Поэтому была образована специальная сторожевая рота, служба в которой заключалась в сменном пребывании в основном на объектах, где велась пайка больших электросхем. Нужно было следить за тем, чтобы схемы не были каким-либо образом порушены во время отсутствия работавших над ними специалистов, сохранять в специальных железных ящиках чертежи, которые выдавались тем же специалистам. Короче, времени у «сторожей» было навалом. И устроились они не без комфорта. Притащили электроплитки, термосы, готовили себе еду, помимо посещения шахтной столовки, играли в шахматы и шашки, читали, писали письма.

Ну а творцы, естественно, еще и творили, сочиняли. У Гаврилова с Фридманом был свой закуток, где они чувствовали себя достаточно автономно, могли свободно разговаривать на любые темы, не опасаясь, что кто-то подслушает. А в одном из железных ящиков вместе с производственными чертежами хранили и плоды своего тайного творчества. Там же к моменту обыска находилась и моя «схема развития мирового зла» и несколько журналов из краевой библиотеки – все это попросил у меня на некоторое время Юра.

За два дня до обыска я решил удивить друзей, показать им свои возможности и приехал к ним в шахту, пользуясь тем, что пропуск мой туда еще действовал, хотя и с определенными ограничениями, касавшимися времени пребывания на объекте. Конечно, ехал не с пустыми руками, а с двумя бутылками «Выборовой». Юра и Женя были невероятно удивлены моим появлением в шахте. По этому случаю был налажен банкет, мы здорово выпили, языки развязались. Нам никто не мешал. Но позже я припомнил, что на платформе шестого горизонта видел Пашу Горюхина.

– Ты что здесь делаешь? – удивился я.

– Доппитание привез, – ответил он и спросил в свою очередь, что здесь делаю я.

Естественно, я не удостоил ответа заведующего продо-

вольственным складом и лидера «графоманов». Потом я видел его на шахтном пищеблоке сторожевой роты. Он почему-то не подошел к нам с Юрой и Женей.

Мне нужно было успеть на шестичасовую электричку, позже я не имел права выехать, опоздание грозило громадными неприятностями. А мы засиделись, к тому же выпили изрядно (к привезенному мной спиртному друзья добавили из своей заначки) и не очень крепко держались на ногах, пришлось, спотыкаясь, бежать по шпалам. Я вскочил в вагон буквально в ту минуту, когда поезд тронулся. И тут же, на площадке, носом к носу столкнулся с нарядом «краснопогонников». Плотный чернявый сержант проверил мои документы, потянул воздух и сказал:

– Однако вы нагрузились, товарищ младший сержант. Я должен сдать вас в комендатуру.

Я попросил его отойти чуть в сторону, чтобы не слышали двое рядовых с карабинами, и, невероятно волнуясь, рассказал ему о себе. Что студент, что работаю в Управлении, что навещил друзей и недавно еще сам работал в шахте на проходке. Что меня должны перевести в Москву, и если он меня сдаст, это означает полную мою гибель. Мы знали по опыту, что от «краснопогонников» ждать пощады нельзя. Может быть, он что-то почувствовал за моим волнением, этот старший сержант, Он помедлил, потом сказал:

– Да мне что? Я мог бы тебя и отпустить. Но во встречном вагоне находится начальник патруля, лейтенант, при нем еще трое наших. Они идут сюда. У тебя один выход. Через минуту будет поворот, электричка снизит скорость. Будешь прыгать?

Как прыгают с поезда, я видел только в кино. Теперь мне кажется, что к этому моменту я протрезвел, помню хорошо, что обнял руками голову и каким-то кулем, боком повалился из вагона. Потом знающие люди мне говорили, что нужно было хорошо оттолкнуться, иначе можно и под колеса попасть. Не знаю, сколько времени я пролежал, пока сообразил, что жив. Осторожно, еще не веря в свое счастье, стал проверять, цел ли, потихоньку шевелил руками и ногами. С трудом встал сначала на четвереньки. Несомненно, вид мой был страшен: гимнастерка и брюки разорваны, лицо

и руки в ссадинах и кровоподтеках, к тому же страшно болели спина, плечи, колени, локти. Я не мог явиться в таком виде ни в Управление, ни в казарму. Кое-как умылся в какой-то канаве и поздно ночью пришел на квартиру к гражданскому инженеру по технике безопасности Алексею Голованову. Я уже рассказывал, что он был всего на четыре года старше меня. Попросил его ни о чем меня не спрашивать, разрешить переночевать и найти если не новые, то, по крайней мере, целые гимнастерку и брюки.

Это был риск, мы не были дружны с Алексеем, он относился ко мне покровительственно, не более того. Но у меня не было выхода. И Алеша все сделал – и раскладушку постелил, и йод дал смазать кровоподтеки, а к обеду следующего дня принес почти новые гимнастерку и брюки. Мой ангел по-прежнему охранял меня, посылая в трудную минуту хороших людей.

Майору Макарову я объяснил неожиданную отлучку необходимостью срочно побывать на полиграфкомбинате.

– А что у тебя с лицом? – спросил он.

– Да хулиганье какое-то пристало, пришлось обороняться.

– Есть еще такие элементы в краевом центре, – посочувствовал майор.

«Развели тут антисоветчину!»

У почты я увидел не только Фридмана, но и Гаврилова. Прошел мимо и коротко бросил:

– Жду за баней.

В дальнем закутке полковой территории можно было поговорить без свидетелей, но мы сразу решили, что разговор продлится не более пяти минут.

– У нас есть еще как минимум два-три дня, – сказал Юра, – пока разберутся, кому что принадлежит. Подписей на рукописях-то нет... Да там и другие ребята свое оставили – книжки, учебные конспекты, письма от родных. Хватит у них забот – разбирать эту бумажную кучу.

– Но ведь разберут, – тоскливо заметил Фридман. – Возьмут наши «подписки о неразглашении» или другие образцы почерков... И что тогда?

Условились, в конце концов, от плодов собственного творчества не отказываться, но стоять на том, что не видим в них ничего особенного. Типичная интеллигентская рефлексия, связанная с особенностями и трудностями нашей жизни. Юрин саркастический дневник – очень характерное в этом смысле свидетельство. Его же «Десять вопросов марксисту-ленинцу» – это рассуждения молодого историка в духе трех последних антисталинских партийных съездов. Женина поэма – это своего рода продолжение солженицынской, «лагерной» темы в литературе. Вот только схема моя не укладывалась ни в какие объяснения: слишком был очевиден антисоветский, антикоммунистический ее пафос.

– А черт его знает, чья это схема! – сказал Юра. – Там ведь обозначения печатными буквами сделаны. А комментарий-то у тебя! А тебе признаваться нельзя, иначе будут шить нам всем организацию подпольную.

В тот же день я сжег в дальнем распадке на «девятке» свой комментарий к схеме и выехал в краевой центр, забрав из служебного сейфа остававшиеся там дореволюционные политические журналы. Когда передавал их Ире у нее дома, попросив, чтобы сохранила до моего дембеля, услышал:

– У тебя что-то случилось?

Ира была умная девушка, а лицо мое слишком красноречивым.

Ночь в нашей гостиничке провел без сна, строил планы: поехать в аэропорт, взять билет до Москвы, деньги были, а там... А что там?

Когда вернулся в зону, сразу же пошел к Макарову с докладом о сроках выхода очередного номера бюллетеня. Майор не стал меня слушать и, глядя куда-то мимо моего уха, сказал:

– Вас ждет начальник политчасти Управления полковник Морозов.

Морозов был добродушный хохол, большой любитель марочных коньяков, которые он держал в обеих тумбах своего необъятного письменного стола. Ко мне относился хорошо и очень гордился детищем политчасти – бюллетенем «Военный строитель». В его кабинете я застал, помимо

хозяина, начальника режимного Управления КГБ, худосочного язвенника майора Сицко. Стол полковника был завален грудой бумаг, изъятых в шахте, отдельно лежала свернутая в трубку моя схема.

– Развели тут антисоветчину! – выкрикнул Морозов и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

В этом крике я услышал почти отцовское отчаяние: я же так тебе доверял, а ты...

Сицко кивнул в сторону бумажной груды:

– Полагаю, вы нам поможет с этим разобраться. Это ведь архив литературного объединения, не так ли?

– Нет, материалы литературного объединения находятся у меня.

– Ну как же? – усмехнулся Сицко и извлек из своего кожаного портфеля два номера журнала «Без заглавия» и номер «Возрождения». – Это ведь вы дали товарищам почитать, видимо, для идейного развития?

– Да, это старые журналы из краевой библиотеки, их списали и приготовили на макулатуру.

– А вы, значит, спасли ценности? И кто вам в этом помог?

– Никто не помогал, увидел перевязанные пачки в коридоре, узнал, что отправляют на макулатуру, ну и вытащил несколько экземпляров.

– Украли, значит?

– Нет, спас от уничтожения старые и, возможно, редкие издания.

– Скажите на милость, какая забота о культурном наследии! И какой специфический отбор – меньшевики, кадеты! Ладно! – Сицко рубанул ладонью, и его безбровое лицо приобрело угрожающее выражение. – Мы и без вас определим авторов этих сочинений. По почерку. В том числе и с помощью писем, которые задержала цензура. Не хотите взглянуть на откровения своего друга Фридмана?

Он протянул мне листок, на котором жирным красным карандашом было выделено: «Мы здесь захлебываемся атомным алкоголем». В таких «намекающих» выражениях романтик Женя пытался дать понять своей девушке, где он служит.

Я с равнодушным видом положил письмо на стол:

– Фридман – тонкая, нервная поэтическая личность... Разыгралось воображение... Захотелось поразить свою подружку, что служит в каком-то необыкновенном месте. Но ведь ничего по сути не сказано. «Атомный алкоголь» – не самый удачный образ и не более.

– Вот что, – сказал Сицко, складывая журналы и другие бумаги к себе в портфель, – нашу литературную дискуссию мы отложим до вечера. Жду вас у себя в кабинете в восемнадцать ноль ноль. Пропуск будет выписан у дежурного. Подумайте... И учтите: кое-кто из членов вашего объединения уже помог нам. А вам тем более следует постараться.

– Почему тем более?

Сицко подошел вплотную и буквально вонзил в меня свои с желтоватым отливом зрачки:

– Да потому, товарищ младший сержант, что пришел приказ о вашем переводе в Москву. Соображаете? А сейчас идите к себе, там вас ждет мой помощник капитан Литовкин, он произведет выемку документов в вашем сейфе. Ему же отдадите оба своих пропуска – на выезд из города и на объект. Вы теперь у нас невыездной.

Прощание с зоной

Кто заложил нас? И как мне следует вести себя в связи с этим новым обстоятельством – приказом из Москвы о моем переводе? Весь день, в течение которого капитан Литовкин (тот самый, что определил меня на лесоповал сразу после прибытия в зону) разбирал в моей комнатке бумаги литературного объединения и материалы бюллетеня, я мучился этими вопросами.

Ответ на первый уже крутился в голове. Скорее всего, это мог быть Паша Горюхин. Припомнилось, как отстраненно он держал себя при нашей последней встрече в шахте. Собственно, для него не составляло большого труда и подслушать тогда, о чем болтали наши развязавшиеся под действием «Выборовой» языки. А говорили, как мне припоминалось, и на привычные политические темы. Могли быть у Паши и свои осведомители из других «сторожей»,

в том числе и тех, что хранили свои вещи в общих с Юрой и Женей «биндюгах». Конечно, Горюхин, которому мы постоянно давали почувствовать «дистанцию», как лидеру «графоманов», был зол на нас и мог донести о «подозрительных» и разговорах и сочинениях наших. Впрочем, только ли он?..

Что касается моей тактики в этой ситуации, то здесь самым важным было понять, насколько начальству выгодна раскрутка «дела об антисоветской литературной группе» среди солдат-военных строителей. По всем раскладкам получалось, что никак не выгодно. Майор Сицко занимал полковничью должность, и я слышал, что уже пошло в Москву представление его к званию подполковника. Раскрытие «антисоветски настроенной группы» в солдатской среде не сулило ему никаких дивидендов. Все-таки мы не были американскими шпионами. А вот за то, что прошептал такие настроения, да еще допустил «лидера антисоветчиков» к работе в самом сердце зонного организма – Управлении военно-строительных частей, за это по головке не погладят, а уж звание очередное наверняка могут задержать. И полковнику Морозову, в случае широкой огласки нашего дела, никак не светил перевод, которого он давно добивался, – под Ленинград, в бывший Ораниенбаум, переименованный в Сосновый Бор, где Средмаш начинал строительство мощной атомной электростанции.

Получалось, что нужно держать линию, которая устраивала бы и начальство: ничего особенного не произошло: так, некие шалости, может быть, не очень зрелого ума, не более...

Когда я к шести вечера явился в режимное Управление КГБ, Сицко приступил к делу без разгона:

– Как оцениваете дневник Гаврилова, его же работу «Десять вопросов марксисту-ленинцу», поэму Фридмана?

Вопрос свидетельствовал, что мой расчет был правилен. Мне, как руководителю литобъединения, предлагалось быть экспертом, и, возможно, моя оценка – пускай неявно – могла быть принята. Нормальный подход. Я прочитал майору достаточно пространную лекцию о традиции русской интеллигенции вести колючие, нелिцеприятные по части изображения окружающей среды дневники.

– Хочу обратить ваше внимание, – вдохновенно вещал я, – что у Гаврилова нет двойной морали, он дает нелестную оценку многому из того, что видит, именно потому, что видит так, а не иначе. Неужели вы поверили бы ему, если бы он переписывал в свой дневник передовицы из «Красной Звезды»? Что касается его исторического опуса, как и поэмы Фридмана, то не следует думать, что московские студенты это дебилы, что они живут в каком-то безвоздушном пространстве и их совершенно не волнуют те проблемы, которые возникли в нашем обществе в связи с развенчанием культа личности Сталина, обнажением правды о массовых репрессиях в тридцатые годы.

– Выходит, Гаврилов с Фридманом прямо-таки лучшая часть советской молодежи, – скривился Сицко.

– Во всяком случае, не худшая, – отпаривал я. – Потому что думающая, неравнодушная к судьбе страны.

– Ладно, – сказал майор, – видно, что ты неплохо подготовился. Надеюсь, не будешь отрицать, что эту картинку ты сочинил?

И он пододвинул ко мне мой труд – графическое изображение истоков и развития мирового идейного зла. Я ожидал этого удара. Но что означает переход на «ты»? Раздумывать долго над поставленным в лоб вопросом нельзя, но все-таки мог же я познакомиться с собственным трудом. С полминуты поизучав его, я слегка отодвинул кусок ватмана и небрежно произнес:

– Нет, это не мое... К тому же очень наивно.

– Что значит наивно? – возмутился Сицко. – Хороша наивность – ставить знак равенства между фашизмом и коммунизмом!

А вот здесь даже грана полемики быть не может! Поэтому я упер свой взгляд в глаза Сицко и отчеканил:

– Я к этому рисунку не имею никакого отношения!

– Но ты же в вашем кружке главный идеолог! Или все-таки Гаврилов? – продолжал давить майор. – Кстати, и он и Фридман показали, что это твоя работа.

– Мне нечего добавить к тому, что я сказал.

Сицко должен понять, что я не дам втянуть себя в его игру. Экспертиза – пожалуйста. Но обвинять инструктора

политчасти Управления в сочинении каких-то кошмарных идеологических схем – здесь я имел полное право оскорбиться и замкнуться.

– Мы временно изолируем тебя, – неожиданно усталым голосом сказал майор, – ты посиди, подумай.

Двое суток я провел в изоляторе режимного Управления КГБ. Позже узнал, что в это время шли многочасовые допросы членов литобъединения. Особенно усердно занимались Гавриловым и Фридманом. Меня же, понятное дело, изолировали, чтобы мы не поддерживали контактов и не согласовывали своих показаний. При освобождении Сицко без всяких комментариев предложил мне подписать протокол с моими показаниями, в которых все было обозначено со стенографической точностью – его вопросы, мои ответы.

Теперь все зависело от того, как встретят меня в Управлении: если отправят в часть, то дело мое плохо, если позволят продолжать работу – есть надежда, что удастся выкрутиться. Майор Макаров с непроницаемым лицом вернул мне только один пропуск – на выезд из зоны. Буркнул:

– Постарайся, чтобы бюллетень вышел в срок.

От него же я узнал, что полковник Морозов уже три дня как болен и не выходит на работу. Времени нельзя было терять. Да, судя по всему, начальство не хочет раздувать историю. Но все может измениться в любую минуту. Я должен покинуть зону! И сейчас – я знал это наверняка – все зависело от Морозова. В буфете городского театра с помощью режиссера Павла Марковича я приобрел бутылку марочного армянского коньяка «Двин» и отправился на квартиру к Морозову.

Полковник сам открыл дверь, был он в старом трико с пузырями на коленях и потертой домашней куртке. Очень удивился, но впустил и, заметив, что я держу руку с бутылкой за спиной, сказал:

– А что у тебя там? Давай-ка!

Рассмотрев этикетку, прокомментировал:

– У тебя неплохой вкус. Разбираешься...

Я рассказал в деталях о допросе у Сицко. И закончил:

– Александр Евгеньевич, я знаю, что пришел приказ

о моем переводе. Я должен уехать. И чем быстрее, тем лучше для всех. Ситуация сразу же в сильной степени разрядится.

И тут он закричал:

– Это я, я должен уехать! У меня дочь в Ленинграде в пединституте учится. Я должен ее поддерживать, ей еще два года до окончания. А там распределение, не в зону же ей ехать! Жене нужна операция на глазах! Я дал согласие на перевод в Сосновый Бор с понижением – на должность командира полка. Пятнадцать лет просидел в зоне – хватит! А ты и себя и меня подвел под монастырь! Мы тебе здесь такие условия создали, а ты...

Он замолчал. Я тоже молчал. Наконец, он спросил:

– Найдешь себе замену? Чтобы бюллетень выходил?

– Да, Олег Едзаев справится. Он мне все время помогает и вообще в курсе....

– Ладно, передавай дела.

Три последующих дня прошли как во сне. Я передавал дела Едзаеву, оформлял документы в штабе полка на перевод в Москву. Женю Фридмана перевели в другую часть, и я не смог поехать к нему попрощаться. А с Юрой Гавриловым мы обнялись у КПП, на виду у многих. Проходивший мимо майор Бутов покачал головой, что, вероятно означало: вот ведь до чего обнаглели!

Через неделю Юра ляжет в госпиталь, и спустя два месяца его комиссуют как сердечника. Тяжелее всех пришлось Фридману, его перевели на ужасную работу – чистку гигантских бочек из-под дейтерия-2. Он спускался в них по внутренним скобам, драил стенки железным скребком, вылавливал дохлых крыс... Правда, спустя год дали работу полегче и, главное, за пределами шахты.

В аэропорту меня провожали Ира и Олег Едзаев. Когда самолет взмыл в небо, я все еще не верил случившемуся. Мне казалось, что сейчас с земли дадут команду и самолет сядет, меня арестуют, посадят в машину и увезут снова в зону. Но ИЛ-18 упрямо набирал высоту, и вот облака уже скрыли и трубы Красноярска, и ленту Енисея, и тайгу...

«Для служебного пользования» (ежемесячное приложение к «Белорусской деловой газете»), 2002, №№ 5–11.

II. Из путешествий

«Брат мне мил, какой бы веры ни был»

Белградские заметки

Эти заметки писались накануне нового поворота в югославской трагедии. Через два года на Белград обрушатся бомбардировщики НАТО, через три новая сербская власть передаст Милошевича Гаагскому трибуналу. Затем последуют отделения Черногории и Косова...

Улица князя Михаила

Старую сербскую пословицу, стоящую в названии этих заметок, я повторял про себя, шлифуя ежедневно и по многу раз центральную – только пешеходную, ресторанный, магазинную, усеянную кафе и кондитерскими – улицу сербской столицы. Благо, гостиница «Москва», где жил, рядом, и, выйдя из нее, можно направиться влево – к притоку Дуная Саве, на высоком берегу которой возвышается старинная турецкая крепость Калемегдан, где сейчас величественный парк, или вправо – в сторону рынка и поражающего своей византийской фундаментальностью, только что отстроенного гигантского Храма святого Саввы, воздвигнутого в честь первого архиепископа Сербской православной церкви Саввы Неманича.

Фланируя то по одной, то по другой стороне знаменитой улицы, отвлекаясь в соседние кварталы и улочки, я вглядывался в лица прохожих, продавцов газет и сувениров, официантов на открытых террасах кафе и особенно молодых людей, составляющих и днем и уж, конечно, вечером большинство в центре старого Белграда. Днем – потому что здесь расположены корпуса Белградского университета. Вечером... Ну об этом чуть погодя.

Собственно, я не очень ясно представлял себе, что искал в лицах жителей Белграда. То ли некий отпечаток пятилетней войны, что с лета 1991 года сжигала страну, которую мы знали как Социалистическую Федеративную Рес-

публику Югославию, то ли следы совсем недавно сотрясавшего сербскую столицу и удивившего весь мир «демократического марафона» – многонедельного марша протеста против политики властей. О последнем напоминали обрывки плакатов, разнообразные «граффити» на стенах и тумбах, портреты лидера оппозиции Вука Драшковича, уцелевшие потому, что были прикреплены очень высоко.

Но лица белградцев были будничны, спокойны. Другое дело – сам город. Может, оттого, что последние дни мая и начало июня выдались непривычно холодными и дождливыми, он приобрел сероватый оттенок, в нем не хватало красок. Эта сероватость соединялась с неожиданной провинциальностью «балканского Парижа». Не было блестящей, оживленной толпы в центре, вездесущих туристов, не слышалась иностранная речь, пустовали шикарные рестораны и демократические кафе, безлюдными выглядели громадные универмаги и маленькие магазинчики. Словом, не было всего того, что придает блеск и живость, особый праздничный ритм европейской столице, каковой, безусловно, является Белград.

Но еще совсем недавно все это было...

Санкции. Это слово стало в последние годы одним из самых заметных в нынешнем лексиконе сербов. 30 мая 1992 года Совет Безопасности ООН ввел в действие экономические санкции против Сербии и Черногории. Последствием этого решения было тотальное эмбарго, по своей строгости не имеющее прецедента в истории ООН. Разрешался только ввоз продуктов и медикаментов, в отдельных случаях – топлива. Колоссальные потери понесла национальная экономика. Достаточно сказать, что национальный доход с 3000 долларов на душу населения в 1990 году снизился до 200 в минувшем.

Я еще вернусь к мотивам, по которым Югославия была поставлена в столь суровые изоляционные условия. Пока же скажу, что страна, которой в СССР всегда завидовали (помните очереди за югославской обувью?) как идущей «особым социалистическим» путем, сближающим ее с Западом, сделавшим жизнь большинства ее граждан достаточно состоятельной по сравнению с остальным «социали-

стическим лагерем», оказалась на грани катастрофы. Невиданно, в несколько раз подскочила смертность среди новорожденных и стариков, преступность выросла почти на 50%, страну захлестнула волна самоубийств среди молодежи и людей среднего возраста.

Похоже, Сербия сегодня пытается встать с колен. Но как трудно, как болезненно отзывается каждое движение. Особенно в условиях, когда на трагедию, связанную с развалом СФРЮ и этническими войнами, наложился острейший внутриобщественный конфликт, о чем также речь впереди.

Санкции – это экономия на всем, на питании, на одежде. Поэтому белградцы скромно одеты. Хотя южане вообще народ непритязательный, по сравнению с ними минская толпа на проспекте Скорины вызывающе буржуазна. Впрочем, как и у нас, на улицах Белграда полно нищих. Наверное, даже больше, чем у нас, потому что тамошняя полиция не считает борьбу с ними своей основной задачей. Особенно больно видеть молодых безногих парней. Сербы – народ высокий. Не случайны, видимо, их успехи в баскетболе, не случайна популярность таких спортивных клубов как «Црвена звезда» и «Партизан». Когда останавливаешься возле безногого парня, привалившегося спиной к стене и почти беззвучно произносящего «хвала» («спасибо») в ответ на опущенную в его ладонь монету, и замечаешь, какое длинное у него бедро, невольно представляешь себе, каким же высоким был этот смуглый симпатяга с грустными глазами.

Белград переполнен беженцами. Каждый добывает на пропитание как может. Сербы сегодня, как и наши сограждане, на двух-трех работах. Крутятся. Иначе не сведешь концов. Естественно, развит черный рынок. Валюту в банках вам поменяют на местные динары, но ежели вы дадите стодолларовую бумажку, желая поменять только пятьдесят «баксов», то сдачи «зелеными» не ждите. Или продавайте всю сотню, или – до свидания. Вы можете оплатить гостиничные и другие счета (там, где это разрешено) сразу валютой, но также не вправе рассчитывать на адекватную сдачу. Государство только обменивает валюту, но не продает ее. Курс – 5,6 динара за доллар. Скупкой валюты и

запретом на ее продажу государство стремится поддержать динар и заполучить хоть какие-то средства для приобретения за рубежом самого необходимого.

Нет в Белграде буквально нелезающих друг на друга в Минске обменных пунктов. Их с успехом заменяют стоящие на каждом углу молодые парни, соратники наших комаровских «долларов-марочек». Полиция их не гоняет. Сделки совершаются с минимумом осторожности. Вообще белградская полиция довольно либеральна, в чем, кстати, мы убедились, наблюдая за ее действиями по телевизору во время того же «демократического марафона». Во всяком случае, первые столкновения с демонстрантами не переросли в массовые побоища. А затем полицейские и вовсе стали вести себя более чем мирно по отношению к протестующим белградцам. И даже поддержали их.

«Мы же сербы, – поясняет пожилой уличный продавец популярного оппозиционного журнала «Vreme». – Мало, что ли, нас другие убивали и продолжают убивать, чтобы мы на потеху всему миру еще стали колотить друг друга? Может, Слобо и хотел бы этого, но не дождется!»

Слобо – это нынешний президент Сербии Слободан Милошевич, чья резиденция находится здесь же, рядом с улицей князя Михаила, в двух минутах ходьбы от гостиницы «Москва». Казалось бы, только что прошумевшие в столице грозные акции протеста должны быть причиной особого охранного режима вокруг резиденции сербского президента. Но не видно ни охраны, ни знаков, запрещающих проезд автомобилей. Невольно сравниваешь с известным минским зданием на улице Карла Маркса, «отчуждаемая», запретная территория вокруг которого все расширяется и напичкана стоящими на каждом углу милиционерами. Проходишь – тебя обшаривают «подозрительными» взглядами. А уж проехать и не мечтай: кругом знаки. Сербы жалуются на тоталитаризм режима Милошевича. Выходит, и тоталитаризм бывает разный? А что у нас было в годы правления ЦК КПБ, когда вокруг того же здания можно было и ходить и ездить свободно? Может, это был период развитой демократии, а мы по невежеству перепутали эпохи?

К слову, об эпохах. В Белграде их стык особенно ощу-

тим. В глубокой древности город был фракийской крепостью. В 259 году до нашей эры его захватили кельты. Затем на протяжении веков он принадлежал римлянам, византийцам, гуннам, аварам, болгарам, империи Александра Македонского, венграм... С начала XV века это столица сербского государства. Владеть Белградом означало оседлать самые главные для континентальной Европы пути на Восток – водный (по Дунаю) и сухопутный (через Моравско-Вардарскую долину). Здесь сошлись цивилизации и религии – православие, католичество, мусульманство. В сегодняшнем Белграде, конечно же, доминируют сербский национальный дух и православная традиция. Но архитектура, но лица на улицах города говорят о сложнейшем историческом коктейле, позволившем Иво Андричу назвать Белград «ни с чем не сравнимым».

Памятник лауреату Нобелевской премии, автору «Моста на Дрине», стоит здесь же, в старой части города. Андрич задумчив, печально наклонил голову, будто вслушивается в шепот скатывающегося перед ним по каменным ступеням ручья. Вообще в Белграде удивительное множество памятников. Удивительное потому, что город за свою двухтысячелетнюю историю более тридцати раз подвергался разрушениям. Последний жестокий удар – бомбежка немецкой авиации 6 апреля 1941 года. Не помогло и то, что накануне правительство Королевства Югославии объявило Белград «открытым городом», что означало несопротивление в случае новой войны.

Но вот стоят памятники – и старые, и новые: создателю в XIV веке обширного сербо-греческого государства царю Стефану Душану, руководителю восстания против турецкого владычества в начале XIX века князю Милошу Обреновичу (главе династии Обреновичей, имя одного из которых и носит центральная улица старого Белграда), великим сербским просветителям Вуку Караджичу и Досифею Обрадовичу, драматургу Браниславу Нушичу... О последнем, авторе когда-то постоянно шедшей в советских театрах пьесы «Госпожа министерша», я вспомнил в номере старой гостиницы «Москва» с резными спинками кроватей, плюшевыми покрывалами и навоощенным паркетом. Пах-

нуло Белградом 1920-х годов, временем бешеных состояний и карьер, в которое внесла свой колорит и русская эмиграция.

... Вечером улица князя Михаила утрачивает свой провинциальный вид и начинает завораживать огнями и звуками ночного города. По-прежнему полупусты шикарные кафе и рестораны, но зазывно несется джазовая мелодия из набитого молодежью подвальчика, где с бокалом хорошего черногорского красного вина и сигаретой вы можете засидеться далеко полночь. Вас никто не обидит, все спокойны, приветливы. Музыканты, подбадриваемые аплодисментами слушателей, стараются вовсю. Это вам не торжествующий повсеместно рок. Это настоящий джаз, напоминающий о далеких молодых временах, когда точно также перед неистовым пианистом стоял недопитый стакан вина и дымилась в пепельнице смятая сигарета, а саксофон входил в свингующий штопор, из которого, казалось, уже не выбраться... Таковую музыку хорошо слушать, когда рядом с тобой милое женское лицо...

А если не тянут джаз и вино, заходите в книжные магазины. В Белграде они работают до одиннадцати вечера. И в самом деле: почему, гуляя по улице князя Михаила поздним вечерним часом, не заглянуть в книжную лавку, не порыться в старых и новых изданиях? Наверное, сербы, как и во всем мире, читают детективы и фантастику. Но больше всего они любят собственную историю, хорошие книги по искусству и философии. Они отлично издают лучшие памятники мировой литературы и новинки поэзии и прозы. Удивительная вещь: на улице ночь, а в книжном магазине случайный посетитель и владелец лавки ведут неспешную беседу о книгах, как водится, переходя с высокой поэзии на обычные жизненные проблемы.

Третья Югославия

Признаюсь, в Национальном музее Сербии я абсолютно проигнорировал первые залы с черепками, железными наконечниками и костями, все эти палеолиты и неолиты.

Подзадержался в зале средневековья, ибо как было не остановиться у портрета Саввы Неманича, автора написанной в 1219 году старейшей сербской книги «Законоправило» (Номоканон). Но душа стремилась в девятнадцатый век. Хотелось увидеть то, о чем что-то знал, что-то читал, – сербские восстания против турецкой власти, героическую и романтическую историю национального возрождения сербов, эту весну славянской культуры.

И я не был обманут. Сверкали позолотой мундиры представителей княжеских династий Карагеоргиевичей и Обреновичей, благословляемые православными священниками участники первого (1804 г.) и второго (1815 г.) сербских восстаний мужественно бросались на штыки янычар султана, и вот Адрианопольский мирный договор 1829 года, согласно которому была признана автономия Сербского княжества в составе Османской империи.

Берлинский конгресс 1878 года... Сербия получает международное признание. В 1882 году князь Милан Обренович провозглашает себя королем, а страну – королевством. Балканские войны 1912 – 1913 гг. подвели черту под турецким владычеством в Сербии. Но обострились отношения Сербии и Австро-Венгрии. Находившуюся под властью Габсбургов Боснию и Герцеговину наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Фердинанд посетил в Видов день, самый большой сербский национальный праздник, что было воспринято патриотической молодежью как прямой вызов. Выстрел в Сараево знаменовал начало первой мировой войны...

Почти четвертью населения своей страны, составлявшего четыре с половиной миллиона, заплатили сербы за освобождение своего государства и других южнославянских народов. 1 декабря 1918 года было провозглашено объединение южнославянских народов в единое государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1929 году его переименовали в Королевство Югославию.

Так была создана Первая Югославия.

Затем вторая мировая война, в конце которой маршал и Народный герой Югославии Тито при поддержке Красной Армии железной рукой создает Вторую Югославию –

социалистическую. Создает, несмотря на очевидные национальные противоречия, обнаружившиеся еще до нападения Германии, когда свою линию гнули хорватские усташы во главе с Павеличем, свою – профашистская группировка Стоядиновича в Словении, свою – защитники «Великой Сербии». Границы в новой федерации были установлены без соблюдения этнических и исторических принципов, ибо, как говорил маршал Тито, они – «лишь рисунок на монолитной глыбе мрамора».

Сегодня этот рисунок пропитан кровью, а глыба мрамора раскололась. Всего сорок шесть лет (с 1945 по 1991 г.) просуществовала Вторая Югославия. Нынче эпоха Третьей Югославии. Если в СФРЮ входили шесть республик и два автономных края, то в нынешнюю Союзную Республику Югославию входят только Сербия (около 10 миллионов жителей) и Черногория (600 тысяч человек). Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, что называется, отвалили. И только последняя ушла бескровно. Между остальными реки крови и горы трупов.

Национальный музей почти ничего не рассказывает о Второй Югославии, если не считать гигантского панно, изображающего восстановление послевоенного Белграда. Куда провалились сорок социалистических лет? Или сербы хотят их вычеркнуть из собственной истории?

Зато здесь же, в музее, работает выставка произведений Ренуара. Я стою перед знаменитой дорожной «Купальщицей», а думаю о сербской, югославской истории. Если в небытие провалились сорок вроде бы спокойных лет, то что расскажут музеи о периоде раскола, который в официальных сербских изданиях иногда скромно именуют сецессией? Так в Древнем Риме назывался демонстративный выход плебеев из состава римской общины с перемещением за черту города.

Третья Югославия, таким образом, возникла как плод развала СФРЮ. Сегодня официальные власти страны обвиняют в случившемся Германию и некоторые другие страны Европейского сообщества, признавшие независимость республик, входивших в СФРЮ, и предоставившие им военную и другую помощь.

– Есть ли некая связь в синхронности распада СССР и Второй Югославии? – спрашиваю я Савву Раховича, молодого слависта, преподавателя филологического факультета Белградского университета.

– Может быть, только в какой-то изжитости системы. И в том, что расставание с ней пролегает через национализм. Но наш распад начался задолго до вапшей Беловежской пущи.

Да, действительно, Хорватский собор принял новую конституцию, согласно которой Хорватия объявлялась самостоятельным национальным государством хорватского народа, в декабре 1990 года. Но в ту же пору у нас вовсю шел отход Прибалтики. Шла «странная война»: власти Эстонии принимали свои решения, Кремль их отменял.

И тем не менее и Беловежские события и последующие процессы выглядят более цивилизованными явлениями «развода» (не забудем, конечно, о трагических событиях в Тбилиси, Вильнюсе и Баку) по сравнению с тем кошмаром, который начался в Югославии. Все более открыто проявлялось неповиновение одних и желание других заставить выполнять закон, конституцию. Но что такое конституция и закон, ежели сгнила основа? Формальность, пустой звук.

В начале 1991 года Словения и Хорватия отказались проводить на своей территории разоружение всех «незаконных» военных формирований. А Белград (Президиум СФРЮ) настаивал на этом, как и на обязательной демобилизации резервного состава милиции.

В Словении в июне 1991 года вооруженные силы сепаратистов столкнулись с регулярными частями Югославской армии, охранявшими государственную границу. 1 августа 1991 года президент Хорватии Франьо Туджман призвал хорватов к всеобщей войне. В октябре того же года депутаты мусульманских и хорватских национальных партий приняли Меморандум о суверенности Боснии и Герцеговины. Сербские депутаты покинули зал заседаний Скупщины в Сараево.

Так возникла проблема сербов, живущих за пределами Сербии. Предыдущая конституция Хорватии говорила о государстве хорватского и сербского народов. Новая превратила сербов в национальное меньшинство. Жители Сербс-

кой Краины, входящей в состав Хорватии, поднялись на борьбу за свою национально-государственную независимость. Если можно хорватам организовать свое государство, то почему нельзя сербам Краины? Память об ужасах Ясеноваца, колоссального концентрационного лагеря времен войны с Германией, в котором хорватские усташы уничтожили почти 700 тысяч сербов, заставляла братья за оружие.

Но где кончается борьба за справедливость и начинается взаимное уничтожение? Где заканчиваются национальные интересы и открывается поле геноцида? Сербская пресса полна описанием ужасов, которые творили хорваты. Хорватские издания постоянно публикуют информацию о все новых злодеяниях сербов, о новых открытых могилах с останками жертв геноцида, чаще всего мирных мусульман. Рассказами о преступлениях против человечества с той и с другой стороны полна мировая пресса.

– Но санкции ввели против Сербии. И перед Международным судом в Гааге предстали генерал Младич и другие сербские командиры, объявленные военными преступниками. Недавно в Германии Баварский суд приговорил серба Новислава Джаджича к пяти годам лишения свободы, как участника уничтожения мирных мусульман в Боснии. Сейчас там же судят другого серба Николу Йоргича, также «отличившегося» в войне в Боснии.

– Это не сербы, это уголовники, это бандиты! Во всяком народе есть отбросы! – сильно волнуясь, чуть ли не со слезами на глазах, отвечает мне старый спортивный журналист Драган Никитович, легенда Сербского телевидения. – Наши братья только хотели жить по-человечески там, где сотни лет жили их предки, и в Краине и в Боснии. Резню устроили бандиты, и теперь все сербы должны нести этот крест.

О, как стара, как мучительна эта проблема! Какой народ перед каким больше виноват! Трибунал в Гааге к настоящему времени осудил за военные преступления в Боснии 54 серба, 18 хорватов и 3 мусульман. Но можно ли рассуждать здесь только языком цифр?

«Прощаем и просим прощения», – сказали друг другу немцы и французы. «Прощаем и просим прощения», – ска-

зали друг другу польские и германские епископы. «Прощаем и просим прощения», – пытаются сказать друг другу поляки и евреи. Как трудно выговариваются эти слова... И в скольких кровавых конфликтах – прошлых и нынешних – в разных концах мира еще не слышен этот призыв.

В 1995 году хорватская армия в ходе двух молниеносных операций уничтожила «самопровозглашенную» Республику Сербская Краина. Около 400 тысяч сербов тогда бежало из 4,5-миллионной страны. В недавней победе на президентских выборах в Хорватии главы государства семидесятипятилетнего генерала Туджмана, безусловно, сыграл свою роль и этот «успех».

... Мы сидим с Драганом Никитовичем на террасе загородного ресторана «БАСК». Это ресторан спортивного клуба с давней историей. Рядом ипподром, на баскетбольной площадке азартно носятся подростки. Впервые за последние дни выглянуло солнце, играют нежными красками цветы, высаженные в ящиках вдоль поручней террасы. На столе великолепное красное вино и прекрасно зажаренный барашек. Впору говорить о вещах легких и приятных. Но мы говорим о страшном, о тяжелом, потому что Драган Никитович честнейший человек, и от кого же, как не от него, уволенного с телевидения за принципиальную позицию, возглавлявшего до недавнего времени Ассоциацию независимых журналистов Сербии, услышать настоящую правду.

– Конечно, – говорю я, стараясь соблюсти максимум деликатности, – беженцы – это самое страшное, людей лишают крова, земли, будущего. Но ведь Туджман неоднократно предлагал сербам остаться в Хорватии. Загреб не соглашался на независимый статус Краины, но гарантировал весьма широкую автономию. По так называемому плану Зет-4 сербы в Хорватии могли иметь и свою армию, и полицию, и национальную символику, и даже парламент. Может, это все-таки было лучше, нежели полный разгром Краины и сотни тысяч беженцев?

Драган внимательно смотрит мне в лицо.

– Ты много знаешь о нас, – говорит он, – но не все. У нас там, в России, поддерживают сербов, и нам это приятно.

Но мы, сербы, сегодня разделены, как и вы. Есть разные сербы, понимаешь? Это наш президент Милошевич не подержал план сербской автономии в Хорватии. Потому что хорватские сербы нужны были ему для заселения плодородных земель в Боснии. Потому что этими людьми, беженцами, он хотел поправить национальную структуру в Косове, где девяносто процентов составляют албанцы. Что же касается Туджмана, то это тоже не ангел с крылышками. Сегодня он хочет выглядеть таким примирителем народов, балканским Франко. Он хочет захоронить на одном кладбище усталей Павелича и жертв фашистского геноцида. Но ведь это означает предать собственную память... Разве не так ?

Я вижу, как за спиной Драгана застыл с салфеткой через руку добрейший пожилой официант Миро. Он понимает по-русски, и видно, что для него чрезвычайно важно то, что говорит Драган, этот сербский Николай Озеров.

– Все они хороши! – решительно взмахивает рукой Драган. – И Туджман, и Изетбегович, и наш Милошевич – вот главные инициаторы этнических чисток.

– Ты ставишь Милошевича на одну доску с вашим же крайним националистом Воиславом Шешелем? – в изумлении спрашиваю я.

– Они стоят друг друга, – говорит Драган – Просто Шешель говорит то, что у Милошевича на уме. Коммунисты всегда находили общий язык с националистами.

– Выходит, Милошевич – великосербский патриот?

– Милошевич – патриот старой, коммунистической Югославии, – отрезает Драган. – И в борьбе за нее для него все средства хороши.

И я вспоминаю, что буквально на днях независимая газета «Наша Борба» опубликовала документы, свидетельствующие о том, что именно нынешний сербский президент приложил максимум усилий для разжигания боснийского конфликта, а когда произошел взрыв, он всячески подливал масла в огонь.

... Начинается дождь. Мы идем к машине. Официант Миро держит над нами большой цветной зонт. Драгана провожают уважительные взгляды. Таксист, узнав его, рас-

плывається в довольній улыбці. І мені приємно, що старого журналіста знають і люблять. «У вас в Росії...», – сказав він. Драган знає про Білорусі. Він учився на відділенні славістики Белградського університету і добре пам'ятає своїх учителів, російських професорів-емігрантів. Це обмолвка. Але характерна для людей його покоління. Рассыпавшийся Советский Союз для багатьох сербів по-прежнему Росія. «В Росії підтримують сербів...» Можливо, звичайно, розповісти Драгану про характер цієї підтримки, про те, що за слов'янськими лозунгами у нас сьогодні частіше всього ховається чорносопелниця, вступаючи з союзом з старою і новою номенклатурою... Високий дух слов'янської культури, надихавший його російських учителів, не може мати нічого спільного з їх мерзкими «ведомостями» і «набатами».

– А ось Білорусь, на відміну від Росії, не підтримала санкцій проти вас, – вже в машині з тоскливою гордістю зауважую.

– Извини, дорога, – Драган розводить руками, – у нас про це мало знають. Чекаємо підтримки і розуміння зовсім від Росії. А вийшло так, що наші проблеми вирішував містер Клінтон. Знаєш, що таке насправді Дейтонські угоди? Вони були потрібні Клінтону перед президентськими виборами, щоб зібрати побільше голосів на хвилі популярності загасителя боснійського пожежі. Так, він припинив війну в Боснії, але нічого не зробив для повернення біженців. Він по суті закріпив розділ Боснії і Герцеговини на дві частини – сербську і мусульманську, хоча офіційно заявляв, що угода є гарантією їх єдності.

... Дощ припинився. У готель «Москва» ми домовляємося з Драганом про нову, прощальну зустріч. Ще так багато не сказано, не зрозуміло...

Исламский синдром

Засідання кафедри російської літератури закінчується в п'ять годин. По тому Савва Рахович призначив мені зустріч на початку шестого, під великими годинами на «Албанії», кутовому будинку на стику бульвару Теразі і вулиці князя

Михаила. Савва живет в черногорской столице Подгорице. Пять дней в неделю он на работе в Белграде, в университете, а в пятницу вечером уезжает домой. Автобус отходит в семь часов, следовательно, у нас на все про все – и кофе, и разговоры – около двух часов.

– Знаешь, как у нас говорят? – смеется он, устраиваясь за столиком студенческого кафе, раскинувшего свои «шатры» под открытым небом. – Весело, как на Балканах! Это я к тому, что тебе кажется, что мы загрустили. Другим народам трудно нас понять. Но, в общем, людям мало надо для счастья. Это я о белградцах. Вон видишь у киоска парень считает динары. Наверняка он хочет купить сигареты и газету. А хватает только на сигареты. Купит. Потом встретит приятеля. А у того газета. Присядут на лавку, покурят, почитают. А тут подойдет третий, и у него найдутся деньги на кофе или вино. И так до вечера...

– А вот тому парню, по-моему, не нашлось компании, – киваю я в сторону присевшего за крайний столик худого молодого человека в сильно потрепанных джинсах и такой же куртке. Он отрицательно покачал головой на приглашение официанта сделать заказ. – Кажется, у него нет ни на сигареты, ни на кофе... Может, пригласим?

– Ты что? – строго говорит Савва. – Это боснийский серб. Они гордые. Может обидеться.

– Откуда ты знаешь, что он из Боснии?

– Знаю, я их повидал...

Вчера в оппозиционном еженедельнике «NIN» я рассматривал новейшую карту Балкан. В юго-восточном углу Боснии обозначено маленькое государство – Республика Сербская. Самопровозглашенное, никем не признаваемое. Оплот «истинного славянства», выдвинувший своим лидером знаменитого Радована Караджича. В прошлом году Караджич вынужден был покинуть все официальные посты в Республике Сербской, поскольку политики по ту сторону Дрины, руководители Союзной Республики Югославии, считали, что этот крайний националист дискредитирует югославскую объединительную идею и не способствует сохранению сербского единства. На уходе Караджича настаивал и Запад, где его объявили военным преступником.

Зато Караджич – более чем популярная фигура в московских славяно-патриотических кругах. Союз российских писателей провозгласил его великим поэтом и за скромный сборничек удостоил литературной премии. Журнал «Наш современник», горячий пропагандист личности и творчества «героя европейского и христианского сопротивления американско-иудейскому «новому мировому порядку», пишет: «Радован Караджич, возродивший в Республике славянские традиции, воскресивший историческую память в сердцах новых поколений, покончивший с позорным «отделением» Церкви от государства, внушает им (врагам Сербии. – С.Б.) особую ненависть. Тем паче, что Караджич первым из сербских политиков прозрел их сатанинскую сущность, отбросив все условности и открыто назвав *настоящего* врага Православной Сербии».

– Кто же он, этот враг? – спрашиваю я Савву.

– А вы там, в России, в Беларуси, знаете своего врага? – отвечает он вопросом на вопрос.

– Ну, у нас многих назовут... Не меньше десятка врагов наберется. А то и больше... Сионисты – это обязательно. ЦРУ – без него никак нельзя. Мафия – про нее даже дети знают. Националисты – конечно же. Коммунисты, номенклатура – туда же... В общем, у каждого гражданина – свои враги.

– И у нас то же самое, – говорит Савва. – Почитай роман Момчило Селича «Ратный крест». Это у нас бестселлер. Там про врагов Сербии все сказано. А как ты думаешь, вот у этого парня, – он поворачивается в сторону продолжающего сидеть в полном одиночестве и перед абсолютно пустым столиком молодого человека, – кто враги? Хорваты и мусульмане, конечно. А ведь на самом деле первейшие его враги здесь, в Белграде. Высшее начальство наше. Оно на весь мир кричит, что в Сербии сегодня от семисот тысяч до миллиона беженцев из республик бывшей Югославии. А по спискам международных организаций, оказывающих гуманитарную помощь, их немногим более пятисот тысяч, в том числе сто сорок тысяч детей. Власти сознательно завышают число беженцев, рассчитывая получить больше денег, лекарств, продуктов, одежды. Только в прошлом году

Сербия получила помощи на четырнадцать миллионов долларов. А что получил этот парень? Шииш! Сто двадцать тысяч человек не имеют статуса беженца и соответственно – никакой помощи.

– Что же они делают?

– Бедствуют, хватаются за любую работу. Почти пятьдесят тысяч человек заявили о своем желании вернуться в Хорватию. Власти на словах поддерживают это желание, но ничего не делают для его осуществления. Хорватия желает иметь побольше «этнически чистых» городов и деревень. Сербия рассчитывает получить «большие деньги» за имущество, оставленное беженцами. Здесь президенты Милошевич и Туджман сходятся.

– И все-таки ты не ответил на мой вопрос, – говорю я, когда Савва прерывается, чтобы отхлебнуть стынущий кофе. – Ты уж извини за возможную прямолинейность и настырность одновременно. Но клубок ваших проблем столь сложен и запутан. А хочется простоты, которой, конечно же, нет. И все-таки в подоплеке всех политических спекуляций и сшибке «высших» интересов не лежит ли особенно острое, исторически напластовавшее столько зла столкновение на Балканах двух религий – христианства и ислама?

– Но это только повод, именно спекуляция – использование религиозных различий, – неожиданно устало говорит Савва. – Не хочется повторять коммунистические лозунги, но у нас действительно столько смешанных браков...

Я слушаю Савву и припоминаю свой поход в Государственный этнографический музей, что неподалеку от бульвара Терази. Какая невероятно сложная судьба у сербов! Есть сербы, столица которых Белград. Есть сербы из хорватской Краины. Есть боснийские сербы...

Экспозиция Этнографического музея с исторической достоверностью показывает, как шло этническое и религиозное «преобразование» народа. Сербь жили в Боснии издавна. Со времени византийского императора и писателя Константина Багрянородного эта земля считалась сербской. Но с приходом турок началась исламизация. Сегодняшние боснийские мусульмане ведут свое происхождение

ние от исламизированных сербов. Ничего удивительного, если вспомнить историю белорусских татар или белорусов-католиков. Исторически все объяснимо и понятно. Можно жить в одном государстве и веровать по-своему. Никто никому не мешает. Но вот в нормальную жизнь начинает вмешиваться политика, начинает влезать корыстный интерес.

Австро-венгерским властям в конце XIX века понадобилось что-то противопоставить сербскому освободительному движению в Боснии и Герцеговине. И тогда вспомнили, что поселившиеся здесь из других частей империи немцы, чехи, венгры, итальянцы, русины чаще всего к своему национальному имени добавляли и географическое определение – боснийцы. Почему бы не направить политический союз мусульман и католиков против православных сербов?

Время формировало самобытность сербов мусульманской веры. И вот заговорили о «боснийской нации». Не все, кстати, определились национально в этом кипящем котле обычаев и традиций. Библиотекарша в Российском культурном центре сказала мне, что многие белградцы в своем читательском формуляре в графе национальность пишут – «югослав».

Но всегда найдутся активисты, которым хочется определенности. И тогда начинается политический торг на религиозно-этнической почве. Можно и выторговать нечто при соответствующем везении и настойчивости. В Вашингтонское соглашение 1994 года о хорватско-мусульманской федерации в Боснии и Герцеговине вошло название «боснийцы». Может быть, таким образом и создаются новые нации? У нас тоже немало писали о ятвягах-полешуках.

Но – увы – и боснийцы не оказались едины. Враждуя с сербами, боснийские мусульмане и хорваты вступили в затяжной военный конфликт между собой. Конфликт, вылившийся в страшную этническую резню. Сейчас в Гааге судят командующего хорватскими подразделениями в Боснии Тихомира Блашкича, обвиняемого в военных преступлениях, совершенных в 1992 – 1994 годах. Ему инкриминируют этнические чистки, уничтожение мирных мусульман

в центральной Боснии. Президент Туджман в самом начале процесса демонстративно поддержал Бласкича, наградив его орденом «за воинские заслуги» и присвоив звание генерала регулярной хорватской армии.

Ну а уж мусульмане в борьбе с «неверными» никогда не оставались в долгу. Исламский синдром пустил трещины не только по земле Боснии и Герцеговины. Сотрясается от политической нестабильности и входящий в состав Сербии автономный край Косово и Метохия, большинство жителей которого составляют албанцы. По сути албанцы не признают сербское государство, в котором живут, не признают его конституцию и законы. Албанцы не платят налогов, не разрешают своим детям посещать школы, где идет обучение на албанском языке, но по единым для всей Сербии программам и учебникам. Они не лечатся у врачей-сербов.

Албанцы – мусульмане. Исторические счеты с «неверными», презрительно называемыми «райя», у ортодоксальной части населения здесь давние. Чего они хотят? Сначала выделения из состава Сербии. А в дальнейшем, вероятно, Косово и Метохия должны присоединиться к Албании. Рядом с теорией «Великой Сербии» живет теория «Великой Албании»...

И опять в сербской печати идут подсчеты: пусть не забывают албанцы, что в результате объявленного ими террора из автономного края выехали 200 тысяч сербов, а на их место, начиная с 1945 года, с благословения тогдашних югославских властей пришли около 400 тысяч беженцев из Албании...

Что же теперь делать? Президент Милошевич считает, что дело можно поправить за счет беженцев из Хорватии и Боснии. Но это сулит новое обострение ситуации...

– Ты думаешь, албанцы только у нас шумят? – говорит Савва. – Они и в Македонии требуют своего.

– А сколько албанцев в Македонии?

– По официальным данным, двадцать три процента населения. Это из двух с небольшим миллионов жителей страны. Сами же албанцы утверждают, что они составляют тридцать пять процентов. И на этом основании требу-

ют признания прав своего народа, считая, что подвергаются дискриминации.

– Может быть, не без оснований?

– Вообще факты, которые они приводят, справедливы. Например, почти треть солдат македонской армии составляют албанцы, а среди офицеров их совсем мало. Их не берут на работу в полицию, даже в тех районах, где они составляют большинство. В том же Тетове. Кстати, там уже несколько лет работает нелегально албанский университет, но власти не хотят его признать.

– Что же, македонские власти, как и сербские, опасаются, что албанцы, окрепнув сепаратно, затем поставят вопрос о создании собственного государства и отделении? Сумасшедший дом! У вас одна нация, проживая в разных местах, хочет иметь по три-четыре государства.

Савва грустно улыбается:

– Поезжай сам в Скопье, поговори с людьми, посмотри...

Но что такое сегодня поехать из Белграда в столицу Македонии? Это ведь не в бывшей Югославии – просто переехать из одного города в другой. Это из одного государства в другое. Проблемы с визой и прочее...

– Наверное и к вам в Черногорию скоро вот так запросто не поедешь? – говорю я на прощание. – Впрочем, может быть, вера единая удержит вас в одной федерации с сербами... Все-таки – православные... Чего делить?

– Как чего? – удивляется Савва. – А власть? А деньги? А имущество? Разве у вас не это же самое делили при развале Союза? Тем более, что наши черногорские руководители уже заявляют, что в югославской федерации их права ущемлены по сравнению с Сербией. И они непрочь на этом основании рассмотреть вопрос о превращении федерации в конфедерацию. Президент Момир Булатович все больше посматривает в сторону Запада, и это очень не нравится господину Милошевичу. Впрочем, Булатович еще слушается Милошевича, а вот премьер Джуканович совсем отбился от рук, стал «прозападным».

– Выходит, и Черногория может рвануть в свободное плавание... И тогда конец Третьей Югославии?

– Я же тебе говорил : на Балканах всегда весело.

Можно ли установить демократию свистками?

Эти телевизионные кадры запомнились: по улицам Белграда, по проезжей части, идут тысячи людей и свистят в свистки. Так проходил знаменитый «демократический марфон», во время которого белградцы протестовали против антидемократической политики режима президента Милошевича. Я провожаю Савву к автобусной станции, и по дороге он показывает мне места наиболее горячих событий тех дней.

– Вот здесь, на бульваре Терази, студенты нашего университета были задержаны полицией. Но решили не уходить. Так и стояли лицом к лицу. Вместе со студентами были и преподаватели, профессора. Мы требовали убрать ректора, которого нам навязал министр просвещения, человек, управляемый нашими коммунистами из Социалистической партии. Мы давно уже добиваемся настоящей университетской автономии, хотим сами решать свои дела. Ну и, конечно, протестовали против фальсификации результатов местных выборов осенью прошлого года, требовали доступа оппозиции в государственные средства массовой информации.

– Скажи, а когда было страшнее всего?

– Ты говоришь о выступлении студентов?

– Да. Они ведь первыми начали...

Савва на секунду задумывается.

– Понимаешь, не то чтобы страшно, а как-то горько, тяжело было оттого, что мы, сербы, разделены... Впрочем, нет, и страшно тоже было. Особенно в последнюю ночь протеста с 26 на 27 января. Было очень холодно. Студенты танцевали, чтобы разогреться, пытались втянуть в хоровод и полицейских. Ходили слухи, что вот-вот на демонстрантов нападут вооруженные до зубов спецчасти. Говорили, что уже арестованы руководители коалиции «Единство», что может пролиться кровь... Кстати, и полицейские переживали за возможный исход, это было видно по их лицам.

Я слушаю Савву и думаю о том, переживали ли минские милиционеры и омовцы, избивавшие демонстрантов весной этого года. Нет, эти действовали как послуш-

ные роботы, а некоторые даже как садисты – с наслаждением. Одни самозабвенно лупили дубинками молодежь, другие наши сограждане, поглядев по телевизору на этот африканский кошмар, спокойно легли спать, руководствуясь старой мудростью насчет хаты, которая «с краю».

А вот родители белградских студентов поддержали своих сыновей и дочерей. Они были вместе с ними в те дни. Раздавали на улицах пирожки. Холодными ночами готовили там же, на улицах, в больших котлах горячий пасуль. Это сербская национальная похлебка с фасолью и горохом. Миски с пасулем передавали и полицейским. И те ели и благодарили. Наверное, если бы минские омоновцы отважились съесть суп, приготовленный оппозицией, их, скорее всего, расстреляли бы за измену родине.

В четвертом часу утра 27 января полиция сняла свой кордон на бульваре Терази. Она сделала это не за горячий суп. Сербы не захотели проливать кровь сербов.

Руководство митингами и маршами протеста взяло на себя объединение сербских демократических партий и организаций «Единство». В акциях на улицах Белграда, как правило, принимало участие не менее ста тысяч человек. И результат оказался. Власти вынуждены были уступить. Спустя 25 дней после мощных демонстраций протеста президент Милошевич пригласил делегацию ОБСЕ разобраться в скандальной ситуации с итогами муниципальных выборов. Пришлось признать победу оппозиции и отдать ей почти сорок мандатов в городах и сельских районах страны.

– Это была большая наша победа, – говорит редактор популярного еженедельника «Vreme» Драголюб Жаркович. – Но мы не смогли сделать самое важное – изменить политическую систему. У оппозиции не было возможности сделать это, потому что она была лишена более широких контактов с народом, нежели выступления на митингах. В условиях государственной монополии в сфере радиовещания и телевидения как было объяснить людям свое видение страны, ее будущего после свержения коммунистического режима?

Но ведь во время «демократического марафона» на весь мир вещала сразу ставшая знаменитой независимая ра-

диостанция Б-92, вел свои передачи независимый телеканал «Студия-Б»! Посещение этих «гнезд» журналистского свободомыслия в Сербии, беседы с их руководителями оставили сложное впечатление. С одной стороны – нам бы в Беларуси хотя бы такое! С другой – видишь тесноту, старую, изношенную аппаратуру вперемежку с новейшей техникой. Многое склеено, слеплено на живую нитку, держится на энтузиазме работающей здесь молодежи. Возможности независимого телевидения ограничены, оно не может пробиться за пределы Белграда. Невелика и мощность Радио Б-92. То, что его передачи разносились по миру – главным образом заслуга мощных западных телерадиокорпораций.

Доступ оппозиционерам в государственные средства массовой информации по-прежнему закрыт. Поэтому сейчас Ассоциация независимых журналистов Сербии занята развитием сети собственного телевидения. Она уже охватывает восемь городов, в том числе Ниш, Крагуевац, Панчево, Чачак. На очереди еще 30 городов и сельских районов. Независимые журналисты спешат. Дело нужно закончить к осени, когда намечены парламентские и президентские выборы.

Готовятся к выборам и коммунисты. Социалистическая партия подготовила новый законопроект, согласно которому мажоритарная система с пятипроцентным порогом заменяется на пропорциональную. Их вынуждает к этому утрата части электората и страх проиграть выборы.

В редакции журнала «Vreme» висит какой-то замурзанный портрет Тито. Что-то на темы кича.

– Как же так, – говорю я, кивая в сторону неприглядного портрета маршала, – мы вас столько критиковали за ревизионизм, целые идеологические поэмы слагали о югославских ревизионистах, и вдруг, оказывается, что у вас-то и укрепился самый что ни на есть фундаментальный коммунизм?

– Мы вообще страна больших парадоксов, – Драголюб Жаркович говорит неспешно, подбирая слова и затягиваясь новой сигаретой. – Ну то, что коммунисты объединились с псевдокапиталистами, со свежеиспеченными нувориша-

ми, – этим вас не удивить. У вас ведь то же самое. Правда, у нас есть своя специфика. В результате этого симбиоза возникло мафиозное образование с чертами наиболее хищного капитализма и позднего «беспредельного» феодализма. И, конечно же, парадокс, что в стране, которая во времена триумфа социалистического лагеря восстала против диктатора Москвы и повернулась лицом к Западу, – ведь мы туда свободно выезжали, там работали, зарабатывали марки в той же Германии, учились демократии – что именно у нас коммунистическая идеология пустила такие мощные корни. Может быть, поэтому человеку со стороны так трудно постигнуть драму сербского общества...

Популярный сербский писатель и публицист Небойша Попов называет это «сербской драмедией», то есть драмой с элементами фарса и комедии. Действительно, пьеса разыгрывается лихая. Не успело «Единство» отпраздновать свою победу в пересмотре результатов муниципальных выборов, как тут же начало разваливаться. А как же! Ведь забили, засверкали большие посты, кресла, портфели! Заиграли амбиции, страсти, взаимные симпатии и антипатии! Еще осенью коалиция решила, что Сербское Движение Возрождения выставит своего кандидата на пост президента, Демократическая партия – на пост премьера, а Гражданский Союз – на пост председателя парламента. Договорились выступить одновременно и с согласованными лозунгами. Но Вук Драшкович рванул раньше других и без всяких согласований. Стал обещать, что если станет президентом, то сделает все, чтобы сербы вернулись в Книн, Лапац, Грахов и другие свои поселения в Хорватии. «Трагедия двухсот тысяч сербских беженцев никогда не будет забыта!» Предложения Туджмана на ту же тему принципиально не замечаются. Более того, Драшкович утверждает, что будет последним президентом Сербии. После него на трон вернется король. Кто это будет – не уточняет. Наверное, кто-то из потомков убитого в 1934 году в Марселе короля Югославии Александра I. Что на этот счет думают в другой части Союзной Республики Югославии Черногории его не интересует. Как не интересует и мнение на сей счет соратников по коалиции.

Речи Драшковича напоминают отчасти выступления крайнего радикала Шешеля, который сейчас лидирует в предвыборной президентской гонке. Шешель на первом месте, он набрал 22 %, а Драшкович только на четвертом с 9,5 %. Партнеры по коалиции уже не поддерживают его. Во всяком случае, их высказывания достаточно противоречивы. Весна Пешич из Гражданского Союза (помните красивую черноволосую женщину, стоявшую на митингах рядом с Драшковичем?) говорит: «Драшкович – это необыкновенно добрая душа». А в другом интервью утверждает: «У Вука нет реальных шансов выиграть президентские выборы, и он сам об этом отлично знает». Уклончив и Зоран Джинджич из Демократической партии. В беседе по телевидению он предпочитает таинственное «посмотрим».

Поэтому я вновь иду на улицу князя Михаила. Хочется узнать мнение обычных людей.

– Сейчас в Белграде уже не зарабатываешь на продаже свистков, значков и открыток «Единства», – с грустью говорит знакомый продавец сувениров. – Кому это сейчас нужно, если коалиция распадается, один завидует и подставляет ногу другому... Не знаю, кто теперь поведет нас на выборы... Почему они не понимают, что каждая свара в их рядах – это вода на мельницу коммунистов? А коммунисты сейчас как раз все больше объединяются, выгоняют скомпрометировавших себя, делают свои ряды все более плотными...

За столиком кафе на Студенческой площади толкую с двумя студентами-юристами.

– Милошевич уже не сможет третий раз бороться за пост президента Сербии, – говорит Мирослав. – Этого не разрешает конституция – идти на третий срок. Но есть еще пост президента Союзной Республики Югославии, который сейчас занимает Лалич. Его срок заканчивается, и не исключено, что Милошевич пойдет на эти выборы. Конечно, его не устроит чисто представительский пост – делать визиты и раздавать ордена – и он начнет добиваться больших прав.

Мирослав угадал. Спустя две недели после этого разговора стало известно, что Милошевич выдвинул свою кандидатуру на пост президента Югославии.

– Ну а за кого голосовать будешь на выборах президента Сербии? – спрашиваю я.

– Не знаю пока, – отвечает Мирослав, – но знаю, кого вычеркну – Шешеля и Милошевича, если тот все-таки прорвется на выборы. Коммунисты у нас могут многое. Их большинство в парламенте, и, если потребуются, они изменят конституцию, разрешат в третий раз баллотироваться...

– А я буду голосовать за Небойшу Човича, бывшего мэра Белграда, исключенного из Социалистической партии за поддержку оппозиции, – говорит Горан. – Это порядочный, честный человек. В «Единстве» я разочаровался. Подумай только, они имели такую огромную поддержку в обществе. На их стороне была армия и часть полиции. И все растеряли...

– Ну а победа студентов, ваша победа? – говорю я. – Разве ее не было?

Горан машет рукой:

– Это мнимая победа. Ну убрали ректора, а его место занял еще более твердолобый коммуняка. В газетах пишут, что Джинджич, в которого мы так верили, встречается и пьет коньяк с Арканом, военным преступником, убийцей... Понимаешь, мы хотим, чтобы все было чисто и честно, без этой политической грязи. Нам не нужна ни коммунистическая пропаганда Слобо, ни националистические призывы сумасшедшего Шешеля. Нам не нужны чужие земли и города, которые снова хочет завоевать Драшкович. Мы устали от бесконечного вранья, демагогии, продажности и цинизма политиков. Мы хотим жить в нормальной, действительно демократической Сербии. И чтобы нас оставили в покое наши учителя из-за границы...

Как не понять тебя, дорогой Горан...

Наверное, у меня был очень грустный вид, когда я возвращался в гостиницу, и продавец сувениров окликнул:

– Слушай, ты не думай, что у нас все так плохо. Я уже заказал новые свистки и рожки. И котлы чистим. Пасуль будем готовить. Мы им еще покажем! Приезжай осенью. Сам все увидишь...

«Народная воля», 1997, май – июнь.

Boswil

Швейцарские заметки

Три полета в Швейцарию в течение одного лета

Швейцария всплыла в мою жизнь со звонком из одной минской посреднической фирмы. Предлагали написать статью в альбом, который готовили приезжие швейцарские журналисты. Тема – Чернобыльская катастрофа.

– Спасибо за предложение. Но я никогда не писал специально о Чернобыле. У нас есть действительно знающие авторы. Алексиевич, Яковенко... Вероятно, лучше обратиться к ним или еще к кому-то...

– Видите ли, – сказали на том конце провода, – это не наш выбор. Это сами швейцарцы так решили. Мы только посредники и передаем их просьбу. Они сейчас разъезжают по Беларуси, собирают материалы, ведут съемки, но на днях будут в Минске и сами вам все объяснят.

И вот мы разговариваем с Петером Егги и Хуго Егги. Петер – известный журналист, сотрудничающий с несколькими швейцарскими радиостанциями и периодическими изданиями. Его друг и однофамилец Хуго – не менее известный фотомастер. Они уже давно сотрудничают. «Белорусский проект», который они сейчас заняты, – это продолжение серии изданий, посвященных, скажем так, проблемным местам нашей планеты, где происходят экологические, социальные, политические катастрофы... Одним словом, местам, где очень трудно и неблагоприятно. Их поддерживают солидные европейские спонсоры – общественные и личные фонды, институты, благотворительные организации.

– Мы изучали современную белорусскую периодику, – говорит Петер, – и выбрали тебя, с одной стороны, потому, что ты ничего не пишешь о Чернобыле и, следовательно, сможешь написать как-то по-новому, а с другой – нам нужно, может быть, не столько о самом Чернобыле, сколько о том, что такое Чернобыль в современной белорусской жизни, в вашем самосознании. А так как альбом предназначен для западного читателя, хотелось бы, чтобы он понял суть белорусского менталитета, белорусской истории,

белорусских надежд на фоне Чернобыля. Мы читали твои статьи на современную тему. У тебя должно получиться...

Вот такая неслабая задача была поставлена. И срок – 10 дней. Ну не мог я подвести пунктуальнейших швейцарцев. И накатал за неделю с небольшим почти печатный лист. Переслал текст по электронной почте Петеру. И вскоре получил ответ: статья переводится на немецкий язык. Вообще все делалось очень быстро. В марте мы поговорили. А в мае уже был готов альбом, и Петер пригласил меня на его презентацию в городок Солотурн.

Оказалось, что я включаюсь в качестве представителя Беларуси в достаточно громкую общественную акцию. Презентация альбома соединялась с открытием большой фотовыставки, на которой представлены были работы Хуго и замечательного белорусского фотомастера Сергея Брушко (недавно скончавшегося в достаточно молодом возрасте). Сам альбом представлял собой увесистое издание на шикарной бумаге, все тексты на двух языках – белорусском и немецком. В общем, это была совместная работа, в которой черныбыльская Беларусь представляла в двух ипостасях – швейцарской (текст Петера и фото Хуго) и белорусской (мой текст и фото Сергея Брушко). Своеобразным дополнением к ним были отрывки из сочинений школьников из деревень Чернобыльской зоны.

Надо ли говорить о том, что черныбыльская тема, как правило, получает широкий отклик среди отзывчивых на чужую беду европейцев? На открытие выставки в маленьком Солотурне пришли не только местные жители, люди приехали из других городов и местностей Швейцарии. Были журналисты, вело трансляцию телевидение. Потом пресс-конференция, ужин в ресторане...

Все было прекрасно. Но меня точила одна мысль. Петер пригласил меня на три дня. Вот я и раздумывал: это что же – приехать, может быть, единственный раз в жизни в Швейцарию, пробыть три дня пусть в прекрасном, истинно сказочном городке Солотурне, а потом домой? А как же Цюрих, Берн, Люцерн, Женева, Лозанна? Когда я объявил Петеру, что после церемоний в Солотурне уезжаю в путешествие по

стране, он невероятно удивился. Как же это я так, куда-то поеду, один в чужой стране, без связей и знакомств? Да и дорого – проезд, гостиницы... Но я уже позвонил Андрею Санникову в Женеву и попросил заказать номер в недорогом отеле, в Цюрихе меня ждал на своей вилле знакомый славист, университетский профессор Герман Риц, в Берне тоже нашлись знакомые из тамошнего университета...

Вместо трех дней я пробыл тогда в Швейцарии десять. В Берне получил приглашение от руководителей Форума прессы (Medienforum) Восток – Запад приехать на очередную конференцию в августе. С чувством исполненного долга и ожиданием новой встречи с Швейцарией улетел домой.

Каково же было мое удивление, когда через месяц я снова получил от Петера приглашение приехать. Выставка переезжала из Солотурна в кантональную столицу, город Аарау, и Петеру представлялось, что мое присутствие там, как он выразился, «будет не менее удачным, нежели в Солотурне». Но по срокам выходило, что в Аарау я должен быть пять дней, а через две недели в городе Винтертур начиналась та самая конференция Форума Восток – Запад, на которую я получил приглашение во время первого приезда. И я нагло поставил условие – найти возможность для меня, после наших дел в Аарау и в ожидании открытия конференции, пожить и поработать где-нибудь в спокойном месте, скажем в швейцарской деревне.

И эта проблема решилась. Выяснилось, что департамент культуры кантона Аарау имеет какую-то программу по связям с Беларусью. В общем, меня включили в эту программу (Partnerschaft Belarus – Aargau), и ее руководительница Петра пообещала, что две недели я буду жить в Кунслерхаузе, некоем прибежище для художников, писателей, музыкантов, расположенном в сельской местности, где они могут творить и ненавязчиво общаться. Был обещан компьютер. И еще позволили взять с собой жену, что было верхом любезности.

Второй прилет в Швейцарию вылился в целый месяц, если посчитать пять выставочных дней в Аарау, пятнадцать в Босвиле и семь, пришедшихся на кочующий по стране журналистский семинар, организованный Форумом Восток – Запад.

Казалось бы, со Швейцарией можно на время и завязать, впечатлений, поездок, знакомств было более чем... Но страна не отпускала. В конце августа снова позвонил Петер: выставка переезжает в Базель, а там, оказывается, у меня уже запланирована встреча в университете. Я лежал в больнице. Но ведь Петер приглашал всего на пять дней. Да и в Базеле я не был, а рядом в Дорнахе знаменитый штейнеровский Храм солнца. Начало века, русские штейнерианцы Андрей Белый, Ася Тургенева, Максимилиан Волошин, Маргарита Сабашникова... Обо всем этом столько было прочитано...

Режим в больнице был вольный, я там не ночевал, приезжал с утра на машине, дожидался врачебного обхода на своей койке в палате, брал лекарства и к часам 12-и сматывался. Одним словом, поговорил с заведующим, убедил ее, что побывать в Базеле мне просто необходимо и что моего отсутствия никто не заметит, если я улечу, скажем, в четверг, ну а пятница последний день недели, когда в больницах еще лечат и бывают доктора, уже живущие уикэндом, а там два вольных дня – суббота и воскресенье, в понедельник меня еще не хватятся, а во вторник явлюсь как сивка бурка. Бедная заведующая пробормотала что-то неопределенное, вполне похожее на согласие.

Так получились у меня еще и Базель с Дорнахом. Эти заметки – плод трех поездок, точнее полетов в Швейцарию в течение одного лета.

Разнобокий нейтралитет

Наши штампы, относящиеся к Швейцарии, известны: сыр, часы, шоколад... Ну еще, кто пообразованнее, слышали о Вильгельме Телле и швейцарском нейтралитете... Ах да, еще банки, в которых наши нувориши, прячут свои миллионы долларов, и, безусловно, невероятное, вызывающее всеобщую зависть благополучие страны! И, конечно, картинность, даже слащавость, игрушечность пейзажей...

Вот против последнего хочу сразу возразить. И высокогорный перевал Сен-Готард, и снежные вершины Интерлакена, и Женевское и Люцернское озера, и упоительная

красота итальянского Лугано – это все отнюдь не дешевые олеографии. Все настоящее, природа подлинная и даже грозная (Альпы), но ее соседство с цивилизацией высокого уровня порождает особое чувство какого-то единства человека и природы. Надо же суметь так устроиться посреди этих гор, озер... Земли, равнинной местности мало, поэтому естественно, что обихожен каждый клочок. В горах пробиты туннели, многие горные дороги вымощены еще рабами Римской империи. Очевидна гармония жизни человеческого и природы, которая благодарно дарит швейцарцам и целительный воздух, и озерную синеву, и плодovitость необычайно ухоженной земли. Отсюда, конечно, и комфорт здешней жизни, особенно ощутимый для небалованного иностранца из России или Беларуси...

Впрочем, ежели полистать здешнюю прессу, то можно узнать, что эта красота носит косметический характер, что природа Швейцарии отравлена, что самая старая электростанция в Европе, расположенная рядом с Берном, представляет опасность, но выгодна хозяевам, не желающим ее закрытия. Знающему нашу ситуацию человеку из бывшего СССР кажется, что сытые швейцарцы попросту привередничают. Нам бы хотя бы часть такого порядка...

Иногда думается, что и разумность государственного устройства Швейцарии тоже связана с ее природой, необходимостью устроить жизнь в весьма непростых условиях. Нам кажется, что в Швейцарии хорошо было всегда. А ведь еще в начале минувшего столетия это была очень бедная страна. И образ швейцарской гувернантки, кочующий по многим романам и пьесам, написанным в конце XIX – начале XX веков, красноречиво это подтверждает. Молодая или не очень учительница – это был единственный швейцарский экспорт тех времен, потому что на родине прокормиться было трудно. Зато строгое воспитание, высокая нравственность и знание языков привлекали состоятельные семьи, в том числе из России. Иметь гувернантку из Швейцарии было престижно. Трагически сложилась судьба многих из них после октября 1917 г. Кому-то удалось после многих страданий выехать, других насиловали и расстреливали пьяные матросы. Были и пытавшиеся приспособ-

биться в большевистской России. Но этих учительниц музыки и иностранных языков «органы» замели в 30-е годы.

Обо всем этом думалось, когда я в Давосе листал русский журналчик, выходивший здесь в 30-е годы и сохранившийся в местном музее. В одной из статей цитируются слова российского императора Александра I: *«В мои намерения всегда входило не беспокоить Швейцарию, уважать ее нейтралитет и никоим образом не посягать на ее нынешнюю конституцию... Я хочу, чтобы Швейцария принадлежала только себе и чтобы ее внутреннее спокойствие и политическая независимость зависели лишь от стабильности ее конституции».*

Это было сказано во времена, когда победители Наполеона решали, как им обустроить Европу. И какая вроде непривычная лексика в устах российского монарха, одного из вдохновителей Священного Союза: *«Политическая независимость, стабильность конституции...»* Что ж, Александр Павлович был необычной фигурой на российском троне. Все-таки воспитанник швейцарца Лагарпа, многое знал, понимал и в молодые годы был настроен весьма либерально.

Но, несомненно, что и в те времена давность и укорененность швейцарских демократических традиций впечатляла. Днем рождения Швейцарской Конфедерации считается 1 августа 1291 г., когда три кантона – Швиц, Ури и Унтервальден – заключили союзный договор «на вечные времена», заложив основы швейцарской государственности. Потом к ним присоединялись другие кантоны. Конституция, о которой упоминал Александр I, была обновлена в 1874 г. По ней и живет страна Русский царь нашел очень верное слово – «стабильность», вот этим понятием швейцарцы особенно дорожат. Федеральная конституция четко определяет пределы суверенитета кантонов, они лишены возможности заключать между собой договоры политического характера, зато самостоятельность в сфере соглашений экономического характера, при чем не только межкантонального, но и с иностранными государствами, широчайшая.

Каждый кантон это по сути маленькое государство со своей конституцией, парламентом, правительством, департаментами (министерствами), судебными органами. И даже собственным гражданством, наряду с общешвейцарским.

Верховным законодательным органом страны является Федеральное собрание, состоящее из двух равноправных палат – Национального Совета и Совета кантонов. В первом двести депутатов. Во втором – 46.

Я посещал заседания парламента в Берне. Никаких пропусков, вход свободен для всех желающих. Никто не обыскивает при входе, разве что мокрый зонт просят оставить в гардеробе. Никаких службистов из секьюрити в коридорах. Официально охрану (в лице одного человека) в государстве имеет лишь председатель Верховного суда. Президент Конфедерации приезжает на службу на велосипеде. Как тут не вспомнить наши помпезные колонны из шикарных автомобилей с затемненными окнами, перекрытые улицы, сотни сотрудников спецслужб по всему маршруту. Отчего такой страх собственным народом?

Швейцария отвечает на этот вопрос. Здесь общество действительно участвует в управлении страной. Поэтому даже самое высокопоставленное лицо воспринимается здесь как должностное, это чиновник, нанятый за деньги налогоплательщиков выполнять определенные обязанности. Поэтому никакого особого пиетета, преклонения перед занимающим высокий пост. Сегодня он, завтра – другой. Все главнейшие проблемы, затрагивающие жизнь швейцарцев, решаются не где-то наверху, а именно в кантонах, восемь из которых имеют право требовать проведения референдума по пересмотру закона или какого-то федерального решения. Пять вправду добиваться внеочередного созыва сессии парламента. А уж к своим кантональным властям рядовой швейцарец достаточно близок, поэтому у него есть возможность донести свое мнение до парламента.. И если большинством кантонов какой-то проект отклоняется, то он считается не принятым несмотря на то, что за него могла проголосовать большая часть жителей страны.

Итак, 23 независимых государства-кантона с населением около 7 миллионов человек, со сложной политической системой трехуровневой прямой демократии, сумели объединить на конфедеративных началах граждан, говорящих на четырех языках.: 65 % жителей пользуются немецким, 18 % – французским, 10% – итальянским, и совсем небольшая часть

говорит на ретороманском. Первые три языка являются официальными, на них ведется государственное делопроизводство. Но в любом кантоне туристу ответят на английском. А в немецком Берне ни официант, ни продавец не отвернутся от вас, если вы обратитесь по-французски или по-итальянски. Терпимость национальная замечательная, ну и владение тремя-четырьмя языками – норма здешняя.

... С Эриком, студентом Бернского университета, которого бог дешевой славистики профессор Петер Лохр приставил ко мне «для сопровождения», мы сидим в кафе на бульваре швейцарской столицы. Эрик, худой, белесый, в вытертых джинсах и кроссовках, – типичный флегматик, говорит медленно, подбирает выражения. Мне хочется расшевелить его.

– Слушай, – говорю я, – ну если вы такие мирные, нейтральные, на кой черт ваши мужики от двадцати до сорока двух лет считаются военнообязанными, проходят четырехмесячную подготовку, хранят обмундирование и оружие дома? Ну я понимаю израильские порядки. Сам видел, как солдат, прибывающий домой на краткую побывку, приезжает к папе с мамой с автоматом «узи». Но там война с арабами, с террористами... А вы с кем воевать собираетесь?

– Ты забываешь, что швейцарцы с давних времен были воинами, – пытается возражать Эрик.

Да, знаю я, знаю, что европейские монаршие дворы еще сотни лет назад предпочитали швейцарских солдат-наемников. Вон и сегодня у папы римского в Ватикане охрана швейцарская в исторических мундирах. Но сегодня хранить оружие дома – зачем это вам?

– Это называется «вооруженный нейтралитет», – говорит Эрик. – Наша национальная традиция. Ты же знаешь, что наш национальный герой не банкир и не сыродел, а стрелок Вильгельм Телль.

Можно, конечно, поспорить с Эриком и насчет Вильгельма Телля. Тем более, что сами швейцарские историки не очень уверены в правдивости средневековых хроник. Шляпа советника Гесслера, яблоко, стрела, пущенная из лука... Было или не было? Что здесь правда, а что вымышлено народной фантазией? Но стоит памятник Вильгельму Тел-

лю в Альтдорфе, на его родине. И прав Эрик: национальные мифы нужно поддерживать, даже если историки в чем-то сомневаются. Мифы – основа национальной памяти, того, что объединяет народ. На мифах возникают и укрепляются традиции.

Русский писатель, бывший ленинградец Юрий Гальперин, уже лет двадцать живущий в Берне, называет современную Гельвецию (старинное название Швейцарии) «причудливым, хотя и не противоречивым сочетанием афинских принципов и спартанских традиций». Вооруженный народ – оплот демократии. Почти два столетия старейшая республика Европы сохраняет нейтралитет, гарантированный хорошо оснащенной и подготовленной армией-милицией. Царит атмосфера относительного покоя и благоденствия, по мере надобности используется экономический выгодный труд иностранных рабочих, этих илотов новейшего времени.

Мы толкуем обо всем этом в уютной бернской квартире Юры Гальперина, за бутылкой доброго вина и при открытом в зеленую свежесть двора балконе. Юра не был диссидентом, но у него шел постоянный конфликт с советской действительностью, которую он воспринимал «не так», как следовало. И прозу писал, не соответствовавшую идеологическому стандарту. Поэтому не печатали. А тут еще женился на швейцарке, проходившей стажировку по славистике в Ленинграде. И тогда совсем перекрыли краны. Пришлось уехать. Нынче Юрий Гальперин – известный писатель, его издают и на родине и в Западной Европе. Но литературным трудом не проживешь, приходится служить в здешнем Историческом музее. Хотя, как он выражается, его «держат на подхвате», дать какую-то справку по России и проч. А, в основном, он работает на себя – пишет и читает, что дает ему основание утверждать, что в стране Кальвина и Цвингли писательский труд – терпимая форма паразитизма.

– Юра, – говорю я, – ты давно и крепко, если можно так выразиться, ошвейцарился. Ну скажи, откуда такое богатство здесь? Природа дает только для удовлетворения собственных нужд – это лес и гидроресурсы. Да, конечно, здесь

развит туризм, здесь готовят очень квалифицированных специалистов, образование дают замечательное, Швейцария вторая в мире по вкладам в новые технологии и вторая после Люксембурга среди богатых стран. И все-таки львиную долю национального дохода дают банки. Но знаешь, это объяснение, что банковская Швейцария – это очень надежно, это традиционно-солидно, почему-то меня не очень устраивает. Признаюсь, меня мучает этот большевистско-классовый вопрос: а можно ли заработать миллиарды честным путем?

– Ты хочешь, чтобы меня выгнали из страны? – усмехается собеседник. – Я сижу на шее у здешнего налогоплательщика да еще и критикую? Впрочем, будем надеяться, что швейцарская демократия вытерпит... Твой вопрос достаточно наивен. Откуда миллиарды? Ну во-первых, их принес сюда распад колониальной системы. Новые царьки, вставшие во главе государств третьего мира, понесли сюда все, что они высосали из своих подопечных, да к тому же никогда не смогут вернуть предоставленные им кредиты. Все эти торговцы оружием, наркотиками, всевозможные аферисты и политические преступники – на их махинации здесь просто закрывали глаза.

– Да ты прямо как лектор ЦК КПСС рассуждаешь!

– Не переживай! Наша КПСС здесь тоже отметилась своими тайными вкладами, вместе с Чаушеску, Дювалье, шахом Пехлеви, Мобуту, Cosa Nostra, Камора и другими славными деятелями и организациями. Ну и, как тебе должно быть известно, швейцарцы неплохо заработали на сотрудничестве с германскими нацистами в годы второй мировой войны: производство оружия, услуги, посредничество. В оплату поступало золото, принадлежавшее людям, уничтоженным в лагерях смерти.

...Да, я помню начало этого скандала в 1996 году. Тогда американский сенатор Альфонсо д'Амато впервые опубликовал материалы, касающиеся сотрудничества Швейцарии с гитлеровской Германией. Амато обвинил швейцарцев в том, что они не выполнили Вашингтонское соглашение 1946 г., предусматривавшее передачу союзникам всех гитлеровских активов, размещенных в швейцарских бан-

ках. Однако было передано только 60 миллионов долларов, правительство Швейцарии утверждало, что оставшаяся сумма составляла 250 миллионов. Из них было обещано отдать половину, вторая часть должна была покрыть потери швейцарской собственности в Германии. Однако не Швейцария, а Германия, по соглашению 1952 г., выплатила союзникам 125 миллионов долларов.

По оценкам экспертов, которые использовал Амато, Швейцария после окончания войны располагала гитлеровскими активами общей стоимостью в 615 миллионов долларов, из которых только золото составляло 289 миллионов. Отдано было чуть менее 10 процентов. Естественно, что за десятилетия сумма оставленных у себя богатств значительно увеличилась, и, как утверждает комментатор «New York Post» Эрик Брейндел, сегодня составляет 5,5 миллиарда долларов.

– Я слышал, – говорю я Юрию, – от здешних историков и такое: дескать, Гитлер знал, как хорошо подготовлена швейцарская армия, которую составляло все взрослое население, и поэтому не отважился занять эту страну.

– Красивая легенда! – машет рукой Юрий. – Швейцарцы попросту купили себе независимость, отлично сотрудничая с Третьим Рейхом. В сейфы здешних банков плыли потоки золота, ценных бумаг и другого имущества, награбленного в странах, занятых немцами. У Геринга был личный счет в Цюрихе, и один из его адъютантов каждый месяц аккуратно являлся, чтобы узнать, в каком состоянии банковские дела шефа. А тут не только денежками пахло! Ценнейшими произведениями искусства, картинами мировой славы художников!

И далее Юрий рассказывает вообще невероятные вещи, о которых, по его мнению, мировая пресса молчит, потому что вроде не все до конца выяснено. Но якобы у того же сенатора Амато есть материалы, свидетельствующие, что перестраховочные швейцарские фирмы помогали германским подводным лодкам топить корабли союзников.

– Они узнавали заранее их местоположение и передавали немцам, которые оплачивали стоимость страховки, а потом топили эти суда.

Я пытаюсь хотя бы немного вступить за швейцарцев:
– Но ведь они нашли в своих банках, кажется, несколько сот так называемых «мертвых счетов» на сумму в 32 миллиона долларов. И пытаются передать их наследникам, в том числе с помощью Всемирного Еврейского Конгресса. Опубликованы списки...

– Капля в море! Швейцария никогда не отдаст всего несправедливо нажитого, ибо тогда она перестанет быть Швейцарией.

Я не хотел бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, что мой собеседник крайне отрицательно настроен к стране, которая его приютила. Он прежде всего благодарен ей. Но штука в том, что нашему человеку, переселившемуся на Запад и не падающему ниц перед шикарными магазинами, а внимательно глядящему в, скажем так, основы здешнего бытия, постепенно становится понятно, что люди везде только люди, и, как говорит сам Гальперин, «не бывает чистой человечности, как нет абсолютного зла». В советской публицистике бытовало выражение – «язвы Запада». Можно поискать другие термины. Но почему в стране, где собраны груды золота и горы денег, растет число самоубийц, наркоманов и распадаются семьи? Почему так пусты, буквально пустынные улицы Берна после семи часов вечера?

Цивилизация потребления делает свое дело. Но для нас, с нашей нищетой – это недостижимый рай, особенности которого становятся ощутимы только при близком, очень близком знакомстве. А здесь попросту другой уровень проблем, когда нищета Восточной Европы является оборотной медалью пресыщенности Запада. Бывшие сателлиты Советского Союза яростно рвутся в Европейский Союз. Но там их не ждут. Все давно поделено. И как шматок грязи в лицо Польша сегодня получает (вместе с Венгрией и Чехией) предупреждение, что если их и допустят в святилище, то семь лет будет действовать запрет на право работать их гражданам в странах, старых членах союза. И другие ограничения будут действовать... Уже и выражение соответствующее кочует по газетам – «члены второй категории».

Европа объединяется! Свои планы на этот счет у немца Шредера, свои – у француза Жоспена. Но что в основе это-

го процесса? Концентрация производства, сращивание банковского капитала. Пресловутая глобализация, смертное дыхание которой чувствуют тысячи людей, выходящих с протестами на улицы. Потому что завтра их лишат социальной защиты, а послезавтра выбросят на улицу. Работодатель будет кричать, что ему очень, очень трудно (душат конкуренты, та же Япония), но в уголке уже подсчитал и дешевизну непритязательной рабочей силы и собственные сверхприбыли. Но это, повторяю, западные проблемы, до которых нам, как до Марса.

А Швейцария – умница. Не рвется в Евросоюз. Зачем ей? Чтобы в страну хлынули эти бедняки с востока, готовые за несколько сотен франков на любую работу? Кажется, уже дважды проводился референдум. Но не желают швейцарцы в Евросоюз. А вот последний очень заинтересован в их вступлении. Потому что касса, общак европейский, который сколачивают новейшие ростовщики, спекулянты и бюрократы, сильно увеличился бы. Хотя красива и даже прекрасна мечта – Объединенная Европа! Мечта, уже претворяемая в известных муках. Хотя Хлебников брал шире, говоря, кажется, о «правительстве Земшара»...

И вместе с тем очевидно: выгода теснит и христианскую этику и коммунистическую мораль. В последнем мы в бывшем СССР убедились, когда увидели, что «общенародное» вдруг стало собственностью немногих, обязательно связанных с властью. Что до христианской этики, то у нее на Западе сохранились островки. «Островами гуманизма и культуры» назвал западные университеты Чеслав Милош. Но есть и другие места...

Швейцарский дом и швейцарский уголок

Я не знаю как обозначить Босвил. По швейцарским понятиям – это деревня. По нашим тянет не то что на поселок городского типа, а на добрый, ухоженный районный городок. Много коров с колокольчиками. Но эти коровы, естественно, упитанные и как-то уж очень важные, имеют свои территории в этом городке, где им достаточно просторно и даже уютно. Босвил пересекает шоссе, а остальные улицы –

это почти тропинки между рядами добротных виш, которые выделяются не каким-то показным богатством, а именно добротностью, какой-то функциональностью, разумностью постройки, осуществленной так, чтобы было и красиво и экономно. Гараж, конечно, уходит под землю. Участок, как мы говорим, приусадебный поделен так, чтобы было место и овощам и фруктам, и, конечно же, особой заботе швейцарцев – цветам. Вот цветы швейцарцы как бы выставляют напоказ, как бы соревнуются друг с другом и в выращивании разных диковинок, и в формах самих цветников.

В Босвиле разнообразные магазины, кафе, вокзал, почта, великолепная школа со стадионом, есть медпункт. Кстати, врачи принимают и на дому. Надо только позвонить, договориться. На почте есть справочник – выбирай любого специалиста от кардиолога до окулиста. Что они здесь делают? Да просто живут, а работают в соседнем Цюрихе, всего тридцать километров на машине. Так что можешь проконсультироваться в своей деревне, а лечиться уже в серьезной цюрихской клинике. Или в Мури, уютном городке неподалеку, где есть больница.

Впечатляет готика главного кальвинистского храма в Босвиле. Он был бы украшением не скромной деревни, но и столичного города. Рядом кладбище. Склепы семейные, родовые. С памятниками, скромными оградами. И тихо, пусто, безлюдно. Не только здесь, на кладбище, но и в храме, и на улицах, и на участках возле домов. Где люди? Где жители Босвила?

– Все работают, – объясняет мне Петра. – Это ты, бездельник, шатаешься по деревне, а люди заняты.

Это, правда, швейцарцы в своей деревне заняты, но как-то неприметно, нужно приглядеться, чтобы в тени дома заметить что-то мастеращего хозяина или поливающую цветы хозяйку. Я не знаю, как сейчас в белорусской деревне – давно не был, но раньше там всегда здоровались с незнакомым встречным. В Босвиле и дети и взрослые при встрече говорили мне «крюици!» Это ретороманское «здравствуйте». Я быстренько выучил это слово и стремился первым поздороваться, чему, впрочем, никто не удивлялся, и мне тоже отвечали «крюици».

Моей мечтой было попасть в швейцарский дом, обычный, деревенский, поговорить с хозяевами.

– Поедем в Давос, проживешь в доме моей матери, – обещала Петра.

Мы действительно съездили в Давос, эту Мекку вершителей экономических судеб мира. Но, слава Богу, тогда было тихо, никакого столпотворения. И побродили в долинах, и поднимались в горы на подъемнике. Кстати, во время последнего, а точнее, когда спускались, какой-то женщине стало плохо, ее уложили посередке кабины, идущей вниз, но люди продолжали набиваться. Женщине явно нехватало воздуха, люди кричали, чтобы другие больше в кабину не лезли. Но народ с каким-то молчаливым упорством втискивался, буквально наступая ногами на лежащую. Я ощутил ненависть к туристам. Впрочем, она несколько поблекла уже в долине, когда хозяйка рестораника, в котором мы обедали, сообщила, что это излюбленное место Черномырдина. Он обязательно сюда заходит, когда приезжает в Давос. Об этом свидетельствует и некая табличка, что-то вроде диплома в рамке на стене действительно замечательного своей кухней заведения. Стало смешно...

Но вернемся к домам швейцарцев. Они индивидуалисты и стремятся жить наособицу. Но в этой жизни в отдельных домах, виллах есть некий двойной стиль. В одном случае это с разумной функциональностью возведенные постройки, величина и шикарность которых определяется и составом семьи и банковским счетом хозяев. Такие дома с определенным количеством спален, гостиной с камином, удобной мебелью и гравюрами на стенах можно встретить и в Германии, и в Австрии, и в Италии... Но есть и другой стиль, который я бы окрестил чудаковатым. Это когда или весь дом или какая-то его часть представляют собой нечто весьма загадочное, если иметь в виду систему разных переходов, многочисленных лестниц, каких-то закоулков, причем довольно мрачных. Вот в давосском доме Клавдии, матери Петры, все было перемешано: тут и типично европейские удобные спальни и кухня, на которой не стыдно принять гостей, и вместе с тем такие лазы, лесенки, пере-

ходы, какие-то невероятные архитектурные комбинации, предназначение которых просто непонятно.

– Старый дом, – объясняет Клавдия. – Мы его давно купили, муж умер, и с тех пор ничего не перестраивалось.

Здесь-то я и увидел впервые то, что имеется в большинстве швейцарских домов и называется «швейцарским уголком». Это, как правило, небольшая экспозиция, состоящая из игрушечного сказочного домика, хлопчущих возле него гномов, нескольких старинных гравюр и монет и обязательно маленького швейцарского флага. Экспозиция может варьироваться по части набора предметов, но флаг, подчеркиваю, обязателен. Швейцарцы – большие патриоты. Национальные символы – флаг и герб – украшают их дома не только в дни праздников.

«Швейцарский уголок» с течением времени примелькался. Входя в дома швейцарцев, я почти автоматически искал его. И почти всегда находил. И когда не обнаружил в доме своего друга журналиста Петера Ягги, то даже сделал ему замечание: какой, мол, ты швейцарец, ежели у тебя нет «швейцарского уголка». Впрочем, этот недостаток искупал сам дом моего приятеля. Представьте, на краю деревни, буквально на отшибе, стоит нечто абсолютно бесформенное, сарай не сарай, какое-то нагромождение кубов. В одном из них добротнo обставленный офис, компьютер со всеми причиндалами и прочая аппаратура... В другом – кухня, в третьем – спальня... Но когда я попытался сунуться в самый большой куб, Петер остановил меня: «Туда нельзя. Опасно!» И в самом деле лучше туда не соваться: переплетение нелепо перекрещивающихся балок, какие-то свисающие каналы, обломки старой – старинной? – мебели... Все это добротнo пропахло пылью и паутиной.

– Зачем тебе этот театр? – спросил я.

Петер махнул рукой:

– Тебе не понять. Мы, швейцарцы, устали от европейского радио, мы бежим от него... Поэтому любим играть в разные чудачества.

– Ты сам организовал это чудачество?

– Осталось от прежнего хозяина. Но я потому и купил эту виллу...

Оказывается, это вилла, а я все про сарай... Когда Петер назвал сумму, которую он заплатил за... за что? – я чуть не присвистнул.

– Это ты за пыль заплатил?

– Что ты понимаешь в нашем национальном характере? – ответил мой друг.

Я действительно ничего не понимаю в швейцарском характере. Но то, что страсть к чудаковатым жилищам это в Швейцарии не случайность, я имел возможность убедиться позже. О чем читателю будет рассказано отдельно.

Кунслерхауз

Где находится Кунслерхауз (Дом искусств) в Босвиле знают все. Издалека видна башня старинной кирпичи, окруженная высокими липами. Когда подходишь ближе, понимаешь, что находишься в весьма старинном месте. В очень давние времена кирха, безусловно, выполняла роль крепостного сооружения, о чем свидетельствуют ее возвышенное положение, окруженность мощными валами, увенчанными по всему периметру высокими стенами из дикого камня. Крепкие ворота, угловые башенки с бойницами... Крепость да и только...

Рядом, но за пределами непосредственно церковной территории солидный, в три этажа, особняк, бывший пасторский дом. В нем теперь и размещается своего рода приют, впрочем, я не знаю как точнее можно обозначить это жилище, в котором обитает небольшое число людей, частных, скажем так, к художественному творчеству. У нас бы это назвали что-нибудь вроде «дома творчества», из тех, коими в советские времена обильно и в разных краях располагал Союз писателей. Но меня больше тянет к слову «приют», хотя ничего сиротского здесь нет. Впрочем, нет и намека на фальшивую советскую «домотворческую» роскошь. Все очень функционально, удобно, просто, чисто. Я, к примеру, жил в комнате с аккуратно побеленными стенами, деревянная удобная кровать, шкаф, столик... Ничего лишнего. Да, еще приемничек. Ну и впоследствии принесли, как договаривались, компьютер.

Может быть, обозначение «приют» здесь уместно еще и потому, что обитателей совсем мало – человек восемьдесят, не более. И сходимся мы вместе только за обедом, в общей столовой, что на первом этаже. Что касается завтрака и ужина, то тут каждый действует по собственному усмотрению. Можно попросить что-то приготовить, несложное, кашу или салат, молоденькую обслуживающую Эльзу. Или самому сделать бутерброды, взять из холодильника банку пива или какую-то из стоящих на буфетной стойке бутылок с вином. Разумеется, чай разнообразный в пакетиках, кофе, сладости, фрукты...

Расчет такой: жилье бесплатное, за обед (ежели обедаешь) заранее вносишь весьма умеренную сумму, а вот за взятое из буфета и холодильника сам оставляешь деньги в специальной корзинке, рядом с которой прикреплен преискурант. Никто, разумеется, не контролирует и не следит, сколько ты чего взял и как расплатился. Предполагается, что ты безупречно честен.

Такая вот коммуна. Я был тогда единственным представителем пишущей братии. Остальные? Ей-Богу, ничего о них не знаю. Была молчаливая пожилая пара. Был какой-то студент из Франции, налегавший на пиво. И еще группа молоденьких немцев во главе с приблизительно сорокалетней фрау. Это были последователи какого-то мудреного восточного культа. После завтрака они уходили в кирху и там запирались. Я знал, что в кирхе есть орган, что там проводятся концерты и фестивали, именуемые «Босвилской джазовой осенью». Но что делают там эти йоги-не йоги? Как-то боковая дверь в храм оказалась неплотно притворена, и я заглянул. Юные немцы на каких-то подстилках занимались чем-то вроде аэробики. Звучала музыка. Фрау, заметив меня, замахала руками, музыка прервалась...

За обедом, фрау, вероятно, пытаясь показать, что она вовсе не раздражена моим неожиданным вторжением во время их медитаций, любезно поинтересовалась откуда я. Услышав «Вайсрусланд», она благосклонно кивнула: «Да, я знаю, это между Германией и Польшей». Я не решился вторгаться в географические тонкости.

– Слушай, а что у вас делают эти восточные мудрецы из

Баварии? – спросил я как-то Якоба, помощника Петры в «Кунслерхаузе». – Все-таки у вас тут художественный фонд действует, прибежище для поэтов, музыкантов...

– Во-первых, они платят нам хорошие деньги за свое пребывание, а, во-вторых, это тоже люди искусства, их медитации, соединенные с музыкой, имеют последователей, увлекают многих ценителей, – строго ответил лысоватый и всегда озабоченный Якоб. – Впрочем, если тебе хочется знакомства с богемой, сходи в дом к художникам.

Дом художников – деревянное и диковатое по своим формам, как и многие деревянные постройки в Швейцарии, сооружение – стоял сразу за оградой Кунслерхауза, обращенный к винограднику, за которым текла узкая речка, двигаясь вдоль которой в течение часа можно было выйти к прелестному старинному городку Мури. В этом обширном по размерам строении обитали двое художников из Болгарии – Даниель и Оруне. Даниель, молодой, тридцатилетний, красивый болгарин, был большим любителем швейцарских вин и регулярно опустошал буфетную стойку, которую терпеливо пополнял каждое утро Якоб. Оруне ежедневное пьянство Даниеля приводило в ярость. Они была всего лишь его соотечественницей, но именно это обстоятельство внушало ей необходимость бороться за трезвый образ жизни своего коллеги.

– Пойми, – объясняла она мне. – Нас пригласили сюда как талантливых болгарских художников, нуждающихся в творческой и материальной поддержке. Мы должны работать, а Даниель пьет каждый день. Разве после нас теперь захотят кого-то из Болгарии пригласить в Босвил?

Даниель уверял меня, что Оруне наводит на него напраслину и в доказательство повел в полуподвальные помещения пасторского дома, где была уже готова выставка его работ. Это был авангард со сложными росписями и комбинациями разных предметов, которые, кажется, называются инсталляциями. Я уважительно постоял перед каждой работой, а потом Даниель сел за стоявшее тут же пианино и целый вечер играл и пел блатные песенки из советского довоенного репертура. Особенно ему удавалась «Мурка»...

Потом мы пили швейцарское вино в буфете столовой,

затем перебрались на кухню дома художников... И говорили про новую, уже несоциалистическую Болгарию, в которой, по словам Даниеля, жизнь довольно паршивая, хотя он никогда не поддерживал коммунистов...

Но вот в одно утро Даниель известил меня, что вечером в столовой Кунслерхауза будет банкет, что приедут меценаты, купившие за большие деньги его работы. И действительно был банкет, и были меценаты из Цюриха и Берна, они не только купили работы Даниеля, но и выпустили великолепный каталог, посвященный его творчеству. Так я узнал, что Даниель – талантливый художник.

Якоб сиял. Успех Даниеля – это был успех Босвилского фонда, успех Кунслерхауза.

– Я знаю, он выпил половину наших винных запасов и почти ничто не заплатил. Но посмотри – какой успех имела его выставка!

Вот это и есть главное предназначение Кунслерхауза – помочь творцу, художнику, дать ему возможность состояться, написать книгу, картину, оперу или симфонию. Если надо – в Кунслерхауз приглашают симфонический оркестр из Цюриха, и здесь впервые исполняется новое произведение... Ну а уж художнику и подавно нечего переживать по поводу холста, красок или других подручных материалов – все будет, только твори...

И все это – инициатива самих жителей Босвила, никто их не уговаривал, не подначивал создать фонд «Дом искусств в Босвиле». А началось все с восстановления разрушенной церкви и старого пасторского двора в 1953 г. Начальный капитал составлял всего 700 франков. В 1964 г. фонд насчитывал 500 членов, а 1980 г. их было уже 2000. Пошли концерты, выставки, разные благотворительные акции, семинары, симпозиумы по проблемам культуры... Фонд возглавляет совет из семи человек, определяющий на что пойдут собранные от спонсоров и вырученные от концертов и других акций средства. Совет решает, кого и из каких стран пригласить... И правило здесь такое: ежели человек хоть раз был приглашен в Босвил, он становится членом здешней художественной общины и может приехать сюда уже сам, без приглашения, предварительно со-

гласовав лишь сроки своего пребывания. Поэтому приглашения в Босвил удостоиваются немногие. Это могут быть и маститые художники, известные в мире искусства люди, и талантливые начинающие молодые, и скромные литераторы, вроде автора этих строк. Совет фонда может заинтересоваться личностью приглашаемого, его страной, какими-то особенностями его творчества. В любом случае нужны соответствующие рекомендации, которые могут исходить прежде всего от самих членов фонда или от уважаемых творческих организаций.

Кунслерхауз – гордость Босвила. Здесь как священные повторяют имена почетных постояльцев – музыкантов Пабло Казальса, Марселя Мезе, Вильгельма Бокхауза, Клары Хаскил, писателей Гюнтера Грасса, Эрика Буркхардта, Питера Лотара, Франца Холера.

Альберт Райшек

Рядом с Кунслерхаусом, буквально примыкая к нему, стоит громадное неказистое строение – дом не дом, амбар не амбар. Высокий фундамент сложен из дикого камня, выше – бревна, доски, наконец, двускатная крыша под посеревшей черепицей. В доме, считая мезонин, четыре этажа. Но только одна его часть, фасад, что ли, выходящий на окно моей комнаты (я гляжу свысока), напоминает именно дом, остальная продолговатая часть, вытянувшаяся на добрые полсотни метров, больше похожа все-таки на амбар или гигантскую ригу. Между фасадом и моим окном растет высоченная ель, с которой ко мне в комнату набиваются комары. И хотя они швейцарские, то есть обитающие в центре европейской цивилизации, кусают не хуже наших белорусских. Перед сном я с польским иллюстрированным журналом в руках устраиваю охоту. Ее следы – кровавые пятна с раздавленными комарами – разукрасили чистейшие белые стены.

И все-таки утром я раскрываю окно и с удовольствием наблюдаю, как хозяин дома-амбара, весьма почтенных лет грузный седой старикан профессорского вида хлопочет в своем цветнике. Кусты он обрезает с такой геометричес-

кой точностью и по высоте и по бокам, что получаются образцовые фигуры – квадраты с вогнутым углом, кольца и ромбы, внутри которых цветут розы.

От центрального входа в Кунслерхауз к дому-амбару идет гравийная дорожка, довольно широкая. Петра в день прибытия проехала по ней на своей машине, хотя на другом ее конце, упирающемся в асфальт улицы, ведущей к железной дороге, укреплен щит с надписью «Частное владение». Видимо, у обитателей Кунслерхауза с хозяином дома-амбара нормальные отношения – все-таки соседи. И когда я, направляясь на станцию, прохожу по дорожке, старик, постоянно перебирающий какие-то вещи под уютным навесом у своего крыльца, приветливо бросает мне «Грюитци!» Было видно, что ему одиноко, и он непрочь поговорить. Однажды к традиционному приветствию он присовокупил: «Как дела?» Это, конечно, было приглашение к знакомству и разговору. Я, разумеется, сразу же похвалил цветник. И неожиданно удостоился того, чего никак не ожидал, но страстно желал. Хозяин сделал приглашающий жест – я могу войти в дом.

Сколько раз, блуждая по босвилским улочкам, я размышлял об этой возможности – проникнуть в эти ухоженные и неприступные дома-крепости, всегда молчаливые, как будто безлюдные и одновременно источавшие максимальную обустроенность и очеловеченность.

Альберт Райшек оказался потомком давно онемеченных чехов, полтора столетия назад переселившихся в Швейцарию. Он ни слова не знает по-чешски. Зато узнав, что я из России (про Беларусь и даже WeisRusland говорить бесполезно – это понятие в швейцарской деревне начисто отсутствует), значительно произносит: «Достоевский!» И одобрительно хлопает меня по плечу. Понимая, что на меня таким образом возлагается некая ответственность за русскую литературу, я обреченно киваю головой.

Слава Богу, на этом «литературная часть» заканчивается, и мы переходим в сферу изобразительного искусства. Собственно, переходить не требовалось. Я просто окунул-ся в нее, поскольку все комнаты, все площадки на этажах и сложных лестницах-переходах этого фантастического дома

украшены картинами. Наверное, их несколько сотен. Полотна довольно значительного формата и сплошь модерн: пятна, причудливые линии, странные композиции. Замечалась, впрочем, одна особенность: почти на всех картинах сквозь напластования красок пробивался какой-то луч. Альберт поясняет, прикоснувшись к одной из картин: «Парапсихология!»

Автор всех картин – его жена Марта, умершая пять лет назад от рака. Весь дом полон памятью о ней. Альберт благоговейно приглашает меня в святилище – ее рабочий кабинет и одновременно мастерскую. Марта была не только художницей, но и писательницей. Здесь мемориал. На столике ее очки, развернутая книга, недописанный листок, ручка, какие-то безделушки. И фотографии, множество фотографий в деревянных рамках. С них смотрит некрасивая темноволосая женщина, у нее пронзительный и одновременно печальный взгляд. У меня срывается слово «музей», но Альберт решительно возражает:

– Что ты? Это не музей! Это ее дом! Она продолжает жить здесь. И разговаривает со мной.

Он показывает мне, как это происходит. Мы усаживаемся в глубокие кожаные кресла. Он ставит аудиокассету.

– Это Малер? Ты знаешь Малера?

Да, я знаю музыку этого печального австрийского композитора. Минут десять мы проводим при трагическом рыдании скрипок.

– Марта не может придти, когда ты здесь, – говорит Альберт. – Когда приходит, она делает так...

Он опрокидывает стоящее на столике фото в рамке.

– Тогда я узнаю, что она пришла. Ты мне не веришь? Думаешь, что я сумасшедший?

Нет, он совсем не сумасшедший, этот крепкий старик Альберт Райшек. От него веет уверенностью, цепкой житейской хваткой.

Альберт выключает музыку. Мы спускаемся в его комнату на первом этаже. Как и в давосском доме Клавдии, здесь есть «швейцарский уголок». Только у Альберта вещи покрупнее – великолепная конская сбруя, массивные колокольчики из кованого металла, конечно же, гравюра с

деревенским пейзажем и замысловато выполненный из каких-то лоскутков национальный флаг.

Альберт роется в ящиках резного письменного стола и спрашивает:

– Ты знаешь Гюнтера Грасса?

Мне приходится сообщить, что лично с Грассом я незнаком, но книги его читал. Альберт извлекает, наконец, небольшой альбом в кожаном переплете. Это своего рода книга отзывов, записей, оставленных жившими в Кунслерхаузе знаменитостями. Альберт, один из основателей и членов правления фонда «Кунслерхауз», годами собирал эти автографы. Вот, действительно, обширная и очень теплая по содержанию запись Гюнтера Грасса. Оказывается, в Босвиле, помимо него, жил и давал концерты знаменитый виолончелист Пабло Казальс. Здесь бывали русские композиторы Эдисон Денисов и Альберт Шнитке.

Видно, что Альберт несколько колеблется, дать ли мне сделать в альбоме запись. Но очень быстро принимает правильное решение, и мы направляемся к выходу. В небольшой проходной комнате старик задерживается. Он явно в нерешительности. Затем делает отчаянный жест рукой и подзывает меня к упирающемуся в потолок шкафу с дверцами цвета перспелой вишни. Торжествующе распаковывает его, и я вижу десятки громадных, толстенных альбомов, на переплете которых одно слово – «Rusland». Альберт бережно раскрывает один из альбомов. Я не филателист, хотя в детстве собирал марки. Но представляю, как забилося бы сердце настоящего знатока. В полусотне альбомов хранятся марки России и Советского Союза – с середины XIX века до начала 40-х годов двадцатого столетия. Коллекцию собирали дед и отец Альберта. У них, несомненно, был какой-то корреспондент в России и, возможно, не один. В отдельные альбомы вклеены письма и открытки из России. Есть тексты с «ятями» и «ерами». Разумеется, выгода была обоюдной: предки Альберта слали в Россию швейцарские марки, шел нормальный обмен.

Альберт не дает мне углубиться в разглядывание старых российских марок, решительно отнимает альбом и прикладывает палец к губам: «Мафия!» Да, за такую кол-

лекцию будешь опасаться. Я пытаюсь напроситься на завтрашний день, можно ли придти и спокойно посидеть за столом, полистать, хорошо бы с увеличительным стеклом...

– Что ты? Завтра в Цюрихе такой футбол! – говорит Альберт. – «Гроссхуперс» играет с турками. Разве ты не поедешь? Можем вместе на моей машине.

Нет, я не поеду на футбол в Цюрих. Меня это не увлекает – провести полтора часа под гром барабанов, свист разных дудок и пищалок. Но и марок из Rusland мне больше не видать. Это ясно. Альберт и без того пересилил себя, доверил мне такую тайну...

Утром следующего дня я прохожу по гравийной дорожке мимо дома Альберта и ловлю себя на том, что взглядом проверяю, заперта ли дверь, все ли хорошо...

Вроде все хорошо. Ведь это благополучная Швейцария. Здесь не воруют. Впрочем, нет, воруют. Но уж, конечно, не в деревнях...

Воруют ли в Швейцарии,

или

Приключения проездного билета

Швейцарские магазины располагают к воровству. Это безбрежные океаны продовольственных и промышленных товаров, среди которых бродят редкие покупатели. Никаких надзирающих контролеров. В иных универмагах и кассу иной раз найти сложно. В одном женевском магазине мне сказали, что за плавки, купленные на первом этаже, я могу расплатиться на втором – вдруг там мне захочется еще что-то купить. А ведь можно и не платить, сунуть те же плавки в сумку, никто тебя проверять не будет. У выхода не стоят, как у нас, обшаривающие тебя суровым взглядом крепкие парни...

Наверное, где-то укреплены телекамеры... Но, в общем, швейцарские магазины немало терпят от воровства. Велико желание завлечь покупателя доступностью, видимой бесконтрольностью, но и соблазн велик. Тема магазинного воровства – одна из постоянных на страницах швейцарских газет. Как правило, обвиняют эмигрантов. Кто же еще способен на такое, как не бедные пришельцы, буквально

заполонившие страну? Но вот недавно были опубликованы результаты социологического исследования. Выяснилось, что, в основном, воруют коренные швейцарцы. Открытие более чем неприятное. И все-таки я утверждаю, что Швейцария – страна честных людей, в чем убедился на собственном опыте.

В Базеле я решил воспользоваться факсимильным аппаратом гостиницы, в которой жил. Но его надолго занял какой-то американец, то ли отправлявший, то ли получавший много документов.

– Зачем ждать? Пойдем на вокзал, это рядом, там есть почта с несколькими факсами.

С предложением моей молодой базельской знакомой и помощницы Беттины, вообще отличающейся умением экономить время, нельзя было не согласиться. Спустя полтора часа после того как мы на железнодорожной почте отправили факс я обнаружил, что забыл там папку с документами, среди которых были и паспорт и обратный авиабилет. Задыхаясь, я летел к вокзалу, Беттина еле поспевала за мной, повторяя: «Успокойся! У нас ничего не пропадает!»

«Ну да! – повторял я про себя. – У них ничего не пропадает, но не может же моя папка полтора часа спокойно лежать в помещении, где толчется столько народу». И тем не менее она лежала на том самом столике, где я ее оставил. Мне показалось, что ее даже нисколько не сдвинули.

А, может, не надо умиляться? И у нас бы, возможно, никто не взял бы эту папку... Но, признаюсь, точит червячок сомнения..

Другая история совсем фантастическая. Ее можно назвать железнодорожной. Железные дороги – основное средство коммуникации в Швейцарии. Страна гористая, с сильно пересеченным ландшафтом. Поэтому если уж прорубили дорогу, то, как правило, параллельно идут и железнодорожный путь и автомобильный. Но автодорога не для автобусов, а для легковых автомобилей. Да и зачем автобусы, если в любую точку доходит поезд, комфортабельный, следующий с относительно небольшими перерывами, минута в минуту соблюдающий расписание? А последнее построено так, чтобы пассажир, прибывший на узловую

станцию, сумел за пять минут совершить пересадку. Швейцария покрыта густой железнодорожной сетью. Но проезд стоит недешево. Впрочем, как и всюду на Западе, здесь действует система всевозможных льгот при покупке определенных проездных билетов – на три дня, на неделю и т.д. Есть билеты, позволяющие в течение определенного времени одновременно путешествовать по железной дороге, пользоваться общественным транспортом (трамвай, автобус) в городах и даже отправляться на прогулки катером по швейцарским озерам.

Вот такие билеты первого класса Форум OST – WEST закупил для всех участников семинара. Кстати, довольно дорогие. Билеты эти дожидались приезда участников семинара. А мой руководители Форума выслали по почте в Босвиль, чтобы я не чувствовал себя там пленником, не скучал и мог в течение почти двух недель до начала семинара ездить, куда заблагорассудится.

Но так вышло, что еще не получив этот билет, я должен был проводить жену в Цюрих, откуда она улетала в Минск. Накануне мы договорились с Петрой, что она отвезет нас с Тамарой в аэропорт. И тут случилась неувязка – Петра ждала нас на своей машине у одного выхода из здания фонда, а мы ее – у другого. Опасаясь опоздать на самолет и решив, что Петра по какой-то причине не смогла приехать, мы ринулись на железнодорожную станцию. Петра догнала нас на машине уже в Ленцбурге, где мы пересели на поезд, идущий в Цюрих. Мы увидели ее на платформе из окна тронувшегося поезда. Она что-то кричала, делала какие-то знаки рукой. Ну откуда нам было догадаться, что она успела получить на босвильской почте мой проездной и, желая сэкономить наши деньги хотя бы на обратном билете из цюрихского аэропорта до Босвиля, попросила контролера передать его мне.

Человек в форменной фуражке действительно прошел через наш вагон держа в руках раскрытый проездной билет и обращаясь к пассажирам. Он бормотал: «Герр Буци, герр Буци...» Ну откуда мне было знать, что он показывает мой проездной? К тому же фирма «Швайцтуризмус», выдавшая этот документ, так изобразила мою фамилию, что

мне и в голову не могло прийти, что герр Буци – это я. Короче, я отрицательно мотнул головой, когда контролер попытался показать мне билет. Я решил, что ищут пассажира, потерявшего свой проездной. А я точно знал, что ничего не терял.

Вернувшись часа через три в Босвил, я узнал от расстроенной Петры, что проехал мимо собственного проездного билета. И сам ужасно расстроился. Это ж какие деньги заплачены за возможность ездить по Швейцарии целый месяц! И вряд ли мне купят новый билет... Во всяком случае, до начала семинара сидеть мне в Босвиле безвыездно...

Но Петра тут же взяла себя в руки. Была конкретная зацепка: ленцбургский поезд, отправлявшийся в 9.30 на Цюрих. С этого факта и началась телефонная эпопея. В течение часа история с моим проездным стала достоянием информационной службы Центрального управления железных дорог Швейцарии. Еще через час пришло сообщение, что мой билет контролер сдал своему начальству довольно далеко, на юге страны, в городе Хур, где заканчивалась его смена.

– Так, – сказала Петра, – мы едем в Баден, там у нас с тобой запланирована встреча с руководством редакции газеты «Ааргау Цайтунг». Пусть они подошлют билет туда на станцию.

И она сделала соответствующий звонок. После встречи в редакции мы отправились на баденский вокзал. Там дежурный показал нам телеграмму из Хура и сказал, что поезд, которым приедет мой билет, придет через два часа.

– Ждать два часа? Но у нас куча дел! – воскликнула Петра. – Нет, это слишком долго!

И она попросила дежурного переслать билет из Бадена на станцию в Босвил. Дежурный, однако, заявил, что он не может сделать этого без разрешения своего начальства. И мы втроем отправились к начальнику Баденского вокзала. Оказалась, что это весьма милая молодая дама, которая объяснила, что она должна будет получить разрешение на пересылку билета из Бадена в Босвил из Центрального управления железных дорог.

– Ну и бюрократия! – едва не воскликнул я. Словно уга-

дав мои мысли, начальница вокзала подчеркнула, что это не бюрократические штучки, а порядок, благодаря которому на железных дорогах Швейцарии ничего не теряется. Кроме того, я был предупрежден, что получу свой билет в Босвиле и должен при этом заплатить десять франков. Поскольку Швейцарские железные дороги потратились на поиски моего билета – факсы, телеграммы, переписка...

Утром следующего дня я ни свет ни заря полетел на станцию в Босвиле, забыв заглянуть в расписание движения поездов. Доброжелательный молодой дежурный, покопавшись в бумагах, радостно сообщил мне, что получен факс о том, что мой билет направляется сюда прямиком из Хура, а не из Бадена. А поезд из Хура будет только завтра в 11 утра. Я неважно спал в ту ночь. Естественно, к 11 часам был на станции. Уже другой молодой, но не менее доброжелательный дежурный вручил мне конверт с моим проездным. Я заплатил десять франков за его поиск и доставку и чувствовал себя невероятно счастливым. Швейцария открывалась опять передо мной во всех направлениях..

От Винтертура до Лугано Что такое Форум «OST-WEST»

Дело было в апреле. Сидели мы с профессором Бернского университета, славистом Петером Лохром в итальянском ресторане швейцарской столицы, говорили на скучные научные темы. И вдруг является весьма молодой человек по имени Петер Шерер (в Швейцарии Петеры, что в давней России Иваны), профессор рекомендует его как своего студента. Студент принимает участие в обеде, вежливо дожидается разрешения профессора и обращается ко мне с вопросом: почему, мол, журналисты из Беларуси не принимают участия в ежегодных семинарах по проблемам прессы, которые проводит такая уважаемая организация как «Форум Восток-Запад»?

... И вот конец августа. На перроне вокзала города Винтертур нас с Жанной Литвиной встречает Петер Шерер. Мы – участники «Медиафорума-98», одной из значительных

акций, которые проводит «Форум Восток-Запад», швейцарская общественная организация, учрежденная в октябре 1994 г. для установления партнерских связей между Западной и Восточной Европой. Деятельность ее достаточно многогранна: и сбор информации, и консультации и стажировки для бизнесменов, помощь в планировании проектов, и обмен опытом для журналистов из Восточной Европы и России. В Ученый совет входят известные люди из разных стран: Ханна Сухоцкая (Польша), Отто Пик (Чехия), Андраш Инотай (Венгрия), Франц Альманн (Германия)...

Семинар по прессе проходит уже в четвертый раз. Как правило, это российско-швейцарские стыковки. И только в последнее время они слегка разбавились украинско-белорусским представительством. Увесистый том материалов 1995 года имеет вполне оптимистическое название – «Роль и задачи средств массовой информации демократической прессы». Среди участников с российской стороны зубры московского журнализма – сам патриарх, вечный декан университетского журфака Ясен Засурский, генеральный директор ИТАР-ТАСС, а тогда еще и вице-премьер Виталий Игнатенко, главный редактор журнала «Огонек» Лев Гуцин, главный редактор «Московских новостей» Виктор Лошак, главный редактор «Известий» Игорь Голембиовский, главный редактор «Комсомольской правды» Валерий Симонов, генеральный директор Всероссийской телерадиокомпании Анатолий Лысенко, генеральный директор ОРТ Сергей Благоволин и даже председатель Судебной палаты по информационным спорам при президенте России Анатолий Венгеров...

Солидно. Еще «та» Россия. Докризисная. И вообще другая, сохранявшая еще, несмотря на осень 1993 года и чеченскую трагедию, надежды. Как замечательно звучало тогда интервью того же Виктора Лошака газете «Люцернер Нойсте Нахрихтен»: *«Свобода печати осталась на сегодняшний день единственным основным правом, которое неограниченно реализовано в России. Эту свободу никто не урезает и не контролирует... Сегодня российскую журналистику можно поставить вровень с западной»*. А г-н Венгеров заявил еще определеннее: *«Мы не нуждаемся в поучениях по поводу кри-*

тичной журналистики или демократии. Мы хотели бы сотрудничать на практическом уровне».

Новые фигуранты на семинаре

Всего несколько лет прошло... А какая смена декораций и речей! Где нынче эти главные редакторы? И вот уже на нашем семинаре коллега из Москвы сообщает официально о редакторе «Московских новостей»: Виктор Григорьевич не смог приехать в связи с тяжелым финансовым положением газеты, похоже, еженедельник пойдет с молотка...

Кто представлял швейцарскую сторону в том же 1995 году? Это банкиры и редакторы крупнейших газет, члены парламента. Такое впечатление, что и не семинар это был, а некие переговоры на высшем уровне. Зато спустя несколько лет это именно семинар, где мы, журналисты из России, Украины и Беларуси, были наедине со своими проблемами и искренними попытками наших хозяев подключить эти проблемы к жизни швейцарских СМИ. И российское информационное начальство, видимо, уже отъездило в Швейцарию. Тем приятнее было среди своего «простого народа». Хотя назовешь ли «простым» Отто Рудольфовича Лациса уже из «Новых известий» (помните бессмертное – «Мы же с вами экономисты, Отто Рудольфович?»)? Впрочем, держался Отто Лацис вполне демократично, и вообще человек прекрасный. И, наверное, во время длинных железнодорожных наших переездов был бы полный зарез без юмора Акрама Муртазаева (помните «Алый парус» в «Комсомольской правде» 80-х?), ныне заместителя главного редактора московской «Новой газеты». И какую замечательную пару в этом самом юмористическом смысле составили они с Мусой Мурадовым, главным редактором «Грозненского рабочего». Лицо Мусы суровело и бледнело, когда он рассказывал о трагедии Чечни, и вместе с тем не было в нашей компании более отчаянного весельчака и анекдотчика, остроумно подшучивавшего над самим собой.

Где ты сейчас, Муса, жив ли?

Владимир Авдеев и Ольга Карабанова представляли московский фонд «Гласность». Светлана Батутис (Иркутск)

и Сергей Сергиевский (Саратов) представляли провинцию. Тамара Якова была воплощенным лицом строгой науки, цветущей на журфаке МГУ. Особенно держалась компания молодых украинцев, опекаемая «дядькой Черномором», в недалеком прошлом активным бойцом кафедры партийно-советской печати Киевского университета, а ныне, как и положено, рьяным «самостийником» и директором Института журналистики, профессором Анатолием Москаленко. Как говорят поляки, «бард-пожондна компания».

Прогулка перед трудами тяжкими

Еще в «предварительных» бумагах организаторы семинара предупреждали, что это не туристская прогулка, что предстоит напряженная работа. Но они понимали, что не показать страну впервые попавшим в нее журналистам, это было бы жестоко. А потому после приема в мэрии Винтертура, где в старинном зале произнес замечательную по красоте слога и патристическому наполнению речь «отец города» доктор Мартин Хаас, после посещения могущественной страховой компании «Винтертур» (один из спонсоров «Медиафорума»), где член правления г-н Роже Шерр среди сложных железных конструкций, калечивших швейцарских рабочих еще в середине XIX века, и пожелтевших страховых контрактов той же поры вдохновенно поведал нам о преимуществах свободного предпринимательства и сопутствующего ему страхового дела, после посещения прекрасного художественного музея, где хранится поразительная коллекция картин французских импрессионистов (дар своему городу одного почтенного собирателя), следующий – тем более воскресный – день сделали полностью туристским.

И был Люцерн с ажурными дворцами, отражающимися в аквамариновой глади Фирвальдштетского озера (как не вспомнить сцену бури на этом самом озере в опере Россини «Вильгельм Телль»). И подъем (в автобусе, разумеется) на перевал Сен-Готард (2500 метров), и знаменитый Чертов мост с памятником суворовским «чудо-богатырям»

(крохотная площадка перед мемориалом – собственность Российской Федерации), и рюмка «граппы», итальянской водки (самогончик, отдающий грушей) в ресторане «Суворов», и обед на высоте в «Альберго Сан Готардо». А затем спуск через перевалы Фурку и Гримзель в Интерлакен. С одной стороны круто вздымающаяся каменная гряда, с другой – кошмарная пропасть. Встречным машинам не разминуться, поэтому легковые и даже мотоциклы жмутся в каких-то крохотных извилинах, пропуская автобус. И это испытание для нервной системы длится без малого часа два. Зато в Интерлакене, старинном курортном городке, чувствуешь себя путешественником, спустившимся из поднебесья. И даже знаменитая снежная гора Юнгфрау кажется не очень серьезной вершиной. Тем более, что с соседствующих высот стартуют воздушные шары, куда за несколько десятков франков могут пристроить любого любителя острых ощущений. Спуск на зеленую лужайку рядом с главной улицей гарантирован.

И, наконец, Берн, гостиница «Амбассадор» – место нашего обитания и начала не просто напряженной, а в каком-то плане изматывающей работы семинара. И пусть не посчитает читатель жалобы на напряженность трудов неким кокетством: попал, мол, в шикарную страну и еще чего-то морщится... А попробуйте-ка, дорогой мой, подниматься чуть ли не каждое утро то ли в пять, то ли в половине шестого утра и мчаться на вокзал, ибо, как сказано в полученной всеми нами семинарской листовке, «поезда не ждут». Семинар кочующий. А поезда в Швейцарии – главнейший транспорт. Никаких автобусов меж городами. И ходят поезда по строжайшему расписанию, часы можно проверять. А потом с дурной, не выспавшейся головой высидивать бесконечные доклады и выступления, да еще и активно участвовать в дискуссии. Тут здоровье хорошее необходимо...

Как работает «Медиафорум»

Традиционная разбивка по темам, приходившимся на определенные дни, достаточно условна. Поскольку тема «Политическая журналистика. Расследование: возможнос-

ти и границы» естественно переплеталась с темой «Журналистская этика и самоконтроль». А «Проблемы финансирования прессы» вряд ли можно было отделить от «Экономических границ свободы СМИ». Тем не менее организаторы стремились выдержать курс тематической дискусионности, чему в особенности пытался способствовать ведущий (модератор) бернского семинара, известный журналист швейцарского телевидения Эрих Гислинг. Выступления журналистов из стран СНГ перемежались с солидными докладами швейцарских исследователей проблем масс-медиа (профессор Роже Блюм) и политических деятелей (национальные советники Эрнст Мюллеман и Верена Грендельмайер), венцом каждого заседания должна стать пленарная дискуссия. Но слишком очевидна была разница в проблемах, решаемых сегодня швейцарской и «нашей» прессой. Швейцарцы увлеченно толковали нам о неких «заторах» в законодательном процессе, отражающихся на качестве информации о деятельности, скажем, судебной власти, о закономерности скептического отношения их газет к государству и его бюрократии и нормальности отсутствия в их обществе левой прессы, о зависимости печати их страны прежде всего от читателей. Журналисты СНГ рассказывали об убийствах своих коллег, о фантастических штрафах и закрытиях газет, о преследовании со стороны властей наиболее принципиальных и смелых газетчиков и телекомментаторов. Начавшийся в России финансовый кризис добавил мрачных красок в эту картину. Швейцарцы хотели обсуждать разные сложные по их понятиям «этические ситуации», а им говорили, что всякие «ситуации» в России и на Украине (в Беларуси тогда еще не прогремело «дело» исчезнувшего Димы Завадского) решаются чаще всего контрольным выстрелом в голову.

Нет, конечно, дело не сводилось к запугиванию швейцарских коллег, шло нормальное обсуждение и чисто профессиональных проблем. Но проблемы эти существуют в реальной действительности, а она постоянно напоминает о себе, как основная определяющая положения прессы в странах СНГ. Отсутствие нормального законодательства, попрание элементарных норм и свобод, удрушающая экономичес-

кая ситуация... Тяжело было удержаться в плоскости чисто профессиональных интересов, ибо суть многих наших проблем – увы! – упиралась в банальнейшую политику. Надо отдать должное организаторам семинара, они честно пытались вернуть нас в профессиональное русло. Для этого предлагались даже некие игры-тесты, которые должны были решать небольшие группы участников семинара.

Ну вот одна, доставшаяся группе, в которую входил и я.

Некий Юрий Т., военный журналист, знает, что его страна собирается приобрести новые танки зарубежного производства. Он с радостью принимает предложение шведского оборонного предприятия познакомиться с новой моделью танка «Хэгтлундс». В Швеции его всячески ублажают, катают на танке, возят по Стокгольму, соответственно, много отменных закусок и виски.... В результате Юрий написал репортаж, в котором явно склонялся в пользу приобретения шведского танка.

Вопросы: Объективен ли Юрий Т.? Учтены ли в его репортаже интересы читателей и страны? И вообще могут ли представители СМИ иметь независимое мнение по высокосложным техническим вопросам?

Солидная журналистская публика, которой раздали бумажки с этой «задачкой», чувствовала себя в роли студента-первокурсника факультета журналистики. Стараясь максимально соблюсти такт, Отто Лацис предложил другую «задачку»: газета «Известия», в которой он работал до недавнего времени, в период, предшествовавший выборам Ельцина на второй срок, критиковала его, но в дни выборной кампании критику прекратила, решив, что Ельцин – «меньшее зло» по сравнению с тем, что может обрушиться на Россию в результате иного исхода. А затем опять вернулась на критическую стезю... Вопрос: права ли была газета, избрав такую тактику?

Увы – к этой задаче мы так и не приступили. Организаторы настояли на своем, то есть на необходимости разбирать поведение военного журналиста Юрия Т. Мы покорились. И выводы были просты как элементарные арифметические действия. Ежели Юрий Т. разбирается в танках и действительно написал толковую статью – значит все

в порядке. А ежели он действовал под парами хлявного виски и к тому же соблазненный врученными ему водительскими правами в форме золотой танковой булавки, то он, конечно, продажный негодяй, и гнать его нужно железной метлой из газеты. Такая наивность решений разочаровала наших хозяев, они жаждали сложных оттенков и нюансов, может быть, на уровне дешевого западного детектива, когда фантазия кажется неумейной, хотя повода для великих страстей по-настоящему-то и нет.

Проблемы и реальности

Впрочем, умерю иронию. Пример этот хорошо иллюстрирует уровень проблематики, с которой сталкиваются журналисты в СНГ и в Швейцарии. Но если все так разнится, то стоило ли «семинарить»? Стоило. Прежде всего хотя бы потому, чтобы воочию увидеть, как организовано у них газетное, радиовещательное и телевизионное, рекламное дело. А этому способствовали встречи и откровенные беседы в редакциях «Дер Бунд» и «Бернер Цайтунг», в бернском рекламном агентстве «Публицитас», на телевидении Романдской Швейцарии в Женеве (TSR), на радио Итальянской Швейцарии и в университете в Лугано, на Новой Бирже в Цюрихе.

Семинар кочевал. Из Винтертура в Берн, оттуда в Женеву, затем в Лугано и завершился в Цюрихе. В ходе его стало понятно, что проблемы, которые решает сегодня швейцарская журналистика, это если не завтрашний, то, может быть, послезавтрашний день журналистики России, Украины и Беларуси. Это, конечно, в том случае, если события, несмотря на все сложности и вывихи, все-таки пойдут у нас по демократическому сценарию. И в самом деле, разве идеология потребления, захлестнувшая западную прессу, не взяла верх и во многих наших изданиях, лишь под напором жуткой ситуации поменявших ее на идеологию выживания? Разве не только у нас, но и в той же благословенной Швейцарии не увеличивается число судебных процессов против средств массовой информации? И как остра там проблема сохранения анонимности информато-

ров! Несколько лет назад федеральная прокуратура провела обыск в редакции «Зоннтагс цайтунг» с целью обнаружения доверенных газете документов. История эта, без сомнения войдет в анналы швейцарской журналистики. Но каков уровень разрешения конфликтов! Федеральный суд! Детальнейшая ревизия законодательства! Массовая солидарность пишущей братии! Абсолютная гласность. Это вам не переход мнимой границы с отсидкой в каталажке по сути ни за что и с последующим вымученным «условным» приговором. Это урок, данный обществом прежде всего самому себе.

Да, есть границы и у свободы печати и свободы слова, как и у других свобод. Но в действительно демократической стране свобода печати и свобода слова защищают журналиста, как и любого гражданина. Не случайно еще в 1965 году Федеральный суд назвал всеобъемлющую свободу слова неписаным основополагающим правом федеральной конституции. Правом гражданина, реализация которого начинается на уровне общины, продолжается на кантональном и федеральном уровнях. В этом суть швейцарской свободы, прелесть которой оценили эмигранты разных времен и народов, включая российских большевиков во главе с Владимиром Ильичом.

Кстати, на одном из зданий в центре Женевы укреплен барельеф, на котором запечатлена швейцарская помощь и сочувствие символическому эмигранту. Сцена решена в античном стиле: обряженный в тогу швейцарец протягивает руку распростертому на земле обнаженному «чужаку». «Чужак» хотя и символический, но вместе с тем вполне узнаваемый. Автор барельефа решил, что лучше всего придать ему реальные черты облика Ленина. Лежащий голый Ленин просит о помощи. И – увы! – получает ее... Зачем? А «чтобы плыть в революцию дальше». В смысле не у них, не в Швейцарии...

Две встречи в российском посольстве

Посольство России в Берне, как и положено, занимает шикарную дореволюционную виллу. Мореный дуб, вели-

колепные люстры, стильная мебель... И столы, ломящиеся от угощений. Посол Российской Федерации в Швейцарии г-н Степанов давал прием в честь участников «Медиафорума». Профессор Степанов, бывший ректор МГИМО, дипломат, что называется, по крови, поговорил в тот вечер со многими. Ко мне он подошел с совершенно неожиданным предложением:

– Я знаю, что вы не только журналист, но и писатель. Почему бы вам, не вдохновившись поездкой на Сен-Готардский перевал, не написать книгу о Суворове?

Я понимал, что Андрею Ивановичу Степанову просто положено знать, кто журналист, а кто еще и писатель и еще что-то вдобавок к этому, но все-таки был сражен крутостью предложения. Между тем Андрей Иванович развивал мысль:

– У вас в Кобрине есть музей Суворова, я знаю. И вот представьте, как это прекрасно: белорусский писатель пишет книгу о русском полководце.

У меня в руках была рюмка водки, и я безуспешно пытался подцепить вилкой что-то из закуски. Андрей Иванович мне мешал, и, наверное, только поэтому я прямо заявил, что собираюсь написать очерк об антипode Суворова Тадеуше Костюшко, точнее о его музее в швейцарском городке Солотурне, где вождь восстания 1794 года умер и был похоронен.

– Об этом поляке? – перепросил меня доктор исторических наук А.И.Степанов.

– Об этом, – подтвердил я. После чего Андрей Иванович молча подарил мне свою визитку, заставив до сих пор мучиться вопросом: это укор дружественной России «неосознательному белорусскому писателю» или все-таки надежда, что Сен-Готард таки вдохновит...

Другим моим собеседником в тот вечер оказался национальный советник, это значит член парламента Швейцарской конфедерации, а кроме того еще и член Европарламента г-н Эрнст Мюллеман. Тот самый г-н Мюллеман, который бывал у нас и наделал немало шума в свое время.. Национальный советник был взволнован. Его монолог, хотя и не целиком, я передаю близко к тексту:

– Я знаю, что в ваших независимых газетах писали о том,

что моя встреча с вашим президентом якобы прорвала некую блокаду, устроенную Западом вокруг Лукашенко. Меня называли чуть ли не предателем демократических принципов. А государственные газеты преподносили эту же встречу как невероятный успех белорусской международной политики. Так вот, передайте вашим коллегам из обоих лагерей, что это мое право встречаться хоть с самим сатаной.

– Это действительно ваше право, герр Мюллеман, – успел вставить я.

– Так вот, – продолжал разгоряченный национальный советник, – я сразу поставил Лукашенко несколько условий. Он должен либерализовать экономику, проводить реформы. Он должен неукоснительно следовать рекомендациям ОБСЕ. И перестать преследовать независимую прессу.

– И он вам обещал?

– Он сказал, что так с ним никто еще не разговаривал. И что он вообще не привык к критике.

– Увы, это особенность нашего национального менталитета, – вздохнул я.

– Но я его предупредил, – решительно взмахнул рукой г-н Мюллеман, – что пока он не выполнит этих условий, нам с ним разговаривать не о чем.

А потом нас сфотографировала чешская журналистка. Во время съемки я попытался чуть-чуть взять под руку национального советника и члена Европарламента, но г-н Мюллеман решительно пресек это амикошонство. А фото до сих пор не пришло...

Дорнах

– Моя мама тоже увлекается теософией, – сообщила Беттина, узнав о моем желании посетить Дорнах. Беттина очень любезная девушка, она всегда хочет сделать что-то приятное собеседнику. Уже по дороге в Дорнах, наблюдая как лихо она управляет своей новой «Вольво», я подумал, стоит ли говорить о том, что вовсе не штейнеровские идеи влекут меня походить по тамошним улочкам и, конечно же, побывать в знаменитом Гетеануме.

Мне просто хотелось взглянуть на те места, которые так влекли к себе русских штейнерианцев начала XX века – Андрея Белого и его первую жену Анну (Асю) Тургеневу, Максимилиана Волошина и его жену художницу Маргариту Сабашникову... И еще была призрачная надежда старого литературного следопыта на какую-то встречу, которая, возможно, навела бы меня на часть архива Белого, оставшегося в Дорнахе у Аси Тургеневой после их разрыва в 1916 году. Ася умерла там же, в Швейцарии, в 1966 г.

Дорнах, симпатичный, уютный, зеленый, как все швейцарские городки, оказался километрах в десяти-двенадцати от Базеля, из которого мы с Беттиной и прикатили за какие-то двадцать минут. Гетеанум, как подлинное святилище разместившийся на холме, конечно же, царит в этих местах. Ведущая к нему дорога называется Bluthugelweg – дорога на кровавый холм.

– Почему кровавый? – спрашиваю я Беттину.

– Не знаю... Наверное, что-то историческое...

Гигантские купола Гетеанума – большой и малый – видны издалека, само приближение к антропософскому храму настраивает на торжественный лад, потому что взбираешься поначалу и достаточно долго (чтобы была возможность подумать о «высших мирах») по широким каменным ступеням и только затем попадаешь под эти гигантские, вычерченные каким-то космическим циркулем своды, где одна сфера переходит в другую незаметно, и ты все время чувствуешь себя действительно в некоем особом мире, в котором сам воздух как бы напоен главнейшими проблемами человеческого бытия. Гетеанум – это гениальная пустота, призванная не отвлекать личность от главного, от сосредоточенности на познании Мирового Духа, высшей духовной субстанции в учении Рудольфа Штейнера.

Наверное, и вправду существует какая-то закономерность, проявляющая себя на рубеже столетий, – идут коренные ломки, социальные, духовные, идейные. То, что Маргарита Сабашникова назвала в своих воспоминаниях «вопросами к эпохе». Воображение, вдохновение, интуиция – вот три штейнеровские ступени, поднявшись по которым можно выйти на пути познания «высших миров». И

сделать это человек может, не подавляя собственное сознание, а лишь усиливая, воспитывая его, чему, безусловно, в первую очередь способствует овладение искусством медитации. И как же эти антропософские, «тайновидческие» истины совпадали с исканиями тех, кто жаждал преодолеть бездуховность «массового человека»? Вот они и съехались в начале первой мировой войны из самых разных стран в нейтральную Швейцарию, чтобы здесь, в Дорнахе, возводить собственными руками Гетеанум – антропософский храм. Гетеанум – потому что Гете, его натурфилософия была в основе штейнеровской «философии свободы». Постройка сопровождалась магическими обрядами, поскольку частью учения Штейнера были и пифагорейская мистика чисел, и каббалистика, и индийский оккультизм...

Храм построили деревянный, по утверждению доктора Штейнера, он должен был простоять триста лет. Но в ночь под 1923 г. он сгорел, и сразу же началось возведение нового – на этот раз из камня и бетона. Основатель антропософии не дожил до окончания новой постройки, он умер в 1925 г., на 65-м году жизни. И как-то сразу пошло на убыль само штейнерианство. В Советском Союзе его последователи подвергались репрессиям, в начале 1920-х годов была закрыта антропософская ложа.

После второй мировой войны наметилось обновление интереса к штейнерианству, в 1961 г. был отмечен столетний юбилей основателя антропософии, в Дорнахе и США стали выходить полные собрания его сочинений. Относясь достаточно критически к всевозможным антропософским премудростям, я должен признаться, что испытываю давний интерес к самой личности Рудольфа Штейнера, интерес, внушенный мне прежде всего его русскими последователями. Русскую литературную мемуаристику, обращенную к тому времени, буквально пронизывает его имя. И нельзя не видеть, что, помимо поиска ответов на «вечные вопросы», русских интеллектуалов Штейнер привлекал к себе и как высокообразованный человек, многосторонний ученый, знаток и балета, и философии, и педагогики, и даже метеорологии и гимнастики. Иной раз кажется, что сам Штейнер был намного шире того близкого к

секте ритуала, который возвели в догму его последователи из достаточно широко распространившихся антропософских школ. Все-таки Штейнер мечтал о полной свободе человека, причем не только духовной.

И он многое предвидел: и грядущие экологические катастрофы, и новую страшную войну, и расщепление атома... Об этом пишет Андрей Белый в своей изданной в 1917 г. книге «Р. Штейнер и Гете в мировоззрении современности».

... Молодой человек, активист дорнахского Антропософского общества, заведующий библиотекой, помещающейся здесь же, в Гетеануме, объясняет мне:

– У антропософии теперь новый взлет, она обновляется и интерес к ней растет. Вот, пожалуйста, сколько книг издано только за последние годы в России.

И в ответ на мое замечание, что это может быть и реакция на долгое неиздание, замалчивание, а сейчас у нас, плывущих без прежних «руля и ветрил», натуральная тяга к мистике:

– Вот именно – натуральная! – с удовлетворением подчеркивает мой собеседник.

Я прошу молодого антропософа припомнить, живут ли сейчас в Дорнахе последователи Штейнера из России, разумеется, не непосредственные его ученики, они, конечно же, умерли, но, может быть, кто-то из их потомков...

– Отчего же все умерли? – говорит библиотекарь. – Живы две старушки, еще знавшие доктора Штейнера.

– Им что – сто лет? – изумляюсь я.

– Ну не сто, но порядочно.

Увы, познакомиться со старушками нельзя, они живут в здешнем доме для престарелых, и всякое общение для них затруднительно. Взамен мне предлагают поехать на могилу доктора Штейнера, это совсем недалеко. Но это уже пахнет поклонением, и я отказываюсь, что очень радует Беттину.

– В самом деле, – говорит она, – нам пора обедать. И я знаю очень неплохой ресторанчик.

Вот так я в очередной раз изменил высокому во имя плотского...

«Неман», 2001, № 10

ІІІ. Из прочитанного

Ориана Фаллачи продолжает борьбу

Рецензию на книгу знаменитой итальянской журналистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость» я опубликовал в 2000 г. (она вошла в мою книгу «Тайная свобода», Минск, 2004). Этот отклик, еще будучи впервые опубликован аналитическим сайтом «Наше мнение», был перепечатан рядом других интернет-изданий еще и потому, что переведенная на многие языки (общий тираж составил 30 миллионов экземпляров) она в русском переводе тогда не существовала. Затем вышли две новых книги Фаллачи – «Сила разума» и «Интервью с самой собой. Апокалипсис», составляющие вместе с «Яростью и гордостью» своеобразную публицистическую трилогию, посвященную противостоянию радикального или фундаментального ислама и западной цивилизации, которое Фаллачи считает основным конфликтом нашего времени.

Напомню об истории возникновения трилогии. Осенью 2001 г. знаменитая в 1960-1980-е годы журналистка-международница, специализировавшаяся на проблемах Востока, бывшая свидетельницей военных конфликтов во Вьетнаме, Камбодже, Пакистане, Индии, Латинской Америке и Африке, Палестине, встречавшая с Хомейни, Арафатом, Хусейном, Каддафи, знающая арабский мир досконально, прервала свое десятилетнее молчание (вызванное как разочарованностью в западных политических процессах, так и тяжелым психо-физическим испытанием – рак легких, хотя злые языки утверждают, что истинная причина в том, что она не получила главной итальянской литературной премии за свою книгу «Иншаллах») и откликнулась на нападение террористов на американский Центр мировой торговли, которое буквально наблюдала из окон своей

квартиры на Манхэттене, статьей, обошедшей всю мировую прессу, а затем превратившейся в книгу «Ярость и гордость».

И статья и книга стали предметом гигантского, мирового скандала. Начались более чем горячие дискуссии. Газеты и издательства были завалены громадным количеством писем читателей, как возмущенных, так и полностью поддерживавших взгляды Фаллачи. В Польше Совет по вопросам этики в средствах массовой информации охарактеризовал публикацию ее статьи в «Газете Выборчей» как попытку «расширения антиисламского психоза». Посыпались угрозы в адрес самой журналистки, мусульманские общины в разных европейских странах возбудили судебные процессы против Фаллачи и выпустивших ее книгу издателей (не случайно в России так тянули с ее выпуском).

Два года спустя – в известной мере и как ответ своим противникам и, безусловно, развивая тему, – она выпускает новую книгу на ту же тему – «Сила разума», а затем «Интервью с самой собой. Апокалипсис». Обе тут же, как и первая, стали мировыми бестселлерами. В прошлом году суд в Бергамо (северная Италия) обвинил ее в опорочивании мусульманской веры.

Главный тезис «Силы разума» заключается в следующем: сегодня мы живем уже не в Европе, а в Евразии; как окончательное решение «проблемы Европы» и, соответственно, европейской цивилизации последователи ислама планируют уничтожение христианства и рожденной им культуры и повсеместное утверждение здесь шариата. В доказательство Фаллачи обзрывает на протяжении 500 лет историю исламского разбоя и насилий в Европе, символом которых стал вошедший в поговорку крик, родившийся в средние века на берегах итальянского Средиземноморья: «Мамочка, турки!» Необычайный темперамент (не забудем о возрасте – в июле Ориане исполнится 77 лет и о том, что из-за страшной болезни она весит менее 40 килограммов), ясность мышления, четкость формулировок, щедрость и искренность глубоко личных признаний, наконец, потрясающее публицистическое мастерство делают книги Фаллачи подлинным феноменом нашего времени, бедного

именно на писательское общение с современниками. Она захватывает, увлекает своей любовью к людям, своей преданностью идеалам европейского гуманизма и ненавистью к античеловеческому, антикультурному, своими грозными пророчествами и своей же растерянностью перед открывшейся бездной, в которую падает Европа, превратившаяся в Еврабию. Читать книги Фаллачи, равно как и размышлять о них, – серьезное испытание для собственных убеждений.

С ней можно спорить. Рассказывая о дикой резне, учинявшейся «сыновьями Аллаха» в разных местах Европы и в разные времена, она словно забывает, что самые массовые убийства людей совершили не мусульмане, а немцы, самые что ни на есть просвещенные, «центральные» европейцы. Причем, не в далекие «дикие» времена, а в середине 20-го века. Да-да, все те же Освенцим, Майданек, Дахау... Вот она с понятным женским возмущением говорит о бесчеловечной традиции «обрезания» у молодых женщин (своего рода кастрация), цель которой отнять у женщины радость сексуального наслаждения, поскольку, согласно исламу, на таковое имеет право имеет только мужчина. Поначалу негодуешь вместе с автором. Но потом вспоминаешь, что читал когда-то, кажется, у Фрэзера, в его «Золотой ветви», что традиция эта родилась задолго до ислама, в Африке, и что она жива там и сейчас, даже среди христиан в Кении или Эфиопии... Разумеется, ужасно. Но ислам ли здесь виноват?

Более чем понятен протест Фаллачи против полигамии, одобряемой исламом. А вот серьезные исследования говорят, что в последнее время в мусульманском мире это уже явление маргинальное. К примеру, в Египте оно затрагивает всего 2-4 процента семей. Но тут же вспоминаешь иную статистику. Известный «демографический крест» висит не только над Россией, теряющей ежегодно от 800 тысяч до 1 миллиона человек своего населения. Коренные западноевропейцы также вымирают в связи с падением рождаемости. Чтобы сохранить нынешний численный уровень населения, необходимо, чтобы европейская женщина рожала более двух детей. А рабочий рынок стран Евросоюза тре-

бует каждый год не менее 1, 6 миллиона иммигрантов. И этот «пробел» восполняют прежде всего мусульмане, которые уже сегодня составляют 5 процентов их населения, что равняется 20 миллионам человек. Элементарный расчет показывает, что при сохранении этой ситуации в 2020 году каждый десятый европеец будет мусульманином. В результате всего через несколько десятилетий Европа будет в подавляющей части исламизирована.

Ударяя в тревожный колокол в связи с наступлением ислама и возможным исчезновением под его натиском христианской цивилизации, Фаллачи оперирует таким термином как «нациисламизм». Она видит близость радикально-фундаментальных мусульманских группировок с германским нацизмом (отмечается неслучайность дружеской встречи с Гитлером в 1944 г. одного из арабских шейхов, между прочим, родного дяди Ясира Арафата). На примерах трагической хроники событий она показывает, что исламизация Европы становится почти непреодолимым барьером в борьбе с терроризмом. Если исключить взрыв в Оклахоме Сити в 1995 г., то все наиболее громкие террористические акты на протяжении последующего десятилетия были делом рук иммигрантов, среди которых почти 90 процентов составляли мусульмане, а остальные это добровольно принявшие или обращенные в ислам.

Совершенные на Западе террористические акции по сути осуществлялись либо ударными группами обученных боевиков, либо так называемыми «временно спящими подразделениями». Первые, как правило, составляют иностранцы, перебрасываемые в чужую страну с целью совершения террористического акта, как это было в случае с самолетной атакой в центре Нью-Йорка 11 сентября. Вторые же представляют собой тайные организации, хорошо законспирированные и укорененные в местные эмигрантские общины: они прикрыты флером общественной, благотворительной, религиозной деятельности, внедрены в университеты и образовали большое число частных фирм разнообразного профиля. Именно они, эти «спящие подразделения», осуществляют непосредственное руководство организацией террористических актов.

Есть смысл обратить внимание на разницу в положении мусульман в Западной Европе и в Северной Америке. В Европе мусульмане, как правило, бедны, часто не имеют работы, живут на государственном пособии, культурно отделены от коренного населения страны и более того – не только не стремятся интегрироваться в ее жизнь, но и всячески отгораживаются от нее под предлогом прав на свои национальные обычаи и традиции. В последнее время эти требования приобретают все более скандальный характер. Фаллачи рассказывает об удалении традиционных для католической Италии крестов и изображений Распятия в школах и больницах, о запрете рождественских школьных елок, о попытке выстроить в Риме мечеть, которая своей высотой доминировала бы над городом.

И все это во имя политкорректности, которую она считает предательством европейских традиций и в целом европейской цивилизации. В этом плане гораздо увереннее и правильнее ведут себя американцы. В США, где нет этого «европейского умиленно-колениопреклоненного трепета перед несчастными беженцами», где все равны и должны работать, а не сидеть на пособии, мусульмане не являются маргинальным сообществом, прекрасно интегрированы в американскую жизнь и не только справляются с материальными трудностями, но и в немалой степени преуспевают. Именно поэтому террористические акции в Америке это дело рук групп боевиков, прибывающих из-за границы.

В Европе же, подчеркивает Фаллачи, ислам наглеет день ото дня. Вот уже английский «Мусульманский парламент» провозгласил своей задачей создание «Исламского государства Великой Британии». В Италии выдвинут проект создания такого же отдельного «Исламского государства» где-то в районе Тосканы или под Перуджей, где уже действует Исламский университет. Они хотят на чужой земле, пишет Фаллачи, своего государства, которое, в нарушение конституции той же Италии, легализовало бы полигамию и тот чисто мусульманский развод, при котором муж оставляет жену произнеся три раза всего лишь одно слово «талака» (вот, наверное, традиция, о которой мечтает кое-кто из на-

ших сограждан!), ликвидировало совместное школьное обучение мальчиков и девочек и вообще пребывание обоих полов на работе, в транспорте и даже в лифте... Ну и, естественно, забивание камнями неверной супруги и обязательная чадра-паранджа, и вообще жизнь не по законам принявшей тебя страны, а только по шариату. Тому шариату, который одобряет убийство «неверных», т.е. христиан, а значит – граждан приютившей тебя страны. Ориана приводит адресованное ей письмо итальянского школьника, недоуменно вопрошающего, должен ли он, живущий в своей стране «интегрироваться» в мусульманскую культуру, или это должны делать прибывшие в Италию на жительство сыновья Аллаха.

Нет «доброто» и «злого» ислама! – восклицает Фаллачи. – Все это выдумки! Ислам в корне, в сути своей бесчеловечен, антигуманен и антикультурен. Европа уже совершила самоубийство с помощью стоящих у власти продажных левых либералов и даже католической церкви, которую она обвиняет в потворствовании мусульманской экспансии в Европе. Современную Германию «с ее двумя тысячами мечетей и тремя миллионами мусульман» она называет «филиалом святой памяти Оттоманской империи». Франция сегодня умирает в клубах огня и дыма, в смраде от горящих десятков тысяч автомобильных шин, под крики «Аллах акбар!» Европейский континент находится в агонии, и на его пепелище готовится торжествовать свою победу мусульманский мир.

Что можно противопоставить этой экспансии, грозящей полным исчезновением христианской цивилизации? Польская публицистка Млада Ендрысик, признавая, что государственные органы европейских стран упустили возможность контроля над деятельностью исламских фундаменталистов и позволили им окрепнуть и организационно легализоваться, что называется, у себя под носом, считает тем не менее, что распространение истерической исламофобии, как и демонизация всего мусульманского мира, не приближает к решению проблемы. Напротив – такая реакция лишь увеличивает число врагов Запада. Но и она останавливается в раздумье перед вопросом, что же все-

таким можно предпринять, чтобы «не укладываться» под суровых ригористов-пришельцев с Востока, убирая якобы оскорбляющие их символы христианской веры из публичных мест, и одновременно не нарушить правила пресловутой политкорректности. Вместе с арабистом из миланского Католического университета Паоло Бранка рецензентка «Силы разума» в «Газете выборчей» лишь глубокомысленно констатирует, что «между этими двумя полюсами находится являющаяся пока пустынной большая площадь для интеграционного строительства».

Рядовой же читатель книг Орианы Фаллачи, вроде итальянского врача, внимательно изучившего ту же «Силу разума», вполне согласившегося с автором, но не нашедшего в ней ответа на единственный мучающий его вопрос, что должен делать лично он, чтобы как-то противостоять грозному ходу событий, обращается с письмами к самому автору. Римский доктор буквально вопрошает: «Что делать? Воздержаться от участия в выборах? Выдвинуть свою кандидатуру, расставшись с прежней профессией?» Речь, понятно, идет о смене ничего не предпринимавшей власти.

Фаллачи поначалу говорит, что у нее нет ответа на этот главный вопрос. Но она честна перед читателем: «Проблема в том, что решение этого вопроса связано с ограничением, урезанием демократических свобод, а точнее – с изменением понимания самой сути демократических принципов. Для демократии нет альтернативы. Если ее отрицать, исчезнет свобода... И в то же время, даже без конца повторяя слово «демократия», мы знаем, что она похожа на продырявленный корабль. Мы хорошо знаем, что она является несовершенной и даже лживой в определенных моментах системой. Очень хорошо понимал эти проблемы Алексис Токвиль. Он утверждал, что есть два понятия, на которых зиждится демократия. Это понятие Равенства и понятие Свободы. Но люди любят свободу намного меньше равенства. Свобода волнует их так же, как прошлогодний снег. Свобода требует больше жертвенности, борьбы и одновременно дисциплины. А равными ведь можно быть и в рабстве, разве не так? Что еще хуже, люди не понима-

ют, что же в действительности означает равенство. Либо делают вид, что не понимают. Так вот, в понятие Равенство демократия вкладывает равенство по отношению к закону, который содержит святой принцип: «Закон Оди-наков Для Всех». Но это не означает равенства заслуг образованного и глупого человека, воспитанного и хама. Тако-го вида равенства не существует. Если бы он существовал, не было бы Жизни... Беда в том, что демократия помогает глупым и недостойным людям противодействовать этой правде, этой очевидности. Они используют демократическую риторику, демагогические и популистские приемы. В результате любое ничтожество может участвовать в выбо-рах и быть избранным на самый высокий пост. И при-том победить со значительным перевесом голосов. А по-скольку большинство людей не имеют ничего общего ни с Леонардо да Винчи, ни со святым Франциском Ассизским, избранныками электората часто являются умственно не-полноценные и нравственно убогие. И по сути они-то и яв-ляются главными виновниками наблюдаемой нами ката-строфы. Кто, если не они, предают нашу цивилизацию?».

В общем, как видим, ответ все-таки дается. Дело во вла-сти и ее решениях. И, конечно, в истинном понимании де-мократических принципов. О, не случайно Фаллачи в сво-их «антиисламских» книгах говорит так много о демокра-тии: она не подаренная шоколадка, не манна, падающая с неба. Она достается тяжелой жертвенной борьбой не одно-го поколения. Но чтобы бороться – нужно знать за что, то есть понимать цель и ее подлинное содержание. Это дает-ся не всем народам. Да и те, что обрели демократию, могут утратить ее, уже утрачивают, считает Фаллачи, имея в виду страны Евросоюза (этого, по ее выражению, «финансового клуба», где делится колоссальный денежный пирог) и прежде всего свою Италию, нынешнюю политическую реальность которой она подвергает особенно суровому анализу.

Поэтому она так яростно защищает США, даже видя просчеты американской политики и не считая Буша-млад-шего выдающимся государственным деятелем. Америка – тот, по ее мнению, демократический бастион, который все-

гда приходил на помощь Европе в трудные для нее моменты. Потому, разочарованная в западноевропейской демократии, она поселилась в Нью-Йорке, хотя не изменяет родной Флоренции и Тоскане. Она итальянка до мозга костей. Отсюда, наверное, и темперамент, перед которым не устоял принявший Ориану Фаллачи Бенедикт XVI. Пускай это была частная аудиенция в Кастель Гондольфо. Но ведь принял папа неистового критика церкви, женщину, называющую себя «атеисткой-христианкой». Быть может, он прочитал последнюю книгу Фаллачи, в которой она поддержала его обращение к неверующим, призывающее поступать так, как если бы Бог существовал.

Oriana Fallaci. Siła rozumu. Warszawa, wydawnictwo Cyklady, 2004; Oriana Fallaci. Wywiad z sobą samą. Apokalipsa. Warszawa, wydawnictwo Cyklady, 2005.

«Наше мнение» – nmbv.org, 2006, 12 мая.

Памяти Орианы Фаллачи

Говорят, в мире нет больше моральных, духовных авторитетов. Но вот умерла Ориана Фаллачи и подумалось: а ведь пока она была жива, пока ты мог читать ее статьи и книги, жило в тебе чувство, что есть в твоей профессии, в публицистике, человек, чье имя заставляет нравственно подтягиваться, не ныть, не объяснять неудобное и неприятное в твоей жизни «разными обстоятельствами». Фаллачи десять лет боролась с раком и, может, быть, самые громкие, самые сильные, самые горячие по откровенности книги написала в последние пять-шесть лет.

Она была журналистка, что называется, от Бога. Прекрасная аналитическая хватка, острый, независимый ум, высокая, истинно европейская культура. А какое перо! Известный итальянский журналист Джулиано Феррара назвал ее «симпатичной вооруженной фурией». Да, она всю жизнь воевала и притом бескомпромиссно. За что? Звучит банально: не за некую вселенскую правду, а за право прежде всего быть самой собой. Это право ей при-

плюю отстаивать с первых профессиональных шагов. Она родилась во Флоренции в 1929 г. в семье интеллигентов, для которых борьба за республику была, можно сказать, наследственным делом. Поэтому совсем еще подростком Ориана становится активнейшей участницей антифашистского движения Сопротивления, за что в 14 лет получила медаль.

Ее журналистская карьера началась с репортажей о кровавых событиях в Венгрии в 1956 г., когда советские танки утюжили улицы Будапешта. Но истинную славу, европейскую известность ей принесли корреспонденции из Вьетнама времен американской вооруженной интервенции. Потом она была непосредственным свидетелем вооруженных конфликтов в Индии и Пакистане, на Ближнем Востоке, в Южной Африке. Стремясь постигнуть их суть, она добивалась бесед с ведущими политическими деятелями Востока. Ее интервью с Ясиром Арафатом, аятоллой Хомейни, Муаммаром Каддафи, Индирой Ганди, Голдой Меир обошли страницы крупнейших газет мира. В историю мировой журналистики вошла ее встреча с Хомейни, с которым она беседовала сразу после победы исламской революции в Иране и с которым женщины практически встретиться было невозможно. Но устоять перед напором популярнейшей журналистки было трудно. Аятолла согласился при условии, что Фаллачи предстанет перед ним в женском одеянии, соответствующем мусульманским обычаям, – паранджа и прочее... Ориана согласилась, но когда Хомейни в ходе беседы заявил, что отныне свобода в Иране такова, что женщины могут свободно ходить по улицам городов без чадры, она тут же сбросила с себя платок, заявив: «Надоела мне эта ваша тряпка!» Аятолла настолько опешил, что вынужден был покинуть помещение, но вскоре воротился, и беседа была продолжена. Так действовали и ее обаяние и чувство внутреннего достоинства.

Такой, гордой, независимой, она была и во время встреч с Генри Киссинджером, с Вилли Брандтом, Лехом Валенсой. Еще не забронзовевший вождь польской «Солидарности», неизменно подчеркивавший, что он «простой элект-

рик из народа», очень нервничал в 1980 году, когда ему предложили встретиться со знаменитейшей журналисткой. Валенсу предупредили, что госпожа Фаллачи не церемонится с собеседниками и нужно быть готовым к самым острым вопросам. Не выдержав стиля Орианы, «электрик» сказал, что вынужден прервать беседу, поскольку, как ему сообщили, где-то начинается новая забастовка и нужно кое-что уточнить. И получил поистине царственный ответ: «Забастовка может подождать, когда с вами разговаривает человек, представляющий аудиторию в 50 миллионов читателей».

Она всегда думала о своем читателе. И обращалась к нему как к другу, которому можно доверить самые сокровенные свои размышления. И читатель платил ей взаимностью. Университетские аудитории, в которых она выступала, всегда были набиты битком: послушать Ориану приходили не только искренне любившие ее, ценившие ее полемический запал студенты, но и профессора истории, политологии, философии. Ориана много знала и достойно держала площадку на политических и культурологических дискуссиях. В самом общем виде проблему, наиболее волновавшую Фаллачи, можно представить как не просто отстаивание, а как яростное напоминание о тех демократических и цивилизационных ценностях, которые, по ее мнению, подвергаются все большей девальвации в мире, погружающемся в пучину потребительства и коррупции. Дух итальянских республиканцев еще XIX века, тень самого Гарибальди тревожили ее память и совесть. Поэтому она так остро критиковала итальянские «верхи» и, будучи преданной своей родной Флоренции, поселилась все-таки на нью-йоркском Манхеттэне, в Америке, которую считала еще не сдавшимся оплотом демократии.

После репортажей о войне в Персидском заливе начала 90-х годов она замолчала. Сказались здесь и разочарованность в мировом политическом процессе, и, наверное, более всего – злая болезнь. Фаллачи замкнулась, ушла в себя. Спустя десять лет события 11 сентября 2001 г. вырвали ее из летаргии. То, что она видела из окна своей квартиры – крушение башен Торгового Центра, гибель тысяч людей,

подвигло ее на большую статью «Ярость и гордость», буквально обошедшую всю мировую прессу. В необычайно эмоциональном стиле она обрушилась на ислам, как на величайшую угрозу Западу, западной цивилизации. Статья вскоре превратилась в книгу, ставшую мировым бестселлером. Ориана приобрела сотни тысяч сторонников, но еще больше врагов. На судебных процессах, которые возбуждали мусульманские общины в европейских городах, где выходила не только «Ярость и гордость» и последующие книги того же антиисламского цикла «Сила разума», «Интервью с самой собой», «Апокалипсис», ее обвиняли в разжигании ксенофобии. Но западный принцип свободы слова выдерживал напор обвинителей. Хотя среди них были не только фанатики, но и вполне трезвые люди, указывавшие на односторонность, противоречивость и бескомпромиссность оценок автора.

Затворница по причине болезни, Фаллачи вынуждена была задуматься о своей безопасности, потому что ей угрожали. Но она уже вступила на путь, если можно так выразиться, к собственному аутодафе, отождествляя свою судьбу с судьбой средневекового мыслителя Мастера Геццо, которого инквизиция сожгла живьем за его книгу в 1328 году. В «Ярости и гордости» она предстает уже как Госпожа Геццо, неисправимая еретичка, спустя семь столетий вступающая на тот же костер. В своей антиисламской «трилогии» Фаллачи проводит бескомпромиссный анализ явления, именуемого ею Пожаром Трои. Только в данном случае Троя это Европа, которая по сути уже и не Европа, а Еврабия, исламская колония, ставшая таковой благодаря предателям из лагеря псевдолибералов и коррупционеров из Евросоюза. Используемые ею жестокие аргументы исторического, философского, политического, нравственного порядка, как и ее железная логика, не знают пощады. С ними трудно спорить, хотя без спора в некоторых случаях не обойтись. Да и как спорить, когда та же «Сила разума» захлестывает читателя как гимн во славу нормального рассудка и правды жизни, правды истории? Видишь бескомпромиссность подходов Орианы, ее нетолерантность и одновременно уступаешь зрелости ее оценок как знатока

мусульманского мира, ее гуманистическому пафосу, человечности, наконец, ее юмору, ее остроуму, не чурающемуся и площадности, слову. Вот такая она христианка-атеистка, как сама себя называет.

... Когда в Варшаве я прочитал в «Газете Выборчей» кажется страниц двадцать той самой статьи, написанной сразу по следам американской трагедии 11 сентября, не спал ночь, а утром позвонил в редакцию и попросил дать электронный адрес великой итальянки. На сбивчивом английском я послал что-то восторженно-невразумительное и через несколько часов получил ответ от ее секретаря. Госпожа Ориана благодарила за высокую оценку книги и сожалела, что не может ответить лично. Это не был дежурный ответ, потому что были в нем такие слова: «Главное для нас – понять друг друга. Я счастлива, что вы меня поняли».

Все эти годы я жил с чувством, что она жива, что она борется с болезнью, пишет новые книги. Но когда вышли «Интервью с самой собой» и «Апокалипсис» стало понятно, что это прощание. Великая, изумительная женщина, журналистка истинно благородных кровей, Ориана Фаллачи ушла из этого мира со свойственным ей достоинством. Она приехала умирать в родную, горячо любимую Флоренцию. Никто, кроме близких, не знал, что она находится в одной из городских клиник. Бог послал ей тяжкие испытания. Но там, на Высшем Суде, она может сказать, что никогда ее перо не служило личным или корыстолобивым и вообще чьим-то интересам. Да, она глубоко переживала по поводу того, что можно назвать европейской, мировой эволюцией. Но эта «мировая скорбь» не была плачем отчаяния, хотя иной раз голос ее напоминал, как выразился один журналист, крик с тонущего «Титаника». Сама личность Орианы Фаллачи продолжает внушать гордость за человеческий род, за европейскую цивилизацию. Есть совершенно ясное ощущение, что эта женщина из последних сил тянула нить, связывающую сегодняшний день с великими гуманистическими завоеваниями европейской культуры.

«Наше мнение» – mtnby.org, 2006, 19 сентября.

Трудно посмотреть себе в глаза

Jan T. Gross. Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści. Kraków. Wydawnictwo Znak, 2008.

Среди достаточно насыщенной событиями жизни современной Польши постоянное место занимает тема, которую можно обозначить как самопознание поляков. Поляки вообще очень чутки и даже – в определенных случаях – болезненны к трактовке собственной истории и неотделимой от нее своей же национальной ментальности. Между тем свобода и демократия принесли вопросы, которые ранее были табуированы в польском обществе.

Нет, сама тема польского антисемитизма (натурально входящая в большой раздел, который можно обозначить как «Польша и евреи») далеко не новая, она имеет многолетнюю историю. Но вот на переломе тысячелетий у нее появились... не знаю даже, какое тут подобрать слово... Ни «поворот», ни «аспект» не годятся. Поэтому изложу факты.

Итак, в 2000 г. в одном из польских провинциальных издательств вышла книга американского историка Яна Томаша Гросса «Соседи», в которой, с использованием документов, свидетельских показаний, рассказано о том, как 10 июля 1941 г. поляки, жители местечка Едвабне (это восточная Польша, между Ломжей и Белостоком), отнюдь не понуждаемые к тому немцами, по собственной инициативе сожгли в громадном сарае тысячу шестьсот своих еврейских соседей, в том числе женщин, детей, стариков. Книга Гросса вызвала тогда бурную полемику в польском обществе. Надо сказать, что Гросс, кстати бывший гражданин Польши, принявший участие в студенческих волнениях 1968 г. (за что отсидел полгода в тюрьме) и эмигрировавший вместе с семьей в результате развернутой властями антисемитской кампании, не впервые взбудоражил соотечественников. В 1998 г. острую полемику вызвала выпущенная в Кракове его книга «Кошмарная декада. Три эссе о стереотипах восприятия евреев, поляков, немцев и коммунистов. 1939 – 1948».

Но взрыв страстей после выхода «Соседей» был намно-

го значительнее. По сути впервые поляки столкнулись с ситуацией, когда их приравнивали к их же злейшим врагам, нацистам, убивавшим евреев только за то, что те были евреями. Это был шок для польского национального самосознания, с одной стороны всегда культивировавшего героические стороны польской истории, связанные с борьбой за свободу и, следовательно, с гуманистическими идеалами, а с другой – неизменно подчеркивавшего великую жертву и муку польского народа в этой борьбе, несравнимые с жертвами и мучениями никаких других народов. И вдруг оказалось, что гордый, рыцарственный воитель и страстотерпец может быть жестоким, бесчеловечным, лишенным сердца убийцей, прокалывающим железным прутком грудь женщины, поднимающим на вилы ребенка, раскалывающим топором голову старика-раввина.

Поляк оказался в одном ряду с немецким фашистом... Это нужно было объяснить – себе самим, обществу, европейскому общественному мнению. Ибо речь шла не просто о бытовом антисемитизме, не только об исторической, замешанной на религиозной нетерпимости нелюбви к евреям – явлениях достаточно распространенных в мире, – а о сознательном участии в убийствах своих сограждан, в том числе ближайших соседей, с которыми бок о бок и, как правило, достаточно мирно были прожиты многие десятилетия.

Были, разумеется, попытки оспорить фактическую сторону (в том числе свалить вину на немцев), но им противостояли слишком очевидные свидетельства и документы. Участвовавший в расследовании трагедии в Едвабне сотрудник Института национальной памяти Павел Махцевич тогда же заявил: «... немцы были инициаторами преступлений, а исполнителями были поляки, и это не подлежит малейшему сомнению. Хочу подчеркнуть: поляки участвовали в уничтожении евреев. Нынешние критики Гросса не в состоянии этого опровергнуть». Соглашаясь с тем, что в целом антисемитская атмосфера подогревалась нацистской пропагандой, Гросс, однако, настаивал на том, что поляки, что называется, рвались в бой без понукания с немецкой стороны и часто опережали немцев в «решении еврейского вопроса». За укрывательство евреев полякам

грозила смертная казнь, но, подчеркивает Гросс, смерть не грозила за неучастие в убийстве евреев, и ни один немецкий приказ не обязывал поляков их убивать.

Обосновать если не сами убийства, то обострение негативного отношения поляков к евреям в этот период пытался известный польский историк Томаш Штембож. Приход осенью 1939 г. Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину (тогда территории Речи Посполитой), по его утверждению, был с радостным энтузиазмом встречен еврейским населением в отличие от польского, воспринявшего эти события как агрессию, как «нож в спину» Польше, сражавшейся с гитлеровскими войсками на Западе. Особую ненависть, считал Штембож, вызывало то обстоятельство, что именно евреи заняли тогда начальственные посты в местных, в том числе карательных органах власти. Возражая ему, историк Анджей Жбиковский, что называется, с документами в руках доказал, что процент евреев в органах советской власти, созданных на территориях, присоединенных к СССР согласно пакту Молотова – Риббентропа, был невелик по сравнению с занявшими посты в новой администрации поляками, украинцами, белорусами.

Что же до определенного оптимизма, с которым часть евреев связывала приход Красной Армии, то он понятен, если не забывать о напряженной и с течением времени все более нагнетавшейся атмосфере антисемитских настроений во Второй Речи Посполитой, в которой жили польские евреи с середины 1930-х годов. Естественно, что в той ситуации в еврейском населении, особенно среди молодежи, увлеченной социалистическими идеями, были люди, которые связывали надежды на лучшее будущее с интернационалистскими лозунгами советской пропаганды. В свою очередь, немалая часть польского населения на «кресах» (восточная Польша) надеялась, что приход немцев поможет избавиться от советского засилья, которое при активном содействии «эндеков» (народных социалистов) приобрело в глазах рядового поляка образ такой называемой «жидокоммуны». И тем и другим очень скоро пришлось не только разочароваться в своих ожиданиях, но и заплатить за них самую высокую цену.

В Народной Польше все эти проблемы были пригашены, находились под негласным табу. Вполне естественно, что установление демократических порядков в конце 80-х – начале 90-х годов минувшего столетия среди прочих находившихся под спудом вопросов выдвинуло и оказавшуюся невероятно болезненной проблему еврейско-польских отношений в годы войны. Восприятие книги Гросса «Соседи», сама реакция на «едвабненскую историю» показали очевидную расколотость в польском национальном самосознании. Завязавшая полемика о «коллективной ответственности», о том, отвечают ли потомки за деяния отцов и дедов, о «плохих» и «хороших» поляках, о том, нужно ли каяться за «чужие» грехи, наконец, о «еврейской вине» перед поляками – все свидетельствовало о том, что десятилетия не пригласили давних комплексов и конфликтов. Когда президент Квасьневский принял решение приехать в Едвабне в 60-ю годовщину трагедии, исполнявшуюся в июле 2001 года, и там перед памятником ее жертвам попросить прощения от имени польского народа, более 50 процентов поляков высказалось против этой инициативы. «Президент может просить прощения от своего имени, а не от имени всего народа», – такие голоса раздавались со страниц печати. И тем не менее Квасьневский приехал в Едвабне, где сказал, что тамошняя трагедия это «вопрос нашей ответственности, нашего нравственного самоощущения».

Очень важным было поведение в те дни польского епископата. Тем более, что к покаянию за преступления против евреев призвал Иоанн Павел II. В варшавском костеле Всех Святых состоялась месса, во время которой высший католический клер Польши во главе с примасом Глемпом молился о прощении за вины поляков перед евреями. Но ров непонимания, предрассудков и старой вражды не был засыпан и на треть. Старые раны «польско-еврейского вопроса» сказались с особой остротой после выхода в начале этого года новой книги Гросса «Страх. Антисемитизм в Польше сразу после войны. История нравственного падения». Можно сказать, что полемика, связанная с этой книгой, приобрела более широкий и вместе с тем необычайно болезненный характер.

Это, безусловно, произошло и потому, что в отличие от книги «Соседи», где рассматривалась локальная трагедия, случившаяся в одном местечке, в «Страхе» Гросс, как принято говорить у нас, «обобщает». «Обобщения» американского историка утверждали корневую зараженность польского общества антисемитизмом, в обстановке которого уже в послевоенные годы, не в оккупированной немцами, а в Народной Польше, происходили убийства евреев поляками, в том числе массовые, как известный погром в Кельцах 4 июля 1946 г., когда погибли 35 человек. Гросс считает, что в целом в первые послевоенные годы в Польше было убито до двух тысяч евреев. Одним из существенных мотивов этих преступлений было завладение еврейской собственностью. По мнению Гросса, нынешний польский средний класс родился на гробах трех миллионов жертв Холокоста. Одна из глав книги «Страх» называется «*Moszek, to ty żyjesz?*». «Мошка, так ты уцелел?» – таким вопросом встречали поляки своих соседей-евреев, начавших возвращаться в родные места после освобождения Польши. В вопросе этом, подчеркивает Гросс, было одновременно и удивление, и раздражение, и угроза, и пожелание, чтобы бывший сосед поскорее убрался добру-здорову. И приводит еще одно получившее среди поляков широкое хождение высказывание: «Гитлер много пролил польской крови, но за одно дело мы должны быть ему благодарны – он избавил Польшу от евреев».

Гросс, конечно же, знает о том, что на Аллее Праведников в иерусалимском Институте Яд Вашем более шести тысяч деревьев высажены в честь поляков, спасавших евреев в годы гитлеровской оккупации. Хотя, конечно же, эту цифру нужно соотносить с числом евреев, живших в Польше до войны (3 миллиона), и одновременно помнить, что за помощь им полякам грозила смерть. Тем более требующим ответа является вопрос: почему уже в наше время поляки, которых расспрашивали о том, как они спасали евреев, которых благодарили сами спасенные или их потомки, просили не предавать их имена гласности? Спасители знали, что их осуждают соседи, среди которых жить им и их детям, что они в меньшинстве.

Так возникает непростая проблема «польского страха». Книга Гросса не столько об ужасе, который испытывали избежавшие газовых камер люди, ставшие уже в мирное время жертвами агрессивной юдофобии, сколько о польском национальном комплексе. Извлекая как из вполне материальных, так и мистических глубин «кащееву иглу» польского антисемитизма, американский историк показывает этот глубоко запятанный сложнейший комплекс, состоящий из национально-религиозных предрассудков, безусловного знания о своих преступлениях перед Христом и одновременно желания оправдать их, чтобы навсегда исчез из памяти если и не очень мучающий совесть, то все-таки напоминающий о себе «еврейский призрак». Мучительная память перерастала в страх перед самим собой, и желание заглушить его вело к новым преступлениям. Именно поэтому негласному остракизму подвергались соседи, спасавшие евреев в войну. Они напоминали о собственной нечистой совести.

Сегодня эти фобии предстают в польском обществе в разнообразном спектре – от отрицания Холокоста до традиционного поиска «еврейской вины» (антисемитизм выдается за проявление антикоммунизма) и обвинения Гросса в клевете на польский народ. По последнему мотиву было возбуждено дело краковской прокуратурой. К чести польских юристов, они признали, что книга, являясь научным исследованием (хотя и выполненным на эмоциональном уровне), не содержит клеветнических измышлений, оскорбляющих национальное достоинство поляков. С такой оценкой, однако, не согласились многие исследователи и публицисты. Сочинение Гросса было объявлено «ненаучным», автора называли даже «вампиром от историографии». Некоторых видных католических деятелей возмутили упреки Гросса в адрес священников, одобрявших действия нацистов по отношению к евреям. Особое возмущение иерархов Костела вызвал тот факт, что книга Гросса вышла в католическом издательстве «Знак». Газета «Nash Dziennik» объявила книгу Гросса «частью общего заговора против Польши».

И тем не менее у книги Гросса нашлось немало защит-

ников из рядов польской интеллигенции. В ряде статей они призвали соотечественников взглянуть правде в глаза, отказать от мифа о собственной национальной исключительности, от идеализации польской истории. Как пишет в предисловии к «Страху» руководитель издательства «Знак» Хенрик Вожняковский, книга содержит «аспект польской истории, который еще должным образом не осознан обществом», и потому она является важным элементом в деле национального самопознания поляков. Это обстоятельство имел в виду и видный публицист и общественный деятель, редактор «Газеты Выборчей» Адам Михник, когда на очередной встрече Гросса с читателями сказал, что книга американского историка – «предмет не для польско-еврейской полемики, а для польско-польского диалога».

Диалог этот идет трудно, о чем свидетельствуют данные опроса, проведенного «Газетой Выборчей». Только 23 процента поляков считают, что книга Гросса вообще нужна как средство очищения национальной памяти. Впрочем, может быть, эта цифра не так и мала? 41 процент склонен назвать ее «антипольским пасквилом». Последнюю оценку разделяют, в основном, люди пожилого возраста. Зато 37 процентов поляков в возрасте от 18 до 24 лет поддержали издание книги Гросса. И это, безусловно, внушает оптимизм. Молодым эта книга оказалась нужна. Нельзя не оценить и такую цифру – около 40 процентов высказалось против судебного преследования книги Гросса. Широкий общественный интерес, проявленный к его книге, по мнению автора, означает, что «Польша готова непредвзято взглянуть на свое прошлое».

«Неприкосновенный запас» (Москва), 2008, № 2.

Адам Михник: в поисках подлинной Польши

Adam Michnik. W poszukiwaniu utraconego sensu. Warszawa, 2007.

Спустя многие годы после того, как Польша освободилась от коммунистических пут, знаменитейший диссидент,

активный деятель памятного КОС-КОРа и «Солидарности», публицист, создатель и бессменный редактор популярнейшей «Газеты Выборчей» Адам Михник, человек так много сделавший для демократического обновления своей страны, стал объектом не только критики, но даже травли у себя на родине. Впрочем, это судьба не только Михника. Комья грязи полетели в его друга и соратника, покойного Яцека Куроня, в других известнейших людей, не просто причастных, но стоявших во главе борьбы за новую Польшу, неоднократно подвергавшихся арестам, получавших тюремные сроки.

Слава Богу, польская революция не сожрала своих детей в буквальном смысле этого слова. Но то, что уже не один год их поливают обильной грязью, «разоблачают» как явных и тайных агентов канувшего в Лету коммунистического режима, включая и лидера «Солидарности», а затем президента страны Леха Валенсу, и таких интеллектуалов, чьи имена стоят в первых рядах польской культуры, как нобелевский лауреат Чеслав Милош и не менее знаменитый поэт Збигнев Херберт, это из череды печальных фактов очевидного идеологического противостояния, конца которому, похоже, не видно. Несомненно, не только из профессионально усвоенного исторического, но и новейшего польского опыта родились эти признания А. Михника в его новой книге публицистики: «Каждая великая революционная перемена будит надежды и ожидания, которые не могут быть вполне реализованы. В этом смысле каждая революция является незаконченной либо преданной; ни одна из них не содействует тому, что грешники получают заслуженную кару, а справедливые – вознаграждение... Кто жаждет совершенной справедливости, тот должен помнить, что совершенна только казнь...». И еще вот это: «XX век оставил нам в наследство два существенных предостережения. Первое это предостережение перед теми, кто пренебрегает понятием правды, для кого правда это мещанский идеал либо литературная фикция... Вместе с тем тот же 20-й век научил нас не доверять тем, кто провозглашает самих себя обладателями абсолютной правды, кто себя – или свою партию – делает собственниками правды и ощу-

щает свою предназначенность навязывать эту правду другим. Абсолютная правда, насаждаемая насильственно, превращается в абсолютную ложь. А ее носители – даже наперекор собственной воле – становятся охранителями лжи».

Собственно, разоблачению «охранителей лжи» и временно «поиску утраченного смысла» и посвящена книга Михника. Как это повторяется уже на протяжении многих лет с его публицистическими выступлениями, она стала предметом острой дискуссии в польском обществе. Следует сразу же отметить, что дискуссия эта является отражением обостряющихся на протяжении последнего времени споров о главных аспектах современной польской истории, среди которых можно выделить следующие: что такое была Польская Народная Республика (ПНР) – зависимая от СССР, но все-таки определенная форма польской государственности, с которой (вера в социализм) связывала свои надежды значительная часть общества, либо это был тюремный застенок, в котором десятилетиями томился свобододолюбивый польский народ? «круглый стол» и выборы 1989 г. – это был действительно единственно мирный, компромиссный путь государственной трансформации от коммунистической власти к демократическому устройству или то был сговор находившихся у власти коммунистов с лидерами «Солидарности» и либералами-демократами, не давший возможности справедливо завершить польскую революцию, что негативно сказалось на последующем развитии страны? произведен ли до конца расчет с прошлым, настигло ли возмездие тех, кто карал, сажал в тюрьмы, преследовал инакомыслящих интеллигентов, боровшихся за свои права рабочих, или закон о лustrации (1997 г.) и политика Института национальной памяти, публикующего переданные ему документы о сотрудничестве граждан со спецслужбами, являются для нынешней власти способом уничтожения своих политических противников и утверждения своей моральной чистоты и правоты?

Ответы на эти вопросы в значительной степени определяют, кого из граждан в сегодняшней Польше относят к правым, а кого к левым. Правые это разумеется, те, кто от-

рицает неоднозначность нравственного выбора в ПНР, в конспирологических категориях оценивает «круглый стол», безоговорочно поддерживает люстрацию и продолжение борьбы с «коммуной», от которой, впрочем, совсем недалеко до «жидокоммуны». Ну а левые – за здравый смысл (увы – утраченный!), за диалектически-взвешенное отношение к собственной истории, за прекращение «охоты на ведьм», развернутой Институтом национальной памяти, якобы спекулирующим папками с делами тайных доносчиков и осведомителей. Этот политический раздел по-своему определяет и отношение к свободному рынку, абортam, гомосексуальным бракам, месту Костела в жизни государства, преподаванию дарвиновской теории в школе, ну и, конечно, к евреям (без упоминания о них польские полемике невозможны). Разумеется, не все здесь строго однозначно, имеются оттенки и полутона. Особенно это заметно в польской публицистике. И тем не менее совершенно очевидно, что сформировалась проблема двух патриотизмов. Позволю себе их обозначить как католическо-националистический и либерально-демократический. Впрочем, и здесь не следует забывать о тех же оттенках и полутонах.

Вождями «первого патриотизма», безусловно, являются братья-близнецы – президент Польши Лех Качиньский и его брат Ярослав, бывший до недавнего времени премьер-министром и возглавляющий пропрезидентскую партию «Закон и справедливость», потерпевшую поражение на последних парламентских выборах от либералов – партии «Гражданская платформа», в результате которых к власти пришло правительство Дональда Туска. Что касается лидерства в лагере «второго патриотизма», то оно не столь однозначно, хотя немалая часть польского общества склонна – и не без оснований – видеть выразителей его идей как в фигуре самого Адама Михника, так и в объединившейся вокруг «Газеты Выборчей» группы публицистов и аналитиков.

Рассуждая о причинах общественно-политических процессов в Польше, обострившихся с приходом к власти Качиньских, Михник считает, что здесь поляков «догнало их

прошлые». Причем не то героическое, когда они сражались за свою свободу, а «дурное прошлое», связанное, с одной стороны, с традицией шляхетской смуты и склоки, приведшей к утрате государственности в восемнадцатом веке, а с другой – с национал-популистским авторитаризмом, знаковым явлением в истории Второй Речи Посполитой, когда были отброшены демократические принципы, был убит первый президент независимой Польши Габриель Нарutowич, а затем военные во главе с Пилсудским организовали государственный переворот (1926 г.) и установилось продолжавшееся вплоть до начала второй мировой войны правление, отмеченное фальсификацией выборов, политическими процессами и арестами неугодных, дискриминацией национальных меньшинств. Это прошлое переплелось с наследием коммунистической власти, когда в головах поляков было вбито недоверие к Западу и в особенности получила развитие германофобия, которая преодолевалась с 1970-х гг. по взаимной инициативе немецких и польских церковных деятелей («прощаем и просим прощения»), но в последнее время стала давать рецидивы, в том числе в виде заявления премьера Качиньского, объявившего канцлера ФРГ Ангелу Меркель чуть ли не наследницей Гитлера, ответственной за преступления нацизма перед поляками.

Здесь видит Михник корни «польских скандалов» последних лет в Европейском Союзе, связанных с внешней политикой правительства Ярослава Качиньского, одобрительно относившегося к ЕС как источнику щедрой финансовой поддержки и сразу встававшего на дыбы, когда в Брюсселе раздавалась критика в его адрес. Вообще любая критика действий и заявлений братьев Качиньских воспринималась и продолжает восприниматься ими и их сторонниками как проявление антипольских, антигосударственных взглядов. Провозгласив свою политику «моральной», нацеленной на очищение жизни польского общества от язв и пороков посткоммунистической системы, то есть наследия своих предшественников на протяжении полутора десятилетней истории новой, демократической Польши, Качиньские и близкие им деятели по сути зачислили во «вра-

ги народа» многих людей, имеющих несомненные заслуги в деле становления и развития польской демократии.

Понятно, что популистская демагогия Качиньских не могла не опираться как на определенные ксенофобские и антилиберальные настроения в польском обществе, так и в не меньшей степени на ту самую незавершенность польской революции, о которой говорит Михник и от которой до сих пор страдают люди, подвергавшиеся несправедливым карам в годы ПНР, но так и не получившие должного «возмещения» и одновременно наблюдающие, как жируют деятели старой номенклатуры, какие шикарные пенсии получают бывшие сотрудники спецслужб и МВД, увольнявшие их с работы, учинявшие допросы и сажавшие под арест.

Пепел Клааса стучит в сердца «обиженных» во времена ПНР, и Качиньские не преминули воспользоваться этим обстоятельством в полной мере, обвинив и первое правительство демократической Польши, возглавлявшееся Тадеушем Мазовецким, и президента Валенсу, и уж, конечно, президента Квасьневского в потакании и даже сговоре с «комухами» (коммунистами). Была сделана попытка буквально натравить польский «ciemnogrod» (наименее образованную часть общества) на «выкшталцехов» («образованцев», интеллектуалов) и даже переписать историю новой Польши, которая, конечно же, должна начинаться с прихода к власти братьев Качиньских.

Касаясь этой проблемы, Михник обращается к опыту Великой французской революции. Конечно, куда Качиньским до фигур Робеспьера и Сен-Жюста, но сам дух «ультра моральной революции» может, как показывает жизнь, пробиться через столетия, хотя и в карикатурном виде, но не потерявшим своей опасности, если иметь в виду будущие страны, пути, по которым она может пойти.

И здесь, по мнению Михника, со всей очевидностью вырисовывается проблема любой революции – диалектики умеренности и радикализма, компромисса и революционной безоглядности. Прекрасный знаток эпохи Дантона и Марата, когда после «прекрасных дней Аранжуэца», после всеобщего опьянения словами о свободе, равен-

стве, братстве, когда после того, как сам король надел красный бант, тем не менее полились потоки крови и всю зарботала гильотина, редактор «Газеты Выборчей» со времен «круглого стола» был безусловным сторонником компромисса. Его вдохновлял опыт Европы – послефранкистской Испании, также мирным путем избавившейся от «черных полковников» Греции. Но шло время, прошли и польские «дни Аранжуэца», жизнь стала для многих в условиях капитализма трудна, обозначилось социальное неравенство, пришли разочарования. Соответственно, обострилась и политическая борьба в стране. И вот тогда Михнику не простили и встреч с генералом Ярузельским, и бесед с бывшим министром внутренних дел генералом Кишчаком. Сейчас он признает, что не следовало ему несколько лет назад, отвечая на вопрос журналистки, считает ли он последнего «человеком чести», давать утвердительный ответ, поскольку не в его компетенции раздавать подобных характеристик. Но и сегодня Михник говорит о неоднозначности фигуры Чеслава Кишчака, в годы ПНР давившего демократическое движение, но во время «круглого стола», а затем на посту министра внутренних дел в правительстве Мазовецкого ведшего себя исключительно порядочно. Рассматривая судьбы разных людей – епископов, полярно оценивших еврейский погром в Кельцах в 1946 г., выдающегося немецкого хирурга Фердинанда Саурбруха, вынужденного пожимать руку Гитлеру и спасшего сотни человеческих жизней, – Михник спорит с черно-белыми подходами к жизни.

Но призывая к диалектике оценок, он отнюдь не выглядит всепрощенцем. Что такое система диктатуры, он знает лучше многих – отсидел в тюрьмах Народной Польши в разные годы в общей сумме более семи лет. Знает он, что люстрации хотят избежать провокаторы, несущие ответственность за человеческие несчастья, подлецы, предававшие друзей, полицейские и спецслужбистские чины, применявшие пытки и организовывавшие «тропинки здоровья» (палочные шеренги, через которые прогоняли арестованных). И они должны быть наказаны. Этому должны служить нормальные законы, нормальное правосудие. Но

не менее тревожит Михника возможное торжество полицейской полуправды, фальши. Поэтому он считает недопустимым с нравственной точки зрения, чтобы «источником сведений о человеке – как и во времена коммунистической диктатуры – были архивы спецслужб тоталитарного государства». Такой подход это невольная честь, которую «свободная Польша отдает эпохе палачей, доносчиков и трусов». Сегодня с помощью полицейских доносов пытаются разрушить репутации известнейших людей, не только политиков, но и писателей – Збигнева Херберта, Чеслава Милоша, Анджея Щиперского, Рышарда Капусцинского, Анджея Дравича, чьи имена вписаны в историю культуры современной Польши. Падкий на сенсации обыватель подмигивает знакомому после очередной «разоблачительной» публикации: «Читали? Оказывается, и этот был агентом!» Хотя в том, что в коммунистической Польше был установлен контроль за авторитетными интеллектуалами, что их вызывали на «беседы», что в своих отчетах офицеры службы безопасности присваивали им тайные клички (о которых те не знали), нет никакой тайны.

Люстрация стала в сегодняшней Польше методом уращения политиков, членов Конституционного суда, предпринимателей, дипломатов, журналистов и университетских профессоров. Поэтому Михник против люстрации как орудия расправы с неудобными власти.

Победа партии «Гражданская платформа» на последних выборах в сейм и отставка правительства Ярослава Качиньского не означает, что эти проблемы отошли в тень. И не только потому, что президентом остается Лех Качиньский, а его брат Ярослав возглавляет вторую по численности фракцию в парламенте и надеется как на переизбрание Леха на второй срок, так и на свое возвращение в руководство страной. Проблемы оценок давней и недавней истории Польши, польского менталитета и национальных ценностей остаются по-прежнему на острие ведущихся в обществе полемик. Так где же искать «утраченный смысл»? В чем он? Обличая «новых популистов и новых абсолютистов», Михник остается на стороне униженных и оскорбленных. И одновременно помнит о словах австрийского

писателя Виктора Клемперера: «Либерал – тот, кто понимает это высказывание: «В доме Отца моего обитателей много» (Иоанн, XIV, 2).

«Неприкосновенный запас» (Москва), 2008, № 4.

Спор о Валенсе

Slawomir Cenikiewicz, Piotr Gontarczyk. SB a Lech Wałęsa. Przyczynek do biografii. Warszawa, Instytut Pamięci Narodowej. 2008. Lech Wałęsa. Droga do prawdy. Autobiografia. Warszawa, Świat książki, 2008.

Происходящее в последние годы в Польше вокруг Леха Валенсы складывается в своеобразный эпос. Собственно, эпос этот – своего рода «Валенсиада» – начал слагаться еще на заре 1970-х гг., когда электрик Гданьской судовой верфи стал членом забастовочного комитета и по этой причине привлёк к себе внимание властей. События же последнего времени, внесшие драматический (или трагикомический?) мотив «предательства», придают ему почти шекспировский оттенок.

Вместе с тем следует понимать, что отшумевшая на протяжении минувшего года (но еще вовсе не закончившаяся) дискуссия о книге, посвященной связям бывшего лидера «Солидарности» и президента страны (1990–1995 гг.) со службой безопасности Народной Польши (SB), отражает по-своему те же кризисные явления в жизни польского общества, о которых мы писали в рецензии на сборник эссеистики Адама Михника («Неприкосновенный запас», № 4). В стране не утихают страсти по поводу того, кто был или мог быть тайным агентом, осведомителем «беспеки». Ширится круг «разоблаченных» с помощью Института национальной памяти (IPN), хранящего архивы спецслужб, градус скандальности повышает зачисление в него знаменитых общественных деятелей, писателей, в том числе людей, известных своими заслугами в борьбе с коммунистическим режимом. Слухи о том, что живая легенда современной польской истории, символ борьбы за демократию

Лех Валенса также был связан со службой безопасности, зарегистрировавшей его под псевдонимом «Болек», ходили давно. Говорили, что имеются на сей счет соответствующие документы.

И вот «бомба» взорвалась. Увесистый том под названием «СБ и Лех Валенса. Дополнение к биографии», вышедший летом 2008 г. и принадлежащий перу профессиональных историков, сотрудников Института национальной памяти (IPN) Петра Гонтарчика и Славомира Ценкевича, сразу же стал предметом широкого общественного обсуждения. Понимая, что критические подходы к их работе, будут особенно строгими, даже придиричливыми, авторы стремились к максимальной объективности. Перефразируя известное выражение «Правда, ничего кроме правды», их метод можно обозначить как «Документы, ничего кроме документов».

Правда, тут же встал вопрос: о каких, собственно, документах речь? Проблема в том, что сохранились только ксерокопии, нет оригиналов, которые давали бы возможность формальной верификации их аутентичности и, следовательно, отделения подлинных доказательств от фальшивок, в великом множестве изготавливавшихся в недрах СБ. В начальный период перехода страны на демократические рельсы часть документов спецслужб была уничтожена. Кроме того, существует подозрение, что материалы СБ, касающиеся Валенсы, будучи предоставленными ему для ознакомления в бытность его президентом (в 1992 г.), вернулись затем в архив не в полном виде.

Сохранившиеся же документы свидетельствуют о том, что в 1971 – 1972 гг. гданьского электрика, как активиста забастовочного движения, отстаивавшего права рабочих и неоднократно по этой причине подвергавшегося арестам, допрашивали сотрудники службы безопасности. Они же якобы присвоили ему псевдоним секретного сотрудника «Болек». Но знал ли тогда об этом псевдониме сам Валенса (сегодня он утверждает, что вообще этот псевдоним, скорее всего, был присвоен не ему, а какому-то другому человеку), давал ли он подписку о сотрудничестве, получал ли денежное вознаграждение за него – об этом документаль-

ных свидетельств нет. Как нет и подтверждений, что он на кого-то доносил, кого-то предавал. В принципе же такие допросы или даже беседы с «неблагонадежными» были достаточно рутинной для тех времен и обстоятельств процедурой. И сегодня Валенса спокойно и даже с юмором говорит, что уже тогда давал неплохие советы власти насчет того, как следует относиться к требованиям рабочих и вообще строить отношения с ними таким образом, чтобы не доводить дело до острых конфликтов.

Согласно тем же документам, с 1973 г. встречи «Болека» с функционерами СБ носили формальный характер: последние больше стремились к тому, чтобы как-то обязать, дисциплинировать явно стремящегося уйти из-под их контроля молодого рабочего, которого считали своим сотрудником. Существует версия, что впоследствии, в 1980-е годы, когда Валенса стал широко известным лидером «Солидарности», в СБ была сделана попытка дезавуировать его фигуру путем фальсификации ряда документов, подброшенных в том числе в посольство Норвегии в Варшаве. Но какие именно документы были сфальсифицированы – этого авторам установить не удалось. Как не удалось и дать ясный ответ на вопрос, повлияло ли сотрудничество «Болека» с СБ в начале 1970-х гг. на дальнейшую деятельность Валенсы уже как лидера мощного общественного движения, приведшего в итоге к решительному изменению политического облика страны.

Отмечая хотя и не выпирающий явно, но вполне очевидный «обвинительный уклон» книги внешне стремящихся к объективности и бесстрастности сотрудников IPN, нельзя не видеть, что за стремлением «прощупать» Валенсу стоит несомненное желание разобраться в сложных изгибах польской политической жизни 1970 – 1980-х гг., когда шла достаточно острая борьба и в оппозиционных кругах, когда в коммунистическом руководстве страны были разные мнения по поводу возможных реформ, когда политический сыск использовал различные формы провокации и шантажа. С этой целью в монографии детально анализируются действия СБ весной 1981 г. в связи с выборами руководителя «Солидарности». Определенную пищу дали

историкам и не всегда продуманные высказывания самого Валенсы, естественно горячо реагировавшего на упоминания его как «Болека».

Выход спустя несколько месяцев после появления труда Гонтарчика и Ценкевича автобиографии Валенсы, разумеется, не случайно озаглавленной «Путь к правде», был воспринят в обществе как попытка дать откуп всем клеветникам. Попытка не очень удачная еще и потому, что оправдываться по поводу расплывчатых подозрений это всегда малопродуктивная позиция. Будучи от природы речистым и по-своему остроумным человеком, Валенса тем не менее всегда имел проблемы с логически последовательным изложением своих мыслей, что отчасти сказалось и в его автобиографической книге. И, естественно, отразилось на его полемике с книгой Гонтарчика и Ценкевича. Вот он цитирует вполне к нему расположенного историка Анджея Фришке: «Валенса сам признает, что разговаривал с офицерами СБ и что-то подписал. При этом предупреждает, что не вредил никому из коллег и не доносил на них. Факт регистрации Валенсы, как тайного осведомителя Болека, свидетельствует скорее о прагматических действиях тогдашней СБ, а не о фактическом согласии Валенсы на сотрудничество». И далее Фришке говорит о своеобразной игре, которую вел Валенса, пытаясь перехитрить своих собеседников из СБ и одновременно не попасть в расставленные ими сети. Казалось бы, вполне нормальная версия, стыкующаяся с известными документами. И Валенса как будто согласен, он пишет: «Таковы факты». И тут же пытается их опровергнуть, утверждая, что имел всего один-единственный контакт с офицерами СБ в 1970 г. и тогда же подписал протокол допроса. Разумеется, такая самозащита только во вред. Противники Валенсы – а их хватает – используют каждое его неудачное выражение, каждый промах.

Это тем более не представляет большого труда, поскольку история Польши 1970 – 1980-х гг., да и первой половины 1990-х содержит немало вопросительных знаков. Особо болезненно выглядят рассуждения о том, насколько далеко зашло сотрудничество лидеров «Солидарности» с руковод-

ством Народной Польши в период «круглого стола». Звучат обвинения в предательстве, в ходу известный термин «агенты влияния». Эту лексику предпочитают претендующие на роль истинных патриотов и борцов за окончательное очищение страны от якобы затаившейся коммунистической скверны деятели потерпевшей поражение на последних выборах в сейм партии «Закон и справедливость» (PIS), чье публичное кредо олицетворяют братья Качиньские. Нельзя не заметить: чем острее кипит полемика с взаимными обвинениями (редактор газеты «Dziennik» Роберт Красовский говорит о «политической войне в среде польской интеллигенции»), тем очевиднее становится ее бессмысленность и спекулятивность, стремление использовать новейшую историю Польши в качестве дубинки для расправы с политическими конкурентами и разрушения еще недавно таких безоговорочных интеллектуальных авторитетов как Милош, Херберт, Колаковский. И, понятное дело, все больше увеличивается расстояние до истины. Осмысление этого обстоятельства заставило покинуть политические баррикады и занять центристскую позицию целый ряд аналитиков и публицистов, не пожелавших, чтобы их имена использовались в политических спекуляциях.

Публицистка Магдалена Сьрода пишет в «Газете Выборчей»: «Если даже это правда, что Валенса сотрудничал с СБ в 70-е годы, то я более легко перенесу эту правду, нежели ту, во имя которой сейчас травят его. Поскольку для меня ясно, что великие люди могут иметь минуты слабости и боязни в то время как ничтожные людишки полагают, что становятся великими, присвоив себе право вещать от имени Правды». Права Ханна Арендт, утверждавшая, что нет в политике более опасного оружия нежели Правда. Независимо от того, носит она характер религиозный (как в странах, где религия имеет главенствующий характер), идеологический (как в тоталитарных государствах) или исторический (как в придуманной, «патриотически и нравственно очищенной» Четвертой Речи Посполитой Качиньских). Понимаемая таким образом Правда является инструментом насилия, причем худшим по сравнению с насилием физическим. «Независимый историк должен забо-

таться о правде, а политик о независимости историков и университетов от политики, – убеждена публицистка «Газеты Выборчей». – Потому что правда в руках политизированных историков, думающих о карьере, так же опасна, как правда в руках политиков, которых история уже лишила возможности карьеры».

Кстати, одному из авторов книги о Валенсе Славомiru Ценкевичу пришлось уйти из Института национальной памяти. Но историк не унывает и уже выпустил новую книгу «Дело Валенсы». А самому IPN (этой, по выражению его критиков, «полиции памяти») в сейме пытались урезать бюджет. Таковы повороты и издержки все той же, несмотря ни на что продолжающейся «борьбы за Правду». Что же касается страстей, кипящих вокруг оценки личности Леха Валенсы, то в обществе, при очевидной разноголосице, преобладает понимание роли, которую он сыграл в установлении демократических порядков в Польше. 24 крупнейших польских интеллектуала выступили с письмом в его защиту. Теолог и философ Мацей Земба считает, что в пантеоне имен XX века имя Валенсы будет в одном ряду с именами Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга. На одном из форумов в польском интернете было высказано: «Мне все равно, что говорил Лех во время допросов в СБ. Я знаю, что благодаря ему живу в новой Польше».

«Неприкосновенный запас» (Москва), 2009, № 1.

Что есть Добро и Зло

Продолжение старого спора

Norman Davies. Europa walczy. 1939 – 1945. Nie takie proste zwycięstwo. Kraków, Znak, 2008.

Британский историк Норман Дэвис (родился в 1939 г.) является автором многих трудов по истории современной Восточной Европы и прежде всего Польши. Его «польские интересы» очевидны и в новейшей, обширной по теме и, со-

ответственно, по объему книге «Европа сражается. 1939 – 1945. Не столь простая победа». Несомненно, и по этой причине поляки одними из первых перевели его книгу (перевод Эльжбеты Табаковской).

Хотя, конечно же, сама тема нового сочинения весьма трудолюбивого и плодovitого британского автора выходит далеко за, скажем так, «польские пределы». Дело, впрочем, не столько в теме (Вторая мировая война), достаточно разработанной в западноевропейской историографии, сколько в ее решении, в авторских подходах. В основе позиции Дэвиса четко продекларированное во вступлении стремление к предельной объективности как основе создания целостного, интегрального образа войны, складывающего, по его мысли, из нескольких существенных аспектов. Они и сформировали разделы книги – «Военное ремесло», «Политика», «Солдаты» (с подзаголовком «От призыва до воинской могилы»), «Гражданское население» (с подзаголовком «Жизнь и смерть во время войны»), «Портреты» (с подзаголовком «Вторая мировая война в искусстве, литературе и истории»).

Подобно древним хронистам-универсалам, Дэвис стремится объединить в своей книге анализ политических проблем, военных операций с описанием фронтового быта, солдатской психологии, повседневности жизни людей на оккупированных территориях и даже отражением разностороннего спектра войны в искусстве и литературе. Война, согласно авторскому замыслу, должна предстать в его книге космосом, пронизывающим все сферы бытия. Соответственно, сам историк вполне мог бы чувствовать себя Гомером, взбирающимся на эпические вершины. Чему, кстати, призван способствовать и стиль изложения, вполне раскованный и даже тяготеющий к образности.

Но именно в этом месте следует сказать, о том, что «гомеровская эпика» в книге Дэвиса имеет весьма специфический характер в связи с дотошной детализацией и целенаправленной приземленностью образа войны, представляющего в самых разных ипостасях в политике, в битвах и военном искусстве, наконец, в людях, в конкретных человеческих судьбах. Ну вот, к примеру, раздел «Солдаты». Чи-

татель имеет возможность узнать о национальном составе как немецких, так и антигитлеровских союзнических частей. Оказывается, в вермахте служили около 150 тысяч евреев, большей частью полукровок, получивших из канцелярии фюрера свидетельство о *Deutschblutigeit* («чистоте немецкой крови»). Эти данные Дэвис приводит вместе со ссылкой на премьера Израиля Ариеля Шарона, заявившего в 2005 г. о том, что против фашистской Германии в армиях разных стран воевали полтора миллиона евреев, из которых погибли 250 тысяч. В последние годы войны из тридцати считавшихся элитарными дивизий *Waffen SS* шесть состояли из славян – русских, украинцев, чехов, сербов, боснийцев и хорватов. А большую часть среди тех, кого, имея в виду британские вооруженные силы, именовали англичанами, составляли шотландцы, валлийцы и ирландцы. И все они чрезвычайно болезненно восприняли бы, если бы их считали только англичанами.

Дэвис старается быть осторожным с цифрами, и потому некоторые из них достаточно неопределенны. К примеру, он считает, что число советских военнопленных, согласившихся воевать на стороне рейха, колеблется от одного до двух миллионов человек. А в 1943 – 1945 гг. на сторону союзников перешли, возможно, около ста тысяч немецких солдат польского происхождения, сначала в Италии, а потом на западном фронте.

Приводя эти данные вместе с разнообразными сведениями о биографиях и личностях, психологическом облике солдат, офицеров, генералов по обе стороны военного противостояния, об оружии, которым эти стороны располагали (включая артиллерию флот, авиацию), об их разведках, медицине и воинских наградах, о положении различных социальных слоев (от аристократов до крестьян) в оккупированных немцами странах, о грабежах и насилии, которым подвергалось население и со стороны вермахта и со стороны союзников, Дэвис вовсе не стремится поразить читателя некоей экзотикой, близкой к распространенному понятию «неизвестная война». Война в созданной им панораме – как ни печально это звучит – выглядит продолжением жизни, хотя и в экстремальных условиях. В этом убеж-

дают такие главки раздела «Гражданское население» как «Влюбленные», «Любители музыки», «Дипломаты», «Журналисты», «Поэты», «Духовенство», «Дети»... В них, наряду с известными историческими фактами, использованы житейские истории, частично выглядящие как мифы или анекдоты, но вместе с тем предстающие как самая настоящая правда войны, т.е. правда тогдашней жизни. Появление в Великобритании после открытия второго фронта почти миллиона американских солдат повлияло, с одной стороны, на значительный рост числа проституток, особенно в Лондоне, а с другой – привело к ломке традиционных (викторианских) запретов в семейной сфере, что в свою очередь содействовало, по выражению Дэвиса, расширению поиска молодыми англичанками своего счастья. Более 50 тысяч уехали за океан невестами и женами американских солдат и офицеров.

Из поля зрения британского историка не ушли ни предатели и коллаборанты, ни узники концентрационных лагерей и их мучители, ни шпионы и заговорщики, ни те, кого он попросту называет свидетелями (зрителями) военного времени. Приводя мало или вовсе не известные факты, постоянно сравнивая схожие, на его взгляд, явления, он подвергает ревизии устоявшиеся понятия и представления, точнее, стремится показать если не полную их тождественность, то очевидную сущностную близость.

Дэвис во многих случаях полемичен. Он упрекает известный фильм Стивена Спилберга «Список Шиндлера» в том, что, показывая равнодушие поляков к уничтожению евреев в краковском гетто, американский режиссер обошел вниманием состоявшуюся почти одновременно акцию, когда были убиты все мужчины и подростки, принадлежавшие к одной из католических парафий Кракова и подозревавшиеся в помощи движению сопротивления. За тем, как они копали ров, в котором их живыми погребли, невольно наблюдали согнанные немцами женщины. «Они тоже были зрителями», – замечает историк.

Очевидно, что, усложняя, синтезируя палитру военного времени, Дэвис стремится в известной степени повлиять на устоявшиеся нормы его восприятия. Синтез высту-

пает в книге как средство противостояния черно-белой гамме, преобладающей, по его мнению, в описаниях и анализах второй мировой войны. Историк нередко впадает в разоблачительный пафос, буквально требуя помнить о том, что одновременно с освобождением советскими войсками Освенцима в январе 1945 г., советские же органы безопасности использовали другие гитлеровские концентрационные лагеря для новых заключенных. И не раз напоминает, что сталинская внешняя политика конца 1930-х годов была циничной и ее тайные цели до конца не исследованы. Издеваясь над риторикой, звучащей в дни круглых юбилейных дат, связанных с войной («победа Добра над Злом», «победа, в результате которой был спасен мир», «никогда более», «освобождение Европы от коричневой чумы»), Дэвис протестует против словесных штампов и затертых понятий, исторических искажений и недомолвок, разного рода вольных и невольных сокрытий, уводящих от истинной памяти о войне. Примером такого одновременно и сокрытия и искажения для него является памятник в Вашингтоне, на котором слова «Тихий океан» и «Атлантика» объединяет надпись «Вторая мировая война. 1941 – 1945». Отсутствие упоминания о союзниках рождает у не очень осведомленных в истории людей ощущение, что именно США выиграли войну, судьбу которой, оказывается, определяли тихоокеанские и атлантические битвы. Не говоря уже о том, что «забытая» о 1939 годе, как начале Второй мировой войны, создатели памятника содействуют искаженному формированию не только исторической хронологии, но и – что особенно важно – неверному пониманию исторического процесса вплоть до нынешних дней.

Дэвис критикует британские власти за то, что в дни торжеств в связи с 60-летием окончания войны не были упомянуты ни канадцы, ни австралийцы, ни новозеландцы, воевавшие в вооруженных силах Великобритании. И, естественно, одобряет поляков, отметивших и 1 сентября (день начала Второй мировой войны) и 17 сентября 1939 г. (день советского вторжения в Польшу), – даты, не замеченные ни в Москве, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне.

В общем, взывание исследователя к объективности и всесторонности подходов, можно сказать, абсолютно. Сам он склонен к скромной оценке собственной позиции как нейтральной. Но именно здесь, на «нейтральной территории», Дэвис терпит поражение как исследователь, не только стремящийся представить максимальную полноту фактов, но и обязанный идти до конца в их анализе. Именно аналитическая, в отличие от фактологической (кстати, близкой по структуре к энциклопедическому справочнику под названием «Вторая мировая война»), часть монографии обнаруживает аксиологическую уязвимость и декларативность «нейтралитета» британского историка.

Дэвис сам признает, что неоригинален, представляя основу конфликта как столкновение двух тоталитарных систем – фашистской и коммунистической. Эта характеристика стала достаточно общим местом в западной историографии. Он решительно возражает против набравшего в последние годы популярность утверждения, что Восток и Запад совместно (fifty-fifty) одолели гитлеровскую гидру. Напоминает, что немцы сами признают: 80 процентов их потерь пришлось на Восточный фронт. Поэтому признавая, что американцы совершили истинное чудо, начав войну, можно сказать, с нуля, историк заявляет без всяких оговорок: войну выиграла Красная Армия, выиграл Советский Союз.

Именно в этом месте, точнее сразу после тезы о безусловности советской победы над Германией начинается драма Дэвиса как исторического писателя, добровольно отступившего перед непознаваемостью последней истины. Не Добро победило Зло, – утверждает он, – а одно Зло победило другое Зло. Пускай даже в союзе (по-своему противоестественном) с западной демократией, до сих пор предпочитающей умалчивать, что в лице Сталина она сотрудничала с преступным режимом. Конечно, говорит Дэвис, так сложились обстоятельства, и потому следует считаться с тем, что Зло не всегда выступает в образе врага. Оттого и книга имеет подзаголовок «Не столь простая победа». Кажется, более точным, с учетом позиции Дэвиса, был бы подзаголовок «Не столь очевидная победа».

В общем, если суммировать вывод британского исследователя, то он таков: антигитлеровская коалиция, одолев Третий Рейх, не принесла повсеместно в Европу (прежде всего в Восточную) свободу, справедливость и демократию. Не состоялся триумф Добра над Злом, как это утверждала советская пропаганда и как, к сожалению Дэвиса, продолжают считать не только в сегодняшней России, но и на Западе. И потому политический итог войны оказался весьма неясным.

Но почему все-таки одно Зло, тем более перемешанное с другим и столь похожим на него Злом, победило это другое тоже остается непонятным. Тем более, что автор говорит о военном преимуществе вермахта в начальный период войны с Советским Союзом. Дэвис жалуется на то, что в разных странах преобладают свои, национальные (с домесом определенной мифологии) приоритеты в оценках и в целом представлениях о второй мировой войне, что, по его мнению, затемняет объективное освещение ее хода и итогов. Он недоволен тем, что во многих странах Запада «на защиту официальной версии истории мобилизована правовая система». В Великобритании военными преступлениями считаются только те, что были совершены нацистской Германией и ее союзниками. Во Франции с 1990 г. закон преследует тех, кто отрицает Холокост либо минимизирует его результаты. Историческое знание, считает Дэвис, не нуждается в искусственной защите.

Но и он, похоже, не знает способов, которые могут отделять бесспорные исторические факты от искажений, клеветы и прочих надругательств над Клио, проникающих в учебники и отравляющих молодые умы. Его же собственная позиция нейтрального и хладнокровного наблюдателя, с высоты оценивающего события второй мировой войны, умело стыкующего разнообразные явления, но и заметно кокетничающего нетрадиционностью своих подходов («вызвал раздражение защитников Холокоста якобы снизив число его жертв и увеличив несчастья тех, кто не были евреями», «обрушил на себя критику британских патриотов, несогласных с уменьшением заслуг западных союзников», ну и, разумеется, получил упреки в связи с «прокля-

той полонофилией»), удивляющего читателя калейдоскопичностью и парадоксальностью своего зрения, хотя и включает в себе призыв к фактологической полноте и объективной оценочности, вместе с тем содержит и определенное недоверие к историческому знанию, таящему в себе возможности различных манипуляций.

Дэвис напоминает, что всего три процента территории СССР были оккупированы, забывая упомянуть, какой промышленный и сырьевой потенциал был сосредоточен на этих трех процентах. Дэвис остро критикует преувеличенность эффективности движения сопротивления Гитлеру на Западе, но почти ничего не говорит о его массовости, как и о кровавом подавлении партизанского движения и разнообразного подполья, на Востоке. Он говорит о варварстве бомбардировок союзными войсками немецких городов и полон глубокого сочувствия жертвам американских ядерных налетов на Хиросиму и Нагасаки. И вскользь упоминает о разрушениях, которым подверглись советские города.

«Неокончательные итоги войны» – здесь нельзя не согласиться с британским историком – видны во многих сегодняшних международных проблемах. Курилы, немецко-польские споры о сути немецкого изгнания из Силезии и Поморья (сюда же примыкают и Судеты), переписывание решений Нюрнберга и Потсдама, война с памятниками в странах Балтии...

Но один итог очевиден: гитлеризм был побежден. В противном случае, и Дэвис вряд ли написал бы эту книгу. А уж автору этих строк, родившемуся в августе 1941 г., чья мать на третий день войны бежала из горящего Минска, согласно нацистским законам, и вовсе не было места на этой земле. Поэтому отдавая должное восточной мудрости приводимого Дэвисом *bon mot* Чжоу Эньлая, сказавшего в 1950-е годы, что еще не пришло время судить о результатах Великой французской революции, будем все-таки думать, что подлинная история Второй мировой войны пишется, создается, в том числе и благодаря трудам Нормана Дэвиса. О том, что труды эти продвигаются непросто, что они имеют самое разнообразное общественное восприятие, по-сво-

ему свидетельствует вопрос, недавно заданный другому известному британскому историку Энтони Бивору во время его лекции в Германии: «Не согласитесь ли вы с утверждением, что части Waffen SS, которые вели бои с Красной Армией уже в Берлине, были своего рода предшественниками НАТО?»

И как здесь не задуматься над тем, что, может быть, Дэвис все-таки прав. Что политические итоги Второй мировой войны действительно еще окончательно не ясны. И не только потому, что жив неонацизм, пытающийся представить Гитлера защитником западных ценностей перед нашествием «большевистской орды».

«Неприкосновенный запас», 2009, № 6.

«Чтобы учащиеся ни в какие тайные общества и союзы не вступали»

(Из указа Александра I от 14 августа 1824 г.)

Вильна 1823 – 1824. Иоахим Лелевель. Новосильцов в Вильне. Иван Лобойко. Мои воспоминания. Составитель Александр Федута. Подготовка текстов, публикация, вступительные статьи, комментарии – Павел Лавринiec (Вильнюс), Абрам Рейтблат (Москва), Александр Федута (Минск). Переводы с польского – Максим Иващенко, Дмитрий Матвейчик. Минск, Лима-риус, 2008.

События, происходившие в Виленском университете в 1823 – 1824 гг., давно привлекают внимание исследователей. В работах, зафиксированных в польской, белорусской, литовской историографии, они чаще всего характеризуются и как свидетельства духовных исканий и устремлений молодого поколения, жившего на аннексированных Россией после разделов Речи Посполитой землях Великого княжества Литовского, ставших официально именоваться литовскими и белорусскими провинциями, а затем Северо-

Западным краем, и как факты проводившейся там же репрессивной политики царского правительства. Несомненно, более подробно события эти освещены в разнообразных трудах по истории Польши, авторы которых обращались к теме тайных организаций, существовавших в Литве-Беларуси в первой четверти XIX века. Существует посвященная им немалая мемуарная и документальная литература на польском языке. В целом же пространность упоминаний этих событий была разной в зависимости от контекста (в том числе в биографии Адама Мицкевича, в очерках об обществах филоматов и филаретов и отдельных их членах), но такого подробного изложения «виленской истории», какое содержит рецензируемая книга, до сих пор мы не имели.

Сборник «Вильна 1823 – 1824. Перекрестки памяти», объединивший тщательно прокомментированные, снабженные предваряющими статьями воспоминания замечательных ученых и педагогов, профессора всеобщей истории Иоахима Лелевеля и профессора русского языка и словесности Ивана Лобойко, дает, наконец, заинтересованному читателю достаточно полную картину случившегося в Виленском университете в середине 20-х годов позапрошлого столетия. Подчеркнем, что воспоминания Лелевеля впервые публикуются в переводе с польского, а воспоминания Лобойко – это вообще первопубликация рукописи, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской Академии наук.

Так что же произошло в Вильне в 1823 году? По рассказу И. Лобойко, все началось с достаточно невинного случая. Совсем юный ученик Виленской гимназии граф Михаил Плятер написал мелом на классной доске: «Нынче 3 мая». Кто-то из его товарищей добавил: «О сладостное воспоминание!» И еще один приписал: «Да некому помочь!» Столь сочувственный намек на конституцию 1791 года оказался крамолой. Пошла цепная реакция по начальству: от директора гимназии к ректору университета, а оттуда к генерал-губернатору и, наконец, к наместнику, цесаревичу Константину. Была назначена следственная комиссия во главе с сенатором Новосильцовым. С каждым днем шири-

лась волна арестов, которым подвергались не только ученики гимназии и студенты университета, но и те, кто уже кончил в них курс. Арестантов привозили в Вильну из ближних и дальних городков, местечек, имений. Новосильцову, человеку совсем недавно не чуждому либеральных веяний (в 1819 году он предложил императору проект конституции), очень хотелось создать «большое дело». И он добился своего.

В ходе следствия обнаружилось, что «литовские и белорусские провинции» буквально наводнены как тайными, так и полулегальными обществами и кружками. Филареты, порожденные филоматами, «лучистые», члены «научно-морального общества» в Свислочской гимназии, «Черные братья» из школы в местечке Крожи, а к тому же возмутительные листовки и пасквили на начальство в Кейданах, Ковне и Поневеже – члены новосильцовской комиссии буквально изнемогали под грузом свалившейся на них информации о «зловредной деятельности» в Литве-Беларуси. Правда, молодые люди, без особого запирательства признававшиеся в том, что состояли в разнообразных и отчасти известных начальству, т.е. существовавших вполне легально организациях, больше говорили о своих патриотических чувствах, о стремлении содействовать общественному благу, моральному усовершенствованию и успехам в науках своих товарищей, о высоких нравственных идеалах и взаимопомощи. Но переменившего сообразно ситуации свое бывшее сочувственное отношение к полякам Новосильцова не устраивало это филантропическо-просветительское «ребячество». К тому же представилась прекрасная возможность поквитаться с куратором университета князем Адамом Чарторыйским, бывшим приятелем и участником дружеской либеральной команды, окружавшей Александра I в начальный период царствования. Сенатор искал серьезную политическую подкладку. И естественно «копал» под профессию Виленского университета, ибо кто же мог научить дурному как не учителя?

Конечно, не мог предвидеть Новосильцов, что профессор истории Лелевель спустя семь лет станет одной из виднейших фигур восстания 1830 года, главой Патриотичес-

кого общества, членом мятежного правительства. Но сенатор чувствовал, что полякам и литвинам доверять нельзя, что тяга здешней молодежи к знанию, к культуре соединяется у нее с опасными мечтами и надеждами на возрождение утраченного не так давно своего государства. Память о Польше, как давнем историческом противнике, чуть более двухсот лет назад торжествовавшем в Москве, а в 1812 г. влившемся в нашествие армии Наполеона, заставляла российскую власть всюду искать «польскую интригу», заговор, революционную искру. Отсюда проистекала внешне не мотивированная и тем не менее включавшая пытки жестокость, которую проявили следователи во время разбора «виленской истории».

Согласно подготовленному новосильцовской комиссией указу, конфирмованному царем 14 августа 1824 г., обвиненные в участии в «тайных союзах», в сочинении стихов, содержащих «вредные намерения», ученики Виленской гимназии и студенты Виленского университета (среди которых были и Адам Мицкевич, Томаш Зан, Ян Чечот, Франтишек Малевский) подверглись разнообразным карам – кого-то отдали в солдаты и под надзор полиции, других заключили в крепость и выслали в российские губернии. «Для предотвращения вредного влияния» был отстранен от профессорских обязанностей Иоахим Лелевель. Правда, ему милостиво разрешили вернуться «на родину, в Царство Польское». Указ не только запрещал отныне школьникам и студентам бывать в театре и других публичных местах, но даже собирать гербарии без разрешения начальства. Ну и, конечно, предусматривались ежедневные рапорты начальства «о поведении учащихся и возможных происшествиях».

В нравственно тяжелой ситуации оказался коллега Лелевеля, стремившийся к гуманизации отношений между поляками и русскими профессор Иван Лобойко: Новосильцов предложил ему участвовать в разборе книг и документов, забранных при арестах. А вскоре и сам Лобойко оказался под следствием. Он пытался внушить министру народного просвещения адмиралу Шишкову, что наука сильно теряет от изгнания из университета лучших

профессоров и как много он бы мог сделать «в союзе с Лелевелем» и другими учеными «для русской филологии». Все было бесполезно, Шишков признался, что ничего не мог сделать против таких политических гигантов, какими были Новосильцов и Аракчеев. В полуразгромленном состоянии и при жестком полицейском надзоре Виленский университет просуществовал еще несколько лет. Варшавское восстание 1830 – 1831 гг., в котором приняло участие немало его бывших студентов и гимназистов, а уж имя бывшего профессора Лелевеля сделалось к тому времени для Петербурга одиозным, подвело черту в его истории. Как несомненный рассадник свободолюбия, университет в 1832 г. был закрыт.

Закрытие Виленского университета, как впоследствии выяснилось, было колоссальной культурной катастрофой для Литвы-Беларуси. Не стало места, где могла обучаться, воспитываться, зреть та элита, которая могла стать во главе нации в последующие переломные моменты истории, вплоть до относительно недавних времен. Трагедия 185-летней давности и сегодня отзывается болью. Когда думаешь о том, что же это было за время, когда во множестве литовско-белорусских городков, местечек, небольших шляхетских усадеб жили молодые люди, напряженно размышлявшие о благе Отчизны, о служении добру и свободе, когда они ехали учиться в Вильну, чтобы осуществить свои идеалистские, романтические планы, понимаешь, что это дух эпохи Просвещения, эпохи Вольтера и Руссо, вдохновлял их, что волна Просвещения, докатившись до этих земель, разошлась по местечкам и городкам, чтобы на ней выросло целое поколение романтиков, мечтавших о свободной Литве-Беларуси. И как беспощадно подрубила это поколение судьба...

Сегодня во дворе Вильнюсского университета рядом висят мемориальные доски в честь Иоахима Лелевеля и Ивана Лобойко, оставивших нам честные свидетельства той трагедии, по-своему объясняющей сложность последующего исторического пути Литвы-Беларуси.

«Неприкосновенный запас», 2009, № 6.

Рабы не мы?

В одном из моих недавних фельетонов упоминалась литография «Белорусский раб», отпечатанная в Париже по инициативе Адама Мицкевича. Несколько полученных после публикации читательских мэйлов содержали не только просьбу рассказать об ее истории. Нашлись люди, захотевшие поспорить с самим Герценом в трактовке этого плаката. Впрочем, у меня также есть некоторые соображения на сей счет. Ну и в общем тема показалась мне не столько исторической, сколько современной. Но сначала несколько фактов из истории.

Итак, Париж, 1840-е годы... Знаменитый польский поэт-изгнанник Адам Мицкевич читает в Коллеж де Франс курс по истории славянских литератур. Во время лекций он использует изобразительный материал, в том числе показывает слушателям и литографию «Белорусский раб», по которой можно было судить о типе тогдашнего жителя Беларуси, крепостного крестьянина. Долгое время литография, как и имя ее автора, оставались неизвестными. В 1965 г. польский исследователь Б. Бялокозович в парижском музее Мицкевича обнаружил инвентарную запись, позволившую установить, что создателем «Белорусского раба» был однокашник поэта по Виленскому университету, художник Юзеф Озембловский (1804 – 1878), которому принадлежат многие зарисовки литовских и белорусских городов и местечек. Они печатались в принадлежавшем ему литографическом заведении в Вильно и были достаточно известны в свое время. В Вильно, скорее всего, был изготовлен и оригинал «Белорусского раба». А в Париже по заказу Мицкевича литографическое предприятие Лемерсье напечатало его цветную копию, которая и была под названием «Славянский невольник» зарегистрирована в тамошнем музее поэта.

Откуда это двойное название – то «Славянский невольник», то «Белорусский раб»? А это от Герцена. В 1853 г. яростный борец с самодержавием и крепостничеством так обращался к читателям в памфлете «Крещеная собственность»: *«Видели ли вы литографию, изданную А. Мицкевичем*

в Париже и представляющую «Славянского невольника»? А спустя шесть лет в письме к Боткину он спрашивал: «Знаете ли вы литографию, некогда сделанную Мицкевичем, «Белорусского раба» — я на эту картину никогда не мог смотреть без биения сердца».

Что же так взволновало Искандера? В той же «Крепостной собственности» он говорит об этом с присущей ему откровенной страстностью: «Ненависть, смешанная со злобой и стыдом, наполняет мое сердце, когда я гляжу на этот жестокий упрек, на это «к топорам, братцы», представленное с поразительной верностью... Белорусский мужик, без шапки, обезумевший от страха, нужды и тяжелой работы, руки за поясом, стоит середь поля и как-то косо и безнадежно смотрит вниз. Десять поколений, замученных на барщине, образовали такого парию, его череп сузился, его рост измельчал, его лицо с детства покрылось морщинами, его рот судорожно скривлен, он отвык от слова. Звериный взгляд его и запуганное выражение показывают, на сколько шагов он пошел вспять от человека к животным. За это преступление, за этого белоруса его паны не свободны, за него их геройство, их страдания не были приняты».

Последние слова — это, конечно, намек на польское восстание 1830 года. Герцену казалось, что геройство и страдания его участников не перевесили в общественном мнении панскую вину перед доведенным до животного состояния хлопом. Но не забудем и о том, что, осуждая панов «за этого белоруса», Герцен спустя десять лет поддерживал восстание 1863 — 1864 гг. Как выразился вождь мирового пролетариата — «спас честь русской демократии». Впрочем, сам Герцен в письме к Тургеневу сказал точнее: «Мы спасли честь имени русского...»

Но вернемся к изображенному на литографии белорусскому мужику. Сколько я ни вглядывался в нее, ну не нашел этих черт вырождения, о которых пишет Герцен. Да, одет бедно, рваная свитка, лапти. И все-таки какой-то платок повязан на шее. И глядит не «косо и вниз», а прямо перед собой. И взгляд вполне достойный, хотя и не очень веселый (чему радоваться при такой жизни?), во всяком случае, ничего «звериного». Не вижу и искривленного рта и суженно-

го черепа. И уж тем более нет никакого безумия «от страха». И даже напротив, Герцен сам признает, что вид белорусского мужика вызывает призыв – «к топорам, братьцы!»

Может быть, в том, что видел Герцен (ближе к оригиналу), и было что-то ужасное, рабское... А эта парижская распечатка несколько облагородила «славянского невольника»? Но ведь не настолько же...

Вот и один из читателей пишет мне: *«Спасибо Герцену за сочувствие к белорусу. Но ведь по его характеристике это уже какой-то полный дебил, а не человек. И если это дебилизм и в самом деле поразило десять поколений, то на что же нам рассчитывать в будущем?»*

А другой читатель сомневается: *«А, может, мы и в самом деле рабы? И не только мы, белорусы, но и русские? Что за жизнь мы построили? Все падем на начальников-захребетников, а не на себя. Верим тупой пропаганде и лживому телевидению. И конца этому не видно. Хотя скоро могут отобрать и чарку и шварку. Не за что будет их покупать».*

А может, уже отобрали?

В виде утешения могу послать читателям из тех же времен, то есть из середины XIX века, привет от другого порядочного русского человека, Николая Добролюбова, талантливого литературного критика, которым, сделав из него идеологическую икону, нас в свое время задолбали в школе. На всю жизнь запомнилось про «луч света в темном царстве» и т.д. Но только вот про эти его слова не напоминали: *«Относительно белорусского крестьянина дело давно решенное: забит окончательно, так что даже лишился человеческих способностей... Целый край так вот взяли, да и забили, – как бы не так! ...забили, расслабили, лишили любви к родине и свободе!.. Посмотрим, что еще скажут сами белорусы!»*

150 лет исполнится в будущем году с той поры, как были написаны эти слова.

А спор все продолжается:

– Рабы не мы!

– Мы не рабы?

И сколько еще в самом деле ждать, пока что-то скажут сами белорусы?

Народная воля, 2009, 22 – 25 мая

Когда история превращается в цирк

Беда, когда человека претендующего на имя в мире культуры, зовут, скажем, Владимир Орлов. Тут действительно недалеко до путаницы. Потому и решил автор книги «Их портрет с обреченным императором» (Минск, изд-во «Харвест», 2005) объясниться с читателем, что называется, напрямую. Первую страницу так и озаглавил – «Открещивание». А в ней перечислил аж четырех Владимиров Орловых, с которыми его не следует путать.

Первый – это «автор мудрых детских стишков, проживающий в Симферополе». С одной стороны, как видим, «мудрые», а с другой – «стишки», т.е. автор, в общем, не заслуживающий особого внимания. Живет в провинции. Вот только «открещивающийся» почему-то «забыл» упомянуть, что этот «провинциал» издавал книги в Москве и регулярно печатался в «Литературной газете».

Второй – «написавший «Соленый арбуз», «Порванный рубль», «Альтист Данилов». Так, написал что-то... Хотя «открещивающемуся» отлично известно, что это весьма популярный московский прозаик и сегодня широко издающийся.

Третий – «автор душещипательной песенки «Тишина». В общем, тоже личность ничтожная...

Зато четвертый – «мой друг, бородатый мудрец, выдающийся эрудит, который белорусской литературе придал наконец-то твердо обозначенный пол: мужской...»

Ну, тут дело понятное. Друг все-таки. Поэтому и слова у «открещивающегося» на этот раз нашлись соответствующие. Тем более, что друг дал весьма хвалебное предисловие к «книге прозы кинорежиссера». Кстати, замечу попутно, что известного белорусского исторического писателя можно нынче и не зачислять в этот круг «подобных», поскольку он теперь и по-русски пишется – Арлов. Сам открестился, так сказать...

Наверное, список тех, от кого следовало откреститься «нашему» Владимиру Орлову, долгие годы подвизающемуся на ниве кино и телевидения, сотрудничающему с театрами и цирком, пишущему прозу, напоминающую, по образно-

му замечанию того же «бородатого мудреца», фильм с «живыми полнокровными героями и полногрудыми героинями», можно было бы и продолжить. Например, включить в него известного знатока творчества Блока Владимира Николаевича Орлова. В общем, есть от кого еще «откреститься»... Но если бы дело было только в очевидном стремлении под видом «открещивания» приподнять собственную фигуру.

К сожалению, «наш» Владимир Орлов еще и «открестился» от следования правде отечественной истории, сюжет из которой в основе заглавного произведения его однотомника. Ему предшествует авторская «вводка», уведомляющая: «Когда-то события, связанные с визитом царя в Бобруйскую крепость, мы бурно обсуждали с другом юности, кинорежиссером Валерием Рубинчиком. В недавней беседе он убедил меня вернуться к тому давнему моему замыслу».

Я тоже помню это время – конец 80-х годов, когда узнал, что на «Беларусьфильме» обсуждается возможность съемок картины по такому белорусскому эпизоду из истории декабристского движения как попытка поднять восстание путем ареста Александра I в Бобруйской крепости осенью 1823 г. Естественно, что будучи автором художественно-документальной книги «К мечам рванулись наши руки» (первое издание вышло в издательстве «Мастацкая літаратура» в 1978 г. тридцатитысячным тиражом, второе, дополненное, в издательстве «Юнацтва» в 1985 г. тиражом в девяносто тысяч экземпляров), в которой впервые на большом количестве материалов, в том числе архивных, были воссозданы связанные с историей Беларуси страницы движения декабристов (одна из повестей посвящена «бобруйскому сюжету» и так и называется – «Бобруйский план»), я проявил интерес к этому кинопроекту. И вскоре у меня дома появился Владимир Орлов, который с увлечением рассказывал, как увлекла его моя книга, как усиленно он обсуждает детали киносценария с будущим режиссером фильма Валерием Рубинчиком. А потом пришел ко мне и сам Рубинчик, наконец-то узнавший, что есть книга, так возбуждавшая Орлова. Шла речь об уже совместной работе... Но потом развалился Союз и вообще многое развалилось, в том числе и идея съемок такого фильма.

Вот об этом в своей «преамбуле» Владимир Орлов почему-то умолчал. Ни слова не сказал он о том, чья книга натолкнула его на идею фильма и материалами из чьей книги он воспользовался для своей повести «Их портрет с обреченным императором». В наше «лихое» время, когда «все разрешено», нарушение элементарных этических норм – нечто такое, о чем и говорить-то не пристало. И я не стал бы трудить глаза за компьютером, сочиняя некий этический укор. Ибо на своем веку литераторском видел и не такое.

А дело в том, что – увы, не впервые – сталкиваюсь с очередным псевдопатриотическим желанием приукрасить и «обелорусить» историю декабристского движения путем самой бессовестной фальсификации. Причем особо притягивает фальсификаторов именно Бобруйская крепость... В середине 80-х я писал об одной пьесе, шедшей в бобруйском театре: там брат Ивана Пущина, лицейского друга Пушкина, Михаил во главе эскадрона двигался из той же несчастной крепости поднимать восстание в Петербурге. Полный переворот в истории России! Но вернемся к новому «интерпретатору» все того же «крепостного» сюжета.

Итак, сначала о том, каковы действительные исторические факты. Осенью 1821 г. Александр I, с одной стороны, напуганный революционными событиями в Европе, а с другой – желая «проветрить» либеральные настроения, зародившиеся в гвардейском корпусе, вывел эту элитарную военную силу на учения в Беларусь, где и оставил на зимних квартирах. Ситуация была необычная: в мирных условиях гвардейцы оказались не в Петербурге, традиционном месте дислокации таких элитарных полков как Семеновский, Преображенский и другие, а в Беларуси, которая по традиции именовалась тогда Литвой и еще не утратила того своеобразия, которая она имела как недавняя часть Великого княжества Литовского. Гвардейские полки стояли в разных городах, местечках, штаб корпуса расположился в Минске. Это было время зарождения Северного общества декабристов. Его будущий руководитель Никита Муравьев, тогда капитан Генерального штаба, той минской зимой 1821 – 1822 гг. написал свой знаменитый труд – «Конституцию», программный документ северян. Весной 1822 г. кор-

пус был после смотра в Вильно «прощен» и вернулся в столицу. Обо всем этом, используя в значительной степени сохранившиеся в московском архиве письма Никиты Муравьева из Минска матери в Петербург (часть из них на французском языке), я рассказал в повести «Зимовка гвардии» (одной из трех составивших книгу «К мечам рванулись наши руки»).

В основу сюжета второй повести «Бобруйский план» легли события, связанные с попыткой членов Южного общества декабристов Сергея Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина (двоих из пяти повешенных летом 1826 г.) организовать арест царя во время его пребывания в Бобруйской крепости в сентябре 1823 г. План не удался по ряду причин, в том числе и потому, что его не поддержал глава южан Павел Пестель, выступавший за убийство царя, а не за его заточение, на котором настаивали заговорщики.

Скажу сразу, что любой автор волен использовать эти сюжеты, равно как и документы, приведенные впервые в моей книге. Пишите романы, повести, пьесы... Но соблюдайте главный принцип – следуйте исторической правде.

Увы – «нашему» Владимиру Орлову, такому «изысканно-барочному», по характеристике все того же его тезки, «бородатого мудреца», показалось, видимо, что я неудачно распорядился таким «крутым» материалом. И вот он демонстрирует истинную свободу в обращении как с историческими личностями, так и с фактами истории. Ему показалось мало, что осенью 1823 г. в Бобруйской крепости действуют Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин и их товарищи по заговору, офицеры обычных армейских пехотных полков, приходивших в Бобруйск на летне-осеннее время и затем отбывавших на Украину к местам своей дислокации в составе 2-й армии, штаб которой находился в Тульчине. Наш Орлов помещает в крепость и гвардейцев. Он так и пишет: «...блистательное гвардейское общество оказалось... в неприметном волостном Бобруйске». Позвольте, но ведь мы помним, что гвардейский корпус покинул Беларусь весной 1822 г.! И к тому же гвардейцы не могли находиться в местах дислокации обычных армейских частей, потому что гвардия и армия – это были абсолютно разные воинские

формирования в царской России. Нет никаких документальных свидетельств, что осенью Никита Муравьев и другие офицеры гвардейского корпуса находились в Бобруйске. Напротив: есть свидетельства, что они в это время были там, где им положено, – в Петербурге.

Но кто же будет сличать даты, вероятно, размышлял наш автор, устраивая эту подтасовку: ну да, действительно ушла гвардия из Беларуси весной 1822 г., а я возьму ее и подзадержу здесь еще годика на полтора, до осени 1823 г. Потому что мне так нужно! Поскольку все-таки факт попытки ареста царя приходится именно на это время. Сюжет позабористее будет, если свести вместе армейских офицеров Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина с сочинившим «Конституцию» гвардейским капитаном Никитой Муравьевым в одном месте, в той же Бобруйской крепости. Чтобы хоть как-нибудь оправдать присутствие Никиты Муравьева в Бобруйске осенью 1823 г. Орлов упоминает о том, что он был причислен к штабу великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), который среди многих своих служебных поручений был еще и генерал-инспектором инженерных войск и потому бывал в крепости, в том числе и той самой осенью двадцать третьего года. Но в штабе великого князя Муравьев занимался не фортификационными проблемами, он, уже будучи с апреля 1823 г. штабс-капитаном, исполнял обязанности дивизионного квартирмейстера 2-й гвардейской пехотной дивизии. Короче, *Никита Муравьев не был в Бобруйской крепости осенью 1823 г., ему, гвардейскому офицеру, по своему положению невозможно было там находиться,, равно как и другим гвардейцам, ибо, повторим, крепость и стоявшие в ней части это был другой род войск. Более того, из документально подтвержденной биографии Муравьева абсолютно точно известно, что он в это время находился в Петербурге. На следствии после восстания декабристов, во время которого всплыл и «бобруйский план», в многочисленных и подробных показаниях по этому делу его участников, имя Никиты Муравьева даже не упоминается. Но, повторим, у нашего автора свои цели и задачи. Ему нужно, чтобы Муравьев, идеолог Северного общества, автор «Кон-*

ституции», находился именно в это время в крепости и участвовал в заговоре против Александра I. Потому что так круче выстраивается сюжет. Поэтому плевать на историческую правду! Пускай читатель думает, что все было так, как изображает Орлов.

Фальсифицируя исторические факты, Орлов одновременно не считается и с правдой, касающейся самой личности Никиты Муравьева, его политических взглядов. *Глава Северного общества декабристов был сторонником конституционной монархии и никогда не согласился бы на участие в заговоре против царя и его аресте.* Но у нашего сочинителя свои планы, поэтому валим все «до кучи»: затапливаем Муравьева и других гвардейцев в Бобруйск осени 1823 г., где они в ту пору не были, смешиваем их с армейскими офицерами, действительно участвовавшими в заговоре против царя, даем последним для большего революционного горения знакомиться с сочиненной «Конституцией» Муравьева, текст которой на самом деле был увезен из Минска весной 1822 г. в Петербург и никогда не доставлялся в Бобруйск, выдумываем, что Муравьев, на самом деле выехавший на топографическую съемку в связи с ожидавшимся приездом императора в Минск в апреле 1821 г., выехал якобы на нее из Бобруйска перед приездом в крепость императора осенью 1823 г., получив перед тем «секретную инструкцию».

И вот уже возникает настоящий детектив: Никита Муравьев, получив столь секретное известие (на самом деле обычное служебное предписание о подготовке маршрута следования императора) о предстоящем приезде царя в крепость, готовится известить об этом служащего в крепости и являющегося одним из главных заговорщиков Бестужева-Рюмина «тайным письмом, с невразумительной подписью «Вьеварум». Вот так нужно сочинять, круто интриговать читателя! Поэтому долой историческую правду! Смешаем и перенесем в угоду нашему «художественному» замыслу даты, заставим исторических лиц делать то, чего они никогда не делали и не могли делать.

Ну и тут, естественно, не до мелочей. Что из того, что штаб гвардейского корпуса находился во время зимовки

гвардии 1821–1822 г. в Минске, а мы перенесем его в Могилев, где на самом деле располагался штаб 1-й армии. Что из того, что в Беларуси не было аракечевских военных поселений, а мы возьмем такое поселение, Гусаровку на Украине, и перенесем его в Беларусь. Что из того, что один из участников бобруйского заговора Василий Норов был на тот момент капитаном, а мы сделаем его подполковником. Что из того, что Никита Муравьев был в Париже всего единственный раз в жизни, во время войны с Наполеоном, а мы напишем, что он «собственно вырос в этом самом Париже...» Перо у нас легкое, кудрявое, «изысканно-барочное», летит, не зная удержу. Буквально парящий в имитационном полете автор уверен, что если он свободно употребляет такие слова как «кофей», «дормез», «мальпост» и даже «отдохновенный конверсасьон», то вполне овладел колоритом эпохи. Правда, белорусская крестьянка первой четверти 19-го века «ботаает» у него по вполне современной молодежи «фене»: «Муж одних девок заделывает мне». Впрочем, соответственно выражаются у «нашего» Орлова и господа офицеры, чаще выглядящие фанфаронствующими пошляками. Один из них, давая характеристику допелькюмель «Вдова Руже», спрашивает другого: «Прикладывались, полковник?» Ну совсем как в нашей забегаловке... Впрочем, наши алкаши вряд ли спутали бы водку с портвешком. А вот «наш» Орлов изобрел гибрид: сладкую немецкую анисовую водку (допелькюмель) объединил с французским шампанским, к тому же перепутав его название, поскольку нету никакого такого вина «Вдова Руже», а есть знаменитое с пушкинских времен «Вдова Клико».

Но это все, разумеется, мелочи. Что же касается «белорусскости», то именно в этих целях в повествовании рядом с реальными историческими фигурами действуют такие вымышленные лица как «пожилой шляхтич-усач Яцкевич», поручик Маевский и полковник Рагойша. Наверняка кто-то из них, естественно из самых патриотических побуждений, и подсунул Никите Муравьеву не что-нибудь а «Литовский статут», и тот, конечно, благодарно использовал его наряду с трудами Монтескье и Франклина при работе

над своей «Конституцией». Хотя ученым-декабристоведом ничего неизвестно об использовании руководителем Северного общества «Литовского статута». Вообще список книг, использовавшихся им для этой цели, досконально изучен, но «наш» Орлов лучше знает, как на самом деле было... И действительно: как это можно, сочиняя в Минске проект «Конституции», забыть о «Литовском статуте»? Вот автор «Их портрета...» и исправляет несправедливость.

Знакомясь с сочинением «нашего» Орлова, невозможно было не заметить, что он внимательно изучал мою книгу. Настолько усердно, что некоторые фразы из нее, пускай и в видоизмененном состоянии, но перекочевали в «Их портрет...». Процитированы, естественно, без всякой ссылки и впервые приведенные в моей книге архивные документы. Ну вроде бы Орлов сам это нашел или придумал. Я не в претензии. Видно, что человек работал над моей книгой, изучал, приспосабливал, так сказать, к своим нуждам.

Печально, что одно – важнейшее! – обстоятельство обошел автор. Он решил, что если поставил в подзаголовке своего сочинения – «Весьма правдоподобные вариации на темы отечественной истории», то это дает ему право продельвать разные кульбиты с исторической правдой, с историческими лицами и фактами. Я понимаю, что «наш» Орлов – талантливый постановщик многих «цирковых и эстрадных представлений», как об этом рассказывает текст на суперобложке, под фотографией изображенного неглиже и в позе роденовского мыслителя автора «Их портрета...». Но лучше все-таки помнить, что цирк и история – это разные вещи.

«Труд» в Беларуси», 2006, 23 марта.

Куда ползет «зловещий чеченец»?

(По поводу одной рецензии в «Нашей Ниве»)

Поклонник Лермонтова и Зелимхана Яндарбиева Валентин Ефимович Тарас с горечью цитирует «Казачью колыбельную» :

Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал

и сквозь почти 170-летнюю толщу времени посылает русскому поэту братский укор: мол, как же это вы оплошали, Михаил Юрьевич, а теперь вот «из песни слов не выкинешь». Короче, думать надо было, дорогой вы наш автор «Демона», соображать надо было, что «злой чечен» ползет-то, «карабкается на свой *родной берег...*» («Наша Нива», 8 июля).

Признаться, с подобным «альпинистским» подходом к анализу художественного, поэтического произведения я сталкиваюсь впервые. Но разве наше время не время чудес? Особенно, когда любишь великого поэта России, но еще больше собственному сердцу говорят «ритмы сердца Яндарби».

И как все-таки великодушен автор, когда, процитировав уличающие Михаила Юрьевича в великодержавном шовинизме строки про «злого чечена», он припомнил хотя бы несколько оправдывающие поручика Лермонтова стихи про «немытую Россию, страну рабов, страну господ». Так сказать, уравновесил...

Я спешу подсказать и другие цитаты из Лермонтова. Ну, например, вот это:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты...
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей...

Как это уравновесить? С одной стороны, «злой чечен», который, по меткому наблюдению, «карабкается на свой берег», а с другой – эти страшные строки, клеймящие зверства российских завоевателей Кавказа?

Но картина будет неполной, если не сказать, что в том же «Измаил-Бее» есть и нечто противоположное приведенному выше обличению:

Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?

И где велению русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! и запад и восток
Быть может, скоро твой разделят рок.
Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!

Да, непоследовательный человек был Михаил Юрьевич... Да уж какой непоследовательный! Тому самому царю вселенной, российскому императору, которому призывал покориться, напророчил страшную судьбу. В знаменитом «Предсказании»:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...

В общем, на мой взгляд, не стоит поэту в свои рассуждения о другом поэте впускать чрезмерно идеологию и политику. Лучше вспомнить, какие вопросы задавал сам себе автор «Валерика»:

Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом много места всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

И вместе с тем нельзя забывать, что Лермонтов был не просто офицером Кавказского корпуса, он командовал «летучей сотней», своего рода тогдашней «Альфой», отрядом добровольцев, выполнявших самые рискованные и далеко не бескровные поручения командования. Он был человеком военной империи, принадлежал к дворянству, касте, как и польско-белорусско-литовское шляхетство, кстати, предназначенной по своему происхождению для воинской службы и войны и воспринимавшей войну как нечто совершенно естественное. И это вполне соответствовало рамкам тогдашней европейской традиции, о чем свидетельствуют не только романы Сенкевича, но и поэзия Кипплинга. Такие были времена. До Хельсинкских соглашений о правах человека было очень далеко. Поэтому не нужно с позиций протокола 1975 года судить о людях, живших почти два века назад.

Что же до образа «злого чечена» в русской литературе,

то стоит ли вспоминать «Хаджи-Мурата» Толстого? Прочитую малоизвестное. У Глеба Успенского старик-ветеран вспоминает: «Эва, Кавказ! Вот черкесы, головорезы и разбойники, побили мы их, со счету собьешься. Ну и они, понятное дело, спуска нам не давали. А прямо вам сказать, лучше этого народу поищи».

Вопору заплакать. От бессильной горечи, что людей гонят, натравливают друг на друга. Так стоит ли включаться в эту недостойную игру? Даже если очень волнуют «ритмы сердца Яндарби»...

«Наша Ніва», 2005, 2 декабря.

Так ли плох почтенный Соломон?

О евреях в русской литературе

I

Откликаясь на выпущенный в 2004 г. московским издательством «Книга» сборник «Русские писатели о евреях» и, в частности, на помещенную в нем под именем В.И.Даля «Записку о ритуальных убийствах», Аркадий Бржозовский пишет: «Трудно отделаться от мысли, что авторитетному ученому просто-напросто приписывают эту фальшивку...» («Авив», 2005, № 11-12). Чутье не обмануло рецензента. Так оно и есть – уже давно автору знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» приписывают одиозное антисемитское сочинение. Живущий в США исследователь Семен Резник установил, что постоянно переиздающаяся под именем В.И.Даля пресловутая «Записка» на самом деле составлена в 1844 г. чиновником С.С. Скрипицыным. Об этом он рассказывает и в своей книге «Растление ненавистью: кровавый навет в России» (Москва – Иерусалим, 2001).

Резник пишет, что работа Скрипицына «претерпела ряд реинкарнаций, после чего ее стали приписывать Владимиру Далю, «подтверждая» его авторство фантастическими подробностями о целой «иудейской войне», якобы поме-

шавшей ему самому переиздать ее при жизни. Кроме много другого, сам язык казенного мракобесия и невежества, каким написана «Записка», бесконечно далек от подлинного русского языка, что само по себе исключает возможность какой-либо связи между «Запиской» и таким мастером и кудесником языка, как Даль».

Эти слова взяты мною не из книги С. Резника, а из его ответа набросившимся на него черносотенцам. Исследователь справедливо полагал, что «непричастность великого лексикографа к позору кровавого навета должна радовать каждого, кому дорога честь России и русской культуры». Увы – злоба и ненависть перевесили. С. Резнику «сообщили из Москвы, что некто Валерий Хатюшин защищает» от него В. И. Даля в газете «Московский литератор». Даю справку. «Некто Хатюшин» – это заслуженный молодогвардейский сталинист-антисемит со стажем. С. Резник абсолютно правильно поступил, отказавшись от полемики с моральным уродом, сочинившим следующие людоедские вирши:

*И не хочу жалеть я этих янки.
В них нет к другим сочувствия ни в ком.
И сам я мог бы, даже не по пьянке,
Направить самолет на Белый дом.*

Можно представить себе, что может натворить этот чело-веконенавистник уже «по пьянке»...

II

Подзаголовок этой статьи предполагает рассмотрение весьма обширной темы. Однако я предпочитаю коснуться здесь только одного ее аспекта – восприятия еврейских мотивов и образов в русской литературе. Знакомство с различными публикациями убеждает в его неоднозначности и в определенной степени полярности. Проще говоря, ситуация выглядит следующим образом. Есть весьма распространенная тенденция любые «несимпатичные» изображения евреев, любые критические отзывы русских писателей о евреях зачислять «по рангу» антисемитизма, как одобряемого с черносотенной стороны,

так и, естественно, осуждаемого с еврейской. Соответственно, положительные «еврейские характеристики» автоматически делают их авторов филосемитами. И есть другая – менее распространенная – тенденция: рассматривать как критические, так и положительные и вообще любые изображения евреев и отзывы о евреях тех же русских писателей в контексте исторического времени, писательских биографий. Скажу сразу: я приверженец второй тенденции. Причина этой приверженности более чем очевидна: черно-белая оценочная гамма не приближает к истине, а удаляет от нее, потому что она противостоит богатству жизни, богатству тех противоречий, из которых она состоит.

Очень легко составить подборку из фактов, цитат из произведений и писем русских писателей, согласно которой, чуть ли не все они, от Державина до Блока, будут выглядеть антисемитами.

Точно также абсолютно не трудно составить подборку других фактов, цитат из произведений и писем тех же писателей, которая представит их (включая и Достоевского!) филосемитами.

В этом все дело. В историзме и полноте подхода к оценкам. Этот принцип, естественно, касается и составления всяческих «антологий» по «еврейскому вопросу». Тот же сборник «Русские писатели о евреях», составленный неким В.Н.Афанасьевым, признающим, что «еврейский вопрос» его «никогда не интересовал» и что пробудил у него этот интерес А.Солженицын книгой «Двести лет вместе», это односторонняя, тенденциозная подборка материалов, преследующая единственную цель – возбудить ненависть к евреям. С подобными «составителями», радующимися, каждому, как им кажется, антиеврейскому жесту русского писателя, тем более классика, спорить и скучно и унижительно. Ну в самом деле: что толку в споре с патологическим ксенофобом, т.е. по сути психически больным?

Что толку, к примеру, говорить тому же Афанасьеву, что ежели ты выпускаешь книгу под заглавием «Русские писатели о евреях», то будь добр привести в ней и выска-

звания и цитаты из произведений Льва Толстого, Максима Горького, Владимира Короленко, философа Владимира Соловьева, Марины Цветаевой, Евгения Евтушенко... Но эти цитаты и высказывания не укладываются в «антологию ненависти», которой по сути является афанасьевская книжка, потому их и нет в ней. Да и понимание того, что есть в ней, чаще всего является плодом большого воображения и бескультурья, невежества того же ксенофоба. Ему кажется, что упоминание о «презренном еврее» в пушкинской «Черной шали» – это и есть подлинное отношение Пушкина к евреям. Но в том же стихотворении упоминается и «злодей армянин». А в знаменитых «Клеветникам России» Пушкин говорит о «кичливом ляхе». И что – этими характеристиками исчерпывается пушкинский взгляд на национальные проблемы? Да и были ли он, этот взгляд, именно как система неких убеждений? Пушкин – прежде всего поэт. И даже «всяк сущий в ней язык», выдаваемое, как правило, за проявление его интернационализма – это прежде всего поэзия, а не идеология. И «проклятый жид, почтенный Соломон» из его же «Скупого рыцаря», первая сцена из которого приведена в сборнике, – это поэтический образ, ведущий свою историю от шекспировского Шейлока.

Я, кажется, нарушил собственное правило – не вступать в спор со свихнувшимися на антисемитской почве. Но только ради интересов читателя упомяну еще и о том, что психическое заболевание составителя сборника «Русские писатели о евреях» протекает, скажем так, в определенном «регламенте». Суть его не только в том, что Пушкин, Тургенев, Чехов и Достоевский – это русские писатели, а те же Толстой, Горький и Короленко – это уже не русские писатели. Дело еще и в том, что даже у считаемых им русскими писателей составитель берет то, что кажется ему очевидным антиеврейским.

Ну вот, к примеру, поэма Лермонтова «Сашка». Признаться, я никогда не думал, что здесь можно, даже при большом желании, вычитать что-то антисемитское. Но когда очень хочется... Оказывается, все дело в дочери польского еврея «хорошенькой Тирзе», которой увлекся женолю-

бивый герой поэмы. Это при всем том, что сам Лермонтов с явным увлечением описывает «душистый локон» и «ножку», что «не зная плена, бесстыдно обнажалась до колена». Видимо, по мысли составителя, антисемитским здесь следует считать то, что дочь еврея увлекает, а, скорее всего, соблазняет русского дворянина. Одним словом, известные еврейские штучки...

Зато составитель, общаривший библиотеку своего деда в поисках сочинений о евреях у русских писателей, умудрился не заметить ни «Ветки Палестины», ни «Еврейских мелодий» Лермонтова, ни его же «Испанцев», в которых нашла отзвук известная «велижская драма» (кровавый навет). И эта «притупленность зрения» вполне понятна: тут нет очевидного антиеврейства автора, нет «гвоздящих», уничижительных характеристик, более того, в «Испанцах» автор явно на стороне теснимых по религиозному признаку героев, поэтому эти произведения не включим в наш сборник, они здесь не требуются. Как не требуются и цитаты из книги Н.С.Лескова «Еврей в России», опровергающей наполненные злобой и нетерпимостью стереотипы. Зато составитель, несомненно радуясь находке, включил лесковский очерк «Жидовская кувырколлегия». Узколобый человек, алчущий поживы для своей мелкой душонки, приспособливает для собственных патологических нужд характерное для творчества автора «Тупейного художника» нравоописательное сочинение, в котором устами вполне «адекватного» русского военного рассказано о службе евреев в армии. Личность рассказчика, естественно, объединена с личностью писателя. А как же иначе? По-другому не умеем...

Вот и получается, что в один ряд выстраиваются в сборнике «Русские писатели о евреях» Тургенев, как автор рассказа «Жид», в котором – опять-таки через рассказ полковника-кирасира – изображен отец, продающий офицеру свою дочь, и буквально помешавшийся на ненависти к евреям Борис Миронов, бывший российский министр «по печати». Тоже писатель, оказывается...

Но довольно о дряни. Перейдем к более интересным и сложным вопросам.

III

В российском, а затем и в советском обществе сложилась давняя традиция видеть в писателе некоего высоконравственного и всезнающего гуру, учителя жизни, того самого «инженера человеческих душ» и т.д. Между тем писатель – это всего лишь человек, обладающий определенным талантом, большим или меньшим изобразительным даром. А все остальное, как у остальных людей: у кого-то совесть и порядочность преобладают, у кого-то они в зачаточном состоянии, а у кого-то и вовсе отсутствуют. Писатель также подвержен предрассудкам, сословным, национальным и религиозным, как и другие люди. «Гений и злодейство несовместны» – сказал поэт. Увы – совместны. Не зря говорят о «злом гении». Но если и не «злой», то вполне подверженный и предрассудкам, и некоему «общественному мнению», и церковной пропаганде... Да, наконец, и просто тому, что мы сегодня называем неинформированностью, ограниченностью знания. Поэтому прорывалось «антиеврейское» и у Щедрина и у Некрасова... Хотя рядом можно привести и совсем другие их высказывания на ту же тему.

Все это следует иметь в виду при рассмотрении «еврейской темы» в русской литературе. Как историк русской литературы и журналистики, я не приемлю тех «вычислителей» как с российско-черносоотенной, так и с еврейской стороны, которые «вычисляют» (каждый, естественно, исходя из своих интересов) и старательно укладывают в особую копилку «антисемитское» у Достоевского, Пушкина, Гоголя, Чехова и кого там еще... И потом издают соответствующие труды под названием «Русские писатели о евреях» или «Антисемитизм в русской литературе».

Да как же так? – скажут мне. – Да разве не было прожидов и у Достоевского и у Гоголя?

Да, было, было! Не отрицаю. Но именно как историк литературы и журналистики русской, я знаю, что есть антисемитизм неискоренимый, сознательный и целеустремленный, и есть подходы к национальной, в том числе еврейской проблематике, обусловленные в творчестве того или иного писателя историческим временем, общественной атмосфе-

рой, особенностями формирования личности, различными влияниями, прежде всего религиозными. Есть, наконец, преодолеваемые национальные предрассудки и заблуждения. Именно поэтому я предпочитаю то или иное высказывание писателя рассматривать в историческом контексте.

Не усложняйте, скажет мой оппонент, не все ли равно, чем руководствовался автор? В итоге-то вышла злобная карикатура на еврея в рассказе или повести... А уж если прямо высказался писатель в письме или дневнике... Следовательно, антисемитизм (или филосемитство) налицо.

Но усложнять нужно, необходимо. И чем глубже – тем лучше. В этом смысле мне близок Леонид Гроссман, утверждавший, что «уважение к этической мысли еврейства при неприязни к создавшему ее народу не должно поражать нас в Достоевском». При других подходах мы обязательно снивелируем и личность и творчество писателя. И, соответственно, сами, как исследователи, будем выглядеть достаточно примитивно. Нам будет трудно осмыслить разнообразие еврейских типов в произведениях Чехова – от сардонической Сусанны Моисеевны в «Тине» до закаменевшего в своей философской гордыне Соломона из «Степи». Мы никогда не поймем сочетание буквально коленопреклоненного филосемитизма с антисемитскими инвективами в творчестве Василия Розанова. Подчеркну особо: речь идет не об оправдании, а о понимании, именно в тех случаях, когда последнее просто необходимо.

IV

Принято считать, что буквально все русские писатели, в произведениях которых присутствует образ еврея или еврейский мотив, уже тем самым определенным образом высказались по «еврейскому вопросу». Здесь я предпочитаю точку зрения Наума Коржавина, заметившего, что у Пушкина и Лермонтова вообще не было «никакого отношения к евреям, ни плохого ни хорошего», что у обоих классиков еврейские образы и мотивы «романтически условны и соответствуют европейской традиции». Вот и пушкинский Соломон, ростовщик из «Скупого рыцаря», он и жа-

ден, и готов для возвращения долга использовать яд... Ну почему бы Пушкину в угоду нам не показать щедрого, бескорыстного, гуманного еврея? Такой вопрос уместен, если забыть, что действие «Скупого рыцаря» разворачивается в средние века, когда восприятие еврея было именно таким: он жаден, готов на любую подлость во имя обогащения. И вот этот-то средневековый взгляд на еврея и отобразил Пушкин. Другой традиции – восхищения героями древнего Израиля – следует он в стихотворении «Юдифь», в котором «крепок верой в бога сил//Перед сатрапом горделивым//Израил выю не склонил».

Увы – мы часто путаем изображение и сугубо личное отношение автора. Последнее же Пушкин как раз и выразил непосредственно, в дневниковой записи 1821 г., сделанной в Кишиневе под впечатлением от церемонии похорон митрополита. Он так и записал: «...более всего понравились мне жида... ни одного нескромного движенья!» И даже: евреи «во сто крат благочестивее» христиан.

Многие знают стихотворение «Храни меня мой талисман», но многим ли известно, что золотой перстень с сердоликовой печаткой, подаренный поэту в Одессе Е.К.Воронцовой, имел надпись на иврите, по поводу которой Пушкин как-то написал Жуковскому: «Каббалистические знаки, вырезанные на перстне, будят во мне нечто... будто бы давно забытое». Великий русский поэт знал, что такое Каббала, и его христианскую душу, как видим, не отталкивала иудейская мистика. Но из этого не вытекает некий филосемитизм Пушкина, точно также как нет антисемитизма в его изображении «жидов» согласно с народными суевериями и предрассудками в стихотворении «Гусар», продиктованном мотивами из украинского фольклора, или в «Феодоре и Елене» из «Песен западных славян».

Вообще замечу, что не только евреи озабочены тем, как они выглядят в литературе других народов. Это «болезнь» достаточно распространенная. Десятки, если не сотни диссертаций посвящены образам поляков, немцев, французов, англичан в самых разных литературах. В одном польском академическом институте я как-то прочитал объявление о защите диссертации, посвященной восприятию образа поля-

ка на Гаити в XIX веке. «Неужели так много поляков побывало на Гаити и так велико число произведений, где они именно там запечатлены, что набрался материал на докторскую диссертацию?» Отвечая на мой вопрос, знакомый польский исследователь без тени улыбки ответил: «Да нет, существует всего одна книга и об одном поляке, но зато в трех томах».

А уж как поляки ревнивы к тому, что о них пишут и говорят в других странах! Но презрительное отношение Достоевского к «полячишкам» не помешало автору «Идиота» стать подлинным героем польской русистики. Кажется, никакому другому русскому писателю (разве что еще Чехову) не посвятили польские литературоведы такое множество исследований самого различного плана, не говоря уже о том, что абсолютно не терпевший «полячишек» Достоевский широко переведен и постоянно переиздается в Польше. А вот на перевод и издание «Тараса Бульбы» Гоголя поляки решились только два года назад. Даже в годы коммунистического правления в Польше не решались выпустить эту популярнейшую повесть русского классика: уж очень сильно она задевала национальные чувства поляков.

Натурально, согласно устоявшемуся еврейскому взгляду, «юдофобия» Гоголя в «Тарасе Бульбе» превосходит его же «полонофобию». Точнее, мы не помним или почти не помним, какие зверства вытворяют с польским населением гоголевские казаки, зато никогда не забудем, как смешно и нелепо мелькали в воздухе ноги в чулках и туфлях еврея Янкеля, которого те же казаки бросили в Днепр. И вообще этот Янкель такой противный у Гоголя – жалкий, услужливый, сребролюбивый... Но разве не Янкель, рискуя собственной жизнью, помог Тарасу тайно приехать на казнь Остапа и в последний раз увидеть и поддержать своего сына знаменитым «Слышу, сынку!»? Что же до описания жуткого погрома, творимого казаками, то откуда взялось утверждение, что Гоголь на стороне погромщиков? Таковы были жестокие нравы тех времен, и писатель говорит о них с сожалением.

Но мы ослеплены: Гоголь антисемит – и точка! О, я прекрасно помню, как в школе, в классе седьмом или восьмом, когда мы «проходили» Гоголя, какие сложные чувства вы-

зывало у меня чтение страниц про Янкеля и погром в «Тарасе Бульбе», повести, которая мне невероятно нравилась и которую я перечитал не один раз. Но кто мог помочь мне тогда, во второй половине далеких 50-х годов, разобраться в моих переживаниях, помочь понять Гоголя? Уверен, что и сейчас школьные учителя просто избегают «стыдной темы». Школьники, наверно, все так же пишут сочинения о героизме и патриотизме запорожских казаков, а всё сложное, национальное в том числе, всё, что относится к сочетанию изображаемого и личной позиции автора, — всё это остается «за пределами»...

И это, уверен, является основой для укрепления мифов об антисемитизме Гоголя и общего примитивного представления о русской литературе, как мире, который делится на анти- и филосемитов. Третьего не дано! Но есть не только третье, но и четвертое и пятое... Потому что жизнь и отражающая ее литература гораздо богаче тех унылых черно-белых окуляров, через которые нам предлагают принимать их патриоты как с еврейской, так и с антиеврейской стороны. Зинаида Гиппиус в одном из писем назвала Мандельштама «талантливым жиденком». И она же в 1913 г. подписала знаменитый протест русских писателей и общественных деятелей против дела Бейлиса. Александр Блок, скажем так, не очень жаловал евреев, но и он в числе подписавших это обращение. Об этом следует помнить.

V

В одном из интервью писательница Дина Рубина призналась, что к эмиграции из Советского Союза ее подтолкнул не кто-нибудь, а знаменитый русский писатель А. И. Куприн. Бедная Дина прочитала перепечатанное, кажется, в 1989 г. в одной подмосковной антисемитской газетенке письмо Куприна его приятелю литератору Ф. Д. Батюшкову и ужаснулась: автор «Поединка» отказывает писателям-евреям в праве писать на русском языке! Казалось бы, возникший у Рубиной после знакомства с этим документом протест должен был носить последовательный характер: если следовать «указаниям» Куприна, то нужно было не

только оставить Россию, но и прекратить писать на русском языке. Но Дина Рубина предпочла, совершив первое, не переходить ко второму, более того, за годы, минувшие со времени отъезда в Израиль, она весьма преуспела именно в писаниях на русском языке. Я понимаю Рубину: так приятно быть «вытолкнутой» из СССР не каким-то примитивным обывательским антисемитизмом, а самим Куприным. Но смею тем не менее думать, что это все-таки больше поза и красивые слова. Потому что на самом деле Александр Иванович Куприн никакого отношения к Дининой эмиграции не имеет, а были у г-жи Рубиной собственные резоны и расчеты. Но она решила их «подпереть» фигурой знаменитого русского писателя. Что ж, как говорится, ее дело...

Впрочем, думаю, что Рубина поостереглась бы возлагать на Куприна вину за собственный отъезд из СССР, если бы помнила, что автор «Гамбринуса» эмигрировал из советской России гораздо раньше ее и по действительно серьезным причинам. И еще заслуженно преуспевающей ныне писательнице стоило бы помнить о том, когда и в каких обстоятельствах было написано пресловутое купринское письмо Батюшкову.

А дело обстояло следующим образом. В начале 1908 г. с легкой руки молодого, но уже известного критика-задиры Корнея Чуковского в российской прессе разгорелась полемика о присутствии евреев в русской литературе. Точнее – о том, насколько адекватен вклад в нее евреев. Опубликованная в петербургской газете «Свободные мысли» статья Чуковского «Евреи и русская литература» утверждала, что «еврей, вступая в русскую литературу, идет в ней на десятки роли не потому что он бездарен, а потому что язык, на котором он пишет, не его язык; эстетика, которой он здесь придерживается, не его эстетика...» Вывод очевиден: евреям лучше писать на своем языке, поскольку «еврейский интеллигент, оторвавшийся от своего родного народа, отрывается и от единственно доступной ему правды; приставая к народу русскому, к русскому языку и к русскому искусству, он новой правды не обретает; он усваивает, но не творит; он копирует, но не рождает. Это страшная трагедия еврейского интеллигента, очутившегося в

духовном плену у пушкинской, у толстовской, у чеховской культуры, – и пусть он будет гениален, как десять Шекспиров, он не создаст ничего, потому что русский пафос не его пафос, русская мелодия не его мелодия, русская эстетика не его эстетика».

Чуковского поддержал Владимир Жаботинский, в свое время ставший крестным отцом критика в одесской журналистике. Будущий борец за независимое еврейское государство и, соответственно, с ассимиляцией считал, что все силы еврейства должны быть подчинены единой национальной задаче, утверждению у евреев национального самосознания, и потому позиция давнего знакомого в известном смысле была ему близка. Возражали Чуковскому, и весьма энергично, критик А. Горнфельд, писатель и этнограф В. Тан, журналист О. Л. Д'Ор. А юмористка Н. Тэффи написала фельетон, который заканчивался так:

Ах! Индей поймет пампасы,
Аж до слез еврея пронял...
Но Корней какой же расы,
Что никто его не понял?

Не знаю, вкладывала ли Тэффи некий смысл в свой вопрос насчет «расы», но, может быть, он и не случаен. Если иметь в виду, что будь автор «Мойдодыра» не из тех, кого дореволюционное право считало «незаконнорожденными», то именовался бы сын студента из состоятельной еврейской семьи и служившей в этой семье горничной-украинки не Корнеем Ивановичем Чуковским (псевдоним, который он себе придумал, используя фамилию матери, – Корнейчукова), а, согласно нормальному – без прочерка в графе «отец» – метрическому свидетельству, Николаем Эммануиловичем Левенсоном. Может быть, и отсюда, из этой мучившей его национальной «тайны», о чем свидетельствует сделанная в уже весьма зрелом возрасте дневниковая запись («Кто я? Русский? Украинец? Еврей»), родилось это горячее желание утвердиться в мысли, что национальное в культуре непременно связано с происхождением, с кровью и потому русским «так чужд Данте, а итальянцам так чужд Толстой...».

Но оппоненты припирали его к стене. А Исаак Левитан

с его «не той» кровью – он что, не глубоко русский национальный художник, его эстетика, его природа, его березки и поля не русские? И, наконец, если бы не только итальянцам, но и немцам, французам, японцам был чужд Толстой, приобрело бы его творчество мировое значение? А Мандельштам? А Пастернак, с которым Чуковский был долгие годы близок и соседствовал в Переделкине?

Впрочем, до понимания истинного значения Мандельштама и Пастернака еще нужно было дожить, как равно и этим поэтам состояться как русским национальным гениям. А пока, в конце XIX – начале XX вв., происходил такой мощный наплыв российских евреев в так называемые свободные профессии, что это вызывало и естественные вопросы и ущемляло у кого-то национальное самолюбие. Фельетонист Влас Дорошевич позволил себе в 1894 г. в «Петербургской газете» рискованную шутку, за которую пришлось заплатить отъездом из столицы. Перечисляя действующих лиц своего выстроенного в виде сценки фельетона, он отметил: «Абрум, Ицек, Мошка, Залман – русские адвокаты. Мордке, Сруль, Иосель, Лейба – русские беллетристы и поэты. Гершка, Кисиль и Шмуль – русские художники и скульпторы».

Одним словом, тема «еврейского присутствия» в русской культуре обозначилась весьма выпукло. Своего рода продолжением полемики, возбужденной статьей Чуковского, стал разразившийся в феврале 1909 г. скандал, случившийся во время чтения Шоломом Ашем своей пьесы в одном петербургском литературном обществе. Он, собственно, и явился поводом для того самого письма Куприна Батюшкову.

VI

Итак, Шолом Аш, известный в ту пору еврейский писатель, прочитал в одном литературном салоне свою пьесу. Когда началось обсуждение, Евгений Николаевич Чириков, литератор вполне демократической окраски и даже одно время находившийся под надзором полиции (кстати, жил он под полицейским приглядом и в Минске, впечатления того периода легли в основу его пьесы «Евреи», пронизан-

ной вполне сочувственным отношением к еврейскому населению), выступил в том смысле, что, дескать, евреев стало чересчур много в русской литературе, и они привносят в нее чуждые мотивы. Его поддержал журналист К. Арабажин. Ну и началось... Впрочем, точная картина происходившего не установлена, но слух о скандале разошелся достаточно широко. Дошел он и до Куприна, у которого, видимо, давно кипело на тот же счет, и вот решил он высказаться хотя бы частным образом – в письме к ближайшему другу Федору Батюшкову.

Считая, что Чириков по сути «не укусил, а только поплюнул», что его мысль «ясна и верна, но не глубока и не смела», Куприн, что называется, дал себе полную волю. Он пишет, что «все мы, лучшие люди России, давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать...» В то же время он отмечает, что «если еврей хочет полных гражданских прав, хочет свободы жительства, учения, профессии и исповедания веры, хочет неприкосновенности дома и личности, то не давать ему их – величайшая подлость. И всякое насилие над евреем – насилие надо мной, потому что всем сердцем я велю, чтобы этого насилия не было...» Но в одной области, считает Куприн, «простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы». Евреи, уверен автор «Гамбринуса», «внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращенных нелепых и противных слов. Они создали ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюратину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию...» Хотя и сделали это «не со зла, не нарочно, а из тех же естественных, глубоких свойств своей пламенной души – презрения, небрежности, торопливости». Поэтому, «ради Бога, избранный народ, иди в генералы, инженеры, ученые, доктора, адвокаты – куда хотите! Но не трогай нашего языка, который вам чужд и который даже от нас, им вскормленных, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения. Вы впопыхах его вывихнули и даже

сами этого не заметили, стремясь в свой Сион. Вы его обос-сали, потому что вечно переезжаете на другую квартиру, и у вас нет ни времени, ни охоты, ни уважения для того, чтобы исправить свою ошибку. И так, именно так, думаем в душе мы все – не истинно, а просто русские люди... Но никто не решается сказать об этом громко».

Если бы этими «языковыми претензиями» Куприн и ограничился... Увы – здесь он вполне приоткрыл и темную сторону своей души, утверждая, что еврей «презирает все наше, земное», что он «грязен физически», что «во всем творческом у него работа второго сорта», что он «равнодушен к природе, истории, чужому языку». И еще много такого наговорено в том же письме к Батюшкову. Жуткие, отвратительные, оскорбительные слова...

Но даже эти ужасные высказывания я склонен поместить в определенный контекст. Итак, русские писатели впервые увидели, что, кроме них, свое слово в русской литературе пытаются сказать и говорят люди не только нерусского происхождения, но более того – «жидаы». Конечно, этот массовый наплыв задевал национальное самолюбие. Был ли этот наплыв качественным? Справедливы ли претензии Куприна по части русского языка писателей-евреев? Скажем так: они небезосновательны. Люди из местечек, конечно же, не писали так, как Тургенев, Куприн или Чехов. Их литературный русский язык был в определенной степени искусственный, книжно-высокопарный, с многочисленными заимствованиями, так раздражавшими Куприна. Но Куприн упускает из виду весьма существенный факт, а именно то, что русский язык для этих писателей своего рода «вспомогательный». Ведь они писали главным образом на идиш, для своих еврейских читателей. И вместе с тем, владея русским языком, они чаще всего предпочитали сами, без посредников-переводчиков, знакомить русского читателя со своими произведениями. Это были как правило не самопереводы, а в известном смысле пересоздания на русском языке. Тот же Шолом Аш читал на русском языке свою пьесу, которую он написал на идиш. И если бы Е.Н. Чириков воспринял это произведение прежде всего как *факт еврейской литературы*, может быть, не

было бы такого крика о вторжении евреев в русскую литературу с чуждыми последней мотивами.

Но, повторяю, присутствие евреев в целом в литературном быте России того времени было очень заметным, и именно это раздражало в первую очередь. А подумать о том, что в лоне российского литературного быта может зародиться и существовать еврейская литература, – это было абсолютно невозможно не только для Куприна и Чирикова. Ну и, конечно же, очень раздражало наличие в литературной критике весьма заметного числа евреев – Айхенвальд, Горнфельд, Волинский, Венгеров, Гершензон... Они судили, они раздавали оценки. А кто из литераторов вообще терпим к критике? Ну а ежели она исходит от людей с «нехорошими» фамилиями...

Возвращаясь к письму Куприна, отмечу, что, будучи недоволен тем, что «никто не решается сказать громко» «настоящую правду» о евреях, Александр Иванович и сам предпочитает лишь высказаться в частном письме, он не отдает его в печать, не пишет соответствующую статью для газеты. Почему? Да потому что не очень уверен в собственной правоте. И, конечно же, опасается вполне определенной общественной реакции. И стиль его письма Батюшкову, нервически-взвинченный, близкий к истерике, говорит об этой самой неуверенности. Не случайна приписка в самом конце: «Сие письмо, конечно, не для печати, ни для кого, кроме тебя». К тому же не исключаю, что автор «Поединка» сочинял это письмо, перед тем хорошо «приняв на грудь». И, наконец, как не согласиться опять-таки с Наумом Коржавиным в том, что «о личности писателя надо судить по его произведениям, а не по письмам», документам не предназначенным для печати и адресованным «обыкновенно людям, хорошо знающим и понимающим пишущего...» Действительно, «нельзя забывать, что Куприн не совершил за свою жизнь *ни одного* антисемитского поступка – ни в России, где в интеллигентской среде существовал жесткий запрет на антисемитизм, ни в эмиграции, где этот запрет существенно ослаб. Письмо это не может перевесить всего творчества и всей жизни Куприна – и до, и после его написания».

VII

Антисемитов всегда радует, когда они неожиданно, так сказать, к собственной вящей радости, обнаруживают у какого-то авторитетного, известного человека высказывание, которое можно зачислить в их «антисемитскую копилку». Им кажется, что тем самым их ряды пополняются, и, естественно, сами они выглядят уже намного солиднее, представительнее и убедительнее. Совсем недавно они зачислили в свои ряды и Владимира Яковлевича Лакшина, умершего в 1993 г. знаменитого критика журнала «Новый мир» времен, когда его редактором был А.Т.Твардовский.

Повод дали дневники Лакшина, опубликованные недавно в журнале «Дружба народов». 17 марта 1971 г. Владимир Яковлевич записал: «Пропала, рассеяна, почти не существует русская интеллигенция – честная, совестливая, талантливая, которая принесла славу России прошлого века. Нынешняя наша интеллигенция по преимуществу еврейская. Среди нее много отличных, даровитых людей, но в существование и образ мыслей интеллигенции незаметно внесен и стал уже неизбежным элементом дух торгашества уклончивости, покладистости, хитроумного извлечения выгод, веками гонений воспитанный в еврейской нации. Очень больной вопрос, очень опасный, но не могу не записать того, о чем часто приходится думать в связи с житейской практикой».

Приведя эту цитату, автор московской газетки «День литературы» (подголоска прохановского «Завтра») Юрий Павлов не без наслаждения пишет: «Опуская спор об «исторической» интеллигенции, отмечу то, что звучит неожиданно в устах Лакшина и в чем он, несомненно, был прав. Идея о сущностных изменениях, привнесенных евреями в образ мысли и облик русской интеллигенции, сродни многочисленным высказываниям Василия Розанова. Понимаю, что такое утверждение покорило бы и оскорбило бы Владимира Яковлевича, находившегося в плену «левых» стереотипов в восприятии Розанова, якобы «антисемита». Показательно, что еврейский вопрос В. Лакшин определяет как «очень больной, очень опасный». И невольно, а мо-

жет быть, вольно (ведь он сам говорит о частых раздумьях на эту тему, которые, правда, в дневниках не запечатлены) Владимир Яковлевич приведенным высказыванием впервые дает повод зачислить его в разряд «антисемитов», то есть беспристрастных и смелых мыслителей».

Напрасно потирает руки Ю. Павлов в надежде, что в его антисемитском полку прибыло. Потому что мы знаем, в какой ситуации родилась эта лакшинская запись. Прошел год со времени разгрома «Нового мира», бывшего знаменем идей шестидесятничества. Тяжело болеет и через несколько месяцев, не пережив эту трагедию собственной жизни, всего на 62-м году умрет Твардовский. Лакшина, замечательного критика, чей дар был прежде всего в умении вести диалог с думающим, стремящимся осознать реальность своего положения читателем, по воле ЦК КПСС определили в журнал «Иностранная литература», где он буквально погибал, составляя какие-то библиографические сводки. В этот «посленовомирский период» Владимир Яковлевич много и напряженно размышляет. В том числе и о том, почему после увольнения по цеховской инициативе ряда сотрудников во главе с главным редактором в штате редакции журнала остались и сохранили с ним связь те, кто, по мысли Лакшина, должен был в знак солидарности непременно уйти. Иронических характеристик удостаиваются бывшие друзья и соратники — Ефим Дорош, Александр Марьямов, Ирина Роднянская, Анна Берзер и другие.

Но я помню, с каким пристрастием изучал книжки журнала, уже выходявшего под редакцией В. Косолапова, и с удовлетворением отмечал публикации В. Тендрякова, В. Некрасова, Ю. Трифонова, В. Быкова... Конечно, угасла *та* публицистика и критика, но проза еще была вполне на уровне. Спустя годы я узнал, что этот «запас» выходил благодаря оставшимся в редакции старым сотрудникам. Впрочем, и им, оставленным, кстати, по решению идеологического отдела ЦК КПСС (чтобы главным образом на Западе не создалось впечатление тотального разгрома редакции), спустя год предложили подать «по собственному желанию». Боль и обида Лакшина понятны, но, как читатель,

я благодарен задержавшимся в редакции хотя бы на год с лишним «новомировцам». Да, среди них были евреи. Люди, обремененные семьями. И им, в отличие от Лакшина, которому сразу (естественно, по указке сверху) было предложено место в «Иностранной литературе», никто и ничего не предложил. Мудрено ли, что прикипевшие к своему журналу сотрудники не смогли вот так запросто расстаться с ним и оказаться буквально выброшенными на улицу. Владимир Яковлевич увидел в этом «еврейское приспособленчество», измену подлинным идеалам русской интеллигенции. Но ведь пытался Некрасов спасти свой журнал «Современник», выступив с одой в честь умирителя Польши и Северо-Западного края Муравьева. Сегодня никто не видит в этом какую-то измену идеалам демократии. Если, впрочем, они были у Некрасова, его политическое мировоззрение – разговор особый. Сотрудники же «Нового мира» никаких од власти не слагали, они работали, думали об интересах читателя. Ничего не нахожу в том скверного или порочащего.

А дневниковая запись Владимира Лакшина – еще одно свидетельство, что изумительной культуры и таланта критик был всего лишь человеком со всеми очевидными слабостями, у которого обида могла захлестнуть здравый смысл. Тем более, что и сам он принадлежал (по крайней мере, по отцу) к тому «писательскому племени», члены которого, по его собственным словам, «уязвимы, пристрастны, эгоистичны». Но что бы он сказал, если бы узнал, что помощник Хрущева Лебедев (тот самый, что в свое время уговорил Никиту Сергеевича прочитать рукопись «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына) убеждал Твардовского, что Лакшин еврей и что это вредит журналу? Кстати, у Лакшина была вполне еврейская внешность. Да и фамилию такую носит сегодня известный московский раввин...

Я был знаком с Владимиром Яковлевичем, встречался с ним на чеховских конференциях в Ялте и Москве. Это был замечательный русский интеллигент, прямой духовный потомок той русской интеллигенции, что жила и творила во времена Короленко и Чехова. И напрасно надеются «пат-

риоты» из газеты «Завтра», что Лакшин «прозрел на краю жизни». Они забыли о сказанном им в одной из последних статей: «Русский шовинизм мне враг».

«Авив», 2006, №№ 1 – 6.

Бутафория на темы Гоголя

О фильме Владимира Бортко «Тарас Бульба»

Что такое Запорожская Сечь у Гоголя, в его повести «Тарас Бульба»? Это вполне дикое содружество пьяниц, насильников и лихих рубак, в гнев своем за «святую Русь» не щадящих никого. Протокольно перечисляет Николай Васильевич их жертвы: «избитые младенцы», которых казаки поднимали копьями и бросали в пламя, «чернобровые паньки, белокурые светлолицые девицы», которые не могли спастись даже в костелах, потому что «зажигал их Тарас вместе с алтарями», «обрезанные груди у женщин, содранные кожи с ног по колени».

Так поступали запорожцы по отношению к ляхам, поскольку не могли стерпеть того, что на Гетманщине «ксендзы разбегжались в таратайках, запряженных православными христианами». Повод, несомненно, достаточно серьезный для того, чтобы обрезать груди у женщин и поднимать младенцев на копья. Тем более, что весть о ксендзах в таратайках принес свой же брат-казак. Впрочем, информация была более объемной. Зло несли не только ксендзы в таратайках, но и жида-шинкари. А жены их, жидовки, оказываются, шили себе юбки «из поповских риз». Разве можно стерпеть такое? Если до ксендзов было далековато, потому что попросту не было их в православной Сечи, то жида, они туточки, рядом, торгуют, проклятушие кровососы всем, чем угодно, прямо среди казацкого войска. Ну и, натурально, начался погром. Замечательно описывает Гоголь, как «бедные сыны Израиля прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползывали под юбки своих жидовок», и это геройское метание жидов в Днепр: «...суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башимаках и чул-

ках болтались на воздухе». Действительно, очень смешно. Школьником, когда проходили Гоголя, я испытывал особый восторг от этих строк.

Такая вот Сечь у Гоголя.

И другая у режиссера Владимира Бортко, постановщика российского исторического блокбастера «Тарас Бульба». Да, есть и анархический разгул, и колоритные рожи с чубами-оселедцами, и махание саблями, и коней полно. А ощущение такое, что сидишь на спектакле областного театра. И вся эта «оселедочная анархия» не более как театральная декорация. По сути запорожцы у Бортко это несколько подразбавленная от безделья парторганизация. И стоит появиться среди них толковому секретарю парткома, как все налаживается.

Я очень люблю изумительного украинского актера Богдана Ступку, исполнителя роли Тараса Бульбы. Но сколько же можно заставлять его проводить партсобрания с запорожцами и произносить высокоидейные речи о товариществе и святой Руси? Ну добро бы раз. А то ведь несколько партсходов на одну и ту же тему повторяется на протяжении фильма. И начинается, кстати, картина не со знаменитой, отворяющей повесть Гоголя фразы Бульбы «А поворотись-ка, сынку!», а с того же партсобрания.

Очевидное опасение «как бы чего не вышло» руководит режиссером Бортко. Поэтому он старательно расставляет акценты. Самый главный, конечно, российский. Устанешь подсчитывать, сколько раз почти как за «За Родину, за Сталина!» казаки восклицают про «Русскую землю» и «святую Русь».

Так у Гоголя же так! – попрекнет меня читатель.

Так то у Гоголя! – отвечаю я. – А это кино, уважаемый! Это другое искусство. Когда на экране казак Мосий Шило (Михаил Боярский), раз десять проткнувший вражескими копьями и литрами испускающий из себя кровь, в последнюю минуту жизни все-таки приподнимается, чтобы произнести здравицу за «русскую землю», это и есть областной театр, т.е. дурная театральность, противопоставленная настоящему киноискусству.

Кстати, при всем следовании тексту, когда Бортко счи-

тает нужным, он дополняет Гоголя. Чтобы эмоционально зарядить Тараса и казаков на боевой поход, в Сечь привозят труп его жены, убитой, естественно, ляхами. Как теперь не загореться праведному чувству мести?

А как вы думаете, почему Андрий (Игорь Петренко) перешел на польскую сторону? Вроде ответ известен: любовь к прекрасной полячке. Конечно, не влюбиться в Магдалену Мельцяж, актрису, играющую дочь воеводы, просто невозможно. Красота, соединенная с магнетической женственностью, любого нормального мужика свалит. Но Бортко еще и идеологическую базу подводит под поступок Андрия. Мы узнаем о серьезных идейных расхождениях между ним и Остапом (Владимир Вдовиченков). Оказывается, Андрий сторонник западных либеральных ценностей (не случайно он обнаруживает свое знание римского права), в то время как Остап заявляет о *«нашей земле, которая греет ноги»*. В общем, конфликт западника и патриота-почвенника налицо. Ну а уж кто за римское право стоит, тот, ясное дело, за очи прекрасной паненки и родину и товарищей предаст.

Не только по причине неудовлетворенности тем, что у Гоголя линия романа между Андрием и паненкой обрывается со смертью Андрия, Бортко сочиняет сцены с мучительными родами польской красавицы. Бесчеловечность поляков еще раз подтверждается нежеланием прислуги паненки, по физиономии фанатичной католички, знающей от кого она рождает, оказать ей помощь, и несчастная умирает. Ее отец уже вынул саблю из ножен и готов зарубить только что родившееся дитя. Но что-то останавливает воеводу, ребенок (возможно, залог будущего польско-украинского сближения) будет жить. Это единственный раз, когда Бортко не отказывает полякам, казнящих казаков с невероятной и детализированно показанной жестокостью, в проявлении человеческого чувства.

А вот с евреями режиссер был намного осторожнее. Еврейский погром в Сечи это, в основном, разбивание бочек с горилкой. И, конечно, никакого метания жидов в Днепр. Зачем, в самом деле, возбуждать антисемитские эмоции? Зато вполне в соответствии с текстом повести страстный

монолог о вечной еврейской вине за все на свете произносит великолепный актер Сергей Дрейден, пожалуй, единственный прорвавший рамки театральной буффонады. Рвет эти рамки и Богдан Ступка, поскольку тесно его таланту в идеологических пределах, в которые загоняет его режиссура. Но ему труднее, чем Дрейдену, потому что последний не изменяет своему Янкелю, а бедного Ступку принуждают комиссарить.

На разных встречах со зрителями и критиками Владимир Бортко говорил, что он остался верен Гоголю. Увы, мощная, не знающая удержу стихия гоголевской повести, вместившая в себя трагедию сыноубийства, и идеологически акцентированная иллюстрация с картонными персонажами и театрально раскрашенными битвами, которую являет собой фильм, противостоят друг другу.

«Народная воля», 2009, №№ 57 – 58.

«Правда гитлеризма» как новая тема в белорусской литературе

Откровенно говоря, вначале подумалось: а стоит ли? Ну собрались трое мужиков, лысых-седых, наверное, обремененных болезнями (все-таки возраст солидный, может, и с головой что-то не в порядке, хотя я наверняка, разумеется, ничего не утверждаю), и захотелось им, сердешным, поговорить, что называется, по душам...

И вот один взял да и выдал с ходу сокровенное: мол, понимаете, хлопцы, ведь настоящей-то истории мы не знаем, а между тем здесь очевидна *«простая схема – большевизм рождает фашизм. И – ни больше ни меньше!»* Большевики записали в свою программу про *«мировую революцию, а это значит – всемирное господство»*. Естественно, что такая *«жажда власти над миром не могла не родить сопротивление, и вот оно появилось»*.

Тут сразу же второй радостно отозвался: *«Согласен с вами, Александр Леонтьевич. Как раз в этом – историческая правда гитлеризма. Это подтверждено документально. Добавлю толь-*

ко, что большевики были не первыми в своей заявке на господство над миром. С древних времен носителем этой идеи активно выступал «Богом избранный народ», его элита. И потому фашизм-гитлеризм родился как сопротивление этим двум посягательствам на планетарное господство».

После таких заявлений третьему, конечно, было трудно. Но будучи профессором университета, он все-таки не подкачал. Сначала вспомнил Карла Ясперса и его вопрос насчет смысла истории, но в итоге предпочел кондово-избяное: оказывается, «*наиболее глубокий ответ*» дала школьная сторожиха бабка Марья из романа Якуба Коласа «На ростанях»: «Жизнь сама по себе есть ценность».

Отдавая должное аксиологическим предпочтениям бабки Марьи и вполне солидаризируясь с ней, попытаемся тем не менее оценить прежде всего глубину постижения мировой истории, выстроенной тремя собеседниками по «простой схеме»: избранный Богом народ – большевизм – гитлеризм. Схема действительно немудреная и вполне соответствует известному выражению: «Если в кране нет воды – виноваты в том жида», поскольку «избранный народ» породил большевизм, а как реакция на него и, соответственно, на породивший его народ и явился гитлеризм. Делаем простой логический вывод: не было бы избранного народа – не возник бы большевизм и, естественно, не на что было бы реагировать гитлеризму, поэтому он и вообще не родился бы.

Схема, как видим, проста как ров, в котором фашисты убивали людей в войну: пуля в затылок и – падай в яму. Короче: «Жида и комиссары, шаг вперед!» Вот такую «историческую правду гитлеризма» со смаком и, конечно же, полной уверенностью в собственном гуманизме и человечности обсуждают на страницах «Народной воли» (номер за 17 мая) не охранники из Освенцима, не убийцы из зондеркоманды, а два белорусских писателя, Василь Яковенко и Алесь Петрашкевич, вместе с профессором филологии Алексеем Рагулей. Оттого-то и задался я поначалу этим вопросом: а стоит ли обращать внимание? Поскольку прежде всего видится тут предмет не для спора, а для диагноза.

Но потом подумал, что диагноз тоже вполне серьезная

тема. Впрочем, его определение несложно. Это все тот же маниакальный поиск врага и, соответственно, причин национального поражения где угодно и в ком угодно только не в себе самом, не в своем народе, не в особенностях его исторического пути. Поэтому обсуждая роман В.Яковенко «Надлюм» (а именно для этого собрались собеседники), профессор Рагуля предпочитает говорить о «геополитических играх пагубного характера, в которые, против своей воли, была втянута Беларусь», о неких «приспособленцах, коллаборантах в близкой к нам действительности, которые как будто не предатели и как будто «свои». Естественно, что герой такого типа носит в романе Яковенко фамилию Плонгер. А какую еще вы хотели бы, если, по словам того же Рагули, в «сплетении» действующих на белорусской земле идеологий нельзя исключать «идеологию «избранного народа»?

Это что касается носителей «говорящих» фамилий. А вот для по-настоящему «своих» писатель Петрашкевич находит выражения, не только оправдывающие, но даже возвышающие тех же «коллаборантов-приспособленцев»: «С немцами ли они сегодня или еще с кем-нибудь, здесь ли действуют или вдали от родных полей – они не прислуживают фашистам, не ходят вместе с ними в атаку, а выгадывают нашу белорусскую пользу, думают, заботятся о народе».

В общем, не было белорусских полицаев, не было белорусских карателей... В атаку с немцами не ходили, деревни белорусские не жгли, своих не вешали (как в быковском «Сотникове»), евреев не убивали и только и думали, бедные, как помочь белорусскому народу. Выгадывали, одним словом, «нашу белорусскую пользу». Вероятно, так же, как «выгадывал» ее А.Петрашкевич, когда сидел в кресле заведующего отделом культуры ЦК КПБ и насиловал театры своими «злободневными» пьесами (не в ту ли пору он и осознал, что «большевизм рождает фашизм»?). Или тогда, когда, занимая начальственный пост в издательстве «Белорусская советская энциклопедия», изгонял редактора А. Шеленкову за отстаивание нормальной (не «бегунско-антисоцистской») статьи о Марке Шагале и боролся с автором фильма на эту «энциклопедическую», а точнее – государ-

ственно-антисемитскую тему» Аркадием Рудерманом.

Что сказать в заключение? Времена нынче, как любят говорить иной раз, непростые (А когда они были простые?). В мозгах царят разные завихрения. Вот и писатель Яковенко выдал про «историческую правду гитлеризма». Вроде бы формулировка, совсем далеко отстоящая от гуманистических и, следовательно, писательских идеалов, не говоря уже об общепринятых научных оценках. А с другой стороны, ежели печально известный правитель более десяти лет назад высказался насчет того, что Гитлер, в общем, был не так уж плох, то почему нельзя писателю Яковенко? А, может, Яковенко как раз и выразил нечто сокровенное, что попросту, по-бацьковски, рубанул сплеча правитель?

Соответствующие времена рожают соответствующих писателей и соответствующую литературу. Вот и новый – в противовес старому, «нехорошему» созданный – союз писательский призван... Любителям порассуждать об «исторической правде гитлеризма» вроде там самое место. Но следует помнить, что кормить-то ведь задаром не будут. Это не немцы. Тут, господа хорошие, придется в атаку... И вздергивать кое-кого из коллег, может, даже и более решительно, чем это делал Рыбак в поистине бессмертном исполнении Гостюхина.

Конечно, кое-какие страницы в сочинении Яковенки нынешней власти могут и не понравиться. Но общая тенденция вполне правильная. Скобелевская. В его романе без экивоков сказано: Гитлер совместно со Сталиным недорешил (не успел) главную проблему. А разобрались бы вовремя с «избранным народом» – тут и белорусам, возможно, так бы подфартило, так подфартило...

За правильную тенденцию могут и госпремию дать. А что? У нас понимающих «подлинную» суть гитлеризма ценят. Но и – диалектика! – одновременно обнимаются с Алексием II. А что именно патриарху московскому и всея Руси принадлежат слова – *«в процессе становления Завета Бога с человеком Израиль стал избранным народом Божиим»*, – об этом предпочитающим «историческую правду гитлеризма» помнить, разумеется, ни к чему.

«Наше мнение» – ntnby.org, 2006, 23 мая.

Последний призыв, или Памяти журнала «Неман»

А не стать ли вам, дорогой читатель, главным редактором литературно-художественного журнала? Ну, скажем, такого, как «Неман» или «Польмия»? Я уже вижу смущение на вашем лице:»Как же это возможно? Все-таки я не писатель? Имени нет, опыта литературной работы...»

Ах, дорогой мой, ну разве же в этом дело? В имени, в опыте? Есть более простые и надежные критерии определения вашей, как говорят, профпригодности к такого рода деятельности. Ну вот, к примеру, понимаете ли вы, что Толстой гениальный писатель? Понимаете! Ну и слава Богу! Значит, вам прямая дорога в главные редакторы литературного журнала. Поскольку ежели вы разобрались, что Толстой гениальный автор, то, конечно, уж тем более разберетесь с местными писателишками. Сомневаетесь в таком методе «подбора кадров»? И напрасно!. Учитесь у г-жи Чайки, свежеепеченной или точнее свежевысочайшпеназначенной редакторши «Немана». Она так и заявила в интервью «Белорусской газете» (10 июня): *«Я спрашивала себя: ну что я такого сделала? Почему – я? А потом подумала: кто сказал, что в литературно-художественном журнале должны работать писатели? Неужели нужно быть писателем, чтобы оценить гениальность Толстого? Его талант оценивали читатели»*.

Ну вот, видите, как все просто: рядовая читательница Чайка понимает, осознает, так сказать, гениальность автора «Войны и мира». Следовательно, кому же, как не ей, и руководить литературным журналом? А то взяли, видишь ли, моду: чтоб в журналах непременно работали писатели! Обнаглели, вконец!

Повезло все-таки Пушкину и Некрасову. А то ведь могла и к ним заявиться г-жа Чайка и сказать:»Александр Сергеевич, вы по какому, собственно, праву редактируете журнал «Современник»? Только потому, что стишки кропать научились? Поэтом считаетесь? А не кажется ли вам, что вы «живете во вчерашнем дне», что журнал ваш «остановил-

ся в развитии»? (Это я цитирую все то же интервью г-жи Чайки). И Николаю Алексеевичу в редакции «Отечественных записок» было бы заявлено: «Вы что же полагаете так и жить далее на старом общественном капитале, полученном от признания поэмы «Кому на Руси жить хорошо»? Но вы должны, Николай Алексеевич, прежде всего понять, что к вам в редакцию *«не пришли люди, которые поварились в нашей ситуации, окунулись в перестроечные бури, испытали взлеты, падения, поиск...»* (продолжаю цитировать то же интервью).

И что оставалось бы сказать в ответ бедным классикам? Ведь не было у них ни взлетов, ни перестроечных бурь... Вот у г-жи Чайки – чистейшая правда – все было. Особенно с эти-ми, с падениями, дело неплохое обстояло... К тому же Пушкин был явно аморальный тип, за дамами волочился. Некрасов ночи напролет за картами сидел. Таких в администрации президента, то есть царя, конечно, не одобряют.

Но тем не менее Нина наша горой стоит за русскую классику. Сколько неподдельной горечи в этом ее признании: *«К сожалению, когда мы стали независимым государством, мы лишились Пушкина, Достоевского, Репина, Левитана. Это не могло не сказаться на состоянии нашей культуры»*. И хочется спросить: это кто ж тебя, бедную, всего это лишил, что это за варвары пришли к тебе домой и забрали книжки Пушкина и Достоевского? Да еще из библиотек наших государственных их книги повыбрасывали, из курсов университетских их произведения исключили? А, может, все проще? Как бы это сказать поделикатнее... Одним словом, не было чего лишать. Понятно? Вот и осталось одно: плач по русской культуре.

А вот насчет себя, насчет значимости собственной персоны г-жа Чайка напрасно скромничает. Ну к чему это жеманство? *«Что я такого сделала?»* Зачем же так преуменьшать свои заслуги? Ну ведь заслужила, право, чего же стесняться-то! Наша Чайка, она свое дело знает туго. Уж как расклеивала в радиоэфире противников нашего Великого и Ужасного, как старалась матушка! Пух и перо летели от супостатов и врагов режима. За эти заслуги перед властью и удостоилась по справедливости. Но то было радио,

а теперича ее, матушку, несчастную заступницу нашу, как говорит 2-й мужик в толстовских «Плодах просвещения», на литературу бросили.

Могли бы, скажем, на банное дело или на парикмахерские бросить – там тоже беспорядка хватает. Но баня у нас всегда на потом. Можно и в грязце походить – невелика важность. А вот литература – это первое дело! С бумагома-раками этими пришла пора разобраться. Пишут, чего хотят, из его, Правительевых денег, гонорары друг другу выписывают. Этак оно, крапивное семя, никогда не подохнет! А теперь-ка мы у них ручеек из казны и перекроем. Вот и перемрут, даст Бог!

Но Нина, Чайка наша сизокрылая, она ведь умная, она ведь понимает, надо с этим чертовым, навязанным ей, может быть, и против воли, «Неманом» что-то делать? Ну что это, в самом деле, за тираж – 2200 экземпляров? Когда в советские годы доходило до 140 тысяч! Но Нина-то наша ой как непроста, ой хитра наша Чайка! Делает вид, что не понимает, что народ обеднел, что, начиная с конца 80-х годов, издано и издается все, и потому литературные журналы не могут иметь того исключительного значения в культурной жизни общества, которое они имели в цензурное и дефицитное, в том числе на хорошие книги, советское время. И потому тираж в две тысячи сегодня вполне нормален для литературного журнала. И это вполне достойный тираж для белорусского «Немана», если иметь в виду, что журнал российский «Наш современник», где печатается постоянно горячо любимый ею писатель Проханов, имеет тираж в 11 тысяч экземпляров. И это на 150-миллионную Россию. Поэтому две «неманских» тысячи для Беларуси – это, повторяю, вполне нормально.

Короче, задумалась бедная Нина: *«Как же формировать майский и июньский номера?»* А это ж не просто номера, это ж, поясню для непонимающих, идеология! Даром, что ли, Нина столько идеологического хлеба склевала на Белорусском радио за долгие годы работы! Понимать надо: майский номер – это же солидарность трудящихся, борьба с капиталом и Западом, ну и все, что с этим связано. Ну, и июнь – это война, военная тема. Первую задачу она ре-

шила просто и достойно – выбросила из пятого и шестого номеров произведения Быкова, Буравкина, Дранько-Майсюка. А что? Нормальный подход! Сразу видно нашу Чайку по полету. Она, Чайка, церемониться с разными замшелыми классиками не намерена! Это птица, как подобострастно окрестила ее «Белорусская газета», *«высокого полета»*.

Но кого же ставить вместо выброшенных? К счастью, Чайка не только Толстого читала и своевременно оценила его гениальность, еще один автор запал ей, так сказать, в душу: *«И я вспомнила об обращении президента к национальному собранию. Мы напечатали те его фрагменты, которые имели отношение к культуре»*.

Ну вот и стало всё на свои места: первый же номер, выпущенный новой редакторшей, будет открывать настоящий писатель. Писатель, так сказать, № 1. Сначала «фрагменты» пойдут, а потом, глядишь, и новую «Малую землю» поможет написать сверхзанятому нашему правителю. Или «Целину»... Ну и госпремию, как полагается, вручим «за достижения в литературе». А там, глядишь и на нобелевскую потянет... *«Я уверена, – признается г-жа Чайка, – что послание президента люди прочтут»*. Конечно, прочтут! Это же так интересно, так свежо, такие мысли бесценные! В крайнем случае, ежели не захотят читать, можно будет на заводах и в организациях коллективные читки устроить. Как во времена незабвенного Леонида Ильича.

И еще одно, к великому нашему счастью, осенило Нину: *«Кроме того, я узнала, что в Магнитогорске состоялся первый всемирный фестиваль поэзии. И я сразу почувствовала, что журнал складывается»*. Вот это настоящая широта мышления и подхода к делу! В Магнитогорске проводится фестиваль поэзии, поэтому очередной номер «Немана» обязательно «складывается». Что там за поэзия, какие имена, – это неважно. Главное – фестиваль, мероприятие. А наша Нина, выученица молодежной редакции Белорусского радио, всегда понимала, что мероприятие – это важнее всего. Да, кому-то из идейных врагов покажется, что такой подход это – «в Киеве бузина, в огороде – дядька». Ну, так это ж враги, с ними какой разговор может быть?

В общем, выход найден: с одной стороны – бессмертные «фрагменты», с другой – Магнитогорск. Но все-таки что-то тревожит г-жу Чайку, не дает покоя! Да, хотя бы тот же презренный тираж – 2200 экземпляров. Надо же что-то делать? *«Я все время думала, что надо сделать, чтобы журнал был просто интересен, чтобы его покупали»,* – делится своими мучениями наша благотельница. Ну и придумала, конечно: *«Я поставила яркую публицистику Евгения Ростикова, интересную публикацию о филологии московского автора и роман Александра Проханова «Господин Гексоген».*

Не знаю, что там за «публикация о филологии» запланирована, а вот имя г-на Ростикова кое-что говорит. Как же, как же, помним его восхваления ксенофобской книги «Война по законам подлости», изданной под прикрытием некоторых «православных» деятелей. Помним и ту грязь, которую он несколько лет назад вылил в одной из белорусских государственных газет на Янку Брыля. Тогда ему в «БДГ» достойный отлуп дал Дмитрий Подберезский, напомнив, что *«подобных ему людей в Беларуси называли издавна емко и уничижительно – «пустадома».*

Все закономерно: Брыль забрал свою рукопись из «Немана», узнав о грядущих там «холдинговых» переменах, а его место занимает «пустадома» и хулитель одного из крупнейших белорусских писателей, имеющих европейское имя. Молодец, Чайка! Так держать и дальше!

Небезынтересна, скажем так, и духовная генеалогия «яркого публициста» Ростикова. Мне редко попадается в последнее время на глаза московская газета «Завтра», орган российских шовинистов. Но помню, что не так давно г-н Ростиков именовался там собственным корреспондентом. А редактором этой газеты является, как известно, идейный вождь российской имперско-шовинистической группировки Александр Проханов. Выдающийся и чрезвычайно озлобленный графоман, откровенно мечтающий о возрождении российского фашизма. Вот одно из его признаний на этот счет: *«Пусть даже фашизм будет, потому что, если можно построить великое русское государство только ценой фашизма, я бы на это пошел».*

И вот, поскольку, судя по составу новых авторов, «Не-

ман» становится филиальным подголоском российских черносотенных изданий вроде газеты «Завтра» и журнала «Наш современник», я предлагаю свой проект первого, «чайкиного», сдвоенного в виду нашей бедности, 5–6-го номеров. На титульной странице, открывающей номер, дать портрет Гитлера (есть и повод – в конце апреля 113-я годовщина со дня рождения фюрера миновала). А под ним соответствующие «фрагменты» из более чем известного интервью, данного в декабре 1995 г. журналисту из Германии: *«Немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента»*.

Вот что нужно цитировать постоянно, а не какие-то там «фрагменты» на темы культуры! Тут уж не промахнешься, в самую идеологическую девятку попадешь! И как понять это возмущение нового главреда: *«То, как у нас иногда представители культуры относятся к своему президенту, – печально»*. Да уж куда как печально! Ну похвалил человек Гитлера, а они все тут же в позу. Нехорошо...

В общем, Ростиков вместо Брыля, Проханов вместо Быкова... Нормальный процесс в государстве, где равнение взято на Адольфа.

...Канули в прошлое, стали историей лучшие времена «Немана». «Тебе повезло, – шутят коллеги, – закрываешь историю журнала, поскольку проскочил, успел напечатать публицистический цикл «Powiśle». Да, я начал печататься в этом журнале почти сорок лет назад, в нем сформировался как литературный критик. Какие люди работали в отделе критики! Было у кого учиться, с кем отвести душу в откровенных разговорах и, разумеется, спорах... Григорий Соломонович Березкин, Георгий Колос, Владимир Жиженко, Варлен Бечик, Михась Стрельцов, Алла Семенова, Сергей Дубавец, Геннадий Бубнов...

И вот пришла, уселась в редакторское кресло особа, сама себя именующая «одиозной личностью». Да еще и пытающаяся кокетничать – *«поскольку я – одиозная личность, мне все простят»*.

Да чего там прощать... В любом обществе есть люди, на

которых, что называется, не обижаются. Только вот словарем не тем пользуется новый главред: *«По словарю иностранных слов, одиозная личность – это личность, к сожалению, пользующаяся не очень хорошей славой. Мне немного печально, что обо мне так говорят».*

Что ж, дело понятное... Вот только негоже редактору уже «обновленного» «Немана», в котором печатаются такие выдающиеся патриоты, как Ростиков и Проханов, пользоваться словарем иностранных слов. Зачем этот космополитический подход? Настоящая патриотка «великого отечества» должна, обязана пользоваться не словарем иностранных слов, а родным, российским. Ну, хотя бы четырехтомным «Словарем русского языка», выпущенным Академией наук СССР в 1982 г. А в нем сказано куда как определеннее: *«Одиозный – вызывающий крайне отрицательное отношение к себе, крайне неприятный».* Так что тут не про «славу нехорошую», а про то, что от латинского *odiosus* – ненавистный, противный.

«Народная воля», 2002, 18 июня.

P.S. Сегодня во главе журнала «Неман» стоят другие люди. Нет ни Чайки на редакторском посту, ни Скобелева в членах редколлегии. Можно, конечно, не переоценивать этих фактов. И все-таки...

IV. Из статей и фельетонов

Так за какую мы Беларусь?

По поводу одного комментария в «Нашай Ніве»

А, может, и вправду, читатель, плюнем на все эти протесты, на все бесплодные попытки заставить власть отвечать, куда, к примеру, подевались известные «исчезнувшие» деятели оппозиции? Ну сколько, в самом деле, можно? Ну пропали люди... Что ж нам теперь всю оставшуюся жизнь с портретами вдоль улиц стоять? Есть ведь дела, задачи поважнее.

Вот и Сергей Дубавец в «Нашай Ніве» (15 февраля) подсказывает: *«Противостояние – не самоцель. Цель – Беларусь»*. Я понимаю Сергея Ивановича. Надежды на «национально-демократическую революцию», при которой БНФ должен был, но не смог взять власть, угасли. Либералы – явные слабаки. Режим заматерел, знает все ходы-выходы. Была надежда на номенклатурный бунт, но и она оказалась напрасной. Что остается? Остается надеяться, что есть некий объективный ход вещей (наш автор употребляет оборот: *«Природа берет свое»*), который позволит сохранить главное – независимость Беларуси. Расклад здесь простой: правитель наш, хотя и является величайшим славянским интегратором, более всего хочет быть самостоятельным царьком, а потому не дает полной воли российскому бизнесу. И это уже хорошо! Идет акционирование серьезных предприятий, но государство сохраняет там свой приоритет. И это тоже замечательно! По той же причине – не дадут власти экономической чужакам.

А тут подоспели и другие обнадеживающие события. В государственных СМИ, отмечает не без удовлетворения комментатор «Нашай Нівы», появились «оппозиционные» литераторы и крутят «Народный альбом». Более того, про-

должает радоваться С. Дубавец, *«правительство отметило премией книгу «Белорусские народные кресты» в тот момент, когда ОГП стоит с портретами А. Климova у тюрьмы на Кальварийской, и издатель не совершил демарша. Как не совершили демарша правительственные лауреаты нашанивицы Клещук и Баразна».*

«Подлинные национальные ценности, – абсолютно справедливо подчеркивает автор, – должны получать государственную поддержку». И как не согласиться с Сергеем Дубавцом в том, что *«национальная культура не может быть непримиримой к армии и правительству в границах одного народа и одной страны».*

А вот и соответственно вытекающий и одновременно нацеливающий на ближайшее будущее вывод: *«Прирожденный «цинизм политики» в моих рассуждениях сводится к тому, что оппозиции пора забыть об исчезнувших соратниках ППРБ и актуализироваться, сделав шаг вперед».*

Меньше всего я хотел бы здесь возмущаться по поводу взятого С. Дубавцом в кавычки цинизма? Какой тут, в самом деле, цинизм? Тут тоска сплошная. И слабенькая надежда одновременно: а вдруг получится? Вдруг власть, припертая Россией к стенке, из чувства самосохранения вынуждена будет использовать в обороне национальный щит? И невольно начнется некая конвергенция, проникновение национального духа на властные вершины? А это ведь означает, что «живе Беларусь»!

Что ж, дай Бог, чтобы так стало! Кто из нормальных людей за противостояние, а не за диалог, за хождение стенка на стенку вместо нормального сотрудничества?

Хотя надежды и на эту самую конвергенцию-белорусизацию власти, не говоря уже о некоем подобии польского «круглого стола», более чем призрачны. Но почему бы и не жить ими, если другого ничего не предвидится?

У меня нет желания вступать в полемику и в связи с высказываемыми комментатором «Нашай Нівы» надеждами на сохранение белорусской самостийности в результате сопротивления власти российскому бизнесу. Могу только сказать, перефразируя известное латинское выражение, что капитал дышит там, где хочет. Государственный диктат

и рыночная экономика несовместимы. Можно, конечно, вырастить своего, ни на что непохожего экономического уродца, но благ народу это не прибавит. И Польша и страны Балтии не устояли перед напором западного капитала (а что они, бедные по сути страны, могли противопоставить экономически?), и тем не менее Польша осталась польской, а Литва литовской. В случае с Беларусью страхи наших патриотов понятны: здесь все национальное более чем ослаблено, и приход российского капитала, считают они, окончательно подорвет национальные корни.

Ну а сегодня кто подрывает? Как всегда, ищем врагов всего белорусского вне своих стен?

И, наконец, к главному, из-за чего, собственно, и взялся за перо. К призыву С. Дубавца *«забыть об исчезнувших соратниках ППРБ»*. Забыть, конечно, можно. Вообще многое можно забыть «во имя Беларуси». О том, что Быков уже который год живет в Германии и не собирается возвращаться. О закрытых газетах. О сотнях избитых, униженных, оскорбленных, засаженных несправедливо в тюрьмы. Отчего же и не забыть, ежели, согласно С. Дубавцу, *«национальная культура не может быть непримиримой к армии и правительству в границах одного народа и одной страны»*.

Но стоит ли, Сергей Иванович, литератору с вашим именем и авторитетом, столь откровенно переступать границу, отделяющую мораль от политики, даже с оглядкой на присущий последней «цинизм»? Я не уверен, сумеете ли вы объяснить, почему из рук одних *«соратников ППРБ»* вполне прилично и достойно получать государственные награды, а о других, *«исчезнувших»* (полагаю, вы достаточно осведомлены, при каких обстоятельства?), следует поскорее забыть. Мне почему-то всегда казалось, что вы принадлежите к другой традиции, для которой моральные нормы – не пустой звук. Что вам не стоит напоминать о том, что Чехов и Короленко сложили с себя звания почетных российских академиков, когда Николай II самолично вычеркнул из академического списка Горького. Наложите этот пример на сегодняшнюю ситуацию хотя бы с Быковым...

И еще возьму пример из истории страны, где сейчас находится Василь Владимирович. Знаменитейший фило-

соф-экзистенциалист Мартин Хейдеггер, так дороживший свободой личности, увлекший многих европейцев в 1920-е годы своими духовными исканиями, уверовал, что нужно сотрудничать с режимом Гитлера, потому что есть «главная цель в жизни – Германия». Став в 1933 г. ректором университета во Фрайбурге, он начал его очистку от «неарийских элементов». В числе первых был уволен его учитель, один из величайших философов XX века Эдмунд Гуссерль, чья феноменология легла в основу ранних трудов Хейдеггера. Фрау Хейдеггер была настолько смущена поступком мужа, что не выдержала и послала старику Гуссерлю большой букет роз.

И не лучше ли, Сергей Иванович, было бы, если бы, получив свои премии, Клещук и Баразна пришли к тюрьме на Кальварийской и поддержали бы Андрея Климова вместе с его родственниками, друзьями, просто порядочными людьми? Тут никакого демарша. Нормальная человеческая солидарность.

Пошлет ли «Наша Ніва» цветы Андрею Климову в день его освобождения из тюрьмы? Вопрос принципиальнейший.

Но пока и Климов, и «исчезнувшие соратники ГППРБ» для вас и думающих так, как вы, – чужаки, можете быть уверены, в Беларуси все останется как есть. Если не будет хуже...

Вообще лозунг «Цель – Беларусь» может далеко завести. Тут можно вспомнить и годы гитлеровской оккупации в Беларуси, когда белорусские национальные организации, ненавидя большевизм и Сталина, мечтая о создании белорусского государства, приняли и гитлеровскую расистскую политику и охотно участвовали в очищении Батьковщины от «неарийских элементов».

В 1990 г. С. Дубавец писал в тогдашней «перестроечной» газете «Літаратура і мастацтва»: *«Все мы за Беларусь. Но уже сегодня эта цель дифференцируется. Мы за разную Беларусь. И это нормально».*

Неужто, Сергей Иванович, сегодня следует быть за одну Беларусь с теми, кто уничтожает своих бывших соратников? Не говоря о всех прочих преступлениях перед собственным народом...

Наша Ніва, 2002, № 8.

Старый-новый облик коллаборантов, или Под чем предлагают подвести «жирную черту» «социально близкие»

Спадар Дынько в роли миротворца

Газета «Наша Ніва» уже не первый год озабочена прокладыванием «своих путей» в белорусской общественно-политической жизни. Не впервые слышим мы раздающиеся с ее страниц клики радости по поводу очередного антироссийского демарша со стороны нынешнего режима и обслуживающей его прессы. В официальных выпадах против России, в развязной критике «имперского соседа» в официозной прессе и на телевидении видят деятели «НН» вполне реальный залог строительства суверенного белорусского государства. Тешит сама возможность высказываться не только критично, но и уничижительно-презрительно в адрес недавней «священной коровы» – России. Логика здесь проста: чем дальше от России – тем ближе к независимой Беларуси.

Что это будет за «независимая Беларусь», какие в ней будут царить порядки – это дело десятое. Главное – независимость. Будем независимыми, сохраним свою государственность, а там, даст Бог, и остальное, с той же демократией, к примеру, как-нибудь устроится. Поэтому чем хуже в России – тем лучше для Беларуси. Погибли люди в истории с «Норд-Остом» – замечательно! Бухают взрывы в разных местах России – великолепно! Явно пропрезидентская Дума образовалась на последних выборах – отлично! Белорусская власть нынешняя должна, наконец, понять, что у нее остался единственный коридор – национальный, к которому и подталкивают ее услужливо мыслители из «НН». Ну должен, наконец, Лукашенко понять, в чем его истинная выгода и, безусловно, спасение!

Официальная реакция в Беларуси на результаты выборов в Думу вызвала особенное вдохновение в стане деяте-

лей «НН». Главный редактор газеты Андрей Дынько восторженно пишет в номере за 12 декабря: *«Власти эволюционировали. Павел Якубович рассуждает с позиций субъектности Беларуси... Белорусская президентура отреагировала на результаты думских выборов совещанием по вопросам внешней политики. Речь о «диалоге» с США и Евросоюзом и «поэтапное налаживание отношений 8 декабря воспринималась как политический сигнал Западу и предупреждение России».* И даже оппозиция в Вильнюсе, совсем уж заходится в восторге А. Дынько, *«просила, чтобы литовцы помогли улучшить имидж Беларуси в Европе».*

Эту радость главного редактора «НН» несколько снижает им же осознаваемое, что *«улучшение отношений с Западом может остаться движением без ответа, пока не достигнут внутринациональный консенсус в принципиальных политических экономических и национальных вопросах, пока власти и оппозиция не начнут играть в одном стиле и на одном поле».* Минимальными предпосылками, при которых *«лукашенковцы и оппозиция заговорят на одном языке»*, редактору Дынько видятся две вещи: *«жирная черта под прошлым, под 90-ми годами, и отказ от насилия как способа достижения политических целей».*

Предлагая этот компромисс, А. Дынько одновременно кокетничает, со вздохом называя свои предложения *«идеалистическими фантазиями средневропейского интеллигента».*

Но тут другое, спадар Дынько, тут другое... Совсем далекое от фантазий даже *среднеевропейского интеллигента*, каковым вы себя скромно именуете. Тут запахлю другим, давним и хорошо знакомым...

Но будем соблюдать порядок.

Эволюция как бег на месте

Прежде всего хочется посоветовать редактору «НН» умерить бурную радость по поводу якобы эволюции власти белорусской в связи с выборами в Думу. Никакой эволюции нет. Есть очередная пустопорожняя декларация о *«многовекторности белорусской внешней политики»*, о необходимости *«улучшения отношений с Западом»* и проч.

Эту демагогическую эквилибристику слышим мы уже не первый год. Никого она, кроме обладающего сверхчутким слухом редактора «НН», не интересует.

Что касается Запада, то для него Беларусь как фактор политический вообще не существует. Не говоря о факторах военном и экономическом. Поэтому не надо делать вид, что когда Лукашенко заявляет о необходимости «многовекторности внешней политики» и «поворота на Запад», то на второй день президент США Буш устраивает срочные консультации по этому поводу с Кондолизой Райс и Джорджем Пауэллом, а президент Франции Жак Ширак звонит канцлеру ФРГ Шредеру, чтобы выработать совместную позицию с связи с таким неожиданным заявлением белорусского правителя. И в России никто не почесался даже по поводу того же заявления. Эти сотрясения воздуха никого уже давно не интересуют. Все видят и знают: нет никаких реальных изменений в Беларуси, право, суды, экономика, пресса, парламент – все здесь по-прежнему под пятой одного человека и верной ему вертикали. И Россию, кстати, спадар Дынько, такой порядок у нас очень устраивает.

Что же до белорусской критики в адрес России, то там к этому затянувшемуся спектаклю давно привыкли. Мало ли в России есть губернаторов, позволяющих себе неуважительные выкрики в адрес Кремля! Ну еще один губернатор, на этот раз белорусский, пускай поупражняется! Подemonстрирует свою якобы свободу! От России не убудет, а самолюбие свое человек потешит... Главное – это то, что российский контроль над этой территорией сохраняется стопроцентный. Это даже усвоил Жириновский, который когда-то позволял себе неуважительные высказывания в адрес некоего «конюха». А редактор «НН» все еще двигает в азарте фишки: «Они нас так, а мы их вот этак!» Фишки уже давно в одном кармане, спадар Дынько, и выдают их для игры под строгим контролем.

И, наконец, отчего такие восторги по поводу статьи П. Якубовича в «Советской Белоруссии», которую «НН» перепечатала с сокращениями, предпочтя именовать «Советскую Белоруссию» ее вторым, менее «стыдным» прозви-

щем – «Беларусь сегодня»? Что такого «эволюционного» изрек Якубович? Может быть, это? *«Сформировав Думу таким образом, каким она сегодня является перед всем миром – консолидированной, идейно однородной и сплоченной вокруг президента, – Владимир Путин будет нести персональную ответственность за все, что произойдет в России».* Но эту мысль уже растиражировали до Якубовича десятки российских комментаторов. Как и его сожаление по поводу отсутствия в Думе Явлинского. Критицизм главного редактора «СБ» по отношению к ушедшей Думе тоже достаточно традиционен. И в который раз, читая П.Якубовича, думаешь: вот бы он свое, продемонстрированное на России умение разбираться в борьбе «разных кланов, прежде всего связанных с силовиками», показал на белорусском примере... Неужто у нас нет своих кланов и связанных с ними силовиков? Обидно...

Впрочем, золотое слово Павла Изотовича, как нам кажется, в последнее время с особенным вниманием воспринимается в редакции «НН». Возможно, при всей своей занятости Павел Изотович даже взял некое шефство над национальными мыслителями из «НН». Молодежь, знаете ли, нужно опекать, опыт старшего товарища никогда не помешает... Тем более, что молодежь там вообще «социально близкая». Надеюсь, вы помните, читатель, из каких времен к нам пришло это выражение. Были враги у советской власти, но даже среди них, прежде всего в сталинских лагерях, начальство разделяло «настоящих врагов народа» и «элементов социально близких». Последними были, естественно, уголовники. История, как известно, повторяется...

«Мы ваши, ваши до последней косточки!» – кричат деятели из «НН» тем, кого они называют «лукашенковцами», А те как будто оглохли, не слышат. Только добрый Павел Изотович иногда подбодрит отеческим словом. Но у «нашанивцев» уже кончается терпение. И тогда они начинают открыто, можно сказать, на пальцах, объяснять всё власти, как это делает в том же номере газеты Борис Тумар: *«В России постепенно исчезает не только надежда на демократическое чередование властей, но и понятие демократической конкуренции».* И вот какой вывод делается из этого наблю-

дения:»*На укрепление и централизацию путинской власти в России лукашенковцы должны отреагировать дальнейшим сворачиванием отношений с Москвой*». Такое вот воспоследовало указание из «национально ориентированных кругов». Казалось бы, по логике, должно было бы последовать противное – на уход демократии из России белорусские власти **«должны отреагировать развитием демократии в Беларуси»**. Но разве это – демократия – интересует «социально близких»? Разве для них важно, что сворачивание демократии в России – это очень плохой знак для будущего уже давно свернувшей всякую демократию Беларуси?

«Социально близкие» таким образом выдают своего рода карт-бланш нынешнему режиму: главное – подальше от России, а все остальное мы вам простим. Но если режим, устанавливающийся в России, близок давно установившемуся белорусскому авторитаризму, то почему последний должен отдаляться от России? Они же родные! Вот тут-то и проявляется неполная, скажем так, близость «социально близких» нынешнему режиму в Беларуси. Свои да не очень... Поэтому лучше их держать на удалении. Пускай Павел Изотович присматривает...

«Жирная черта» или «жирное пятно»?

Это программное выражение-предложение – «жирная черта под прошлым» – конечно же, заимствовано нашими «социально близкими» у поляков. Это в Польше, во времена «круглого стола», объединившего часть правящей и наиболее трезво мыслящей номенклатуры с оппозицией и приведшего к смене государственного строя, установлению демократических порядков, из рядов либеральных оппозиционеров было выдвинуто предложение о «жирной черте под прошлым». Никто не хотел слепой мести, тем более крови. Но в Польше была такая мощная сила как «Солидарность», и многим казалось, что она гарантировала справедливый расчет с прошлым, при котором тени минувшей эпохи не воскреснут. Но они воскресли. В виде смычки бывшей номенклатуры, укрывшейся под социал-демократическими, левыми знаменами и прорвавшейся к нацио-

нальным богатствам, заводам, банкам, кредитам, с разложившейся, деградировавшей в борьбе за власть верхушкой «Солидарности». Расчета с коммунистическим прошлым не произошло. Отсюда нынешняя разочарованность польского общества в политике и политиках, отсюда чуть ли не ежедневно возникающие громкие коррупционные скандалы, в которых замешаны министры, депутаты сейма, общественные деятели.

Так то в Польше, где сильна память о прошлом, о традициях борьбы за национальное освобождение. В Польше, где хотя и с большим скрипом, но идут судебные процессы над бывшими палачами, затаившимися на пенсии прокурорами, генералами, чиновниками, повинными в гибели людей. В Польше, где понимают, что установление там коммунистического режима было в первую очередь связано с итогами второй мировой войны. В Польше, где худо-бедно, но сегодня соблюдается разделение властей, есть действительно независимая пресса и далеко не всемогущий президент.

А что конкретно имеют в виду мыслители из «НН», предлагая в Беларуси подвести «жирную черту под 90-ми годами»? Одобрить полный слом конституции? Избиение депутатов Верховного Совета? Похищения деятелей оппозиции? Уничтожение предпринимательства и негосударственной прессы? Абсолютную зависимость судов от власти? «Список благодеяний» может быть длинным... И все это вершилось не в какой-то довоенной, жившей под сталинской пятой, а в сегодняшней, якобы демократической Беларуси.

Редактор А.Дынько особо оговаривает это условие: «отказ от насилия как способа достижения политических целей». «Забывая» указать, с чьей стороны проявлялось и проявляется насилие.

Впрочем, что тут толковать, ежели у «социально близких» есть одна сокровенная мечта, во имя которой они многое готовы простить. Ее, эту мечту, вполне откровенно выразил Вацлав Заякоть на той же странице «НН», на которой напечатана статья А.Дынько: «Вообразите, уважаемые читатели «НН», что Лукашенко вдруг заговорил по-белорусски. Многие бы из вас тогда имели бы к нему какие-то претензии?»

В годы войны немцы одобряли открытие белорусских школ и разнообразную национальную работу. Но и плату потребовали от им, немцам, «социально близких»: активное участие в уничтожении мирных жителей только за то, что они не принадлежали к «неарийской расе». И «социально близкие» достойно выполняли эту задачу. Утром отведет ребенка в белорусскую школу, а вечером другого ребенка, с другим цветом глаз и волос, постреляет... Алесь Адамович показал в «Карателях», как это делается. И. как говорит спадар Заякоть, какие могут быть претензии, ежели разрешено говорить по-белорусски?

Может быть, пример не для наших времен? Не буду настаивать. Но какая-то цепочка несомненно тянется... Во всяком случае, никто из нынешних вполне национальных и демократических историков не объяснил еще, какую Беларусь строили те, времен войны, «социально близкие». Но это была бы Беларусь, в которой, полагаю, не только я не хотел и не смог бы жить, но и множество белорусов.

И сдается мне, что и нынешним «социально близким» абсолютно все равно, что те, кого они, пытаясь как-то отделиться от них, называют «лукашенковцами», строят на самом деле Беларусь без белорусов, без белорусской культуры, без языка. Потому что все перечисленное возможно только на фундаменте подлинной демократии. В противном случае, речь может идти только о внешнем антураже, о декорациях, даже если Лукашенко заговорит по-белорусски.

Мне не раз приходилось писать о национальной ограниченности, особенно в период «перестройки» и первых лет белорусской суверенности. Иной раз думалось: та трагедия, что произошла с нашей Беларусью, за последующий десяток с лишком лет, быть может, отрезвит головы? Но вот читаю все в том же номере «НН» в статье Сергея Дубавца «Секрет Бендэ»: «К примеру, как можно критиковать антибелорусскую политику нынешних властей, издавая при этом оппозиционную газету по-русски?» Нельзя, оказывается, издавать газету, критикующую «антибелорусскую политику нынешних властей», на русском языке! Время идет, но для этих людей ничто не меняется. Антиросийскость, антирусскость, как залог строительства незави-

симой Беларуси, сохраняется в качестве ведущего курса. Еще одно подтверждение слов Эмилия Чорана: «Ничто так не льстит самолюбию и не способствует самоуважению, как возможность отодвинуть как можно дальше от себя причину своего ничтожества».

Единственный вопрос: как долго еще будет продолжаться в «национальных головах» этот процесс самоудовлетворения? Впрочем, если их устраивает роль «социально близких», то ради Бога! Только не следует слишком обольщаться: хозяин камеры всегда укажет суетящейся «шестерке» ее место – у парашаи.

«Народная воля», 2003, 20 декабря.

Кому оплеуха, или Плоды патриотического одичания

Компаньоны Мины Праздникова

Не прозевали ли вы, уважаемый читатель, один заметный праздник, буквально на днях? Да вроде не было ничего такого, – слышу я в ответ.

А вот и ошибаетесь! Был такой праздник и совсем недавно! Точнее – 23 октября. Позвольте, говорят мне, но ведь этот день отмечен двумя совсем не радостными событиями: скандалом с высылкой из Минска Немцова и началом колоссальной трагедии – захватом террористами театрального здания в Москве.

Ну это для вас, читатель, для нормального человека, 23 октября – день печальный. А вот для сотрудников и авторов газеты «Наша Ніва» – это, можно сказать, были «именины сердца – майский день». Ну как же – самого Немцова выперли! Может ли быть большая радость для истинно патриотического, белорусского сердца? Вот и спадар Олег Точеный в статье (номер газеты за 25 октября) с торжествующим заголовком «Барыс Нямцоў пайшоў дамоў» сообщает нам: *«Між тым паспалітае грамадства цешыцца так, нібы гэта беларускія*

хакеісты перамаглі расейцаў. Пасля векавых крыўдаў кожнае прыніжэнне Масквы ўспрымаецца з доляй злараднасці».

Ах ты, Боже мой, вот счастье-то привалило! И милиция время от времени дает дубца «патриотам», и хоккеисты не радуют, а тут такое вот случилось, что и тумакі милицэйские простишь и про слабаков наших хоккейных позабудешь. Чтобы доказать, что радость была всеобщей, редакция поместила на первой полосе фото: у телеэкрана, на котором видно «выдворяемых» Немцова и Хакамаду, довольно лыбятся две патриотические физиономии. Это и есть «паспалітае грамадства», за неимением ничего другого (радостных толп на улицах), редакция у себя под боком организовала этот снимок.

Что ж, пусть радуются хоть эти двое вместе со спадаром Точеным. Жизнь-то скудна, бедна, пускай хотя немного доставят себе удовольствия эти горемычные. Шутка ли – «векавыя крыўды» одним махом, высылкой Немцова, перекрыли. Вспоминается щедринский Мина Праздников, дякон, изверженный из сана за пьянство. Он был очень озабочен обращением в христианскую веру своего соседа, еврея Мошки. Заставлял его есть сало, пить водку и кричать «ура!». А на упреки, что это «не настоящие правила», отвечал: «Каки-таки правила! Кабы он человек был, а то жид! По-нашему не понимает! Да жид-то какой... клоп! Мошка, раздевайся».

Затем поднимал Мошку над прудом и бросал его в воду. Что-то вроде крещения...

Я думаю, что Мина Праздников вполне мог быть третьим в этой «патриотической» компании у телевизора, что изображена на первой полосе номера «Нашай Нівы» за 25 октября.

Этот не наш генерал Фролов

Ну не любят наши национал-патриоты либералов! Давней, какой-то генетической нелюбовью. И это их природное право. Если бы их журналистика не переходила в политическую пропаганду с очевидными элементами передергивания и желания услужить новому, усердно отыскиваемому ими в последнее время и, кажется, найденному

уже хозяину. Оказывается, настоящая вина Немцова заключалась, по мнению наших «патриотов», в том, что он среди прочих своих минских дел и встреч планировал встретиться с депутатом Нацсобрания Фроловым и подписать соглашение о сотрудничестве думской фракции Союза правых сил и возглавляемой белорусским генералом группы «Республика». А это страшный грех с национал-патриотической точки зрения – контакты российских правых и депутатов из фроловской группы! Кому же не ясно, что это готовящаяся продажа Беларуси?

Потому в том же номере другой публицист «Нашай Нівы» Борис Тумар срочно приступает к разоблачению фигуры генерала Фролова. Спадар Тумар сквозь зубы в заметке «Аперэткавы генерал» признает, что *«у Фралова ёсць воля, ён мала чаго баіцца. Фралоў узяў у парлямэнце пытаньне аб зьніклых апазіцыянерах. Такого рэквізіту ня меў ніводзін з ранейшых палітыкаў апазыцыі. Гэта – у нашых краёх – проста прэзідэнцкі патэнцыял!»*

Казалось бы, замечательно, нашелся порядочный человек в той среде, на которую мы вроде давно махнули рукой. Но национал-патриотическое зрение – это зрение особого рода. Здесь порядочность не в цене. Превалирует другой метод: своим душком тянет или нет. От Фролова явно не слышать родного запаха. Ну и тогда, естественно, начинается «подведение базы», а по сути саморазоблачение публицистов «Нашей Нівы», давно путающих журналистское дело с политикой.

Вот «антифроловские» аргументы Бориса Тумара.

«Фралоў адстаўны вайсковец, а грамадская думка ня лічыць ваякаў здольнымі да грамадскага кіраваньня».

Откуда это вы взяли, спадар Тумар? Как раз военные еще очень в цене у народа. Приход полковника Путина на кремлевский трон – тому блестящее подтверждение.

«Ён з шэрагаў «кішэннае апазыцыі», дапушчанае ў палаце прадстаўнікоў уладамі!».

Так это же замечательно, что среди этих «кішэнных» начинают себя проявлять смелые и порядочные люди! Радоваться надо!

Но у спапара Тумара – другая задача. Ну не может он

радоваться человеческой порядочности! Такая вот генетика печальная... И потому он усердно ищет «дезавуирующее» у генерала Фролова. И, наконец, натужно сопя, вытаскивает на Божий сокровенно-портяночное:

«Ён з Горадні, а выхадцы з гэтага рэгіёну ня маюць вялікай вагі ў палітычнай і гаспадарчай эліце. Ён не размаўляе па-беларуску».

И вот главный грех Фролова:

«Гэта да яго ляцелі ў Менск падпісваць дамову аб супрацоўніцтве Нямцоў і Хакамада...»

Попались, г-н Фролов! Чего удумали! С Немцовым и Хакамадой соглашение о сотрудничестве подписывать, не спросясь у спадара Бориса Тумара!

Оказывается, теперь не только у Лукашенко на это нужно дозволу спрашивать, но еще и в «Нашай Ніве» консультироваться. Там тоже контролеры неслабые сидят.

Ну вот и сказал бы спадар Тумар сразу это свое глубинно-заветное... А то все тужился, изображал, пытался играть в какую-то объективность... Теперь мы знаем, что из Гродно нам не ждать достойных людей. Слышите, гродненцы, убогие вы, а потому не пройти вам на белорусский политический олимп! Правда, когда нашим национал-патриотам нужно выполнить другую идеологическую задачу и подлизаться к тем же гродненцам, они начинают твердить о том, что западные регионы Беларуси – это и есть опора беларушчыны и наших исторических и демократических традиций, оставшихся нам в наследство от Великого княжества Литовского и даже Второй Речи Посполитой. Но это когда нужно... А сегодня нужно другое – «раздевать» генерала Фролова. Потому и Гродненщина уже не такая свободолобивая и вообще бедная на достойных людей...

Лозунг дня: «Обелорусим Лукашенку!»

Этот относительно новый курс «Нашай Нівы» отчетливо проявил себя в последние месяцы, когда на ее страницах вспыхнула полемика, вызванная разладом между Путиным и Лукашенко по проблеме российско-белорусской интеграции. Нашим национал-патриотам показалось, что загнанный

в угол, рассорившийся с российским президентом Лукашенко невольно станет защитником белорусской суверенности-независимости, а там, глядишь, и превратится, ну если не в стопроцентного Позняка, то хотя бы четверть его займет. На наши «патриоты» люди негордые, их и это устроит, а потом, опять же, глядишь, и по-белорусски заговорит и флажок нам наш вернет бел-чырвона-белы...

Конечно, курс взят на конвергенцию. Обелорусим режим во главе с Лукашенко! Возьмем его тихой сапой! Ну куда ему деваться, Лукашенке-то, если он от российского берега отвалит? Только к нашему, к национал-патриотическому! Одним словом, рассорившись с Россией, Лукашенко невольно становится защитником Беларуси и, следовательно, ее национальных ценностей. Тем более, что никого другого на белорусском горизонте пока не видать.

Ну а раз так, то надо и ориентации менять. И вот в «Нашай Ніве» появились призывы к сотрудничеству с властью. Казалось бы, чего плохого? Известно: худой мир – лучше любовью войны. Но наши «патриоты» понимали, что во имя этого сотрудничества придется отказаться от кое-чего... И вот со страниц газеты несколько месяцев тому назад прозвучало: хватит носиться с этими пропавшими! У нас есть дела поважнее! Справедливости ради, замечу, что редакция тогда поместила мои возражения. Но тенденция очевидна и сегодня.

«Народная воля» периодически выходит с полосой «Іх лёс хвалюе Беларусь!» Оказывается, не всю Беларусь волнует судьба наших пропавших соотечественников. Более того, есть люди, считающие, что о них нужно поскорее позабыть. И самое печальное, что они считают себя представителями белорусской интеллектуальной элиты... Так происходит подмена, выхолащивание гуманистического начала в профессии, когда журналист и писатель лезет в политику.

Ему кажется, что он действует из высших «национальных» соображений. Можно и нужно спорить по поводу выдвинутого С. Дубавцом тезиса: *«Якраз беларусізацыя будзе першай умовай ператварэння «хамскае ўлады» ў няхамскую, як гэта і было паўсюдна»*. Если бы споры о том, что первично-вторично – демократия или белорусизация, не переходили на сугубо политическое поле и не вели к утрате

сторонниками «белорусизации» власти важнейшего в литературе и журналистике – гуманистического начала, превращая их в бездушное орудие примитивной политики. И вот результат. Алесь Аркуш прокламирует со страниц той же «Нашай Нівы»: *«Пры гэтым беларушчына мусіць быць вышэйшая за разборкі рэжыму зь Лебедзькам або праблемы беларускай сацыял-дэмакратыі»*.

Чем-то знакомым тянет от этих призывов... Конечно, это в определенной степени продолжение позиции белорусских националистов в годы войны: пускай сломят себе головы Гитлер и Сталин, а мы как-нибудь выживем и построим независимую Беларусь. А пока все-таки надо подчиняться фюреру, а потому, вместе с налаженными с разрешения гауляйтера Кубе «школьніцтвам», «самакіраваннем», «газэтамі, «аховай здароўя», будем массово расстреливать евреев, поскольку такое дело... фюрер провозгласил расовую политику... ну а мы, белорусы, почти арийцы, потомки балтов, потому надо выполнять приказы... Зато уж потом! Потом мы, конечно, заживем сами! Может, и жидам какое местечко найдется... А пока...

Когда я читаю, что *«беларушчына вышэйшая за разборкі рэжыму зь Лебедзькам»*, я чувствую, что белорус Толя Лебедько это тот самый еврей, которого сдают свои «во имя высших интересов».

Конечно, я понимаю, что нынешние деятели «нашанивского» окружения все-таки отличаются от идейных белорусских вождей сороковых годов минувшего столетия.. Но тем не менее незримая ниточка тянется. Особенно, когда думаешь о том, что нынешний хозяин, к которому они льнут, без обиняков высказался в пользу личности и политики Гитлера. Ну трудно, коллеги, избавиться от памяти об этом... Слишком яркие аналогии.

Радость дикаря

Я пишу об этом без тени злорадства, больше с ощущением горечи, наблюдая за тем, как та же, местечковая по своей сути, политика сначала заводит «патриотов» в болото национальной ограниченности, а затем лишает их по-

просту разума. Тот самый «праздник», с которого я начал, оказывается, был для «патриотов» двойной», потому что в тот же самый день, когда выслали Немцова, в Москве террористы захватили театральный центр с сотнями заложников-зрителей. Вы думаете, «Наша Ніва» ужаснулась, выразила сочувствие попавшим в беду людям и их родственникам, осудила террористов, как это сделал весь цивилизованный мир?

Как же! Ведь у «Нашай Нівы» одна позиция – все расценивать с позиции верховенства «беларушчыны». Вот и радуется ее ведущий сотрудник Олег Точеный: *«Дзьве такія аплявухі Расея будзе памятаць доўга»*.

Вот замечательный пример того, как национальная ограниченность и глухота ведут к утрате элементарной нравственности.

И это пишется в газете, которую возглавляет свежеспеченный вице-президент Белорусского Пен-Центра! Не забудьте, спадар Дынько, послать этот номер вашему коллеге, русскому писателю Анатолию Ткаченко, руководителю Российского Пен-клуба, которого вы так недавно гостеприимно принимали в Минске. Представляю, как он будет обрадован вашей дружеской «оплеухой».

Заодно спросите у спадара Точеного, продолжал бы он свой радостный танец дикаря, если бы в том же самом московском зале давала бы концерт белорусская группа и в зале сидели бы не десять белорусов, а несколько сотен?

У гэтым выпадку беларушчына таксама вышэй за лёсы людзей? Ці спадар Тачоны зробіць ласку і падзеліць па крыві – для маскалёў няхай будзе аплявуха, а ўжо беларусаў мо пашкадуе?

Вот, господа нашанівцы и прочие делящие их убеждения, главная причина того, почему вы всегда будете маргиналами в своей стране.

Продолжайте радостно пританцовывать, когда убивают мирных людей в Москве!

Посылайте незрелую молодежь собирать деньги на билет до Москвы для Лебедько! Тешьтесь тем, что БТ берет интервью у Северинца, которого потом все равно тащат в каталажку (спадар Точеный сокрушается по этому поводу:

недозрел еще Лукашенко, не понимает, где его настоящие союзники!).

Закидывайте яйцами Немцова и Хакамаду!

Тритесь лбами о сапог правителя, уверяя его, что вам наплевать на Гончара и Захаренко!

Когда пропаганда подменяет журналистику

Ну а не получится – вас всех возьмет к себе добрый и мудрый Павел Изотович, большущее и подобострастное интервью с которым опубликовала все в том же номере «Наша Ніва». Он вас научит правильной белорусской жизни и расскажет, что такое правильная национальная идея. То-то будет радости на вашей улице, когда газета «Советская Белоруссия» переименуется в «Беларусь сегодня» и целых две статьи в номере будут на тарашкевице.

Спадар Аркуш утешает себя мыслью, «што ў Якубовіча не атрымаецца зрабіць другую Маслюкову» из некоторых пошедших к нему на службу национал-патриотов.

Это, значит, вы, спадары, Павла Изотовича задумали на своей копыл перевернуть? Ну-ну!

Прошу помнить только об одном. Каждый пишущий имеет право поддерживать то ли правительство, то ли оппозицию. Но журналистика заканчивается там, где журналист в меньшей или большей степени связан с политическими образованиями. Тогда журналистику заменяет пропаганда.

И пускай сто раз уверяют пошедшие в услужение в «Советскую Белоруссию», что они ничем, никакой цензурой не стесняемы, пишут свободно, на самом деле они более чем несвободны, потому что не могут писать о самом главном – об изувеченной Конституции, о накрывшей страну авторитарной сети, об абсолютном попрании прав человека, о всеилии бюрократии, об исчезновении известных оппозиционных деятелей, о нашей изоляции в Европе, о том, в какой жуткой беде оказался наш вымирающий народ...

Людмила Рублевская с гордостью рассказывает, что в ее обзоре современного состояния белорусской литературы, опубликованном в газете Павла Изотовича, где она теперь работает, даже имени Славомира Адамовича не вы-

черкнули. Какое невероятное достижение национальной мысли и какая невероятная побрякка со стороны президентского официоза! А то, что Рублевская печатается рядом с Маслюковой и другими «бойцами идеологического фронта», это, разумеется, поэтессе не заботит. Поэзия нынче небрезглива, тем более, что и творцам кушать хочется...

«Гульня ў абдымоны» – так называлась статья Анатолия Сидаревича в той же «Нашай Ніве», в которой он показал, что «власть интересует не страна – территория, не народ – население, которое платит налоги для содержания этой самой власти». Со своими услугами к этой власти на всех парах нынче прут национал-патриоты. Не оттого ли и сбились нравственные ориентиры, и кровь в Москве для них – это чужая кровь? И радость, безумная радость заливают маленьких, местечковых людей от того, что Москва получила такую «оплеуху».

«Народная воля», 2002, 30 октября.

Костяшка налево, костяшка направо...

*По поводу статьи Зенона Позняка «Война»
 («Народная воля», 4 апреля 2003 г.)*

Стареющий в эмиграции бывший национальный вождь щелкает на счетах в своей варшавской квартирке. Костяшка налево – ежели американцы *«пристойно победят Хусейна»*, то целых две, а то и три костяшки можно будет отправить направо, поскольку в этом случае *«режим промосковской сатрапии на Беларуси почувствует себя неуютно, а российские шовинисты в Москве придержат свой агрессивный порыв»*.

Такая вот арифметика теперь в ходу. Соответственно даются и новые гуманистические установки. Хватит жить с этим рабским «лишь бы не было войны!» И вполне в духе марксистско-ленинской идеологии уже говорится о полезных и даже нужных войнах. В результате рождается истинно гуманистический перл: *«...есть ценности и явления, более дорогие чем жизнь»*.

Постойте! Ежели память не изменяет, это ведь в «Майн Кампф» сказано: *«В мире есть более важные вещи, чем человеческая жизнь!»* Как они, однако, сходятся, эти люди, одолеваемые идеей осчастливить человечество...

Взрывы в Ираке словно разбудили нашего Зенона, кровь быстрее побежала по жилам, сердце забилося сильнее. И вот уже, как когда-то звучало над толпами митингующих в Минске «Браты!», слышим – правда, пока только из Варшавы – призыв нашего несостоявшегося Че Гевары *«Родина – или смерть!»* Конечно, сидя на американском пособии в польской столице, легко вообразить себя эдаким бесстрашным белорусским команданте, ведущим страхнувших рабский сон белорусских илотов на борьбу с московской сатрапией.

Что ж, война, она действительно горячит кровь, туманит мозги... А вдруг, и в самом деле «через победу над Ху-сейном» Беларусь прорвется в светлое национально-демократическое будущее? Как говорится, не мытьем – так катаньем... *«В наших белорусских интересах, – вещает вождь, – чтобы Америка как можно скорее с победой закончила войну».* Потому что Америка – *«практически единственный гарант нашей белорусской независимости».*

Вот ведь какой гимн проамериканский! А я помню еще не очень далекие времена, когда наш национальный вождь трубил совсем другое о США, об их демократии, об отвратительном лице американской массовой культуры... И вот уже США – светоч свободы и демократии!

Разумеется, никому не запрещено менять свои взгляды. Вчера думал так, а нынче – по-другому. Человек не стоит на месте, развивается. Что тут плохого? Да ничего плохого. Пусть развивается на здоровье. Только не нужно нам из-за Буга читать лекции замшелые насчет того, что «войны бывают разные». Какие они «разные» – белорусы знают лучше многих других. И щелканье на костяшках в данном случае выглядит достаточно цинично.

Я хочу посоветовать З. Позняку заглянуть в недавно вышедшую в Варшаве книгу близкого к Джорджу Бушу политика Боба Вудворда «Война Буша». Это сочинение отчасти напоминает известные «Беседы с Гитлером» Германа Раушнинга.

Ну вот, к примеру, Буш откровенничает за чашкой кофе:
– Я постоянно думаю о великих целях, стоящих передо мной. Самая достойная из них – это, конечно же, мир во всем мире. И для этого не жаль ничего.

Через два дня Буш конкретизирует свои мечты и цели:
– Конечно, в Ираке нужно будет менять правительство... Но есть ведь еще Северная Корея. Я буквально ненавижу Ким Чен Ира! Заставить голодать свой народ! Он понастроил громадные концентрационные лагеря, где держит тысячи людей, подвергает их пыткам. Я видел снимки, сделанные с наших спутников.

И я заодно с великим гуманистом Бушем. Я тоже возмущен. Но в способах изменения ситуации мы расходимся. Буш говорит своим собеседникам:

– Люди никогда не придерживались одного мнения, когда речь заходила о применении силы. Но я уверен, что есть в этом положительный момент.

И я тоже хочу верить в такую силу и в этот самый положительный момент. Но как забыть грустные глаза показанной по телевидению напуганной иракской малышки, с забинтованной рукой лежащей на больничной койке? Это все тот же вопрос русского писателя о «единой слезинке ребенка», о цене, которую можно заплатить за нее...

Не знаю, читал ли Буш Достоевского. Во всяком случае, он производит впечатление человека, которому ближе бейсбол. Когда не хватает аргументов, он горделиво заявляет своим собеседникам:

– Я никогда не поступаю согласно учебникам, а больше доверяю своим инстинктам, своему чутью.

О, мы уже слышали эти речи! От Адольфа. Того самого... Когда-то Алесь Адамович рассказывал... Известный партийный функционер Антонович в споре с ним воскликнул: «Я буду счастлив, если в результате атомной войны с Западом останется в живых хотя бы один коммунист!» Похоже, наш варшавский сиделец, провозгласивший, что есть нечто более ценное, «чем человеческая жизнь», готов согласиться на «последнего белоруса». Вот только согласятся ли сами белорусы с любителем щелкать на счетах?

«Белорусская деловая газета», 2003, 9 апреля.

Если сойти с котурнов...

Письмо читателю

Герой «Губернских очерков» ревизор Алексей Дмитрич, будучи очень взволнован известием о нахождении трупа без головы, выразился следующим образом: *«Убийство – вещь обыкновенная, но голова, братец, это, так сказать, центр, седалище»*.

Персонаж Щедрина припомнился мне, когда знакомился с откликом на мою статью «Старый-новый облик коллаборантов, или Под чем предлагают провести «жирную черту» «социально близкие»?» («Народная воля», 20 декабря 2003 г.) читателя газеты, инженера Олега Игнатенкова, озглавленным вполне в духе советской идеологической проработки, так сказать, отлупа «чуждым нам элементам» («А нельзя ли поаккуратнее с ярлыками, г-н Букчин?» – «Народная воля», 30 декабря). Да и как не сложиться впечатлению, что статью мою читал именно щедринский ревизор, ежели на двух полных газетных столбцах инженер Игнатенков, якобы споря со мной, умудрился обойти тему моей статьи, ее суть.

От подозрений к подмене сути спора

Напомню читателям: в статье дана оценка призывам идеологов из «Нашай Нівы» «подвести жирную черту» под 90-ми годами, то есть под преступлениями, которые творились в это время. Так вот, у О. Игнатенкова нет вопросов по сути статьи, он так и пишет: *«В последней статье С. Букчина... содержится немало положений, которые я вполне разделяю»*.

Так в чем же дело?

А подозрение имеется у читателя! Подозревает меня О.Игнатенков в неверном истолковании белорусской национальной идеи! Позвольте, но в моей статье ни слова не говорится о национальной идее, она о другом, на другую тему написана! Но это, оказывается, неважно. Поскольку у читателя Игнатенкова есть подозрение. И потому обязан я

пройти через испытание национальной идеей. Своего рода проверку на вшивость. Поначалу, правда, О.Игнатенков, как бы сомневается в своей правоте чинить подобного рода суд. Он пишет отчасти как бы неуверенно: *«Мне кажется, что демократ Семен Букчин... не очень жалует белорусскую национальную идею...»* Но очень скоро все сомнения нашего инженера улетучиваются и он, минуя, так сказать, следственно-доказательную часть, немедленно переходит к обвинительному заключению: *«... явно искаженное толкование этой идеи... упорно противопоставляет национальное демократическому»*.

И, повторяю, бесполезно вопиать, что ты ничего не писал в своей статье про национальную идею. Потому что именно про нее упорно желает говорить наш читатель, к чему он, собственно, и приступает без промедления. Начинается неспровоцированная мною лекция о национальной идее со ссылками на Уставные грамоты БНР и т.д.

Что ж, раз читателю так хочется – мы еще поговорим и об этом. А пока несколько слов о старом демагогическом приеме ведения полемики. Суть его в том, что тебе приписывается то, чего ты не говорил и не писал, а потом это приписанное твой оппонент начинает громить. Большая часть отклика О.Игнатенкова построена именно в таком духе.

Но мне кажется (как иногда и О.Игнатенкову), что есть возможность, так сказать, обнажить истоки этой, может быть, невольной демагогии нашего читателя. Дело в том, что инженер Игнатенков очень переживает за тех, кого он называет приверженцами белорусской национальной идеи. Что по-человечески вполне понятно. Но далее с О. Игнатенковым происходит неприятная, потому что неосознаваемая им, вещь: отдельных людей, с позицией и взглядами которых (в данном случае «нашанивцев») я спорю, он отождествляет с белорусской национальной идеей и даже шире – вообще со всем национально-белорусским. Поэтому его возмущает, что я осмелился (правда, уже в другой статье) подвергнуть критическому осмеянию *«даже Зенона Позняка, самого нессгибаемого и последовательного приверженца «одной-единственной» – национальной идеи»*.

Я, конечно, понимаю, что, по разумению некоторых

«сильно верующих», прежде чем подойти с критическими мерками к личности Зенона Станиславовича, следует сначала хорошенько покадить перед национальным жертвенником. Но я, уважаемый О.Игнатенков, исповедую, извините, другие принципы в публицистике. А потому хотел бы обратить ваше внимание на слова из моей статьи, которые вы почему-то упустили, — о **«национальной ограниченности»**. Вот явление, которое я в действительности критикую и известным воплощением которого являются предложения по части «жирной черты» идеологов из «НН». Я критикую ограниченных, политиканствующих людей, совсем недавно призывавших со страниц своей газеты: «Хватит писать об этих исчезнувших!»

Вы же совершаете подмену, выдавая МОЮ КРИТИКУ КОНКРЕТНЫХ ЛИЦ ПО КОНКРЕТНЫМ ПОВОДАМ за антибелорусскую позицию. Для вас, видимо, сам их статус (как же! работают в самой «НН»! говорят по-белорусски! отстаивают белорусское!) является неопровержимым свидетельством их «правильной и не подвергаемой сомнению белорусскости». Я же сужу об их конкретных речах и писаниях. В этом разница. Не случайно я указывал в своей статье, что *«есть националисты и националисты»*, на что вы, к сожалению, не обратили внимания. Объясню проще: есть узколобые националисты и есть националисты истинно демократического, европейского масштаба. Я, к примеру, некоторым националистам из «НН» предпочитаю националиста Ляона Борщевского, руководителя нашего ПЕН-центра.

Впрочем, с похожим на ваш, уважаемый инженер, демагогическим кульбитом мне уже приходилось сталкиваться в годы «перестройки». В 1987 г. я опубликовал в «Литературной газете» статью о провинциальных нравах в нашем литературном быту. Бог ты мой, какой тут поднялся шум! Серые многописатели, любители комплиментарно-критического взаимоопыления закричали о наступлении на белорусские национальные святыни. Потому что им было удобно прикрывать свою бездарность драматическим положением с белорусским языком. Критикуешь нас за серость и бездарность, а мы тебя назовем антибелорусом. И сейчас происходит то же самое. Я пишу о политиканстве

деятелей из «НН», цинично призывающих во имя мнимого «национального курса» властей забыть все страшное, что творилось на наших глазах, а в ответ слышу: «Русификатор!» (это из редакционного комментария «НН» по поводу моей последней статьи в «Народной воле»).

Что делать, таковы нравы, обнажающие по сути полемическую и шире – мыслительную импотенцию. Вот это, кстати, и есть, уважаемый инженер, самое настоящее наклеивание ярлыков. Впрочем, к ярлыкам мы еще вернемся. А пока перейдем к тому, что не обсуждалось в моей статье, но разговор о чем вы мне старательно навязываете, отождествляя отдельных деятелей, монополизировавших функцию выразителей национально-белорусского, с подлинно белорусскими национальными интересами.

О национальной идее

Поговорим о том, что вас особенно волнует. О национальной идее, вокруг которой нынче так много споров.

Для меня это фантом. Его поиск так же продуктивен, как поиск блох в Норвегии. Почему блох и почему именно в Норвегии? Один следователь употреблял это выражение, когда хотел подчеркнуть абсолютную бессмысленность того или иного дела. Ну посудите сами. Кажется, в позапрошлом году в Институте экономики белорусской Академии наук была сформулирована очередная наша национальная идея – *«Родина – интеллект – благосостояние»*. Но разве эти призывы чужды, скажем, гражданам Греции или Эстонии? Что тут особенно белорусского? Или вот в России один патриот предложил такую формулировку: *«Все для возрождения России, во имя социального равноправия, равных возможностей для человека и каждой семьи»*. Ну и что здесь такого специфически российского, что не могли бы одобрить жители Украины или Казахстана?

Наконец, и вы, наш уважаемый инженер, сподобились и предложили свою формулу: *«Национальная идея – это идея Белорусского дома, где гарантированы равные права в политической, экономической, духовно-культурной сферах не только для титульной нации, но и для всех граждан независимо от их*

национальности». Ну и что, повторяю, в этом вашем проекте специфически белорусского? Замените «Белорусский дом» на французский или английский, и вы увидите, что ничего здесь особо национального нет. Традиционный демократический набор, кстати, отраженный так или иначе в любой европейской конституции, не более.

Поэтому могу посоветовать не увлекаться политической трескотней, играми в идеологию. В минувшем столетии человечество, кажется, вдоволь наигралось в эти игры – от большевистской идеологии до арийской. Но – увы – уроки не идут впрок. Нам по-прежнему хочется идеологии, хочется в конюшню, в ярмо. В Беларуси нынче насаждают государственную идеологию, а кому-то мечтается о национальной. Очень хочется поставить всех в строй. И, не дай Бог, объявится в этом строю философ, похожий на Ницше. Мы его в лучшем случае в сумасшедший дом посадим. Или как?

Все гораздо проще, уважаемый О.Игнатенков. Человечество пока живет в национальных государствах. Лучшего не придумано. Вот и будем, живя в национальном государстве, с уважением относиться к национальным ценностям – истории, языку, культуре. Будем считаться с их естественным приоритетом. Но при этом не надо кричать о какой-то особенной идеологии. Ибо подобное уважение более чем естественно для нормального человека. Поэтому не нужно, дорогой инженер, надувать щеки и гордо объявлять: *«А себя я, россиянин родом, считаю белорусским националистом»*. Ведь вы произносите эти слова, явно победительно оглядываясь по сторонам и рассчитывая на аплодисменты, не так ли?

Но аплодисментов не будет. Во всяком случае, со стороны нормальных белорусов. Поэтому поменьше пафоса и громких слов, дорогой Игнатенков. И не следует думать, что вы кого-то напугаете ужасным словом «националист». Уверяю вас, никакой вы не националист, а обычный, нормальный человек. Просто в голове у вас, вероятно, кое-что перепуталось, и вы чересчур увлеклись политической фразеологией. Ну и, уж простите меня, кое-что из недавнего, советского, тоже в вас крепко сидит.

Я имею в виду ваши советы насчет того, как следует писать...

Как писать?

В советские времена было принято: читатели поучали со страниц газет писателей. Повара писали о том, что нет романов о работниках сферы питания, дворники жаловались на отсутствие поэм на темы чистоты на улицах и т.д. Ну и, конечно, шли настоятельные советы как писать для народа. Была в свое время общенародная кампания по осуждению знаменитого поэта, во время которой в газетах печатались письма вроде этого: «Я «Доктора Живаго» не читал, но осуждаю...»

Чем-то похожим повеяло от этих обращенных ко мне строк инженера О. Игнатенкова: *«Независимо от ваших претензий к публикациям в «НН» (к сожалению, я их не читал и не берусь судить, насколько приведенные Вами цитаты отвечают их духу), могу сказать от себя, своих друзей и товарищей...»*

Правда, сегодня времена относительно либеральные по сравнению с советской эпохой, поэтому и читатель О.Игнатенков более милостив. В принципе он разрешает мне полемизировать *«с кем угодно, в том числе и с Зеноном Станиславовичем»*, но просит *«делать это чуть-чуть поинтеллигентнее, что ли, без оскорбительно-уничтожительных словечек и навешивания ярлыков»*. Насчет ярлыков – не спорю. Только ведь нужно помнить, дорогой инженер, что ярлыки и «словечки», это, как говорят нынче особо грамотные люди, «две большие разницы». Ярлыки, которые вы имеете в виду, это, согласно словарю, *«шаблонные прозвища»*. Я ими не пользуюсь. Во всяком случае, вы ни одного примера не приводите. Да и стали бы вы именовать меня «блестящим публицистом», если бы писания мои состояли из шаблонов?

А вот насчет «словечек» – позвольте не согласиться. То, что вы именуете «словечками», и составляет суть стиля моего, который вы одобряете в таких смущающих мою природную скромность выражениях как *«изящество слога, ироничность письма»* и т.д. Вот и получается, дорогой О.Игнатенков, что, с одной стороны, вы вроде вдохновляете меня, а с другой, как бы это выразиться поинтеллигентнее, стреноживаете, что ли. Неужто, вы хотите, чтобы я писал в стиле гоголевской дамы приятной во всех отношениях, ко-

торая вместо «я *высморкалась*» говорила: «Я обошлась *посредством платка*»? Это уже будет не публицистика, дорогой мой, а приторный бабушкин кисель, от которого вас самого воротить будет. Что делать... «Неинтеллигентно» писали и Щедрин и Влас Дорошевич... Последний как-то отозвался об одной патриотической газете: «*Родная сестра того кобеля, которого вы изволили знать*». Можно, конечно, извиниться, но слова принадлежат Гоголю.

И последнее. Публицистика, помимо «словечек», – извините уж за лекторский тон, – оперирует еще и образами. Приводя в своей статье пример («*Утром отведет ребенка в белорусскую школу, а вечером другого ребенка, с другим цветом глаз и волос, постреляет*»), я совсем не требовал от вас, чтобы вы, как сами пишете, присоединялись «к преданию анафеме мерзких предателей и убийц-ублюдков» и прочих подонков, которые, по вашему признанию, «*встречались и среди белорусов*». Это был всего лишь образ, призванный подчеркнуть цену той «**жирной черты**», которую сегодня предлагают «подвести» мыслители из «НН». И только. А то, что у него, образа этого, были, скажем так, исторические основания, вы и сами признаете.

Но вы опять предпочли подмену. Публицистический по сути образ, играющий совсем на другую мысль, связали напрямую с моим якобы неодобрением существования национальной белорусской школы в годы войны. Хотя в принципе я совсем не против того, чтобы дети в условиях оккупации учились. И, кстати, не только белорусскому языку, но и немецкому. Дети в принципе должны учиться – кто же против этого может возражать?

А что касается подмены понятий и образов, то я отнюдь не склонен подозревать, что вы совершаете ее вполне сознательно. Просто вы, уважаемый инженер, – увлекающийся человек. Вроде того же щедринского ревизора Алексея Дмитрича, для которого голова «*это, так сказать, центр, седалище*». Вы, наверное, в школьном драматическом кружке играли. И, полагаю, не без успеха. Вас так и тянет к патетике. С риторическим придыханием вы формулируете национальную идею, присоединяетесь «к преданию анафеме мерзких предателей», объявляете себя националистом...

Однако, есть ли повод для таких волнений, дорогой Олег Игнатенков? Не лучше ли спуститься с котурнов на грешную землю? Может быть, тогда, как вы выражаетесь, «кое-что» в моих публикациях перестанет настораживать? Впрочем, это ваше святое читательское право – проявлять бдительность. И я на него ни в коей мере не покушаюсь. Надеюсь тем не менее, что и в будущем вы позволите мне писать в той манере, к которой я привык, то есть с нелюбимыми вами «словечками».

А уж я вас постараюсь не разочаровать, то есть делать все, чтобы вы и далее могли, по вашим же словам, выделять мои публикации *«среди моря бесцветной писанины»*.

«Народная воля», 2004, 10 января.

Шум вокруг мессиджа

Среди наших пикейных жилетов оживление. Ну как же! Бывший Единый, но все еще остающийся, по крайней мере для Запада, Единственным, послал, как теперь говорят образованные люди, мессидж нашему Великому и Ужасному. Уловил момент, когда тот вконец разругался с Кремлем и стал делать некие туманные намеки. Ну что, мол, непрочь и с ними, с гадами капиталистическими, погутарить. Вот Единственный и подсуетился вовремя, решил, что он тут может ход ловкий сделать – своего рода красную дорожку перед Великим и Ужасным раскатать и его, Великого и Ужасного, по ней на свидание с Западом и сопроводить. Поскольку он теперь на Западе человек свой, с какими только президентами и премьерами чай не пил!

И как же взбаламутилось наше пикейно-жилетное болото! Какие тут пошли прикидки, расчеты, анализы, схватки и полемики! В лавочке, именуемой Национальной, даже опрос провели: а вы бы подали руку Великому и Ужасному? Наши националы – народ принципиальный. Один заявил, что вот если бы Великий и Ужасный что-нибудь хорошее для народа сделал... тогда... быть может... Другой

вроде поморщился... Ну как же пожимать руку, которая по локоть... сами знаете в чем... Ну хоть два слова по-белорусски сказал бы, и черт с ними, с исчезнувшими!

Что ж, лавочка на то и лавочка, чтобы торговать. Костяшка сюда, костяшка туда. Флажок бело-красно-белый над лавочкой кривовато висит, трепыхается. Щелкают костяшки. Но пока выходит плохая арифметика. В принципе в Национальной лавочке не любят Единственного, поскольку онучи Варшавского Сидельца пахнут роднее, что ли. Но что делать, если о Сидельце помнят сегодня только ветераны с выбитыми зубами. Ведущий Счетовод Национальной лавочки похлопывает по плечу Единственного за то, что тому наконец-то удалось разорвать «порочный круг», совершить поступок. И корит пророссийского Белорусского Партизана за эту самую пророссийскость, выявившуюся в резком неприятии поступка Единственного, расцененного Партизаном как предательство демократических идеалов и попытка сговора с врагом.

Солидарен с Ведущим Счетоводом и Политический Универсал. Богатому воображению пушкиниста и первого биографа Великого и Ужасного Единственный представляется вольным кораблем, спущенным со стапелей и отправляющимся в открытое море. Сам биограф остается, между прочим, на твердом берегу и машет рукой, желая попутного ветра.

Самое бы время вспомнить бессмертное:

– *Куда ж нам плыть?*

Но разве дело в этом? В направлении?

Главное:

– *Громада двинулась*

И рассекает волны.

Но это нежному поэтическому мышлению, все-таки связанному с имперской культурой, всё видится в романтических тонах. У Ведущего же Счетовода уже гремят барабаны и слышны апрельские тезисы: «Белорусам давно пришло время самим начать отстраивать демократию собственной страны».

Оно и вправду пришло. Уже более пятнадцати лет как спешит, если считать с развала Союза. Но как-то все не в ту

сторону спелость развивается. Но что делать, если народ попался такой несознательный. Испорченный народ. Не о языке, а о собственном брюхе прежде всего думает.

Поэтому – откуда ждать спасения и осуществления надежд?

Народ безмолвствует.

Но все равно: как-нибудь сами справимся! И никакой надежды на Россию, где «интеллектуалы-демократы про-западной ориентации» отсиживаются в резервации из «нескольких интернет-изданий, газет и телерадиостанций».

Ах, вам бы, ребята из Национальной лавочки, такую резервацию! Небось, счастливы были бы, а? Свои газеты, и не подпольные, а в киосках, в каталогах, в нормальных типографиях. А уж свои теле- и радиоканалы – это такое счастье было бы! Уж как бы благодарили Великого и Ужасного за такую милость! Руки-ноги целовали бы...

Ну а что в Либерально-гражданской лавочке-то делается? О чем там толкуют?

Там, конечно, очень недовольны поступком Единственного. Впрочем, это неудивительно, поскольку Единственный там давно отвергнут и свергнут. Как неоправдавший. И вообще захвативший и перехвативший многие жизненно важные тропы.

В общем, либеральная полиция у нас строга не хуже ОМОНа. Могут врезать!

Но народ, как всегда, к нашей внутренней политико-тусовочной горячке равнодушен. Вот когда газонефтяная напряденка образовалась, тогда народ сразу смекнул в чем дело. И побежал в банки – валюту забирать и вкладывать в недвижимость. Оттого и цены на жилье взлетели. Факт этот еще раз свидетельствует, что «тутэйшья» давно поняли, где их главный интерес. И никаким особо соблазнительным пунктом в политпрограмме любого Единственного (хоть золотые горы и супердемократию пообещай) их отныне не соблазнишь.

Поэтому не надо критиковать оппозицию и Единственного. Какие, в самом деле, могут быть претензии? У них, как, кстати, и у власти, своя жизнь. У народа – своя. И ничьей вины тут нет. Так сложилось.

Понятное дело, скучна такая жизнь.

И вот – о счастье! – мессидж Единственного!

И оживает давняя надежда Национальной лавочки – приручить Великого и Ужасного. Если от России отворачивается (за что ему наше бело-красно-белое мерси!), то, значит, к Западу вроде лицом становится. А мы же заодно с Западом! Значит – простейший силлогизм! – мы теперь должны быть вместе!

Кое-кто начинает бредить польским «круглым столом».

А что? Вдруг и у нас оно начинается?!!

Может, уже началось?!!

Да-да! «Солидарность»! Движение масс! И почти сдавшаяся власть садится с нами за стол переговоров.

Завтра! Нет! Сегодня!

А – потом свободные выборы! А потом мы тут такую демократию учредим!!! Таковую!!! Эстония с Латвией завидовать будут. Тут не с памятниками – тут покруче дело пойдет.

Ну так что же? Руку, товарищ Великий и Ужасный!!! Ведь у нас столько общего!

Это неважно, что народ безмолвствует. Он дурной, некультурный, не знает правильной дороги. Мы и без него, без дядьки Антося и тетки Гэли, все как надо сделаем... Как ты делал и делаешь. Мы согласны.

Руку, товарищ!!!

Но что это?

В ответ – ни протянутой руки, ни дружеского взгляда, ни приветливого звука. Как будто и нет нас, таких доброжелательных, таких своих, таких расположенных, таких готовых бежать угодливо впереди по той же красной ковровой дорожке перед тяжело ступающим Великим и Ужасным.

Боже мой! Неужели не заметит? Оттолкнет протянутую руку?

Но если не он – может, окружение его, может, номенклатура отреагирует? Должна же она понимать свой интерес. Небось, жутко жить под тяжкой дланью Великого и Ужасного, ежечасно ожидая если не смерти, то уж непременно унижения?

Но тихо, мертво вокруг. И уже затихает шум от мессиджа Единственного. И надо ждать нового события.

А пока – все та же тоска, собачья тоска.

И собачье ожидание – кто бы пригрел, погладил...

«Наше мнение» – ntnby.org, 2007, февраль.

Случилось так, что с некоторым запозданием я смог ознакомиться с реакцией публициста «Нашай Нівы» Виталия Тараса на мой фельетон «Шум вокруг мессиджа». Не сторонник разного рода перепалок, где нередко аргументы подменяются ярлыками, в данном случае нахожу полезным вернуться к предмету разговора. Точнее – обнажить суть завязавшейся полемики. Она, эта суть, очевидна. Это старая, как мир, проблема – политика и мораль, политика и нравственность.

Виталь Тарас утверждает, что нужно «*быть реалистами*» и потому «*использовать нынешний момент в белорусско-российских отношениях*». Он почему-то не уточняет – что это за момент. Предпочитает говорить просто о «нынешнем»...

Хотя – зачем? И без того все знают, что это «момент» плохих отношений. Но я понимаю Тараса: стыдно все-таки вот так прямо писать: у Беларуси и России отношения испортились, а нам нужно это использовать. Уж больно некрасиво получается.

И тем не менее автор «Нашай Нівы» уверен: «*Не использовать нынешний момент... было бы ошибкой...*».

Более того, такой подход провозглашается «реальной политикой».

Итак – мы имеем дело с пресловутой Realpolitik.

Что ж, «реал» так «реал»...

Но вот какое дело: всегда ли увлеченные «реальной политикой» отдают себе отчет в том, где кончается эта самая Realpolitik и начинается обыкновенный цинизм? Похоже, у нашего автора с этим проблемы.

Нет, он точно знает, что никто и никогда не обещал, что Великому и Ужасному будут прощены «*исчезновение людей, политические аресты, несправедные суды, фальсификация выборов*».

Но на что же тогда рассчитывают оппозиционные деятели, протягивающие руку Великому и Ужасному?

Ответ Виталья Тараса умиляет своей голубиной кротостью:
«ОНИ ПРОСТО ПРЕДЛАГАЮТ ЕМУ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ УНИКАЛЬНЫМ МОМЕНТОМ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОРАБОТАТЬ НА БЛАГО ОТЧИЗНЫ».

Не слабо, да?

Не простим исчезновений и арестов, а пока... ну до того, как мы тебя, возможно, повесим, как Хусейна, или расстреляем... а, может быть, и помилуем, если хорошо поработаешь на Беларусь... пока предлагаем вместе с нами *просто* потрудиться на благо Отчизны.

Очень хочется знать, что означает это *просто*.

Пытаешься представить себе Милинкевича и его соратников плечом к плечу с Великим и Ужасным в созидательном походе «за Беларусь». Или несколько иначе: Великий и Ужасный бредет по дороге на Запад, как слепец, протянув вперед руки, а поводьями у него Милинкевич и те же соратники.

Увы! – скорее всего, Великий и Ужасный не купится на демократические посулы, не согласится на это заманчивое предложение «совместно поработать». Поскольку ему это никакему.

«Но, – учит нас Виталь Тарас, – как давно известно в политике, чтобы быть реалистами, нужно требовать невозможного».

Вот они и требуют.

Точнее – выпрашивают.

Не зря ведь Виталь Тарас с сочувствием цитирует Валерия Костку, наверняка знающего, что в окружении Великого и Ужасного действует «агентура влияния», ограждающая его от «идей национального возрождения».

Вот допустили бы Виталия с Валерием к Телу, и мы бы сразу увидели, как изменилась бы белорусская национальная политика. Уж они бы ему внушили правильные мысли. А то он, бедный, живет и не знает, каким богам ему следует молиться.

Но – будем требовать невозможного!

А, может, и в самом деле еще поработаем с Великим и Ужасным совместно на благо Отчизны?

Вот история с Пиночетом показывает: человек в сотнях

смертей повинен, а умер своей смертью. И страна в итоге процветает. И вполне демократическая.

Может, и у нас какое-нибудь Чили случится? Почему нет?

Вот ведь какими острыми и сложными гранями может высвечиваться эта проблема – политика и нравственность!

Так что же в итоге: обыкновенный цинизм или Real-politik?

И еще очень хочется знать: до каких пределов эта сама «real» простирается?

Как далеко в своей торговле с режимом могут зайти «реальные политики»?

И где при этом торге место теням Гончара, Красовского, Захаренко, Завадского? В почетном пантеоне памяти? И только ли этим теням?

Но вы же сами вспомнили про Чили! – может упрекнуть меня Виталь Тарас. – Сами знаете, как там все сложилось трагически-неоднозначно.

Знаю. Но я всегда помню, где в такой «неоднозначности» мое место как литератора.

Во всяком случае, оно не среди щелкающих на «реальных счетах».

Оно всегда рядом с жертвой. Даже если она была единственной.

Наши же «пикейные жилеты» в политологическо-бухгалтерском раже вообще склонны не помнить о реальном человеке, о соседе из подъезда, идущем с авоськой в магазин за кефиром.

Политика и нравственность...

В Германии была денацификация.

А у нас как? Совместно поработать на благо?

Но какое же это будет благо без справедливого расчета с прошлым?

Впрочем, мы уже слышали несколько лет назад со страниц «Нашай Нівы» призыв: хватит про исчезнувших!

Похоже, полная безнадега по части возможной смены власти снизу, нормальным демократическим путем, в который раз бросает кое-кого к сапогам Великого и Ужасного в надежде белорусизировать и заодно демократизировать его.

Что ж, у каждого есть право на свою надежду.

Только когда предаешь другого человека, не следует это гордо именовать «реальной политикой».

Это все-таки самое обыкновенное предательство по отношению к элементарной нравственности.

И, разумеется, грош цена «реальной политике», строящейся на ухудшении отношений между Россией и Беларусью. Демократическая Беларусь, точнее ее призрак, был проигран к середине 1990-х годов еще и потому что такие же «реалисты» уподобляли ее Эстонии и Латвии. Да, Беларусь – не российская провинция. Но она же и не Эстония и не Латвия. И строить белорусское будущее на белорусско-российском конфликте – это проявление все той же застарелой патологической слепоты. Путь в никуда...

Несколько слов о культуре полемики.

Как часто авторы, обуянные неистовой жаждой уничтожения оппонента любым путем, забывают о совете Екатерины Второй не искать «в произведениях сатирических и язвительных того, чего в них нет».

Виталь Тарас усердно ищет то, чего нет. И, не находя, приписывает свои измышления оппоненту, а потом обрушивается на это приписанное. Прием известный, затасканный.

Он бранится:

«Доносчик!»

«Русофил!»

«Провинциал!»

«Идиот!»

Образованному человеку, разъясняющему читателю, что Гудвин – это герой «Изумрудного города» Волкова, а «-пикейные жилеты» – из романа Ильфа и Петрова, казалось бы, не пристало употреблять такие слова как «доносчик», «русофил», «провинциал», «идиот».

Ну что это за стиль, в самом деле, спадар Виталь:

«Говно», «любызать заднее место»...

И совсем как на идеологической комиссии приснопамятного парткома обвиняете: «Не имея твердых принципов...»

А ведь еще старик Анри Рошфор говорил: «Не думай, что принципы есть только у тебя».

Но есть у меня и надежда... Все-таки Чехова смотрите, Толстого перелистываете...

Правда, путаетесь еще. Высказывание Толстого про Ленинида Андреева не к месту приплыли.

Но это ничего.

Глядишь, после «Иванова», увиденного в Театре белорусской драматургии, и на чеховские «Три сестры» ненадолго завернете. А там полковник Вершинин мечтает о том, какой замечательной станет жизнь через двести-триста лет. А в «Дяде Ване» Варя так уверена, что «мы увидим небо в алмазах». И вашей душе полегчает. И вы вдруг поверите, что неизвестный вам и оттого вдвойне неприятный и, возможно, ненавистный Андрей Соколов (фельетон «Шум вокруг мессиджа» был опубликован под этим псевдонимом. – С. Б.) совсем не враг белорусской истории, культуры и языка и даже напротив...

Но это ж сколько нужно еще чеховских спектаклей посетить и томов Толстого осилить, чтобы в такое поверить...

2007, апрель

Ждать ли нам «ооновских танков» или надеяться на диалог с властью?

«Сотрудничать ли оппозиции с властью?» – этой теме была посвящена полоса в «Народной воле». Сыр-бор разгорелся из-за того, что несколько известных людей из либерально-оппозиционного лагеря приняли предложение власти поучаствовать в работе некоего Общественно-консультативного совета при президентской администрации. Ну приняли, поговорили, что-то из этой встречи показали по БТ.

Ирина Халип назвала пошедших на встречу либералов «крысами, бегущими на корабль», имея в виду их возможный расчет на то, чтобы «успеть вскочить в шлюпку», когда тонущее судно «начнет уходить под воду», что, по ее мнению, случится скоро. Участники форума на сайте Хартии-97, в основном, поддержали Ирину и заклеили тех же либералов как «псевдооппозиционеров», и это еще самая мягкая из доставшихся им характеристик. Хотя были и голоса, одобрявшие использование «любой возможности помочь не

утонуть 10 миллионам человек». Сами же либералы объясняют публике свои мотивы тем, что предпочитают диалог состоянию войны, что ругать, проклинать и проявлять разного рода озлобленность проще нежели искать конструктивные решения, что *«другой возможности на сегодняшний день проводить идеи демократизации и либерализации просто нет»* (А. Потупа).

Читаю эти полемические материалы, а в голове вертится: «А новая ли это по сути дискуссия?» С тех пор, как в Беларуси утвердился авторитарный режим – а было это уже давненько – эта тема время от времени возникает у нас в разных обличьях. Позволю себе еще шире раздвинуть исторические рамки и вспомнить вбитое в мозги со школьных времен имя Чернышевского с его вопросом-романом «Что делать?». Увы, перед нами все та же старая российская, потом советская, сейчас белорусская проблема. Революционные демократы, как известно, звали Русь «к топору». Мы знаем, чем это кончилось. Правда, история никогда и никого ничему не научила. И вот разгневанный, можно сказать, доведенный до крайности лживостью и цинизмом власти участник интернет-форума буквально кричит: *«Выйдем на улицы и вооружимся!»*. Призыв, впрочем, не получивший широкой поддержки.

Скажу сразу, что у меня нет ответа на вопрос, что делать. Да и вообще это не призвание журналиста, публициста, писателя давать ответы на общественно значимые вопросы. Мы можем только ставить их, улавливать их общественную актуальность и предлагать обществу в той или иной форме. Но самое обсуждение проблемы может нас всех продвинуть на пути к истине.

Вот и вспомним для начала историю. Уже не от времен Чернышевского, нашу собственную за последние 15 лет. Как голосовали мы в 1994 году (президентские выборы) – это, надеюсь, все помнят. Как повели себя в 1996 г. (слом конституции) – также, полагаю, не забыли. А дальше уже пошло-поехало по накатанному пути – референдумы, укрепление «вертикали», заматерение режима, уничтожение гражданских свобод, «исчезновения» неудобных деятелей, ликвидация общественных объедине-

ний, независимой прессы и т.д. и т.п. Народ белорусский взирал на процессы эти с полнейшим равнодушием. Он кушал и получал свои хорошие (на его взгляд) зарплаты и пенсии. «Вертикаль» жирела, хотя время от времени от нее отрывали неких неугодных боровов и бросали на съедение господским псам и на потеху простому народу, испытывающему особое удовлетворение, когда бьют и сажают больших начальников.

Что делала оппозиция? Она составляла программы, которые могли бы убедить народные массы и на разных выборах и вообще. Она звала народ на улицы и митинги. Она апеллировала к Западу. Короче, что могла, то и делала. Но программ уже давно никто не читает. На улицы и митинги – сами знаете, сколько сейчас народу выходит. Запад... Ну да, там делают разные заявления «по белорусской части». Но ведь Запад не может придти сюда и устроить белорусам жизнь по демократическим стандартам, поскольку это дело самих белорусов.

И вот на фоне этого многолетнего «застоя» то возникает, то куда-то пропадает лозунг – «Нужно сотрудничать с властью!» Возникает он оттого, что «снизу» никакого воздействия на власть ждать не приходится, там полная безнадега, дезорганизованность (профсоюзная прежде всего), страх и безмолвие. А «наверху» вроде какое-то шевеление, появляются какие-то новые лица, вроде какие-то знаки делают. Давай, мол, поговорим! Пропадает же лозунг тогда, когда сразу после этих подмигиваний или даже одновременно с ними власть дает такие пинки, что сомнений в бесполезности этих разговоров уже не остается. Но проходит какое-то время и ситуация вновь повторяется.

Сейчас, похоже, мы находимся именно в такой ситуации: на фоне официально провозглашенной либерализации идут пинки и угрозы, как в «лучшие времена» режима. И, как обычно, возникает спор, начинается яростная полемика, идущая с принятыми у нас перехлестами и «казнями» несогласных. Хотя есть, определенно есть и «взвешенные» голоса... Если попытаться, в самой общей форме суммировать суть этих споров, то она, как прави-

ло, сводится к трем моментам: а) верить или не верить пригласившей к диалогу власти, б) не ищут ли пошедшие на диалог либералы какой-то личной выгоды, в) цена, которую нужно будет заплатить за диалог или сотрудничество с властью (т.е. на что либералам нужно будет закрыть глаза, о чем нельзя будет даже вспоминать и тем более предлагать).

Начну с последнего – с цены. Несколько лет назад Сергей Дубавец на страницах «Нашай Нівы» провозгласил: *«Противостояние – не самоцель. Цель – Беларусь»*. В развитие этого тезиса утверждалось, что *«национальная культура не может быть непримиримой к армии и правительству в границах одного народа и одной страны»*. И, наконец, вполне прагматичный вывод: *«Прирожденный «цинизм политики» в моих рассуждениях сводится к тому, что оппозиции пора забыть об исчезнувших соратниках ППРБ и актуализироваться, сделав шаг вперед»*.

Не скажу, чтобы меня ужаснуло это признание. В конце концов, автор сам говорит о цинизме, пусть даже беря это слово в кавычки. Но вот согласятся ли родственники «исчезнувших» и еще, могу предположить, достаточно значительное число людей «забыть» и одновременно «актуализироваться»? Можно поставить и такой вопрос: а если бы, не дай Бог, подобное «исчезновение» коснулось кого-то из близких автора «Нашай Нівы», как бы он отнесся к тому же предложению «забыть» и «актуализироваться»?

Это к вопросу о цене диалога и сотрудничества. Была в свое время популярна песня времен гражданской войны, а в ней такие слова: «След кровавый стелется по сырой земле».

Так вот – след у нас действительно стелется. И немало людей знает – за кем.

И в этом одна из серьезных причин почти невозможности настоящего диалога с властью.

Ну что вы все про этот след! – скажет кто-то из сторонников диалога. – Люди хотят помочь населению, предложить меры по улучшению экономической ситуации.

Люди действительно и достаточно искренне хотят помочь. Но штука в том, что серьезные экономические преобразования невозможны без серьезных политических

преобразований. А политические преобразования – это восстановление справедливости. А восстановление справедливости – это покарание тех, кто творил несправедливость.

И здесь круг замыкается. Потому что, кто же это сам себя карает? Тут никакие гарантии не признаются. Вон Ярузельский подписал документы на «круглом столе», с которого началась демократизация в стране 20 лет назад, а уж какой год бывшего первого секретаря ПОРП, а затем президента, ныне глубокого и больного старика, по судам таскают за военное положение в Польше в 1981 году.

Тем не менее, опираясь именно на польский опыт, та же «Наша Ніва» еще в 2003 г. выступила с инициативой подвести *«жирную черту под прошлым, под 90-ми годами»*, с одновременным *«отказом от насилия как способа достижения политических целей»*. Откликаясь на эту инициативу насчет «жирной черты», я тогда же писал в «Народной воле», что в Польше была такая мощная сила как «Солидарность», что там произошли действительно свободные выборы, разделились на деле ветви власти, возникла независимая пресса, и, конечно, и речи не могло быть о всемогуществе президента. *«А что конкретно имеют в виду мыслители из «НН», предлагая в Беларуси подвести «жирную черту под 90-ми годами»? Одобрить полный слом конституции? Избиение депутатов Верховного Совета? Похищения деятелей оппозиции? Уничтожение предпринимательства и негосударственной прессы? Абсолютную зависимость судов от власти?»*

Любопытен и по-своему знаменателен был редакционный ответ «Нашай Нівы»: *«Мы живем не в БССР, захваченной немцами или советами. Мы живем не под оккупацией, а в независимой Беларуси... Поэтому мы просто по логике против того, чтобы нас ставили с ног на голову и требовали ругать свою страну, свою независимость...»*. Чувствовалась продуманная идейная линия: нельзя быть непримиримым к «своему правительству», нельзя «ругать свою страну».

Но проблема, оказывается, в сугубо личных ощущениях: для кого-то это правительство «свое», а для кого-то –

совсем наоборот, как и страна, если иметь в виду государство. В последнем легко убедиться, заглянув в Интернет. И по части «оккупации» эти ощущения могут быть разными. Вот заместитель председателя Союза белорусских писателей Борис Петрович считает, что *«сегодня мы живем буд-то под оккупацией – внутренней оккупацией, и противостоять ей очень тяжело...»*.

Теперь о недоверии к власти: все равно, мол, обманет, все равно ничего хорошего не будет... Это не просто слова. Это из многолетнего общественного опыта родилось. Да и сама власть спешит продемонстрировать вполне определенное свое отношение к наметившемуся диалогу. Только-только собрались члены этого самого Совета, чисто организационное что-то пока наметили, как тут же с властной вершины прозвучало, что *«если кто-то думает, что это будет парламентская трибуна, чтобы гвалтом кричать и проталкивать грязные идеи, то этого не будет»*. Еще ничего и сказано по сути не было, а Главный Начальник уже грозит кулаком. Более того, оказывается, что в его представлении парламентская трибуна это *«место для проталкивания грязных идей»*. Остается только поздравить депутатов Национального собрания Республики Беларусь с таким «высочайшим» определением их места работы. Тот самый случай, когда что на уме, то и на языке.

А то ведь и вправду распустились, пошла восторженная болтовня – либерализация, либерализация! Ну ладно, Олегу Трусову почудилась почти горбачевская перестройка, он даже увидел борющиеся наверху между собой партии «голубей» и «ястребов». Может, и в самом деле что-то разглядел бессменный руководитель Общества белорусского языка. Но, видимо, важнее все-таки, что разглядел во всей этой шумихе тот же Главный Начальник. Он сразу просек, что попытка внутреннего диалога неотделима от диалога Его государства с Западом. И сразу же дал понять, что четко контролирует ситуацию: *«Я предупредил министра иностранных дел, что такой подход в переговорах с Беларусью бесперспективен... Оппозиция через Европейский Союз и Америку ничего у нас выбивать не будет»*.

Как тут не вспомнить прием представителей общественности Николаем II сразу после восхождения на трон. Наивные и преданные царю и отечеству деятели пришли с крохотными либеральными надеждами и получили в ответ вошедшее в анналы: *«Напрасные мечтания!»*

Такой вот сигнал дан сегодня сверху. И что делать в этих условиях бедному министру иностранных дел Мартынову? Уж как старается человек смягчить, облагородить образ Беларуси в глазах Запада! Вот недавно европейскую знаменитость, нашего земляка, художника Бориса Заборова уговорил приехать в Минск, вроде готовится его персональная выставка... Но с художником еще как-то можно, хотя есть у нас и недовольные, что поднимают на щит этих Шагалов, Сутиных, Цадкиных, Бакстов... Но приходится терпеть – мировые знаменитости.

А вот либерализация может развиваться только по пути, начертанному сверху. Впрочем, сомневаюсь, что там вообще есть какие-то начертания, какой-то план. Совершенно ясно, что власть пошла на совет-диалог только под воздействием кризисной экономической ситуации, выйти из которой без опоры на сотрудничество с Западом невозможно. Была бы ситуация иной – никакого совета-диалога и в помине не было бы. Поэтому, конечно же, правы те читатели и участники интернет-форума, которые считают всю эту возню «туфтой» и имитацией.

Но есть своя правота и у других. Когда вокруг сплошная немота, то приходится надеяться и на самое малое, ибо ничего другого нет. Об этом написала на сайте «Народной воли» Валентина Таран: *«Что касается попытки диалога «власть – гражданское общество», то идти на него следует. Может, и противно, но необходимо. Невозможно и дальше сидеть на своих кухнях с фигой в кармане и гордым выраженьем на лице. 15 лет прошло как там сидим. Четверть жизни, если учесть, что у нас в стране средняя ее продолжительность 60 лет».*

Еще более решительно высказался в Интернете Сергей Пономарев: *«Мы что, можем сегодня вывести «критическую» массу народа для смены режима? Или ждем на днях «халявного» вхождения ооновских танков, которые нам преподнесут*

Свободу на блюдечке? Ждем, что воровской режим России представит нам «доброго пахана»?.. Цивилизованный мир сможет понять и принять тот государственный строй, власть, которые пришли цивилизованным путем, но не через снайпера, не через военный переворот. За столом переговоров можно уговорить, морально «загнать в угол», купить, перекупить, обыграть и поставить мат!».

Понимаю, сколько читателей иронически усмехнется, прочитав эти страстные пассажи. Но как не понять этой человеческой надежды и убежденности? И вместе с тем, как не понять некоего Антона, убежденного в том, что «не дадут они никому подступиться к реальному рычагу управления, сколько можно в эти сказки верить?»

Но вот Анатолий Лебедько готов «разговаривать хоть с дьяволом», лишь бы освободить миллионы граждан Беларуси, оказавшихся «в положении бесправных заложников». Правда, и сам он совсем не напоминает того умного полицейского из американских фильмов, который, действуя в противовес своему не очень умному начальству, освобождает заложников. Скорее, и сам Лебедько и его партия вместе со всем народом находятся в тех же заложниках.

Но как отказать в доверии человеку, готовому ринуться на освобождение других? И стоит ли сразу подозревать в каком-то корыстолюбии остальных сторонников диалога? Получат ли они на самом деле какие-то личные дивиденды – это очень скоро станет ясно.

Что же до суровости, противоречивости и взаимоисключаемости оценок нашими гражданами «совета-диалога», то по-другому и не могло быть в нашей несчастной, изверившейся, уставшей ждать настоящих перемен стране.

Власти же, сегодня неуверенно лепечущей что-то насчет либерализации, а завтра хватающей предпринимателей и лупящей собравшихся на площади студентов, следует помнить о судьбе Николая II. Монархия сопротивлялась реформам и кончила ужасно. Но я уже говорил: история ничего ничему не учит. А хотелось бы...

«Народная воля», 2009, 20 февраля

Кого волнует, где Захаренко и Гончар?

Вот уже десять лет как «Народная воля» периодически выходит с портретами Захаренко, Гончара, Красовского, Завадского и шапкой на первой полосе – «Іх лес хвалюе Беларусь». Между тем есть и другое мнение. Сергей Дубавец, «писатель, журналист, издатель» (так он охарактеризован на сайте агентства Белапан, где ведет постоянную рубрику, а для меня один из интереснейших белорусских публицистов), считает, что *«стаўленьне да гэтай справы грамадзкае думкі і ўсяго народу – ніякае»* и что в целом *«тэма ані не паширае пратэставыя настроі, ані не спрыяе нацыянальнаму адзінству і разьвіцьцю»*. В общем, вопрос «Где?» (имеется в виду известный слоган «Где Захаренко? Где Гончар?»), по мнению публициста, *«гучыць як на заежджанай кружэліцы, сам для сябе, не патрабуючы адказу»*. Короче, если верить Дубавцу, «іх лёс не хвалюе Беларусь».

Итак, «хвалюе» или «не хвалюе»? Возможно, кто-то скажет, что справедливому разрешению этой проблемы могли бы помочь соответствующие социологические опросы. Кстати, может, они и были, просто мне о них неизвестно. Но одновременно могут зазвучать и голоса, протестующие против «социологического измерения» гибели людей. И – не буду скрывать – эта последняя позиция близка мне. Надо ли объяснять, что по причине чисто человеческой?

Да и С. Дубавец в этом плане никакой не циник, более того, он полон нормального сочувствия к «человеческой трагедии». Просто у него задача другая – поправить ориентир в ее общественном восприятии. Зачем? Вот это самый главный вопрос. И я постараюсь на него ответить. Но прежде не могу не заметить: утверждая, что судьба «исчезнувших» наш народ «не волнует», сам Дубавец очень даже взволнован этой проблемой, которую сегодня вполне можно обозначить как **«место трагедии «исчезнувших» в новейшей истории Беларуси»**.

Еще в 2002 г. на страницах «Нашай Нівы» он призывал «забыть об исчезнувших соратниках ППРБ» и советовал оппозиции «актуализироваться», т.е. заняться действительно

но серьезными, на его взгляд, проблемами. И вот прошло семь лет, а в обществе по-прежнему существует «неправильное» понимание «трагедии четырех». Поэтому в десятилетнюю годовщину «исчезновения» С. Дубавец выступает в интернете с заметками «Где Захаренко? Где Гончар?.. Нет ответа», снова пытаясь дедолитизировать и, соответственно, дегероизировать эту трагедию, во имя, как ему представляется, не только исторической правды, но, может быть, прежде всего руководствуясь истинными интересами Беларуси, ее будущего.

Аргументы несложны. «Исчезнувшие» – никакие не политические оппоненты режима, а напротив – его создатели и участники. Они жертвы «субординационных» разборок, «сражения за кресла». Когда-нибудь о них расскажут по телевидению, как сегодня рассказывают об убийствах Урицкого и Кирова, имевших «чисто субординационный характер» и никак не связанных с их «политической позицией». Здесь, конечно, С. Дубавец имеет в виду Гончара и Захаренко. Что касается Завадского, то он жертва «игр политиков или бандитов». А Красовский вообще «попал под раздачу».

И вот все четыре судьбы оппозиционеры объединили «пад одну прапагандыцкую марку» и размахивают этим «палітычным жупелам», надеясь, «што з яго дапамогай удацца скінуць абрыдлага дыктатара». И это в то время, подчеркивает С. Дубавец, когда «улада памалу дрэйфуе ў бок балянсу на ўсходніх і заходніх межах краіны, – здавалася б, да таго, пра што так даўно сьняць нашы дэмакратычныя сілы, а сілам і хочацца прызнаць гэта, аж не – «з’яніклія» не даюць. «Мёртвы хапае жывога».

Тех, кого передергивает от сближения «трагедии четырех» с «политическим жупелом», я прошу успокоиться. Полемика в этом направлении при всей ее моральной выгоды непродуктивна. Вопрос поставлен, говоря по-белорусски, рубам: кто они, Захаренко и Гончар? политические оппоненты власти или жертвы внутриноменклатурных разборок? И поскольку С. Дубавец, отвечая на него, без уверток называет неправдой то, что их считают «политическими оппонентами режима, с которыми расправились за их

политическую позицию», я также прямо заявляю, что считаю это его мнение неискренним. Потому что не может такого быть, чтобы С. Дубавец не знал, что оппоненты режима очень часто выходят из его же среды. Если следовать подходам С.Дубавца, то и Михаила Чигиря, не согласившегося с антиконституционным референдумом в ноябре 1996 г., тогда же публично подавшего в отставку с поста премьер-министра и заплатившего за этот поступок и последующую оппозиционную деятельность тюрьмой, нельзя считать политическим оппонентом режима.

А, может быть, все «настоящие» оппоненты власти это сидящие в Вильносе, Праге, Варшаве и настолько объемно мыслящие белорусские публицисты и аналитики, что для них и тюрьма не довод? Они тут же подведут вам аргумент, что человек специально сел в тюрьму, чтобы подгадить делу укрепления белорусской независимости. Или, что это «очередной проект КГБ», «рука Москвы» и т.д. И, конечно, их ни за что не убедить в том, что если бы это была только «борьба за кресла», дело не закончилось бы кровью.

Кстати, о крови... С. Дубавец довольно часто в своей публицистике любит брать в иронические кавычки это выражение – «*кровавый режим*», как штамп оппозиционной фразеологии. Но чем, какой мерой, Сергей Иванович, будем измерять действительно пролитую кровь? Тут с иронией поосторожнее надо бы... Как и с историческими примерами. Неловко мне вам, образованному человеку, напоминать, что убийство председателя петроградской Чрезвычайки Урицкого, совершенное Леонидом Канегиссером, никак не подверстывается под «субординационные» разборки. И уж какая «субординация» в убийстве Кирова, после которого потянулся шлейф массовых репрессий?

Вообще, Сергей Иванович, дивлюсь безапелляционности ваших суждений. Вот вы утверждаете: *«І нават калі зьніклі яны на загад Лукашэнкі, гэты загад – са сфэры асабістых дачыненьняў, а не змаганьня сьветапоглядаў ці стратэгіяў»*. А что, собственно, вы знаете о мировоззрении Захаренко или Гончара? Они что, вам исповедывались? И почему вам недостаточно того, что они заявляли и делали накануне своей гибели? Может, потому, что они какие-то не родные, не

близкие вам, не тот запах от них идет, что ли? Не видится вам национальное, белорусское в их облике? А если еще точнее, не являются ли эти фигуры маргинальными в вашем «пошуку тоеснасці беларуса ў сваёй краіне і ў свеце, у гісторыі і ў космасе»? Это я цитирую духовно-творческую самоаттестацию С.Дубавца на том же сайте Белапана.

Но при таком подходе, Сергей Иванович, не разрушается ли **многообразие того национального и гражданского единства** в борьбе за подлинно демократическую Беларусь, которым вы, несомненно, озабочены? Я понимаю: для вас важно, за какую Беларусь были Захаренко и Гончар. Да уж во всяком случае не за ту, что нам навязана сегодня. И, конечно, не за российский протекторат, лишенный национального языка и культуры. И вы это знаете. Но упрямо считаете, что мертвые Гончар и Захаренко хватают живую Беларусь, что использование их имен в качестве «политического жупела» – тормоз на пути демократической трансформации власти, прогрессивного изменения ее внешней и внутренней политики.

Вот и семь лет назад вы пытались убедить себя и читателей: «*У паспалітага людзю надпісы «Где Захаренко?» выклікаюць неразуменне. Нікуды ня дзелася незалежнасць, паболела мовы ў афіцыйных СМІ, паболела беларускіх кніг... Падобна, што настае іншы этап гісторыі*» («Наша Ніва», 2002, 22 февраля). Ну и на каком мы сегодня (спустя семь лет) историческом этапе находимся? «Развитого авторитаризма»? Что же касается того, куда мы нынче «дрейфуем», то об этом вам, Сергей Иванович, могут рассказать не только Николай Автухович и его друзья. А уж о положении с белорусским языком в тех же официальных СМИ вы, полагаю, знаете, в том числе и из недавнего письма группы видных наших интеллигентов.

Я знаю, Сергей Иванович, вы давно бьетесь над этой проблемой: как выйти из плена черно-белой логики, когда на чудо надеяться невозможно (тут очень уместны слова насчет того, что «никто не даст нам избавленья»), а противостояние оппозиции и власти представляется бесплодным и бесперспективным. Вы пытаетесь убедить, что демократическим силам следует научиться играть на поле власти.

И вспоминаете бисмарковское: «Политика – искусство возможного». Я не уверен, что Лукашенко изучал биографию Наполеона, но пока он действует согласно его формуле: «У силы нет ни ошибок, ни иллюзий». Понятно, что сравнение лестное для нашего правителя, но, видимо, не случайно слова «абсолютизм» и «авторитаризм» так схожи. И эта сила, вы прекрасно знаете это, отмечает любые предложения оппозиции о сотрудничестве.

На извечный вопрос «Что делать?» у меня, в отличие от вас, Сергей Иванович, нет ответа. Хотя я, как и вы, сторонник мирных действий и в целом эволюционного процесса. Но есть еще нормальная, традиционная гуманистическая позиция, связанная с нашей писательской профессией, Сергей Иванович, и она предписывает нам, когда речь идет о человеческих жизнях, не играть в высоколибских политических гуру, удивляющих мир парадоксалистским мышлением. Поэтому возвращаясь к оценке судеб Захаренко и Гончара, мне кажется, нельзя не признать после всего, что мы знаем (от рапорта генерала Лопатика до истории с алкаевским пистолетом и материалов Пургуридеса), что они пали жертвой государственного терроризма, т.е. использования государственных механизмов в уничтожении неугодных людей. Так давайте же не будем, Сергей Иванович, прятаться за словеса вроде «субординационных разборок», а станем называть вещи своими именами. Но, может быть, вам такая терминология невыгодна, потому что она переводит «трагедию четырех» в другой, не номенклатурный, а именно политический класс? А в этих условиях как-то сложно действовать в согласии с заповедью «железного канцлера».

Простирая свой взгляд в будущее, вы мечтаете, что когда *«жупел канчаткова рассыпцеца, на яго месцы паўстануць чатыры асобы (Вайсковец, Юрыст, Прадпрымальнік, Журналіст)»*. В общем, никаких знаковых фигур в истории современной Беларуси. А я думаю, что речь в будущих трудах и учебниках по истории Беларуси будет идти не просто о некоем военном, а о министре внутренних дел, не о каком-то юристе, а о члене правительства и главе Центризбиркома. Людах сложных, трагических судеб, в которых

отразилась эпоха. И мы действительно узнаем во всех подробностях, за что были убиты журналист Завадский и предприниматель Красовский. И получим подлинную картину событий. Тогда-то и станет ясно, кто есть кто в новейшей белорусской истории.

А пока столь раздражающие и власть и – к сожалению – С. Дубавца вопросы «Где Захаренко? Где Гончар?» будут звучать. И пока они звучат, можно надеяться, что не все умерло в нашей жизни, в наших людях, в нашей стране.

Народная воля, 2009, 4 – 7 сентября.

Пожалуйста за «свидетельством о благонадежности»

Казалось бы, уже нечему удивляться в нашей белорусской жизни. Чего мы только не видели, не слышали, чего только участниками и свидетелями не были... Ан – нет! Вот взял да и удивил, даже поразил министр образования А. Радьков. Цитирую из его интервью агентству БелаПАН: *«Мы предлагаем, чтобы при райисполкомках были специальные комиссии, которые на основании рекомендаций школ будут принимать свое решение и давать рекомендации для поступления...»*. Речь идет – успокою будущих физиков и математиков – о таких специальностях как «международные отношения», «государственное управление», «правоведение», «журналистика». Пока только о таких. Возможно, список будет расширяться.

В общем, предлагается такая процедура: на одну рекомендацию (школьную) будет накладываться другая (райисполкомовская), и эта последняя будет, конечно, считаться более важной, можно сказать, решающей. Такое вот двойное рекомендационное сито. Самое, конечно, важное, что за человек, чем дышит... Ну а уж потом можно поинтересоваться его знаниями, подготовкой, делами, так сказать, вторичными. Главное и решающее – это рекомендация властей.

И не надо возмущаться. На самом деле всё логично. Если кадры решают всё, то это должны быть *наши кадры*. Верные, преданные, ни в чем порочащем не замеченные и, разумеется, беспощадные к врагам... Помните известную характеристику кадров из знаменитого фильма? Ну вот... А кадры нужно заботливо растить. Чтобы не было ненужных сюрпризов и разочарований. Вроде того, что поступил человек на специальность «государственное управление», на него пять лет тратились, а он потом на солидной должности стал не в ту сторону управлять. Или учили человека на юриста, а он стал на практике не так как нужно законы понимать и применять.

Давайте спросим себя, откуда у нас сегодня взялись люди, неправильно и даже вредно понимающие и толкующие международные отношения, вопросы государственного управления, откуда у нас эти влезаящие туда, куда их не просят, юристы, разные самозванные адвокаты и правозащитники? Ясное дело: дали им в свое время возможность получить дипломы. А вот столкнулись бы они в самом начале с райисполкомовской комиссией, может, и отсоветовали бы им поступать туда, куда им не нужно... И не было бы сегодня у немалого числа начальников головных болей и проблем. Они ведь пишут, эти самозванные, образованы, грамотно так ссылаются на разные закорючки в международных и белорусских законах, выступают на судах, приходится разбираться, реагировать.

В общем, в предложении министра Радькова, несомненно, есть рациональное зерно. Вот только, думается, при чем тут райисполкомы? У них ведь и без того забот хватает... Комиссия, созданная при райисполкоме, должна ведь будет откуда-то получать информацию о будущем, скажем, юристе. Дело-то серьезное, ответственное, двумя-тремя вопросиками к молодому человеку не отделаешься. Ну придет он на комиссию, ну поговорят с ним, а ведь как на самом деле мыслит так и не узнаешь. Волей-неволей придется обращаться в ведомство, которое, скажем так, по служебной обязанности своей приглядывает у нас за гражданами. Запрашивать оттуда придется соответствующий до-

кумент... А ведь это трата государственных средств – на ту же комиссию, на служебную переписку.

Поэтому предлагаю министру Радькову подумать над усовершенствованием его инициативы. Желающий обучаться на правоведа или журналиста сразу будет обращаться в то самое ведомство, где всё и обо всех знают, и получать там необходимый документ. Или не получать. И, может, хватит прикрываться фиговым листиком, именуемым этим ничего не значащим словом «рекомендация? Чего тут, в самом деле, стесняться? Мы же все знаем, в каком государстве живем, при какой власти. Вот царская Россия в этом плане была страна вполне откровенная. Там этот документ назывался очень точно – «свидетельство о благонадежности». Получал обыватель такую справочку и чувствовал себя вполне уверенно. С ней, кстати, не только на учебу поступать, но и на службу устраиваться было способнее. Очень толковый документ.

А то ведь смотрит нынешний кадровик на пришедшего наниматься и столько у него сомнений на душе... А тут документик из серьезной конторы. Подшил его к делу – и вся недолга. В случае чего контора и будет отвечать: мол, неправильно информировала.

Вообще предложение министра Радькова имеет большую перспективу, если его поставить на дельную основу. Если у нас будут выдаваться «свидетельства о благонадежности» (пока еще по старой традиции именуемые рекомендациями), то есть смысл белорусскому парламенту рассмотреть и закон о гласном надзоре за гражданами. Традиция, опять-таки идущая от царской России. Знал тогда человек, что он под гласным надзором, соответственно, обязан был вести себя тихо, отмечался два раза в неделю в полиции, что, мол, на месте, никуда не отлучался. А у нас, видите ли, нужно прижать оппозиционера – начинаются игры с разрешительным штампом на выезд. Чиновники вынуждены какие-то отговорки придумывать, чтобы не пустить «нехорошего человека» за границу. А тут все ясно: вы под гласным надзором, гражданин, поэтому никаких выездов. И вообще – сидите смирно!

Читатели могут спросить: коль будет гласный надзор,

то, наверное, должен быть и негласный? Ну, тут, полагаю, у нас уже давно все в порядке, и в целом здесь мы значительно продвинулись по сравнению с прогнившим в свое время самодержавием. Сейчас же речь, в основном, идет о гласности в таком важном государственном деле как благонадежность граждан. Не сомневаюсь, что такой закон будет одобрен большинством в парламенте. Конечно, какие-то либералы из среды тех же наших оппозиционеров крик поднимут: «Полицейское государство!». Европейский Союз очередное заявление сделает по поводу «нарушения демократических норм в Беларуси». Толкуя по-своему наше право на образование, недруги могут заговорить даже о пресловутом «запрете на профессию». Но разве нам к этому привыкать? Ведь мы этим долбаным евродемократам сто раз говорили: у нас свои демократические традиции. А все никак не поймут!

Особое умиление у меня вызвало сделанное министром Радьковым в том же интервью признание насчет журналистики как профессии:

«Журналистика – это тоже очень ответственно. У нас всегда люди относятся к СМИ с большим уважением и доверяют им. Значит, и у журналистов должно быть чувство ответственности. Они не должны нести людям те вещи, которые не проверены, которые могут взорвать ситуацию, не должны нести антигосударственную позицию».

Какое журналистское сердце не взволнует эти поистине отеческие речи, эта трогательная забота о нашем читателе! И как, в самом деле, не закипеть негодованием по адресу людей, несущих «вещи, которые могут взорвать ситуацию»? Если бы министр Радьков еще определил, что это за *вещи*, лично мое удовлетворение было бы полным. А так остаются неясности... Какие-то нехорошие исторические аналогии напрашиваются. Ну вот, к примеру, когда Салтыков-Щедрин писал о городе Глупове и разных градоначальниках Брудастых и прочих Угрюм-Бурчеевых, ведь он, несомненно, занимал «антигосударственную позицию» и сочинял вещи, вполне могущие «взорвать ситуацию». А теперь его, Салтыкова, в качестве великого журналистского образца, изучают на том же факультете жур-

налистики БГУ. Впрочем, может, и не изучают? Может, программы давно пересмотрены. А если нет – то вполне могут пересмотреть. И вместо Щедрина будут изучать, скажем, Ростикова или Якубовича. У нас ведь в классики уже назначают, власть определяет, кого включать в школьные хрестоматии, а кого оттуда удалять.

И вообще, зачем сравнивать царскую Россию с нынешней Беларусью? Царская Россия, как известно, была «тюрьмой народов», а нынешняя Беларусь – это демократический рай, в котором, правда, иногда лупят до крови несознательных граждан. Но это, так сказать, издержки нашей демократии. Что же до Салтыкова-Щедрина, то все-таки следует помнить, что журнал его «Отечественные записки» власть тем не менее прикрыла. А у нас «Народная воля» до сих пор выходит. Пока выходит... Во всяком случае, любому приезжему из Евросоюза можно показать большого формата восьмиполосное издание: вот, мол, какое чудо свободной мысли у нас имеется. А то, что это чудо печатается в Смоленске, с большими трудами преодолевает границу-таможню, отсутствует в подписных каталогах и не продается в киосках, – об этом можно умолчать. Да и кто спрашивать будет, держа в руках такую большую газету? Просто в голову не придет... Раз есть такая газета – значит со свободой слова все в порядке. Даже вождь российских коммунистов Зюганов так посчитал.

Но если даже «Народная воля» в известной степени выполняет у нас некую декоративную роль, то оправдана ли тревога министра Радькова насчет появления в печати вещей, могущих «взорвать ситуацию»? Вроде нигде нет никаких призывов... Но министр опытный человек, он боится ситуацию. Сегодня нет, а завтра кто-то где-то что-то напишет. Поэтому принимать на специальность «журналистика» следует особо проверенных людей. И здесь предложение о выдаче «свидетельства о благонадежности» будет особенно уместным.

Конечно, неплохо было бы, если бы министр Радьков одновременно с заботой об этой самой журналистской благонадежности еще бы и озаботился тем, как содействовать формированию действительно талантливых журналистов.

Но тут – увы! – неразрешимое противоречие: благонадежность и талант не совпадают. И даже полярны. Это я не к тому, что талантливая журналистика всегда и обязательно антигосударственна. Но она обязательно самостоятельна и самодостаточна. А эти два качества под большим подозрением у белорусской власти. Поэтому сегодня в государственной прессе журналистика как профессия отсутствует. Работающие там люди пишут, говорят, снимают. Но это не журналистика. Это совсем другое, что-то из сферы услуг...

Поэтому министру Радькову, в общем-то, нечего беспокоиться. Девальвация журналистской профессии в Беларуси уже случилась. Она является частью той интеллектуальной, культурной деградации, которая свела страну почти в пещерные времена. Не чересчур ли я суров? Не перебарщиваю ли? Но, дорогие мои, если министр образования не понимает, что означает его предложение насчет комиссий при райисполкомах, утверждающих характеристики (свидетельства о благонадежности) для поступающих в вузы на определенные специальности, и таким образом не видит разницы между министерством образования и худшего образца полицейским ведомством, то куда уж дальше... Остается только ждать, когда же, наконец, явится, чтобы описать все это, белорусский Оруэлл. Пора бы... Белорусская жизнь все больше обретает черты оруэлловской утопии.

Впрочем, министра Радькова отчасти можно понять. Он, скорее всего, верит если не в вечность, то в долгое существование хотя и маленького, но ошестинившегося (в смысле обезопасившего себя разными комиссиями «по благонадежности») рейха. Вот перемрут «неправильные» журналисты и юристы, которым по ошибке когда-то выдали дипломы, и останутся только наши, проверенные кадры. Вообще наступит рай! А, может, он уже наступил? И именно потому министр Радьков так уверенно выступает с инициативой, на которую не решалась даже все контролирувавшая советская власть.

«Народная воля», 2007, 20 декабря.

Как у вас с ориентацией?

Ей-Богу, я совсем не про то, о чем вы подумали, читатель. У нас с министром образования г. Радьковым совсем другой интерес. Но прежде скажу, что я всегда одобрял последовательность начальства. Что-то недели три прошло со времени публикации в «Народной воле» фельетона, где обсуждалась благожелательная настроенность министра по части получения от местных властей характеристик желающими обучаться в вузах на особо «государственно важных» специальностях. И вот, пожалуйста, уже объявлено, что соответствующие изменения вскоре будут внесены в правила поступления в вузы. Теперь поступающим на такие специальности, как «государственное управление», «международные отношения», «журналистика», «правоведение» и даже «таможенное дело», нужно будет не столько о знаниях думать, сколько о том, как обзавестись очень нужной бумажкой. В проекте нового документа, подготовленном в ведомстве г. Радькова, так и сказано: *«В конкурсе на получение высшего образования по специальностям, по которым предъявляются особые требования (список смотри выше. – С.Б.)... имеют право участвовать лица, которые прошли профориентационное собеседование в исполнительных комитетах базового уровня и получили рекомендации для поступления в вуз по избранной специальности».*

А еще министр, помимо «профориентационного», высказал пожелание, чтобы абитуриент был членом БРСМ.

Ну и, естественно, в «нехорошей», «неправильной» и «непатриотичной печати» и таком же «неправильном и непатриотичном» Интернете началась вакханалия! Кое-кто закричал о нарушении конституции, всеобщего права на образование, о дискриминации «по политическим причинам», о коррупции среди чиновников, которые будут выдавать характеристики, о том, что молодежь силой загоняют в какую-то «лукомолию». А один фельетонист чуть ли не призвал исключить Щедрина из программ факультета журналистики, как вредный пример публициста, подрывавшего своим творчеством государственные основы.

Читал я всю эту возмущенную патетику и думал: а чего, собственно, возмущаются? Вам что, сограждане, – обещали другую жизнь? Вас обманули? Ах, конституция нарушена! Скажите, пожалуйста, какой ужас! А вы не знали до сих пор, что конституция у нас – это просто бумажка? Вы что, сограждане дорогие, не живете уже более десятка лет в стране, где слово «демократия» сверху произносится не иначе как «дерьмократия», где власть ведет ежедневную борьбу со своим народом? Бьют, исключают из вузов студентов, увольняют с работы несогласных, закрывают независимые издания, выносят несправедливые приговоры, лишают льгот инвалидов и пенсионеров, дают предпринимателей, душат и выдавливают в эмиграцию интеллектуалов... В этих условиях решение об «особых» рекомендациях для поступающих в вузы на «особые» специальности – дело вполне закономерное, нормальное. Это нормальное продолжение политики тотального контроля и успокоения умов. А как иначе вы бы хотели?

Разве обманывал кого-нибудь министр Радков в поздравлении по случаю пятилетнего юбилея БРСМ? А там ясно было сказано: «Стержнем идеологии белорусского государства являются социальная справедливость и патриотизм. Свободное развитие личности, ее социально-политическая активность реализуются только в условиях справедливости, когда интересы общества, коллектива и человека максимально приближены, а основной задачей государства является развитие человека как самой большой ценности нашего общества».

Неужели непонятно, что речь идет о свободном развитии личности? А если личность не туда, не в ту сторону развивается, то нужно ей помочь. И здесь воспитательный спектр широкий – от дубинки омовца до... (предоставляю читателю право самому выбрать то, что наиболее запомнилось). И кто же не знает, что свободное развитие личности лучше всего протекает в изоляторе на улице Окрестина? Именно там наши граждане идейно созревают лучше всего. Я бы даже предложил своего рода всеобщую «диспансеризацию» граждан Минска на улице Окрестина. Прошедший изолятор может получить справку, которая по силе вполне

могла бы не уступать рекомендации райисполкома для поступления, скажем, на специальность «правоведение».

Вот вы все посмеиваетесь, скажет иной читатель, а ведь дело к тому и идет. Так ведь и я о том же. Авторитарная система умрет, если не будет развиваться. А этого допустить никак нельзя. Поэтому она будет придумывать и вводить все новые правила, законы и порядки, нацеленные на одно – укрепление власти чиновничьей иерархии, той самой вертикали, на самой вершине которой сидит Известное Лицо. Вы когда-нибудь слышали, чтобы это самое Лицо произносило такие слова как «развитие гражданского общества», «расширение участия граждан в управлении государством», «укрепление демократических принципов», «независимость судов», «свободная пресса»? И я не слышал. Зато видел, как у того же Лица одно напоминание об этих словах буквально сводит скулы...

Так почему же удивляемся? Почему негодуем? Правда, в основном, на кухнях. А если уж выйдут тысячи полторы демонстрантов – это для почти двухмиллионного Минска большим успехом считается. Вот предприниматели недавно сходили к зданию Администрации. Что-то вроде шествия питерских рабочих 9 января к Зимнему дворцу. Правда, без хоругвей и царских портретов. Да и не стреляли в них. Всего лишь кое-кого побили и в кутузку на 15 суток упрятали. Почему-то трудно сомневаться в том, что известное количество клиентов этих самых предпринимателей, не вылезавших с разных вещевых рынков и прочих «паркингов», испытало определенное удовлетворение: мол, так и надо этим «торгашам». А что цены в условиях сужения (почти смерти) рынка взлетят (уже взлетают), это как-то отдельно волнует белорусского гражданина, которого власть рылом сует в белорусские штаны и пиджаки, затоварившие магазины и склады, а он, подлец, все норовит заграничное да подешевле купить у тех же «ипэшников». У кого теперь покупать будешь, дядя?

Вот это и есть социальная справедливость по-белорусски – сдохни, но инициативы не проявляй. Иначе – задушим. Поскольку инициатива твоя, господин «ипэшник», ведет к банкротству нашей легкой промышленности. А это

значит – тысячи безработных, социальная напряженность. Этого власть, тот же чиновник, являющийся нынче самым главным человеком в стране, допустить не может, поэтому он «ипэшников» скорее задушит и заставит белорусского гражданина надеть штаны местной фабрики. Только в этих строевых, казарменных условиях гражданин и выпядит «самой большой ценностью нашего общества». В любых других – грош ему цена.

Поэтому соответствующим образом должно быть обставлено и выращивание, так сказать, пестование «самой большой ценности нашего общества». А это напрямую связано с приемом нужных людей на «особо важные специальности». Дело это в авторитарных государствах не может быть пущено на самотек, а напротив – должно находиться под серьезнейшим контролем. Натуральной частью авторитарной системы является пропаганда, промывание мозгов. В Беларуси эти работники почему-то называются журналистами. Это, видимо, по традиции и, скорее всего, может быть скоро заменено. Как так? – удивится тот же читатель. А вот так! Авторитарная система стремится к сверхточному бюрократическому обозначению и наименованию всего и вся. Разве не заметили вы, дорогие сограждане, что у нас уже нет просто больниц, просто школ, просто институтов? Больница теперь официально именуется «государственным учреждением здравоохранения». У входа в гимназию или институт висит гордая шильда «Государственное учреждение образования...». Ну просто как подписи под картинками в старинном букваре: «Се бык, а не корова». Мы, правда, и до сих пор знали, что больница это не цирк. Но дело не в том, что мы знаем, а в государственной строгости. Что такое – просто «больница» или «школа»? Это, знаете ли, как-то либерально звучит. При словах же «государственное учреждение» человек уже подтягивается, почти по стойке «смирно» становится. Чувствуется порядок, ордуниг.

Я думаю, что и газеты теперь должны у нас соответственно называться. Можно, конечно обозначить ту же «Советскую Белоруссию» или «Рэспубліку», скажем, так: «Государственный орган печати». Но это, на мой взгляд, будет не совсем точно. Гораздо лучше и правильнее по сути: «Госу-

дарственный орган пропаганды». Соответственно, сотрудников следует именовать «пропагандистами». В самом деле, ну зачем нам это старое слово «журналист»? Тем более абсолютно не соответствующее нашим государственным целям. У нашего ведь государства, как известно, свой путь, ни на что непохожий... Ну вот... Всем сотрудникам «органа пропаганды» следует присвоить категории классности: «пропагандист 1-й степени», «пропагандист 2-й степени»... Ну и далее, скажем, до пятой. Чтобы рост был у людей. Конечно, Зимовскому, Якубовичу и еще некоторым особо заслуженным сразу же присвоить первую степень. Можно, кстати, подумать и о введении специальной формы. Штаны с лампасами, погончики, звездочки. Сразу будет видно, что за птица. А то встает на ответственной пресс-конференции какой-то мужичок с вопросом и сразу не разберешь, что за он... У нас государство служилых людей, страна, так сказать, чиновников, и потому нечего стесняться. Должны быть и чиновники от пера. Собственно, они уже имеются. Дело только за формальностями.

В общем, надо полагать, вопрос будет решен. Тем более, что, как заявил, декан факультета журналистики БГУ Сергей Дубовик, «в Беларуси не хватает журналистов в государственных средствах массовой информации». С целью ликвидации этого дефицита планируется создание факультета переподготовки журналистских кадров. Это ж какая кузница пропагандистских кадров будет! Факультет журналистики, на котором уже сегодня обучают больше тысячи человек, а при нем еще и факультет переподготовки учредят. При таком кадровом росте, как не понять министра Радькова. Конечно, необходимо сито, чтобы не проникли «не те элементы». Пускай оно условно, как предложил министр, называется «профориентационным». Главное, все знают, какая ориентация прежде всего имеется в виду.

И г. Дубовик очень государственно мыслит, когда говорит, что студент, получающий «образование за счет бюджета, должен распределяться в государственные СМИ». Можно подумать, что у нас еще куда-то можно распределяться, кроме государственных СМИ. В общем, парни и девчата, идущие на факультет журналистики, готовьтесь к службе! Ну не

будет из вас ни Анри Рошфора, ни Альфонса Карра, ни Власа Дорошевича, ни Александра Амфитеатрова, ни даже Кондрата Крапивы, не говоря уже о Щедрина. Не нужны таланты авторитарной системе. Проживете вы скучную чиновничью жизнь, зато пенсиюшку, может быть, неплохую выслужите, блага разные получите. Ту же медальку или орденчик к празднику... Как положено у служивых людей.

Тоскливо, с беспокойной совестью, зато обеспеченно пройдет жизнь. Как положено у «профориентированного» гражданина, усвоившего «основы идеологии белорусского государства», той самой, что, по утверждению министра Радькова, «формирует и воспитывает личность как государственного человека».

На прощанье расскажу не анекдот – подлинную историю.

В царские еще времена губернатор спросил одного издателя газеты насчет направления, которого придерживается его издание. Тот поклонился и ответил:

– Кормимся, ваше сиятельство!

А традиция-то не только жива, а вон как оформилась. Только теперь это не кормлением называется, а профориентацией. Чувствуете разницу?

«Народная воля», 2008, 18 января.

Удавка для журналистов

I

Что законотворчество в Беларуси носит, в основном, запретительный, ограничительный и карательный характер не новость. Давить, запрещать, ограничивать – любимейшее занятие белорусских законодателей. И как они любят состояться в этом святом для них деле.

Один подготовил проект – кажется, уже ни глотка вольного воздуха гражданам не осталось. Ан нет! Встает его ретивый собрат и заявляет:

– Что-то вы, Иван Иванович, нынче либеральничаете!

А ведь можно еще вот в этом месте подкрутить, гаечки поджать!

И подкручивают, поджимают, соревнуясь между собой и при этом преданно оглядываясь на Хозяина. Так хочется заслужить благосклонный кивок... Мол, хорошо служишь, стараешься. Вижу это, постараюсь не забыть! Получивший такой знак внимания парламентарий радостно взвизгивает и с еще большим усердием принимается служить.

Предметом особого сладострастия для наших законников является борьба со свободным словом, с независимой прессой. Казалось бы, ну что здесь нового можно придумать после уже состоявшегося почти полного ее разгрома. Но в том-то и дело, что почти... Кого разорили, кого закрыли, кого втихую придушили... А кого, не лишив лицензии, выгнали из отечественных типографий, принудив печататься за границей, да еще и нормальной подписки лишили и продажи в киосках «Белсоюзпечати». В общем, хорошо, можно даже сказать замечательно поработала власть.

Но, видимо, осталось какое-то чувство неудовлетворенности. Душишь-душишь эту независимую прессу, а она, проклятая, все еще жива! Хрипит уже, вроде предсмертные звуки испускает, но потом оказывается – дышит еще негодная! Потому, наверное, и решено было нанести окончательный удар. Разумеется, как принято в известной среде, с контрольным выстрелом в голову. Чтоб уж наверняка.

II

Во втором чтении принят проект закона о средствах массовой информации. Тем самым начат последний акт уничтожения независимой белорусской прессы. Она и до того, можно сказать, вячила... И вот худую и бедно одетую девушку ставят к стене. Перед ней расстрельная команда. Командует акцией большой гуманист, председатель комиссии по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации г-н Кулаковский. В помощниках – не менее активная поборница гуманистических идеалов и защитница свободной прессы, заместитель министра информации г-жа Ананич, известный лю-

битель свободного слова, директор Информационно-аналитического центра при Администрации президента г-н Пролесковский и другие светлые личности, чьи имена, безусловно, войдут в историю современной белорусской печати. Раздается стопроцентно убойная автоматная очередь:

- за участие «иностранного капитала»
- за финансирование из-за рубежа
- за «самовольный» Интернет
- за... за... за...

III

Впрочем, не исключено, что перед расстрелом еще придется помучиться. А потому не забыто и любимое пыточное орудие – так называемая ответственность за *«распространение недостоверной информации, которая может причинить вред государственным и общественным интересам»*.

О, этот пресловутый безразмерный вред, понятие коего границ не имеет! Критикуешь высокопоставленного чиновника, а он тебе иск через суд: мол, критикой этой причиняется вред государственным интересам, поскольку подрывается авторитет власти. И все дела! Плати штраф, садись в тюрьму. А можно и газету после двух предупреждений прикрыть. Это уж как они, господа воли и живота нашего, решат.

Ну и, безусловно, невозможно обойтись без другой излюбленной «игрушки», вызывающей нервную судорогу у любого частного издателя, – «перерегистрации? Раз новый закон, то как же не провести очередную перерегистрацию? Не только денежки в очередной раз соберем за ничто, но и построим всех этих независимых писак, поглядим, как они трястись будут... И не зря трясушка их охватит, потому что не все, ой не все пройдут через наше сито, эту самую перерегистрацию. Даром что ли новый закон о печати принимается!

Но не исключено, что некоторые сумеют все-таки проваться. Потому и предусмотрен тот самый контрольный выстрел в голову. Давно уже власть хотела, что называется, поставить вопрос «рубам»: а почему, собственно, да на ка-

ком основании являются какие-то люди и пишут, называют себя журналистами? Положим, имеется у них диплом журфака. Но есть ли самое главное – разрешение от государства писать и печататься?

И вот, судя по всему, наступает решение проблемы. Для начала предложено разобраться с пишущими в иностранных изданиях. В проекте закона прописано, что журналист может работать в иностранном средстве массовой информации, только имея государственную аккредитацию, что будет подтверждаться выдачей соответствующего удостоверения. Нет удостоверения – гуляй, Вася, никакой ты не журналист, хотя и можешь предъявить кучу разных публикаций в самых известных изданиях.

Может быть, речь идет только об аккредитации, связанной с деятельностью корреспондентского пункта какой-то газеты или телеканала? Но в том-то и дело, что в проекте закона говорится вообще о сотрудничестве журналиста в иностранном СМИ. Тут-то и обнаруживается со всей очевидностью стремление государства регулировать профессиональную принадлежность. Говоря точнее, речь следует вести о закамуфлированном запрете на профессию. Ведь как журналист может выступать в печати не только человек, состоящий в штате какого-то издания, но и любой автор, литератор, писатель. Никакого специального разрешения для того, чтобы печататься где угодно, даже по белорусским законам не требуется. Но вот, согласно новой законодательной инициативе, получается, что если я, к примеру, без всякой аккредитации опубликую в испанской «Эль Паис» или в польской «Газете Выборчей» цикл очерков о жизни современной Беларуси, то, выходит, нарушу закон. А уж если буду годами без той же аккредитации в белорусском МИДе сотрудничать с этими газетами, то тем более стану злостным преступником.

Наверное, должны будут считаться таковыми и авторы, печатающиеся в российской периодике. Но ведь у нас Союзное государство! – заметит кто-то. А это, господа хорошие, как посмотреть. Если нам по дешевке нужны газ и нефть российские, тогда мы Союзное государство. А вот что касается российских СМИ, то здесь мы не церемоним-

ся. Не понравилось власти нашей, что и как пишут о Беларуси ведущие российские издания, их, как и своих «нежелательных», турнули из той же подписки и продажи. А за немногими оставленными у нас российскими телеканалами присматривают назначенные для того белорусские каналы, так сказать, просеивают, контролируют, чтобы не проскочило нечто нежелательное.

IV

До чего же неистово желание власти контролировать все и вся. Любопытно, однако, как пойдет процесс далее. Сотни белорусских авторов печатаются в разнообразных зарубежных изданиях. Кто будет определять, осуществляют они журналистскую деятельность или выступают как «чистые» литераторы? Тем более, что во многих случаях грань между журналистикой и литературой весьма условна. Но ежели очень хочется и больше нечем заняться, то, разумеется, почему бы и не влезть и не покомандовать в делах журналистско-литературных, творческих? Ведь так хочется приструнить этих писак, этих журналюг, литераторов. Так хочется огосударствить, подчинить бюрократическому диктату любое творчество.

Имея в виду последнее обстоятельство, можно поразмышлять о своего рода экстраполяции идеи аккредитации и выдачи удостоверений не только лицам, сотрудничающим в зарубежных СМИ. В самом деле, а почему бы в новом законе не предусмотреть вообще аккредитацию всех пишущих и печатающихся в Беларуси. Конечно, по сути это будет регистрация потенциально неблагонадежных, поскольку пишущие люди – это большей частью неблагонадежные. И выданное удостоверение будет являться не столько свидетельством благонадежности, сколько документом, разрешающим зарабатывать на хлеб именно таким образом. А отберут удостоверение – ну и подыхай с голоду. Поскольку ты уже не журналист и не писатель, а так, неизвестно кто, если не бомж, то бомз – лицо без определенных занятий. Такого и в тюрьму и в психушку засадить без проблем можно.

Идея эта – огосударствить, ограничить бюрократическими рамками, по сути подчинить свободное слово – имеет на наших просторах давнюю историю. В фельетоне, приуроченном к 200-летию российской печати (а было это в 1902 г.), знаменитейший публицист Влас Дорошевич предлагал учредить форму для журналистов:

«Установлением формы разрешится одно из крупных недоразумений русской общественной жизни, называемое «писакими», «бумагомараками», «борзописцами» и иными переводными французского слова:

– Журналист!

С установлением формы для журналистов, самый вопрос: «на каком основании вы позволяете себе писать», – станет даже глупым.

– Пишет, – согласно присвоенному ему мундиру».

Таким мундиром виделись Дорошевичу шаровары черного сукна, кафтан и баранья шапка с надписью «Ж». С учетом новых времен можно, конечно, форму модернизировать. И непременно разделить государственную и независимую прессу. На служебной фуражке, скажем, у независимых журналистов будет буква «Н», а у государственных «Г». В последнем случае никакого, кстати, оскорбительного намека... Второе столетие пошло со времени предложения Власа Дорошевича о форме для журналистов, а оно по-прежнему остается актуальным. Только, пожалуй, уже не о форме, а об удавке для журналистов следует говорить.

V

В дореволюционные времена при министерстве внутренних дел Российской империи полуофициально существовал так называемый *Рептильный фонд*. Это были деньги, предназначенные для подкупа тех или иных изданий. Разумеется, операции такие совершались без огласки. В наше время широчайшей демократии и гласности нет причин стесняться. Опубликованы цифры: почти 122 миллиарда рублей выделены Белорусскому телевидению и радио в 2008 г. из средств бюджета, а всего на поддержку СМИ предназначено около 160 миллиардов рублей. Такие вот

неслабые денежки из нашего вами кармана идут на содержание угодной власти прессы.

Говорить ли о ее качестве? Содержанка она и есть содержанка. Выполняет то, что прикажут. Правда, при этом щедро использует макияж. Сейчас в большой моде мещанский речевой оборот «как бы». У нас многое стало не всамделишным, а «как бы». Вот и пресса, находящаяся на содержании, она ведь и не пресса, а только «как бы».

И «Советская Белоруссия», и «Рэспубліка», и «Звязда» и масса других изданий это по сути своей газеты-имитаторы. Имитируют все: и *как бы* аналитику, внутреннюю и внешнюю, и *как бы* информацию, и даже *как бы* полемику могут изобразить в отдельных случаях... И только в единственном случае, когда нужно выступить против критиков режима, тут они выступают в своем истинном – охранительском – амплуа.

Нужны ли обществу, стране такая пресса, такое телевидение, избегающие серьезной проблематики, утаивающие и искажающие правду о происходящем в стране, имитирующие дискуссионность, не предоставляющие слова оппонентам власти и более того зачисляющие их во «враги народа»? Власти кажется, что держа под строгим присмотром и на содержании прессу, она управляет мозгами граждан и таким образом гарантирует свою стабильность. Что ж, КПСС тоже управляла... Но очередным временщикам кажется, что они умнее своих предшественников, что уж они-то не ошибутся, что у них все будет о'кей. Вот только форму для журналистов придумать... Вот и морщат лбы, сочиняют «законы о печати». И никаких уроков из истории... Ни давней, ни современной.

«Народная воля», 2008, 27 июня.

Прислушается ли суд к указанию Екатерины II?

Когда я думаю о том, какие события выделяются на фоне нашей тоскливой, мутной, полной неуверенности и недобрых ожиданий жизни, то, помимо разной отрицательной

политической и экономической информации, а также как всегда будоражащих и сверхоригинальных откровений правителя, приходит в голову, что таковыми событиями у нас, безусловно, являются судебные процессы.

Вот сфера, сотрудникам которой не грозит безработица! У нас постоянно судят. Добро бы только уголовников. Но еще и оппозиционеров, молодых и старых манифестантов и пикетчиков, государственных чиновников разного ранга (нередко самого высокого), директоров заводов, военных, милиционеров, предпринимателей... И, конечно же, наши суды судят газетчиков, журналистов, литераторов. Иски о защите чести и достоинства – это прямо-таки специализация белорусской Фемиды.

Можно подумать, что современная Беларусь – это страна, населенная сплошь средневековыми рыцарями, князьями и баронами, для которых честь и достоинство главные ценности.

Впрочем, нынешние рыцари не спешат на турнир померяться силой, не вызывают на дуэль. Они аккуратненько под диктовку юриста кропают исковое заявление и относят его в суд. Они знают: белорусское государство очень чутко относится к вопросам чести и достоинства своих граждан. Оно, государство, может отобрать льготы у пенсионеров и студентов, может лишить поддержки людей, чье детство было омрачено гитлеровскими лагерями, может обречь их на нищету. Но честь и достоинство наших граждан – это для белорусского правосудия вещи святые. Особенно, если эти граждане занимают высокие посты, являются большими начальниками. В этих случаях наша Фемида особенно строга. И даже беспощадна. Многомиллионные возмещения «морального вреда» – это для нее более чем привычное дело. Читая сообщения о судебных решениях, взыскивающих то 30, то 50, то 100 и более тысяч долларов (в белорусской валюте, разумеется), какой-нибудь иностранный гражданин может подумать, что Беларусь – это страна очень богатых людей.

Вот и Николай Иванович Чергинец решил взыскать с газеты «Новы час» и журналиста Александра Томковича соответственно 500 и 100 миллионов рублей. Разумеется,

за сведения, «порочащие честь, достоинство и деловую репутацию».

Я не буду входить в обсуждение тех цитат и мест из очерка Томковича о Чергинце, которые Николай Иванович счел порочащими и не соответствующими действительности. Этим будет заниматься суд. Точнее, ответчику, согласно нашему законодательству, предстоит доказывать обратное. Вообще, с точки зрения элементарной логики, это ненормально: некто счел, что нечто написанное тобой «порочит» его, но доказательств никаких не представляет, почему эти сведения являются порочащими, просто он, податель иска, так считает, а вот ты, ответчик, и доказывай, что это не так. Но ведь сначала не худо бы разобраться, является ли написанное порочащим?

Вот в это обстоятельство суды наши как-то не любят входить. Судьи предпочитают наблюдать, как растерянный ответчик пытается доказать, что он не верблюд.

Я прочитал очерк Томковича о Чергинце. Да, есть места, которые могут не нравиться Николаю Ивановичу, но критический подход характерен для жанра политического портрета, к которому, несомненно, относится очерк Томковича. Нелицеприятная обсуждаемость различных сторон карьеры и личности их героев – это норма. О чем писатель Чергинцу, конечно же, хорошо известно.

И судьям нашим это, безусловно, известно. Но вся штука в том, что мы живем в условиях авторитарного режима, где норма – это не то, что принято, а то, как считает начальство. Предвижу замечание: одно дело – обсуждаемость, а другое – клевета. Согласен. Но ведь есть и другое: стремление и умение – когда очень хочется – перевести обсуждаемость в ранг клеветы. Всегда ли замечают это суды? – вот проблема.

Здесь мне хочется от юридических нюансов повернуть в другую сторону, что называется, удариться в воспоминания юности, когда был отчаянным футбольным болельщиком. Тогда, в конце 50-х – начале 60-х годов минувшего столетия (Боже, какие доисторические времена!), я увидел впервые Колю Чергинца, худенького, челочка набок, футболиста минского «Спартака». Был Коля Чергинец, если не

ошибаюсь, левым полузащитником, а, может, нападающим. Надеюсь тем не менее, что в случае ошибки с его футбольным амплуа меня не привлекут к судебной ответственности и не впают несколько тысяч долларов в порядке возмещения морального ущерба. Тем более, что играл Чергинцев неплохо. И трибуны приветствовали его дружественным криком «Балерина!», когда он, покачивая бедрами, выбегал на поле.

И кто мог предположить, что худенький футболист делает такую милицейскую, а затем и политическую карьеру, станет солидным (и внешне и по числу книг) писателем? А вот сделал и стал. То, что у Николая Ивановича особое отношение к критике, в том числе к литературной, я почувствовал на себе. В какой-то статье перестроечного времени что-то позволил себе, точно не помню, может, оспорил какое-то его высказывание в прессе, и вскоре в моей квартире раздался телефонный звонок. Писатель Н.И. Чергинцев грозно выговаривал мне, хотя мы не были лично знакомы, и телефона своего я ему не давал. С той поры я понимал, что становиться на пути у Николая Ивановича просто опасно. Мы оба были тогда членами Союза писателей СССР. Но Николай Иванович был еще и большой чин в МВД, автор детективов, сам Быков написал предисловие к одной из его книг. А я был всего лишь сотрудником Института литературы Академии наук, выступал в печати как литературный критик. Это, кстати, тоже имело значение в литературе – кто на какой должности. Да и сейчас, как видим, не утратило.

А вот Саша Томкович по молодости, вероятно, этого опыта не имел, потому и попал под гневную руку генерала-сенатора. Саша думал, что он пишет просто очерк об известном человеке. Но не учел одного. Эта известность имеет строго определенный характер. Такой, какой она видится ее носителю. Генерал-сенатор, писатель, известный не только в нашей стране, но, может быть, и во всем мире.

Саша же Томкович позволил себе со всей наивностью заявить, что ему, видите ли, «уровень творческой продукции» Николая Ивановича представляется «довольно низким». Креститься нужно, ежели что кажется! Ведь не о ком-

нибудь пицешь – о самом Николае Ивановиче Чергинце! И такая промашка! Разве можно?.. Человек всемирно знаменит, а тут кто-то такое себе позволяет! Не сомневаюсь, не держал Томкович в руках увесистый фолиант, вышедший в престижнейшей серии «Жизнь замечательных людей Беларуси» и посвященный Николаю Ивановичу Чергинцу. В этой книге есть две фотографии, которые являются мощнейшим аргументом в споре об «уровне творческой продукции» писателя Чергинца. На одной Николай Иванович рядом, вероятно, с внуком-подростком, и тут же столб из книг дедушки, тянущийся от пола до макушки внука, исполняющего здесь роль своего рода масштаба. Чтобы было видно, что это никакой не монтаж, а действительно Николай Иванович написал и издал такое потрясающее количество книг. А второе фото вообще убивает – на нем тот же книжный столб, поставленный на табуретку, достигает плеча самого Николая Ивановича и позволяет ему свободно опереться на него.

И как бедному Томковичу доказать теперь, что сообщенное – я уже боюсь повторить эти слова насчет «довольно низкого уровня» произведений Николая Ивановича – соответствует действительности? Человек столько написал и издал, занимает высокий пост в нашем парламенте, а тут такое неуважение, можно сказать, настоящее святотатство! И не надо прятаться за свое читательское право иметь то или иное мнение о творчестве того или иного писателя. Это где-то оно, это право, существует. А у нас страна строгая. Если писатель занимает соответствующий пост и выпустил такое количество книг, то и отношение к нему должно быть соответственно уважительное.

Мы-то, литераторы старой советской школы, это хорошо усвоили, а вот Саша Томкович... Вот я и размышляю, не обратиться ли Белорусской ассоциации журналистов к Николаю Ивановичу с просьбой простить ее члена, неопытного Томковича, на первый раз. И еще одно соображение, связанное с высоким мировым авторитетом Н.И. Чергинца. Все-таки судиться писателю с журналистом – это могут как-то не понять, скажем, в африканском Габоне, не говоря уже об островной республике Сан-Томе и Принсипи. При-

едет в тот же Габон Николай Иванович, а его могут встретить пикеты, разные нехорошие лозунги. Зачем это? И служит ли это укреплению престижа нашей страны, и без того пользующейся большой симпатией со стороны мировой демократии?

Видный белорусский государственный деятель, сенатор, генерал, глава нового писательского союза, собравшего под свою крышу, конечно же, самых талантливых наших писателей, занесен в Книгу Гиннеса в виду своих многочисленных достижений на разных поприщах... Как говорится в одном популярном фильме, что еще нужно человеку для жизни?

Впрочем, дело понятное... Хочется, чтобы еще разные журналы и неосознательные не таякали... Что тут поделаешь? Традиции у нас нехорошие. Вон в царские времена суд присяжных оправдал Веру Засулич, стрелявшую в царского же генерала Трепова. Но у нас, слава Богу, в генералов не стреляют. Ну и, конечно, нет и быть не может суда присяжных. Наш суд и без того знает, как нужно правильно решать дела.

Не без удовольствия прочитал я в Интернете о том, что в случае удовлетворения иска Николай Иванович «намерен передать эти средства на лечение психически больных людей». Очень разумное решение. Психически больных – это видно невооруженным глазом – у нас становится все больше...

В том же интервью было заявлено: *«А те газеты, которые попытаются интерпретировать так, чтобы это было клеветой ... тоже получают иски. Я решил не останавливаться, я обогащу наше здравоохранение»*. Прочитав это предупреждение, я внимательно перечитал свой текст. Вроде никакой клеветы нет...

Но вспомнился случай из истории старой российской прессы. Один губернатор был страшно недоволен посвященным ему фельетоном одного журналиста. Не найдя никаких фактов, вроде сообщения несоответствующих действительности или порочащих его честь сведений, он тем не менее обратился с просьбой в Главное управление по делам печати (а оно входило в состав тогдашнего министер-

ства внутренних дел) с просьбой привлечь газету и журналиста к ответственности за «возмутительную иронию деятельности большого государственного лица». Был суд. И прокурор действительно обвинял журналиста в том, что тот «написал иронически». Но, к чести царского суда, этот довод прокуратуры был отвергнут. Может быть, и потому, что ответчик, заявив, что «сатирические или язвительные сочинения имеют право на существование в литературе», сослался на то, что слова эти принадлежат не кому-нибудь, а Екатерине II. Писательница и корреспондентка Вольтера, она рекомендовала «в сатирических или язвительных сочинениях не разыскивать больше того, что в них написано».

Но вот проблема: будет ли прислушиваться к указанию Екатерины II белорусский суд?

2007 г., декабрь

О национальной истории и «шкурном вопросе»

*Посвящается
студентам-историкам
и студентам-журналистам*

I

«Сверху» запланировано исключить «Историю Беларуси» из школьных программ как отдельный предмет. Как принято в авторитарных государствах, никто никого не спрашивал, ни власть народ, ни народ власть, – нужно или не нужно это делать, включать ли историю родной страны в некую «Всемирную историю» или оставить в виде отдельного курса. Общественной дискуссии по крупнейшей национальной проблеме не намечается.

Более того. Полагаю, что в условиях этой тиши и благодати идея может получить дальнейшее развитие. Скажем, почему бы, имея в виду создание Союзного государства (этот долгоиграющий проект еще послужит предметом политических спекуляций с разных сторон), не включить «Историю Беларуси» в «Историю Государства Российского»? И чтобы

уж пойти, что называется, до самого конца, то и название соответствующего раздела поменять. Не «История Беларуси», а «История Северо-Западного края». Или уж совсем современно – «История Северо-Западного региона». Это с учетом того, что современная Россия делится на регионы, которые в последнее время, как известно, укрупняются.

«Ну ты загнул! – скажет мне читатель. – Кто ж на такое пойдет? У нас же есть Президент, гарант белорусской суверенности-независимости!».

Вот и я думаю: гарант есть, а «Истории Беларуси» в школах не будет. То есть не будет отдельного курса истории белорусского государства. Нет, что-то на эту тему учителя рассказывать будут, но как-то вплетая Полоцкое княжество между походами Ганнибала и наполеоновскими войнами. Такая вот историческая «сборная солянка». Подавали когда-то блюдо с таким названием в ресторанах. Супчик, надо сказать, был неплохой. Насчет же качества «духовного блюда» сильно сомневаюсь...

Но давайте смотреть в корень. Кому это, в самом деле, нужно? Говорят, мера вынужденная, переходим на 11-летнее образование, нужно сокращать, ужимать программы, урезать, унифицировать школьные предметные курсы и т.д. А вот интересно мне: как будет с геометрией? Урежут ли парочку параллелепипедов и прочих многоугольников или оставят их в полном наборе?

«Ну что ты несешь? – скажет мне тот же читатель. – Разве такое возможно? Какая же это геометрия будет, если часть многоугольников «урезать»? Знания получатся неполными».

Ну конечно, соглашусь я. Что это за человек будет с неполной геометрической подготовкой?

Но вот проблема: что за гражданин получится с «соляночными» историческими знаниями?

Впрочем, здесь следует поставить вопрос шире: а нужен ли нынешнему режиму гражданин, т.е. человек, отождествляющий себя со своей страной, ее историей, культурой, языком? Может, предпочтительнее некий неразмышляющий, но непременно исполнительный «винтик»? Такому, разумеется, не требуются ни история родной страны, ни ее культура и язык.

Для «винтиков» вообще история должна подаваться максимально укороченным курсом. Лучше всего белорусская история, конечно же, будет выглядеть, начиная с 1994 года. Собственно, этот почти полутрадесятилетний период и является настоящей белорусской историей. Все, что было до того, это эрзац, некая предыстория. А настоящая история – это агрогородки, ледовые дворцы, селекторные совещания, вплоть до явления народу четырехлетнего Николая, объявленного наследником престола.

Правда, кое-кому может показаться, что этот период вмещает в себя еще кое-какие события. Например, протестные демонстрации на улицах Минска, избияния людей, решившихся публично выразить собственное мнение, и бесчисленные суды над ними, гонения на независимую прессу, изгнание из вузов «непокорных» студентов, жестко контролируемые выборы и референдумы с предсказуемым результатом, «исчезновения» видных деятелей оппозиции, коррупционные скандалы, в которых замешано высшее чиновничество... Кстати, по поводу последних. Меня всегда умиляют речи Главного начальника, грозящего видным коррупционерам наручниками и тюрьмой. Хочется тем не менее спросить: «А с чьего, собственно, позволения эти вороватые людишки оказались на высоких постах? Кто их туда назначил? И не должен ли в первую очередь отвечать именно назначивший их?». Впрочем, поза унтер-офицерской вдовы для наших «вождей» нехарактерна. Они больше по другой части...

Возвращаясь же к «историческим размышлениям», заметим: те, кому кажется, что все эти факты – «исчезновения», избияния и проч. – «тоже история», люди с несомненно искаженным историческим восприятием. Они плохо учились в школе. И вот «укороченная» школьная историческая программа как раз и поможет молодому поколению усвоить то, что действительно ему необходимо.

Коротенький, необременительный исторический курсик – и для «винтика» достаточно. Мало ли что в других европейских странах в школах преподается национальная история, что этот предмет считается там основообразующим личность будущего гражданина? Европа нам уже дав-

но не указ. У нас свой путь. Больше «винтиков»! В стране «шкварки и чарки» других не требуется.

II

Впрочем, курс на болванизацию общества взят не сегодня. В стране уже давно жестко и последовательно внедряется бескультурие. Хотя никакого специального заговора тут не существует. Этот самый курс естественен, ибо натурально «проистекает» от существа правящей верхушки, которую нынче принято называть гордым словом «элита». Эта самая «элита», как мы знаем, у нас еще та! И образование у нее капитальное, и нравственность на высоте. Она тебе и про деятельность Скорины в Петербурге расскажет, и про стихи Василя Быкова, и морали поучит, не будучи обремененной ею.

Так что процесс самый что ни на есть естественный. За последнее десятилетие произошло невероятное падение культурного уровня в Беларуси. По сути разрушен и отправлен в некий андерграунд культурный слой, который задавал тонус в общественной жизни. Разрушены литературная жизнь, литературный процесс, несмотря на номинальное существование нескольких государственных журналов и газет. Нет литературных вечеров, дискуссий, полемик... Нет ни в государственной прессе, ни на государственном телевидении и радио выступлений подлинных белорусских интеллектуалов, литераторов, историков, философов, публицистов. Всюду царит «попса» вкупе с обслуживающим властью «идеологическим персоналом». Собственно, последний это тоже «попса», только идеологическая.

Полной девальвации подверглась у нас журналистская профессия. Я не раз писал об этом. Сейчас же хочу подчеркнуть: когда процесс болванизации общества растягивается на долгие годы, то в конце концов наступает период, когда то, что считалось позорным, то, что считалось извращением, становится «нормой». Причем находятся деятели, которые желают эту «норму» обосновать, возвысить, придать ей черты идейного благородства. И, естественно, тем самым подкрепить собственную «идеологическую по-

зицию». Так сказать, утешить себя, успокоить некие остатки совести...

Интернет-газета «Белорусские новости» приводит такую автохарактеристику выступающего на ее страницах шефа Белорусского телевидения А. Зимовского: «Называет себя основоположником, теоретиком и практиком охранительного направления в белорусской тележурналистике. Вслед за Пушкиным считает журналистику «рассадником государственных людей». Разумеется, приятно числить Пушкина в своих идеологических предшественниках. Но, видимо, на факультете журналистики Львовского военнополитического училища, где формировался культурный уровень г-на Зимовского, дело с преподаванием русской литературы обстоит неважно. В противном случае тамошние педагоги должны были объяснить курсанту, что говоря о «сословии журналистов», как «рассаднике государственных людей», Пушкин имел в виду идеальную ситуацию, т.е. необходимость участия в прессе широко мыслящих и, безусловно, нравственных личностей. Которые, конечно же, нисколько не должны быть похожи на примитивных идеологических лакеев. В начале 30-х годов XIX века, когда были сказаны слова о «государственных людях», власть закрыла «Литературную газету», журнал «Московский вестник», лишив поэта и его окружение общественной трибуны. Возможно, г-н Зимовский думает, что Пушкин, как государственный, приветствовал такую политику правительства. Потому что сам г-н Зимовский, скорее всего, не имеет ничего против как закрытия ряда газет, так и лишения их, как, к примеру, «Народной воли», нормальных условий существования. Во всяком случае, эта тема не занимает умы своры «аналитиков», содержащихся на БТ.

Вынужден разочаровать г-на Зимовского. Его «государственничество» не имеет ничего общего с государственничеством Пушкина, всю жизнь воевавшего с «сукой цензурой» (слова поэта из его письма к Вяземскому). Так что подальше, подальше от Пушкина, г-н Зимовский! Неровен час увлечетесь – карьеру испортите. И не следует смешивать лакейство с подлинным служением Родине. «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды...» – сказал о себе

поэт. А вот чего сеятель г-н Зимовский? Здесь открывается широчайшее поле для рассуждений. И я не решусь – по этическим соображениям – приводить те выразительные характеристики деятельности «работающего на правительство» шефа БТ, которыми уснащен Интернет.

Скажу иначе. Признание в принадлежности к «охранительному направлению в журналистике» сродни кокетству лакея, любящего в отсутствие господ допивать остатки из винных бутылок, а потом перед зеркалом примеривать на себя мундир хозяина, служащего в полиции. «Пусть говорят! А я вот какой! Я не стыжусь! Я открыто заявляю, что служу своему господину и больше всего на свете люблю французское вино и полицейский мундир!»

Да ради бога, г-н Зимовский! И до вас были «услужавшие» журналисты. Только они об этом не кричали на весь свет. Какая-то частичка стыда все-таки была и у них. Нынче, как уже говорилось, времена иные. Теперь публично человек заголяется, лижет и кричит дурным голосом: «Заголяюсь! Лижу!».

Читатель, наверное, заметил: я люблю цитировать Щедрина. Писателя на все времена. Вот и определяя суть современного ему «охранительного направления в журналистике», Михаил Евграфович сказал: «Агонизирующая тоска и разработка шкурного вопроса».

Не просто сказал – припечатал, пригвоздил. И тех, живших рядом с ним уродов-современников, и их отвратительных детенышей, народившихся спустя многие десятилетия.

«Народная воля», 2008, 28 мая.

Разные судьбы

Сразу предупреждаю: если кто-то подумает, что я что-то имею против Димы Колдуна, то он глубоко ошибается.

Симпатыга. Скромный. Наверное, небездарный. Даже скорее талантливый. И поет, и ногами выделяывает... В общем, может.

А уж сколько мы узнали благодаря нашей прессе о Диме.

И про ковер его, и про диван. И про блага, обрушившиеся на него после шестого места в Хельсинки.

Про ту же квартиру, в Кунцевщине, кажется.

А что же? Заслужил!

А то всё как зайдет на Западе речь про Беларусь, талдычат одно и то же: диктатура, диктатура...

Прямо в зубах навязло.

А у нас вон какие талантливые ребята имеются! Разве такие могут вырасти при диктатуре?

Ни в жисть!

Такие, как Дима Колдун, только в свободных странах произрастают.

И сам Дима, кстати, парень понимающий. В одном интервью очень четко отметил, что он политикой не интересуется.

И правильно. Зачем ему политика? Его дело – петь. С Киркоровым дружить. Делать дальше свою карьеру в мире попсы.

А про политику есть кому в нашей стране думать.

Впрочем, Дима парень непростой. Хотя и зафиксировал в том же интервью, что политикой не интересуется, но слегка прошелся все-таки насчет разных нехороших слухов о нашем государстве, связанных с той же диктатурой. Мол, приезжайте, Фома неверующие, в Беларусь, сами увидите, какая у нас тут диктатура. Сами же будете восхищаться чистотой в Минске.

О, эта пресловутая минская чистота! Не знаю, как вы, дорогие читатели, а я уже давно поверил, что чистота не только мать порядка, но и заменитель всякой демократии.

В самом деле, зачем какая-то паршивая демократия, если в городе чисто? Окурка на асфальте не видно.

Для нормального человека чистота в городе – первое дело.

Так что Дима всё очень даже правильно понимает. Способный не только в пении молодой человек.

Надо полагать, за всё это и отмечен разными благами сверху.

А вот есть у Димы Колдуна сверстники, совсем неправильно нашу жизнь понимающие. Им бы, к примеру, Юрасю Алейнику или Татьяне Хоме, поучиться бы у него, у

Димы, как нужно себя вести, как рассуждать, вообще как подходить к жизни.

Та же Татьяна полагала почему-то, что ежели она отличница и очень способная, то можно ей по границам разъезжать, от имени белорусской молодежи выступать на разных форумах, не спрашивая разрешения у товарищей из БРСМ. Соответственно, пришлось Татьяне расстаться с белорусским вузом. Правда, сейчас она учится, кажется, в одном из австрийских университетов. Но разве можно сравнивать качество образования в Австрии и в Беларуси.

Или тот же Юрась. Ведь какая карьера открывалась перед парнем, уже стоявшим перед выпуском из Академии управления при Президенте Республики Беларусь. И ведь предупреждали его по-хорошему руководители Академии. А он связался зачем-то с Белорусской ассоциацией журналистов, с Товариществом белорусского языка. Мало этого, ходил на разные митинги и шествия, которые проводила оппозиция. Он, видите ли, полагал, что ежели они, митинги и шествия, разрешенные, то это нормально, в полном соответствии с законом, и, естественно, ему ничем плохим такая гражданская активность не грозит.

Наивный человек, скажет кто-то. А еще в Академии управления учился... Неужели, не понимал, что наши законы – особые? То, что записано в Конституции, не обязательно одобряется в реальной жизни.

Вот Дима Колдун, в отличие от Татьяны Хомы и Юрася Алейника, всё толково понимающий парень. Он знает, что нужно петь и танцевать. И ничего больше. И всё будет у него в ажуре. Зачем, в самом деле, Диме идти на Чернобыльский шлях или участвовать в такой возмутительной акции как сбор подписей студентов против отмены льгот?

У Димы со льготами всё в полном порядке. Квартира дана под какой-то смехотворный и супердолговременный процент, о котором Юрась и мечтать не может.

Как вы можете сравнивать Диму Колдуна и этого... исключенного... Юрася Алейника? – слышу я возмущенные голоса. – Дима – наша национальная гордость, он прославил Беларусь на всю Европу!

Согласен – прославил. Но почему-то эта слава не греет

меня. Я почему-то не могу отделаться от мысли, что сотни тысяч долларов, потраченные на подготовку, чтобы выйти на Евровидении с бойкой песенкой на английском языке, очень пригодились бы нашим сельским, районным и городским больницам, нашим нищим старикам, нашим больным детям.

А как же престиж страны? – опять-таки спросят меня.

Вот здесь-то собака и зарыта. Что следует понимать под престижем страны?

Для меня престиж страны – это здоровые дети, это живущие в достатке старики. Нет, я понимаю, что легче вбухать миллион долларов в одного Диму Колдуна, чем лечить больных детей или поднимать пенсии старикам, или сохранять льготы студентам. Это ведь дела незаметные и очень хлопотные. А успех Колдуна на Евровидении сразу на какую высоту нашу страну поднял!

Но как-то неуютно мне на этой высоте. Мысль все время возвращается к детишкам и старикам. И рассуждаю я просто. Беларусь – бедная страна, ежели инженер-конструктор высшей категории получает пенсию размером что-то около 350 тысяч рублей (было недавно такое читательское письмо в «Народной воле»). А бедной стране и жить, наверное, следует соответственно. Не пыжиться и тужиться на разных Евровидениях, а думать прежде всего о своих гражданах.

Правда, есть и другая точка зрения: мол, бедный белорус порадуется Диминому успеху и не захочется ему ни лекарств дорогих, ни хороших продуктов. Так и проживет с этой еврорадостью.

В общем, принцип известный: народу нужны хлеб и зрелища.

С хлебом – не очень. Зато зрелищ – навалом. Причем дорогущих. Желтые газетки захлебываются слюной от перечисления гонораров так называемых «звезд».

– Да что вы все деньги чужие считаете, – скажут мне Димины поклонники. – Разве не знаете? Это всё Киркоров оплатил.

Как же – слышал... До сих пор вроде обижается Филипп, что ему какие-то сотни тысяч евро белорусские власти не вернули.

Но Бог с ними, с этими расчетами-подсчетами... Что нам в самом деле до правил, по которым живет кривляющаяся и зажиравшая поппа.

Вернемся к изначальной параллели – Дима Колдун и Юрась Алейник.

В послевоенные годы в школе, где я учился, на каких-то уроках на доске вывешивался плакат под названием «Два мира – две судьбы». Плакат был разделен на две части: на первой был изображен советский школьник – чистый, опрятный, со счастливым лицом, на второй – жалкий негритянский подросток, одетый в лохмотья, грязный, да к тому же избиваемый каким-то толстым дядькой с сигарой в зубах. Смотрели мы на этот плакат и думали: как же хорошо, что мы живем в СССР, а не в этой ужасной Америке, где вот так обращаются с детьми.

Почему-то сейчас мне вспоминается этот давний послевоенный плакат. Хотя, казалось бы, какие могут быть параллели? Дима и Юрась живут в одной стране. Под одним, в сталинские годы писали, – счастливым солнцем.

Да, конечно, страна одна. И солнце одно. А вот судьбы у ее детей разные.

И я думаю: почему?

Почему у Димы радость и счастье, а у его сверстника Юрася – беда и забота?

Почему Диме в вузе давали разные отсрочки и вообще отнеслись с пониманием к его «евровидческим» хлопотам, а Юрася за какие-то шесть часов пропусков занятий без уважительных причин отчислили из Академии? Ах, еще забыл такую «уважительную» причину как «неучастие в местных выборах»! Очень, конечно, серьезные основания для отчисления блестяще успевавшего четверокурсника (последняя сессия была сдана на «девятки»). Кстати, как сдает свои зачеты и экзамены будущий химик Колдун, в основном занятый на сцене, можно, конечно, догадываться...

Но не надо забывать, напоминает мне внимательный читатель, и о том, о чем говорилось в начале фельетона. Юрась, в отличие от Димы, ведет себя неправильно. Мало того, что ощущает себя белорусом (член Общества белорусского языка), так еще и гражданскую активность про-

являет – собирает подписи среди студентов против отмены льгот. А это уже вообще ни в какие ворота не лезет! Человек учится в Академии при Президенте республики и смеет возражать против мер, одобренных самим Президентом!

Хочется возразить: а что – разве в Академии готовят безгласных роботов? Разве будущие управленцы высшего звена, которых там обучают, должны быть затурканными, робкими, покорными исполнителями чужой воли, а не самостоятельно мыслящими и действующими людьми?

А то вы не знаете ответа на этот вопрос? – слышу я реплику насмешливого читателя.

Да, знаю, знаю... Только вот понять не могу. Власть твердит, что не видит будущего страны без новейших технологий, без оригинально, нешаблонно мыслящих менеджеров-управленцев. Но как вырастить таких, ежели курс взят на нерассуждающих?

Иногда мне приходит в голову, что власть верит, что можно воспитать, выучить самостоятельно и оригинально мыслящих, но эти самостоятельность и оригинальность будут некоего особого свойства, т.е. иметь какие-то ограничители: вот, сюда, мол, можно, а вот в эту сторону запрещено...

Но какая же это, право, оригинальность, какая самостоятельность? Так не бывает...

А вот и бывает! – возразят мне те же поклонники Димы Колдуна. – Вот наш Дима и талантливый, и оригинальный и вполне самостоятельный.

Позволю себе тем не менее усомниться. Конечно, Дима человек не без способностей. А вот насчет самостоятельности... Здесь я думаю предпочтительнее говорить о том, что Дима хорошо усвоил, «что такое хорошо и что такое плохо». Парень знает, что, где и когда нужно говорить...

В этом смысле мне гораздо самостоятельнее представляется Юрась Алейник. Человек ясно осознает себя как личность, как неравнодушного гражданина своей страны, о чем свидетельствует его интервью в «Народной воле» (номер за 8 июня).

Но если такие не нужны – значит все слова власти только слова... Какое же будущее у страны, у государства, ко-

торое предпочитает иметь дело с нерассуждающими, не имеющими своего мнения, не чувствующими себя гражданами своей страны?

Конечно, это вопрос риторический, если у власти временщики, живущие по принципу – день да ночь сутки прочь. И вообще – после нас хоть потоп...

Но с другой стороны – есть же такие люди, как Юрась Алейник. Власть выдавливает их из вузов, из белорусской жизни, спроваживает в эмиграцию, на учебу за границу. Но их много, таких как Юрась. Всех не выдавишь и не пересажаешь в изолятор на улице Окрестина. Власть, которая не понимает этого, обречена.

И однажды может случиться такое, отчего власть хватит кондрашка. Выйдет Дима Колдун на эстраду и запоем не по-английски, а на белорусском языке. И это будет песня, которую он посвятит своим друзьям-студентам, борющимся за свои права.

Вы говорите: такого никогда не случится...

Но ведь мы и не такое видали.

Советский Союз развалился, а кто мог поверить в это?

Поэтому поживем – увидим.

Народная воля», 2007, 15 июня.

Гражданином быть не положено

*Впечатления от очень старого спектакля
в Театре имени Горького*

Читаю выдержки из протокола заседания художественного совета Национального драматического театра имени Горького и кажется мне, что присутствую на очень знакомом спектакле, давно поставленном, когда-то уже виденном. Спектакле, который долго не шел. Но декорации хранились на всякий случай. И роли его участники не позабыли.

И вот всё это вдруг понадобилось. Вытащили старые декорации. И тексты с почти истлевших записей пошли, зазвучали так гладко, бойко, уверенно.

Фабула вполне динамична, а, главное, очень современна.

Вот молодой, симпатичный, талантливый актер. Его в чем-то обвиняют. Хотя непонятно, в чем. И он сам не понимает. И обвинители туманно формулируют.

А вот и они, судьи.

Художественный руководитель театра. *«Мы с тобой договаривались, – говорит он актеру, – что ты скажешь: я совершил преступление. Ты этого не сделал».*

Но в чем преступление актера, этого худрук не сообщает. Хотя есть «общий посыл», который он сформулировал с сократовской лапидарностью: *«Революционная настроенность опасна, вредна. Единственное, что бессмертно, это искусство».*

Выходит, молодой актер – опасный подрывной элемент? Может быть, он участник готовящегося государственного переворота? Делает бомбы? Копит оружие? Разбрасывает листовки?

Но никаких фактов нет.

Откуда же тогда «революционная настроенность»?

Непонятно.

Слово берет другой персонаж, знаменитый, популярный актер, народный артист еще со времен Советского Союза. Он говорит: *«Это всё превращается в кузницу инакомыслия. Мы не позволим превратить театр в «Майдан».*

«Кузница инакомыслия».

Замечательный образ. И непонятно, почему так ополчился на него знаменитый актер. Ведь театр, в котором он работает – позволю по старой памяти именовать его Русским театром, – только и делал десятилетиями, что показывал нам инакомыслящих. Они были героями многих спектаклей. И поэтому сам театр был многие годы этой самой кузницей инакомыслия. И сам знаменитый актер сыграл немало ролей этих самых инакомыслящих. И за это мы ему аплодировали и любили его. И разве мог бы театр выжить за счет каких-то других героев – серых, будничных, приземленных? Разве инакомыслие – не исконно драматическое, трагическое, романтическое качество, на котором и держится веками театр, начиная с шекспировского Гамлета, а, может быть, и ранее – со времен Аристофана и Эврипида? Могу взять почти любой спектакль Русского театра и без труда докажу это.

Кто-то хочет превратить театр в «Майдан»? Понятное дело: кого-то мучают украинские аллюзии и страхи... Но, кажется, мы ничего не слышали о бурных политических сходках в Русском театре. Идут там – и не без успеха – разные спектакли, работают прекрасные и молодые и заслуженные артисты. Идет своя театральная жизнь.

При чем тут «майдан»? Почему «политические ужасы» мерещатся знаменитому актеру? Уж не заболел ли он на самом деле, в отличие от «мнимого больного», одного из своих последних сценических героев?

Но вот в дело вступает еще один судья. Он – «ведущий мастер сцены» (не знал, что есть и такое звание) и заслуженный артист республики.

Этот оперирует хорошо знакомой нам терминологией.

«Но ты, – бросает он в лицо молодому актеру, – по политическим и идеологическим мотивам отстранен от участия в спектаклях».

Что ж, на то он и «ведущий мастер», чтобы сразу расставить акценты. Но причины все-таки должны в основе своей иметь какие-то факты. А их «ведущий» и не приводит. Впрочем, его можно понять. Мы ведь знаем: когда такое – *«по политическим и идеологическим причинам»* – говорили в советские времена, то больше ничего не говорили, поскольку всё и всем было ясно. И видно, что «ведущий мастер» хорошо запомнил эту роль, которую он, возможно, с успехом играл в той, прошлой жизни. И вот воспрянул, вспомнил бывшее, родное и снова заговорил, как пописаному. Молодец! Хорошую школу прошел, что и говорить.

Некоторую ясность внес по-настоящему ответственный персонаж – директор театра. О, директор театра это с советских времен у нас особая должность! Человек отвечает буквально за все. И бдит. Эти две функции его слитны, неразделимы. Поэтому он не может объясняться экивоками и сразу обнажает ситуацию.

Директор объясняет все четко: *«Вы нарушили театральную этику. Публичный человек не может вечером играть на сцене государственного театра, а ночью идти на площадь с протестом против государства – это непорочно».*

Конечно, лучше бы директору театра не вторгаться в столь сложные философские проблемы, не становиться на эту шаткую дорожку рассуждений об этике и публичном человеке. Подписал приказ об увольнении – и с плеч долой! Но директор настрадался с молодым актером. Об этом на худсовете с трагическим надрывом поведал знаменитый актер: *«Ты не понял директора, которого загнали до предела, до шантажа дело доходило»*.

К сожалению, эта интересно наметившаяся линия не получила в спектакле развития.

Кто загнал директора? Кто его шантажировал?

Но, слава Богу, загнанный и шантажированный директор выстоял, выдюжил. И вот он на худсовете тоже решил «подвести базу».

Оказывается, есть такая этика особая, театральная: если вечером играешь в гостеатре, то ночью ходить на площадь с антигосударственным протестом никак нельзя. Отыграл в театре и сразу – домой, к жене, к детям, как все порядочные люди. Ну или там с приятелем за пивком посидеть.

А этот на площадь пошел! Да еще ночью! Правда, опять-таки ничего антигосударственного молодой актер не совершал. Просто пришел поддержать своих товарищей, которые – что? Строили баррикады? Готовили восстание?

Да нет. Эти молодые люди просто усомнились в результатах выборов президента. Но для кого сомнение, а для кого – *«протест против государства»*, почти мятеж. Потому что сомневаться нельзя, не положено. Всякое сомнение – почти террористическая акция.

Потому худрук и сказал – *«ты совершил преступление»*. И, естественно, пошла речь о революции, о «майдане». Потому что директор театра доходчиво объяснил, что «публичный человек» – этот тот, который домой после спектакля идет.

Так все просто.

А молодой актер все никак не мог понять, в чем его обвиняют. У него было другое понятие о «публичном человеке». Он уже глотнул воздуха свободы. И ему казалось, что этот замечательный опыт можно продлить. И судьи, старые, почтенные, очень опытные люди, много повидавшие на своем веку, много отсидевшие на разных идеологичес-

ких разборках, оттого злились и раздражались все больше.

Он что, этот молодой талант, полный дурак, идиот?

На серьезе верит в нашу конституцию, в то, что у нас действительно демократия, свобода? Он – что, не понимает, где, в какой стране и в какое время мы живем?

Ему же худрук русским языком объясняет: *«Ты стал профессиональным революционером и можешь подвести театр»*.

Знаменитый актер буквально на пальцах раскладывает: *«Есть президент, который очень хорошо относится к театру. Не хотелось бы, чтобы это мнение изменилось»*.

Президент хорошо относится к нашему театру!!! Неужели непонятно?!!!

Директор театра почти умоляет: *«Для театра грядет подтверждение звания «Национальный», результаты подписывает президент. Это звание мы завоевывали годами, вы его поставили под угрозу лишения»*.

Неужели, по-прежнему непонятно?!!!

Увы – он ничего не понимает, этот молодой актер. Твердит, что его зачем-то делают революционером, а он на самом деле никакой не революционер, а нормальный молодой человек. С нормальными гражданскими чувствами. Любит своих друзей. Свою страну. Свой театр, наконец.

И худсовет выбился из сил. Ну не могли же его члены, они же судьи, открыто сказать молодому актеру: «Слушай, гражданские чувства у нас запрещены. Это там давно кто-то писал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Но это все литература, Павел! А есть жизнь! Надо реально смотреть на вещи! Ре-аль-но! Понимаешь?».

Но он не понимал. Он вел себя, как наивный Дон Кихот, как Ланцелот из шварцевского «Дракона». Он хотел, чтобы Правда, Истина и Добро, за которые он боролся на сцене, утверждались и в жизни. А старые, опытные, умудренные жизнью члены худсовета знали, что так не бывает. Они знали, что со сцены театра можно и нужно произносить всякие высокие слова о Правде, Истине и Добре, а потом, сняв грим и парик, обдeldывать свои делишки и говорить при этом: «Се ля ви».

А молодой актер не хотел жить этой ихней двойной «селяви». И они выбросили из театра талантливого, честного,

наивного, открытого, верящего в Правду, Истину и Добро, занятого в разных спектаклях в главных ролях, отмеченного и режиссерским даром. Избавились, так сказать, от «инородного тела».

Пушай и в ущерб театру, искусству, зрителю.

Важнее всего на идеологическом фронте всегда было: выполним задание партии и правительства.

И теперь – выполним.

Там, наверху, должны знать, что мы люди верные, не зря свой хлеб с маслом жующие, не подведем.

Ну и отрапортовали, естественно, куда надо: так, мол, и так, удалили мы этого, неблагонадежного.

Теперь есть надежда, что звание Национального театра не отнимут.

Хотя – кто его знает... Могут и придаться наверху, что чересчур долго возились с этим ненадежным талантом. Не проронил же ни слова сидевший на том же худсовете заместитель министра культуры. Тоже, впрочем, действующее лицо. Такой вот андреевский Некто Ограждающий Входы. Только без слов. Что само по себе еще более многозначительно.

Знаменитый актер на прощанье сказал Павлу: *«Ты не пропадешь, ты очень талантливый человек. Но мы так жить дальше вместе не сможем»*. По сути знаменитый актер признал, что таланты театру не нужны. И даже некое самоуничтожение проявил: нам с талантами сосуществовать невозможно. Вот ведь что может сделать с человеком чересчур пылкая любовь к президенту.

Кстати, о президенте. Почему такая уверенность у членов худсовета, что любовь к президенту требует обязательного изгнания из театра талантливого человека, пошедшего на площадь поддержать своих друзей? Может быть, узнай обо всей этой истории президент, он распорядился бы прервать этот недостойный спектакль? Но президент высоко, а минкультовские чиновники, жаждущие предвосхитить «высочайшую волю», всегда бегут впереди, забегают вперед, работают на опережение монаршей воли...

Ну и что в результате, господа угодливые минкультовцы? Опять позор на нашу бедную Беларусь. Мало нам все-

го другого. Теперь еще и Театральный Позор имеем. Впрочем, что же, такая у нас традиция.

Ну не нужны нам ни интеллект, ни культура, ни знания, ни таланты. А уж порядочность и совесть – это вообще у нас качества антигосударственные.

Другое сегодня в цене.

И вот имеем...

Закрытый Коласовский лицей.

Изгнанный в эмиграцию Европейский университет.

Скитающийся в полуподполье Свободный театр.

Задуманная независимая пресса.

Изгнанный из своего дома Союз писателей.

Ректоры университетов в тюрьмах.

«Единственное, что бессмертно, это искусство», – сказал художник, больше, видимо, уверяя себя самого.

Наверное, об искусстве не думали Ростропович и Вишневецкая, поселив на своей даче опального Солженицына.

И те писатели, что вступались за Иосифа Бродского.

Эх, Борис Иванович! Ростислав Иванович!

Мы ведь помним вас молодыми, дерзающими, смелыми, романтичными.

Куда всё подевалось?

До чего же можно постареть и побогатеть....

«Это всё превращается в кузницу инакомыслия».

Да разве так говорят с молодежью?

Неужто, забыли любимого героя Островского, Несчастливцева из «Леса»?

– Надо говорить и думать как Шиллер! А вы говорите и думаете как подъячий!

Я смотрю на фотографию Павла, опубликованную в «Народной воле».

Симпатичное лицо. Открытый взгляд. Талант в глазах.

Успехов, веры и воли тебе, Павел! Я, как и Ростислав Иванович, верю, что ты не пропадешь. Если есть у Беларуси такие сыновья, значит наше дело небезнадежно.

«Народная воля», 2007, 5 апреля.

Белорусский вариант «Чайки»

Недавно в одном дачном поселке меня пригласили на спектакль. Подростки лет 12-13-и прямо на природе разыгрывали незамысловатые скетчи, сценой служили раскрытые ворота гаража, публика – взрослые, дети – расположилась на скамейках и дружно приветствовала актеров. Кстати, работал буфет и за весьма умеренную цену подавались бутерброды и минеральная вода.

Следя за действием, я невольно поворачивал голову в сторону лесных зарослей.

– Ты чего нервничаешь? – спросил меня знакомый родитель.

Что я мог ему ответить? Ну не признаваться же в самом деле в том, что разглядываю за ближайшими кустами, нет ли там притаившихся омоновцев или каких-то других спецслужбистов?

История со «Свободным театром» кого хочешь научит. Вот сейчас ввалятся люди с автоматами и заявят: «А на каком основании вы тут, в дачном поселке, пьески играете? Разрешение есть? Лицензия? Бумага из министерства культуры? Печать местного сельсовета? Кто хозяин дачи? Подать сюда режиссера!»

А когда увидят буфетик с бутербродами и минеральной, вызовут налоговую инспекцию. Незаконная торговля...

Натурально, будут составлены протоколы. Потом загребут нас всех, и актеров и зрителей, в автобус, повезут в местное отделение милиции. Будем писать объяснительные... Родители будут глотать валидол, детишки плакать...

Скажите: да ну, ты загнул, такое у нас невозможно...

А почему, собственно, невозможно?

Актеров «Свободного театра» поволокли из частной квартиры, где они выступали, в участок вместе со зрителями, среди которых были и дети и иностранцы...

У нас «органы» четко действуют. Не рассуждают. Актеры, дети, иностранцы – все одно. Приказ не подлежит обсуждению.

Известный на весь мир английский драматург Том Стоп-

пард, который дружит с минским «Свободным театром» и высоко ценит его искусство, заявил, что вот если бы он был на этом самом представлении (а он собирался быть), то ничего бы, мол, подобного не случилось. Не осмелились бы «органы» в его присутствии на такое...

Ах, мистер Стоппард! Наивный англичанин! Он полагает, что если у него мировое имя, то это некий заслон перед белорусскими «органами».

Представляю себе эту сцену.

– Я Том Стоппард! – гордо говорит драматург.

– А вот мы тебя сейчас, мистер, и стопарнём! – отвечает ему наш спецназовец-омоновец. – В милиции разберемся, что ты за птица.

Нет, напрасно все-таки г-н Стоппард не добрался до Минска.

Какой сюжет он получил бы для новой пьесы!

Наш майор или подполковник допрашивает его в милицеском отделении.

– А вы по какому, собственно, поводу в столицу Республики Беларусь приехали?

– Да вот, – отвечает Стоппард. – Приехал посмотреть спектакль «Свободного театра». Они, кстати, и мои пьесы ставят. Талантливые, знаете, люди работают в этом театре...

– Тэ-э-к-с... – говорит майор или подполковник. – Значит, искусством интересуетесь? Это хорошо, господин Стоппард...

– Интересно! – чуть ли не с вызовом отвечает Стоппард.

– Так почему бы вам, господин хороший, – майор или подполковник доверительно перегибается к нему через стол и чуть ли не шепчет на ухо, – почему бы вам, не пойти в нормальный театр, в кассу, купить там билет, занять законное место и – наслаждайтесь себе нашим белорусским искусством на здоровье... Зачем вам на частную квартиру ходить, смотреть какой-то незарегистрированный театр? С сомнительным, а главное, не утвержденным в нашем министерстве культуры репертуаром... Нехорошо...

– Извините, – волнуется Стоппард, – я не понимаю, что такое незарегистрированный театр... У нас этого нет...

Люди просто выступают, ставят спектакли... И репертуар у нас никакое министерство не утверждает!

– Вот-вот, – назидательно качает головой майор или подполковник, – нет у вас порядка, господин Стоппард. А у нас есть... У нас, господин Стоппард, все должно быть зарегистрировано, оформлено как следует. А то ведь что получается? Захотели какие-то люди и ставят себе спектакли по квартирам, по дачам... У нас это не положено.

– Но позвольте! «Свободный театр» очень хорошо известен в Европе. Он лауреат многих почетных премий! Если вы не хотите, чтобы он скитался по квартирам и дачам – дайте ему возможность арендовать нормальное помещение!

– Нормальное помещение дать предлагаете?... А вот это, господин хороший, еще нужно заслужить, доказать, так сказать, свою преданность власти...

– Но искусство не должно прислуживать власти! У него совсем иная функция! – пытается возражать Стоппард.

– Это у вас, на Западе, господин Стоппард, не должно... А у нас, позвольте заметить, свои традиции.

– Какие традиции? – окончательно теряется знаменитый драматург.

– А такие! Слыхали такое выражение: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст»?

– - Джаз... родину... продаст... – шепчет Стоппард и падает в обморок.

– Какой впечатлительный англичанин... Пронял я его однако, – с удовлетворением отмечает майор или подполковник. И дает команду сержанту:

– Харитоненко! Дай господину писателю воды!

– У него, кажись, зубы защемило, – докладывает, суетясь со стаканом, растерянный сержант, – может со страху... Или перенервничал?

– Разожми ему зубы, Харитоненко, – командует майор или подполковник, – мы гуманные люди...

На этом месте в пьесе, которую, возможно, напишет Том Стоппард, мы предлагаем опустить занавес.

Пора переходить к обсуждению. Но начнем со спектакля, поставленного доблестными бойцами правопорядка

сначала в частной квартире, а затем продолженного ими же во дворе одной из дач под Минском. Собственно, это не совсем верно утверждать, что силы белорусского правопорядка поставили спектакль в «Свободном театре». Скорее, они вмешались в режиссуру, предложили свое, так сказать, видение искусства.

Надо отметить, что во время загородного спектакля «Свободного театра» эти самые силы вели себя достаточно либерально. В участок на этот раз никого не тянули. Наблюдали за действием из-за кустов, откуда вели видеосъемку. И упорно отказывались занять нормальные зрительские места, несмотря на настойчивые и вполне дружелюбные предложения актеров.

Ну, эта скромность понятна... А вот съемка? Я лично так думаю. С одной стороны, у нас традиция такая: теперь всё снимается – разные демонстрации, марши, пикеты и т.д. Сняли человека – и он уже в картотеке. Очень даже удобно. И начальству не надо никуда ходить. Прокрутил у себя в кабинете кассету – и полностью в курсе дела.

А вот с другой стороны, здесь может быть и неудовлетворенная тяга к искусству. Ну не пойдет тот же начальник на спектакль «Свободного театра». Сами понимаете – нельзя... К хохмачу из «Городка» – это можно, это разрешено. А в «Свободный театр» – это должностное преступление, это, можно сказать, государственная измена.

А посмотреть-то хочца! Вот и велено совместить полезное с приятным – и зафиксировать, кто был, что делал, и само искусство, так сказать, запечатлеть. На всякий случай. Надо же быть в курсе.

А вообще с искусством у нас еще нужно разбираться. Кто имеет право ставить спектакли, писать картины, сочинять стихи и романы, а кто – нет!

Ведь что получается. Организовали другой союз писателей. Произвели соответствующие назначения в классики белорусской литературы. В школьных учебниках необходимые замены произвели. А те, что остались в старом союзе, все равно считают себя писателями. И даже продолжают писать!

Непорядок! Вот со словом «президент» есть полная яс-

ность. Никто в этой стране не имеет права именоваться президентом, кроме одного человека. Законодательно решили вопрос и точка.

Видимо, пришла пора законодательно решить вопрос, кто имеет право именоваться писателем, художником, артистом... Соответствующие удостоверения выдать. И тогда будет все просто. Сочинил человек поэму или роман. А его в соответствующий орган вызывают:

– На каком основании сочинили? Имеете удостоверение от властей, что вы писатель? Не имеете? На первый раз штраф в сто базовых величин! При повторном нарушении закона – пять лет тюрьмы!

То же – по отношению к актерам. Конечно, кое-кто будет ссылаться на давнюю традицию любительских спектаклей. Но жизнь-то не стоит на месте. Пришло время и с любительскими спектаклями разобраться.

В этом месте на меня опять накатывает... Я представляю себе, как могло бы развиваться действие в чеховской «Чайке». Помните: в барском имении, на любительской сцене, бледный, нервный и страшно талантливый Треплев ставит пьесу. И вот только Нина Заречная, заламывая руки, начинает свой знаменитый монолог: «Люди, львы, орлы и крокодилы, рогатые олени...», как на сцену врывается ОМОН... То есть не ОМОН, а, согласно историческому времени, царские жандармы. И начинается катавасия. Протоколы-обыски. А потом всю труппу, а заодно и владельца имения госпожу Аркадину и ее друга писателя Тригорина и всех прочих гостей волокут для объяснений в участок.

Но штука в том, что в проклятое время царизма такое было невозможно. Вот и думаешь, во имя какой такой свободы совершалась Великая Октябрьская Социалистическая Революция? Неужто для того, чтобы спустя полтора десятка лет после развала Советского Союза в суверенной и супердемократической Беларуси не какие-нибудь анахронические жандармы, а очень даже подготовленные супермены стаскивали со сцены и Заречную и Треплева?

Вот Акунин переписал чеховскую пьесу. Придумал другое развитие событий. Но даже знаменитому детективчику не пришлось в голову ничего похожего на «белорусский

вариант» чеховской «Чайки». Наш ремейк забивает все мыслимые фантазии.

У Тома Стоппарда – говорю это на полном серьезе – есть возможность подумывать над новой пьесой. То, что зрители придут – гарантировано. Правда, кое-кто в камуфляже, с дубинками, а то и с автоматами. Ну и с камерами, разумеется. Но это уже особенности нашего национального восприятия искусства.

Хотя на самом деле мы та-а-а-кие толерантные...

«Народная воля», 2007, 5 сентября.

Вне политики, или Как жить человеку с совестью

Итак, наши рок-музыканты, можно сказать, в какой-то степени символ если не «белорусского сопротивления», то, несомненно, национальной гордости, побывали с визитом у главного идеологического начальника. Сходили, как пишет крутая публицистка Ирина Халип, «просить жратвы». И получили «шиш с маслом». А, может, и не шиш? Может, и получают еще «дюбели» и другие таланты залы для выступлений, если откажутся петь на оппозиционных митингах под бело-красно-белыми стягами?

На этой теме и завязалась в Интернете, в некоторых печатных изданиях разборка: предали или нет рокеры демократические идеалы. В стране диктатура, напоминает «рок-мальчикам» Ирина Халип, потому и приходится делать моральный выбор. И ставит печать: «Рок-н-ролл мертв». Имеется в виду, конечно, наш, белорусский рок. По крайней мере, известная его часть.

Авторы большей части отзывов на статью под этим названием, опубликованную на сайте Хартии-97, солидарны с Ириной, осуждают рокеров. Но есть и сочувствующие музыкантам и защищающие их. Этих людей можно понять. Им нравится то, что играют и поют Ворошкевич, Вольский,

Кулпинкович, Хоменко. А есть и такие, что высказываются за диалог с властью. Мол, так и нужно действовать. Ничего зазорного...

В целом, как оказалось, проблема вышла за пределы разных толкований известной формулы «Художник и власть». В той остроте, горячности, которыми сопровождались как отклики на статью И. Халип, так и на последующие интервью с ней и с лидером группы «Крама» Игорем Ворошкевичем в «Белгазете», нельзя не почувствовать особую, личную заинтересованности, даже задетости наших сограждан.

Проблема морального, нравственного выбора насколько давняя, насчитывающая сотни веков, настолько и сложная.

В самом деле: как жить человеку с совестью в стране, где – он видит это отчетливо и ежедневно – царят ложь и насилие?

Жить не по лжи... Замечательный призыв. Но как ежедневно, ежечасно наполнять его конкретным содержанием? Тут, пожалуй, и наш митрополит не подскажет.

Кажется, меня самого потянуло на проповедь. Поэтому скажу проще: жили и до нас люди, которые хотели и умели сохранить в себе душу живую в гораздо более тяжелой обстановке. Что же до сегодняшней белорусской жизни, то, соотечественники мои дорогие: а что, собственно, изменилось у нас со времен советского быта? Вместо первого секретаря ЦК – президент-самодержец. Вместо политбюро – его же администрация. Вместо безликого Верховного совета – безликое Национальное собрание. Вместо истории КПСС – государственная идеология. И КГБ на месте. Плюс разные спецслужбы и спецподразделения, готовые выполнить *любой приказ*. И, конечно, не без стукачей живем... Без них нам никак нельзя.

Ну есть, разумеется, отличия от прежнего времени: двести полупридушенные негосударственные газеты, Интернет, за кордон можно съездить... Но ведь и время не стоит на месте. Почему бы и не быть изменениям? Когда-то ведь и телевизоров и сотовых телефонов не было. Но вот и с телефончиками в карманах мы ходим и в Турцию ездим, а

жизнь-то наша по сути своей прежняя – гадкая, трусливая, лицемерная. Думаем одно, говорим – по крайней мере, в публичных местах – другое. В общем, та, прежняя, советская жизнь, при всех ее некоторых внешних модуляциях, продолжается. Поскольку иной мы не захотели. Поэтому власть может и в морду дать, и «исчезнуть человека», и льготы отобрать, и талантливых людей лишить возможности петь, играть, печататься... Но это ведь не какая-то спущенная с Марса власть, а наша, родная...

А между тем жизнь проходит. А тебе кажется, что ты не состоялся, – не спел, не сыграл, не напечатал. Хотя в принципе можно найти способ осуществить и то и другое и третье. Но это риск, если без одобрения сверху, если у тебя вообще имеются какие-то свои взгляды, не совпадающие с той самой идеологией. Да и жить хочется хорошо, спокойно, уютно, сыто.

И вот тут начинается «изобретение позиции». «Я политикой не интересуюсь», – слышим мы иной раз не только от какой-нибудь дергающейся на эстраде «звезды», но и от вполне почтенного деятеля искусства. Только последний предпочитает более благородную упаковку: он, видите ли, творит бессмертное, ему не до дрызг житейских. Понятное дело, очень хочется верить в свое особое предназначение, хочется некоего философского обоснования своей «высокой» позиции.

Политика – это, знаете ли, грязь. И почему я, такой талантливый, должен в этой грязи ковыряться?

Тут, должен заметить сразу, совершается вполне определенная подмена понятий. На место того, что принято обозначать как «нравственность», пододвигается «политика». И с этим нужно разобраться. Когда наша суровая публицистическая воительница Ирина Халип предлагает рок-музыкантам, чтобы они, придя к Пролесковскому, потребовали «освобождения политзаключенных» – это, по меньшей мере, звучит смешно. Но и когда Ворошкевич заявляет, что они «не кантарины, которые должны водрузить над рейхстагом бел-чырвона-белы стяг», и что «кроме политики, есть эта земля, лес, озера, природа» и вообще «можно думать о чем-то другом», – это лукавство. Хотя и уставше-

го от этой беспроблемной жизни, даже измученного – чувствуется по интервью – человека.

Все так: не каждый рожден героем и не каждый должен лезть со знаменем на рейхстаг. Но вот вопрос: а каждый ли человек должен быть порядочным? Вроде и бессмысленно такое спрашивать. А что делать, если мы живем в стране, где проявление порядочности вполне может выглядеть политическим актом. Честный, порядочный, нравственный человек вполне может попасть у нас под «политическую статью». Поскольку, будучи порядочным, честным и нравственным, он может не согласиться с тем, что у нас «исчезают» известные деятели оппозиции и не дается ход расследованиям по этим делам, что исключают из вузов самостоятельно мыслящих студентов, что выгоняют писателей из принадлежащего им дома, что лишают элементарной поддержки пенсионеров, инвалидов, чернобыльцев, что у нас почти задушена независимая пресса, нет независимого суда, нет свободных выборов... Список этих «что» может быть длинным.

Вот я и спрашиваю: несогласие со всем этим – это политика или все-таки простая человеческая нравственность, все та же порядочность. **В том-то и кошмар нашей жизни, что элементарное проявление этой самой нравственности и порядочности правящий режим превратил у нас в «политику».** И мы уже согласились с этим, приняли это. Оказывается, быть порядочным человеком – это означает «заниматься политикой». Вот что исподволь навязала нам власть. Не будь самим собой, лги, притворяйся, в крайнем случае, – молчи. И тогда тебе не пришьют политику, не выгонят с работы, не исключат из института твоего сына. Правда, и порядочным человеком ты себя тоже чувствовать не будешь. Но к этому можно как-то привыкнуть. Как к ампутированной конечности. Живут же люди без руки или ноги.

Так исчезает общественная совесть. Так совершается деградация общества. А деградированными, конечно, легче управлять.

Особенно печально то, что люди, которым, что называется, дано от Бога и которые могли бы быть примером для

общества в этой ситуации полной духоты и бесправия, пытаются подвести некую базу под свое право быть «вне политики». А по сути они – не замечая этого – исключают себя из сферы нравственности и порядочности. Когда я пытаюсь размышлять над причинами этого явления, невольно – помимо известных соображений о выгоде позиции парящего над «грязью жизни» небожителя – прихожу к мысли об определенной ущербности по части общей культуры и образованности у этих талантов.

Вот молодой и уже известный драматург Андрей Курейчик, бежавший в деревню от «грязной и подлой сферы общественной жизни», в подтверждение своих слов о том, что «большие творцы всегда смотрели на политику безразлично, презрительно и свысока», сообщает нам, что «Пушкин не пошел на Сенатскую площадь вместе с декабристами, Достоевский учил императорских детей, Толстой проповедовал непротивление злу, Чехов не стал народовольцем, Мейерхольд после руководства Императорскими театрами возглавил первый советский театр...».

Но Пушкин, напомним драматургу, стажировавшемуся в МХТ имени Чехова под руководством Олега Табакова, во время восстания декабристов находился в ссылке в Михайловском, а будучи позже из деревни привезенным к царю на вопрос, где бы он был 14 декабря 1825 г., если бы был в то время в Петербурге, ответил, что находился бы с друзьями, т.е. с мятежниками, на Сенатской площади. Достоевский никогда не учил императорских детей, хотя и стал в конце жизни монархистом. Но до этого он стоял на эшафоте и ожидал казни вместе с петрашевцами (политическими), а потом были годы сибирской каторги. Лев Толстой, проповедуя непротивление злу, писал яростные антицарские памфлеты, такие как «Не могу молчать!», протестуя против вала смертных казней, катившегося по стране после революции 1905 года. Что до Чехова – я понимаю, что у г. Курейчика были в этом случае большие проблемы с аргументацией и потому он не нашел ничего более умиротворительного, как сообщить нам, что Антон Павлович не был народовольцем. Это действительно большое открытие в современном чеховедении, г. Курейчик! Тем не менее рис-

кну сообщить вам такой факт: когда по указанию царя Горького исключили из Академии наук, Чехов (вместе с Короленко) публично отказался от членства в этом почтенном учреждении. Это как, г. Курейчик, политика или просто поступок порядочного человека?

Одновременно позволю себе поинтересоваться: когда из Русского театра исключали молодого, талантливого актера за то, что он пришел на площадь поддержать своих товарищей, вы, г. Курейчик, как к этому отнеслись? Как к «подлой сфере общественной жизни» или продолжали, гордо укрывшись в деревне Турец, говоря вашими же словами, «стремиться к абсолютной свободе»? Кстати, не написать ли вам пьесу на такой сюжет: молодого актера исключают из театра якобы «за политику», а его друг, молодой драматург, мечется между желанием защитить товарища и пониманием, что его пьеса, премьера которой вот-вот должна состояться, тут же будет исключена из репертуара. По-моему, вполне отвечающая современности коллизия. И про «абсолютную свободу» герои могут порассуждать. Дарю вам этот сюжет.

И, кстати, чтобы вы, г. Курейчик, далее не попадали впросак, подскажу еще: Мейерхольд никогда не руководил Императорскими театрами. У нас-то, в провинции, все можно... А не дай Бог, вы в Москве такое ляпнете, и автора «Пьемонтского зверя» могут счесть за невежду. А, впрочем, для вас ведь главное – «быть выше политических дрызг». Что, полагаю, в деревне Турец (несомненно, будущей Ясной Поляне) вам вполне удастся. Что же касается потревоженных вами теней Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Бродского и Купалы, то, вполне понимая ваше желание быть в одном ряду с этими «не ставшими политическими крикунами» художниками, я позволю себе предположить, что ваша биография сложится более благополучно, чем у них. Ведь вы, хотя и молоды, а уже так умудрены по сравнению с ними. Знаете, как надо жить... А вот они не знали. Поэтому Цветаева повесилась, Ахматову и Пастернака (кстати, хорошо знавшего, «где кончается искусство и дышат почва и судьба») травили, Купала рухнул в пролет гостиницы «Москва», Бродский был выслан и умер на чужбине...

Впрочем, я никого не поучаю, не осуждаю, не призываю к борьбе за светлое будущее. Каждый сам делает свой выбор. И это, Ирина, – обращаюсь к коллеге – не власть нас заставляет, а сама жизнь. В утешение могу сказать стоящим перед этой проблемой, подобно тем же рок-музыкантам: у человека можно многое отнять за исключением одного – собственного достоинства. Если оно у него есть, разумеется. И никакой, господа, политикой здесь не пахнет.

«Народная воля», 2007, 6 декабря.

Беккет в Кобрине, или Полный аллес

Познакомившись с опубликованной в «Народной воле» (11 августа) беседой под названием «Вопрос такой – что либо вы с нами, либо вы против нас, вот и все!», я понял, что знаменитый драматург Самуэль Беккет и другие авторы мирового театра абсурда, как принято нынче говорить, отдыхают.

Этот матерьяльчик, в котором беседуют трое людей из районного города Кобрина, на самом деле еще то «В ожидании Годо»! Кому случилось видеть или читать эту беккетовскую пьесу, получившую известность со второй половины минувшего столетия, помнят, что там ведут странный диалог двое героев. Они все время ждут и говорят о приходе некоего Годо, который так и не появляется. В кобринской пьеске участников не двое, а трое. И говорят они тоже о чем-то вполне ими осознаваемом, но в то же время вроде и не совсем ясном. Что-то вроде известной детской игры, в которой предлагается «а» и «б» не называть, «черное и белое не говорить» и т.д.

Эти трое более чем реальные фигуры: начальник Кобринского управления магистральных газопроводов ОАО «Белтрансгаз» г-н Галашко, его подчиненный инженер г-н Мех и начальник Кобринского отдела КГБ г-н Басько.

Но изъясняются они вполне в духе героев Беккета. Я подумал: через Кобрин, казалось бы, не проходят пути мировой драматургии, тем более абсурдистской, но, видимо, так велика сила модернистского искусства, что оно проникло и в наши районные глубины.

Следя за развитием этой сверхсложной кобринской встречи, нельзя не заметить, что г-н Мех пытается время от времени прорвать абсурдистскую логику жанра и внести некую реалистическую ноту. Но г-н Басько строго следит за соблюдением стилистики. Он объявляет г-ну Меху, что тот находится у них «на особом счету», но по какой причине не указывает. Несомненно, чувствуя себя одновременно орудием некоей Высшей Силы и наследником царского премьера Столыпина, г-н Басько заявляет, что «мы обеспечиваем социально-политическую стабильность в нашем городе... нам не нужны какие-то потрясения или какие-то возможные, значит, изменения в плане дестабилизации общества». И далее он предлагает г-ну Меху прямо «уточнить» свое место «в свете будущих политических событий».

Какие события имеются в виду – г-н Басько не уточняет. Предполагается, что г-н Мех сам должен об этом догадываться.

Г-н Мех между тем испытывает определенные затруднения. Он вроде и догадывается, но считает нужным прежде всего подчеркнуть, что «никакого закона никогда не нарушал, действовал всегда в рамках действующего законодательства». И тут включается его начальник г-н Галашко. Он прямо спрашивает подчиненного: «Ты вот включаешься активно в выборную кампанию в качестве кандидата в депутаты или нет? Есть такое намерение?».

Г-н Мех вынужден под таким напором начальника признать, что «намерение есть». Но одновременно опять спешит оговориться, что в его действиях нет «ничего противозаконного». Г-н Галашко как будто и не настаивает на том, что в действиях г-на Меха есть что-то противозаконное. Он просто по-товарищески, из лучших побуждений советует г-ну Меху не «лезть», поскольку у того «нет электората». Но г-ну Меху почему-то кажется, что электорат у него есть

и «очень мощный, сильный, серьезный», а «проблема больше всего с подсчетом голосов». И вообще он за необходимые народу реформы, вот и система образования у нас «неправильная»...

Тут, натурально, не выдерживает г-н Басько, он заявляет, что г-н Мех «не владеет ситуацией», в то время как «мы реально держим на пульсе электората». Что они держат на этом самом пульсе, видимо, составляет серьезную государственную тайну. И вообще г-ну Басько надоедает это хождение вокруг да около, и он прямо объявляет г-ну Меху: «Вопрос такой – либо вы с нами, либо вы против нас, вот и всё!» Естественно, что за такой постановкой «вопроса» следует горьковская формула: «Если враг не сдается – его уничтожают».

Буквально прижатый к стене г-н Мех лепечет что-то вроде того, что он «всегда с народом». На что г-н Басько гордо бросает: «Вы не обобщайте». Это, видимо, должно означать: ты, мол, не возносись, не присваивай себе роль выразителя народных интересов. Но когда г-н Мех в отчаянии спрашивает: «Вы пришли сюда сказать мне, чтобы я не участвовал в выборах. Так получается?», г-н Басько отвечает: «Я не для этого пришел».

Супербеккетовский ответ. Выяснял-выяснял, грозил-грозил а в результате – «не для этого пришел».

А для чего? Но разве абсурдистские пьесы пишутся для того, чтобы давать ясные ответы на четко поставленные вопросы? Вот и в кобринской пьесе все участники стоят на страже закона, но все-таки один не совсем правильно понимает этот закон, и двое пытаются ему это втолковать. Г-н Галашко буквально на пальцах объясняет г-ну Меху: «Но вот нас двое, и мы двое будем действовать по закону». А действовать по закону для г-на Галашко, как выясняется, означает уволить с работы г-на Меху. На этот счет, подчеркивает кобринский газовый начальник, не следует заблуждаться. Может быть, г-н Мех предполагает, что когда он пройдет в депутаты, то они с Андреем Антоновичем (Галашко вместе с Басько) уволятся с работы? Как бы не так! «Ты будешь безработный... За что будешь семью кормить? В Кобрине на работу тебя никто не возьмет», – объясняет

г-н Галашко непонятливому подчиненному. И, вероятно уже в отчаянии, прибегает к единственно доступному ему «сильному» иностранному выражению: «Это же полный аллес!»

Далее г-н Галашко и г-н Басько принимаются обсуждать такую животрепещущую проблему, как возьмут или не возьмут г-на Меха на работу в Польше. И приходят к выводу, что возьмут. Реплика г-на Меха «А при чем здесь Польша?» оставлена без внимания. В общем получается, что «молодой, здоровый, образованный, энергичный специалист и человек, семьянин, не прогульщик, не алкоголик» (характеристика, выданная г-ну Меху г-ном Галашко) почему-то больше нужен в Польше, а не Беларуси.

Дав все-таки г-ну Меху какое-то время на раздумья, г-н Галашко и г-н Басько заявляют, что у них «вопросов больше нет». Но перед тем, как опустится занавес г-н Басько предупреждает г-на Меха, что «если появится публикация в интернете», то он «тоже в рамках закона все сделает». Как и положено в абсурдистской пьесе, какая публикация имеется в виду и что именно намерен сделать г-н Басько в случае ее появления, — не уточняется.

Настоящим модернистским финалом этого спектакля выглядит обращение г-на Меха к г-ну Галашко: «Владимир Михайлович, подпишите мне заявку на получение листовой стали».

Жизнь продолжается! Оказывается, листовая сталь все-таки важнее...

Послесловие

Можно, конечно, перефразируя Сталина, сказать, что «эта штука», поставленная в Кобрине, посильнее Беккета... В любом случае, поразительна ее адекватность образу сегодняшней, находящейся под тотальным полицейским контролем Беларуси!

Понятное дело, районному кагэбисту спустили инструкцию, как готовиться к выборам, из «области», а последним — из столицы. Вот и проводится «профилактика»... Шпионов в Кобрине, видимо, нет, антигосударственные заговоры не

составляются. А служба есть служба. И вот приходит начальник райотдела КГБ побеседовать «по душам» с оппозиционером, намеревающимся выставить свою кандидатуру на предстоящих выборах. Не повесткой вызывает... Хотя мог бы... А демократично так ведет разговор с рядовым инженером в кабинете его начальника. Нормальная ситуация для Беларуси, в которой, по словам бессменного белорусского президента, *«выборы всегда были более демократичными, чем у других государств – наших соседей, в том числе в странах ЕС...»*.

Оказывается, это и есть настоящая демократия, когда представитель спецслужбы «беседует» с возможным кандидатом в депутаты, пытается внушить, что негоже ему «лезть» со своей кандидатурой, когда «наверху» уже все согласовано насчет того, кто будет баллотироваться по их району. В общем, есть чему поучиться «гнилому Западу» у демократической Беларуси. Видимо, такие методы это и есть то, что Лукашенко недавно назвал *«принципами безусловного соблюдения законодательства всеми участниками выборов, обеспечения порядка и социально-политической стабильности в обществе»*. Просто на Западе не понимают настоящих принципов! А они как раз и заключаются в активном участии спецслужб в подготовке и проведении выборов! Возможно, кому-то покажется, что начальник Кобринского райотдела КГБ нарушал закон, в том смысле, что пытался препятствовать гарантированному конституцией праву гражданина избираться в высшие органы власти.

И совершенно напрасно! Потому что ничего такого г-н Басько не нарушал. Не нужно путать божий дар с яичницей! Г-н Басько, согласно поставленной задаче, обеспечивал порядок и стабильность. А г-н Галашко ему в этом святом деле, как и положено ответственному начальнику, помогал.

Президент ведь предупреждает: *«Так называемые оппозиционеры сегодня ждут, чтобы власть их где-то начала пресовать, потому что сами они не пройдут»*. Ну разве можно назвать задушевную беседу, состоявшуюся в кабинете г-на Галашко с г-ном Мехом, прессингом? Это ведь по сути отцы родные с неразумным ребенком разговаривали, наставляя-

ли на путь истинный. Ну пригрозили увольнением... Так ведь все для блага своего же дитяти... Ведь сам президент, хотя выборы еще не состоялись, уже знает, что оппозиционеры «не пройдут». Так чего ради трепыхаться?

Но вместе с тем президент дает полную свободу своему народу. *«Наш народ, – говорит президент, – должен определяться, кто будет в парламенте, и не надо лишать его этого права, и тем самым его унижать».* Похоже, однако, что раньше других «определяют», кто будет в парламенте, и при этом, естественно, никого не унижают, наши спецслужбы. Но разве они не часть нашего народа? И вообще, «органы никогда не ошибаются».

Помните, кто это сказал? То-то!

«Народная воля», 2008, 18 июля.

Грустный Мицкевич

Вы не были, читатель, на открытии памятника Мицкевичу? Напрасно! Не каждый день в Минске открывают памятники писателям. Тем более – автору бессмертных «Дзядов». Я бы сказал, что с приходом бронзового Мицкевича в Минске стало чуть больше свободы. Хотя на церемонии открытия и стояли «в окружении» печально знакомые холодные физиономии с какими-то шнурками в ушах и на затылке. Они охраняли, то ли Мицкевича от нас, то ли группу «официальных лиц» от поэта и от нас вместе. Во всяком случае, какому-то гражданину руки заломили и поволокли...

Быть может, он вел себя неподобающим образом. А, может, ему хотелось сказать что-то свое, выразить, так сказать, индивидуальное отношение к поэту. Теперь мы этого не узнаем. Жаль...

Открытие было традиционным. Республиканские и городские власти, в основном, говорили по-русски. Посол Польши в Беларуси – по-белорусски. Всё путем. Про дружбу, культуру. Про общие славянские корни. Ну и прочее, как полагается. Потом детки спели.

А что же пан Адам? Автор «Пана Тадеуша» печален. О, это не молоденький Адаш, про которого Ян Чечот писал: «Едет миленький Адам...»! В минском сквере, под сенью стен Пищаловского замка и напоминающей обрубленный палец милицейской башни присел на скамью далеко не молодой, усталый, грустный человек. Это Мицкевич уже времен парижского изгнания или последних его дней в Константинополе. Таким вот суровым и грустным пришел он к нам.

Певец свободы повернулся спиной к тюрьме и глядит то ли в сторону, наверное, что-то напоминающей ему до-революционной пожарной части, то ли еще правее – в сторону «Гастронома», что на углу Интернациональной, бывшей Преображенской улицы. Он немало знает о жизни, этот запечатленный в бронзе скульптором Заспицким наш земляк из-под Новогрудка. Выражаясь словами его русского друга-поэта, он «печально глядит на наше поколение». Ему грустно от того, что мы такие оказались неспособные, неудачливые, не воспользовались своим историческим шансом. А ведь он хвалил нас в своих парижских лекциях и даже надеялся на нас: белорусов, объявлял он темным европейцам, несколько миллионов, у них замечательный язык и вообще...

Может, пан Адам и не утратил окончательно надежды. Но он сильно разочарован. Ему грустно. И это хорошо. Те, у кого остались совесть и любовь к Беларуси, могут придти сюда, под стены Пищаловского замка, и погрузить вместе с поэтом. А что тюрьма рядом – так это нормально. И для певца свободы и для тех, кто будет приносить ему цветы.

«Народная воля», 2003, 7 октября.

Ужасная «карта поляка»

Поляки всегда были у советской власти на подозрении. Ну, конечно, не все. Но для наиболее, скажем так, неприемлемых было придумано название, которого до сих пор

не понимают в Польше, – «белополяки». А как еще было обозначить врагов, чтобы сразу мобилизовать классовое чутье советского человека, который должен был делить мир на белых и красных. Других цветов и оттенков не существовало. Красный – свой, белый – враг. И точка! Естественно, отсюда и «белопанская Польша», к которой тот же советский человек должен был усвоить соответствующее отношение еще в школе.

Сами-то поляки думали, что они никакие не красно и не бело, а просто поляки. Но это они так думали. А из-за Буга было виднее, как оно обстоит на самом деле.

Прошли годы. Кое-кому стало казаться, что «белопанские» аллюзии отошли в далекое прошлое, почти растворились. Ан нет! Не зря наш правитель много раз говорил, что мы постоянно будем обращаться к советскому опыту, поскольку там немало положительного.

Конечно, сегодня говорить о «белополяках» как-то неудобно. Мы же современные люди! А современные люди и лексику употребляют современную. Поэтому место «белополяков» теперь у нас заняла «пятая колонна». В общем-то, и этот термин уже с историей, ибо родился в 30-е годы прошлого столетия, во время гражданской войны в Испании. Тогда франкистский генерал Моло заявил, что, помимо готовящихся штурмовать республиканский Мадрид четырех армейских колонн, в его распоряжении имеется еще и «пятая колонна», которую составляют находящиеся в городе сторонники Франко. Они готовы ударить в спину республиканцам в нужную минуту... Со временем выражение «пятая колонна» стало собирательным обозначением предателей, шпионов и диверсантов, выжидающих удобного момента для открытого выступления.

И вот, оказывается, что у нас, в супердемократической, экономически процветающей, поистине счастливой Беларуси недруги готовятся сформировать именно такую «колонну». Об этой угрозе недвусмысленно заявил крупнейший белорусский интеллектуал и всемирно известный писатель Николай Чергинiec. С заявлением о намерении создать «напряженность в белорусском обществе» выступило министерство иностранных дел Беларуси. Натураль-

но, с обличением «крапленой карты» выступила «Советская Белоруссия». Закипела дискуссия в Интернете...

Но обратимся к истокам. В сентябре прошлого года в Польше был принят закон о так называемой «карте поляка». Закон предусматривает разнообразное укрепление связей поляков, живущих за рубежом, со своей как исторической так и реальной родиной. «Карта поляка» дает право доказавшему – даже на уровне прадедушек и прабабушек – свою этническую связь с польской нацией, пользоваться бесплатной многократной визой, учиться в польских вузах, заниматься бизнесом на территории Польши, иметь льготный проезд по стране. Есть и другие достаточно привлекательные привилегии... Действие «карты поляка» распространяется на 15 стран, в том числе на граждан Беларуси. Какие мотивы лежат в основе этого закона, помимо понятного гуманистического принципа, укрепляющего и облегчающего контакты людей, принадлежащих к одной национальности? Несомненен экономический аспект. Польша, как и другие европейские государства, стоит перед демографической проблемой. Работоспособное население уменьшается, чему способствует и отъезд за границу молодежи, ищущих более высокой оплаты своего труда квалифицированных специалистов, особенно усилившийся после вхождения страны в Евросоюз. Безусловно, можно говорить и о стремлении к расширению культурного влияния, пропаганды польской культуры. О последнем, кстати, заботятся многие страны, создавая свои институты за рубежом. И в Минске действуют Польский институт имени Мицкевича и Немецкий институт имени Гёте. А вот о белорусских институтах за рубежом что-то не слышно.

Но одно дело культурные центры и совсем другое – непосредственный контакт людей с землей предков. Поэтому не только Польша, но и многие другие страны приняли законы, сходные с «картой поляка», действуют такие законы, к примеру, в Германии и Венгрии, в странах Балтии. В Израиле действует «закон о возвращении», согласно которому любой имеющий еврейское родство может переехать на жительство в эту страну. Российский президент Путин постоянно говорит о необходимости создания ус-

ловий для как возвращения в Россию русских, оказавшихся за рубежом после развала СССР, так и о реальном укреплении связей с «русским зарубежьем». И дело не ограничивается только разговорами, российская Дума приняла соответствующие законопроекты.

Возвращаясь к Польше, следует заметить, что укрепляя национальные связи поляков метрополии и диаспоры, польское государство помнит и о других своих гражданах, неполяках. Гораздо раньше «карты поляка» был принят закон о возвращении польского гражданства евреям, буквально вытолкнутым из страны в результате антисемитской кампании 1968 года. Что же до закона о «карте поляка», то готовился он давно, долго обсуждался в польском обществе. И в тот период белорусские власти никакого интереса к нему не проявляли. Да и с момента подписания его президентом Лехом Качиньским – а прошло несколько месяцев – тоже никакой официальной белорусской реакции не наблюдалось. И вот на днях, во время первого официального визита польского премьера Дональда Туска в Москву, белорусская власть вдруг вспомнила об этом законе и объявила его чуть ли не «вмешательством во внутренние дела Беларуси». Трудно не согласиться с некоторыми аналитиками, считающими, что момент для скандального заявления был выбран не случайно. Как пишут на сайте Агентства финансовых новостей, «белорусские власти не вынесли дружественный тон, в котором анонсировались и прошли в Москве переговоры между главой правительства Польши Дональдом Туском и руководством России... Как известно, на протяжении нескольких лет Россия и Польша переживали в своих отношениях ледниковый период, который был на руку белорусскому режиму. В ответ на объявленное в Москве потепление в российско-польских отношениях Беларусь решила устроить международный скандал».

И вот уже пресс-секретарь белорусского МИДа А. Попов заявляет, что реализация закона о «карте поляка» «способна дестабилизировать межнациональные отношения в нашей стране... породить недоверие между белорусскими гражданами различных национальностей». Анонимный

автор (отсутствие подписи, безусловно, подчеркивает не частную, а государственную позицию) в «Советской Белоруссии» вздымает волну покруче и, соответственно, истеричнее: грозит призраками «баскского и корсиканского сепаратизма», «конфессиональной поножовщины в Северной Ирландии», «балканской резни», «опаснейших международных трений между Румынией и Венгрией» и даже «судетской трагедии».

А как вы думали? Съездит белорусский гражданин польской национальности несколько раз по бесплатной визе в Польшу, поучится в тамошнем университете, поторгует на тамошнем рынке или поработает в какой-то польской фирме, а потом вернется к себе в Брестскую или Гродненскую область и сразу же начнет, как уверяет тот же автор «Советской Белоруссии» «проталкивать референдум о присоединении белорусских местностей к Польше».

Я понимаю мучимого этими кошмарами «советскобелорусского» автора. Сначала западные области присоединят, а потом и до Минска дело дойдет. Ведь проходила когда-то граница под Негорелым. И что же тогда будет с родной «Советской Белоруссией»?..

И все-таки, может, лучше облить голову холодной водой? Потом поглядеть на себя в зеркало. Потом принять что-нибудь успокаивающее, к психотерапевту сходить. И с внимательным дядей в белом халате в спокойной обстановке обсудить, насколько похожи белорусские поляки на испанских басков из «ЭТА» или ирландцев из «Шин Фейн». Но если очень хочется упиваться собственными страхами и биться в истерику, то тут, конечно, и психотерапевт не поможет. Дорога одна – в Новинки.

Увы – дело обстоит гораздо печальнее, нежели чье-то персональное помешательство. Читаешь заявление мидовского чиновника, знакомишься с откровениями небезызвестного генерала и анонимного автора «Крапленой карты» и невольно приходишь к мысли о том, кто же первый заговорил о возможных «межэтнических кострах» в Беларуси, кто стал размахивать этим жупелом и нагнетать провокационные настроения.

Суть подобных «страхов» в антидемократическом, ав-

торитарном государстве лежит на ладони. Авторитаризм, как огня, боится расширения свобод, контактов людей. Ему бы все под замок, под контроль. Граждан авторитарная система рассматривает как свою собственность. Почти как рабов, разумеется, с учетом определенной модернизации. Отсюда все эти указы и законы о дающих все права только начальству контрактах на работе, о распределении студентов, о том, кто и как может выезжать за границу, лечиться и работать за рубежом, усыновлять детей, получать из-за границы деньги и т.д. и т.п. Уж, казалось, всё регламентировано, все построены. Ан нет – влезли в этот распорядок поляки со своей чертовой «картой». И что же получается? Запишутся теперь поляками не двести тысяч, как считалось у нас до сих пор, а, может быть, под миллион. Откопают, черти, у себя каких-нибудь польских прабабушек и прадедушек, чтобы беспрепятственно туда-сюда шнырять через границу, будут заражаться там нехорошим польским вольным духом, насмотрятся всяких свобод, узнают, какие там зарплаты и вообще условия жизни и понесут широко всю эту информацию в Беларусь.

А зачем нам эта идеологическая зараза? Это же нарушает всю нашу идеологическую работу с населением. Но ведь не скажешь же открыто, что мы боимся правды о сегодняшней польской жизни, что мы против широких контактов наших народов. Тут-то и вытаскивается на свет божий горячечный бред времен холодной войны. Про «резню» и «межэтнические костры». Пропагандисты этого бреда не замечают, что, во-первых, они выставляют белорусов завистливым и жестоким народом, способным встать на путь той же «резни» и тех же «костров» только потому, что у соседа плетень поровнее стоит. А во-вторых, возводится что-то вроде «кровавого навета» на белорусских граждан польской национальности, поскольку они априори подозреваются как затаившиеся до времени враги, точащие тайно свое оружие и ждущие подходящего момента. А как иначе, ежели, по словам все того же нашего интеллектуала и всемирно известного писателя, «карта поляка» это «ни что иное как политический подкуп, связанный с материальными вопросами». Короче, покупают наших поляков,

ну а они уж за хорошие денежки, естественно, быстренько превратятся в «пятую колонну».

И весь этот дикий, тяжелейший бред несется с самых что ни на есть государственных вершин. Оказывается, это и есть государственная мудрость – запугивать население «резней» и «межэтническими кострами». У меня не было до сих пор повода держаться высокого мнения об умственных способностях белорусского начальства и его идеологической obsługi, почему-то именуемой журналистами. Но, кажется, клинический показатель на сей раз зашкаливает. Впрочем, нельзя не усмотреть и в нынешней «польской истории» продолжение старого курса. Власть воевала с Союзом поляков Беларуси, разделяя последних на «хороших» и «плохих». Теперь дело пошло круче. «Пятая колонна» это ведь те же «враги народа». А с врагами известно какой у нас разговор... Для начала, скажем, всех получивших «карту» можно внести в списки невыездных... Как «агентов», которые, по словам автора все той же «Крапленой карты», могут вести «брутальную атаку на Беларусь». А там и другие, пожестче, меры принять можно...

Нет, не зря у нас имеется «линия Сталина». Сталинский дух продолжает править бал на Беларуси.

«Народная воля», 2007, 15 февраля.

Как правильно косить траву

При слове «Бобруйск» собрание болезненно застонало. Все соглашались ехать в Бобруйск хоть сейчас. Бобруйск считался прекрасным, высококультурным местом».

И.Ильф, Е.Петров.
«Золотой теленок»

Как хотите, господа, а я лично считал, что со времен суперзнаменитого романа полемика вокруг Бобруйска закончена раз и навсегда. И вот на тебе: не кто-нибудь, а президент суверенной Беларуси спустя столько десятилетий

после исторического собрания, в котором под руководством Остапа Бендера участвовали Шура Балаганов и Паниковский, снова поднимает этот вопрос.

В смысле – культурный ли город Бобруйск и когда он им стал?

Конечно, у президента есть возможность всколыхнуть народ по любому поводу – льготы, цены на колбасу и водку, футбол-хоккей...

Но Бобруйск, – согласитесь – это то, что касается всех. Этого мы никому не отдадим. Это – наше сокровенное. И когда его трогают – мы все волнуемся.

Несмотря на наш всему миру известный интернационализм.

Поэтому к Бобруйску нужно подходить осторожно, раздумчиво.

Но наш президент... Мы ведь знаем, какой он непосредственный. Живой, открытый... Прямой человек. Искренний, одним словом.

Не то что какие-то там, которые все закоулками ходят. Он своих мыслей не скрывает.

Вот и по Бобруйску рубанул со всей, что называется, откровенностью.

А какой шум пошел! Боже мой! Какие страсти разгорелись!

Даже про антисемитизм кое-кто заговорил.

Ну насчет этого дела я так скажу. Не впервой нашему президенту этот самый «изм» шьют. И совершенно напрасно. Никакой он не антисемит. Он просто такой человек.

Вы спросите: – Какой еще такой?

Ну это, знаете, объяснить не так просто. Особенный человек. Таким его и нужно принимать.

Да и что такого он сказал на этой самой пресс-конференции, где по традиции собрались виднейшие представители крупнейших российских СМИ? Такими у нас теперь считаются областные газеты и телестудии.

Ну сказал, что Бобруйск до недавнего времени был сви누шником. Выразил абсолютно правильную надежду, что областные российские журналисты знают, как евреи относятся к месту, где они живут. Поскольку журналистов, ко-

торые подобных надежд не разделяют, нечего и приглашать в Библиотеку-Алмаз. А эти свои люди – должны понять. Даром, что ли, их тут кормят-поят...

И еще с законной гордостью на той же пресс-конференции было сказано, что «мы его (Бобруйск, естественно. – С.Б.) привели в порядок». Теперь можно евреев приглашать возвращаться. Прежде всего, конечно, богатых. Бедных у нас своих хватает.

И вот из всего этого сотворили черт знает что! Сам израильский посол господин Бен-Арье обиделся. Почудились ему «отголоски антисемитского мифа».

Эх, господин посол, обидчивый вы, однако, человек! Ну разве наш президент сказал что-нибудь похожее на «грязный еврей» или «пархатый жид»? Он ведь всего лишь заметил, что евреи «не очень заботятся, чтобы подстрижена трава была, как в Москве, у россиян, белорусов».

Про траву речь шла, господин посол! Про умение стричь зеленъ, т.е. пользоваться косилкой! А вы вон куда махнули! Про антисемитизм вспомнили!

Нехорошо. Наш президент... Да он никогда! Слышите? Никогда!!!

Ну есть там, «в окружении», один писателишка, из бывших, злобненький такой, совсем из ума выжил, все кидается на евреев. Ему в том самом «окружении» иногда куски сырого мяса подкидывают, чтоб не издох. Но чтобы сам президент что-нибудь против евреев имел? Да ни за что!

У него, у президента, по его же собственным словам, в 2001 году в Администрации целых два еврея служили. Что, опять-таки по его же словам, отражало нормальную процентную норму. Слышите, господин посол, у нас процентная норма соблюдается! Вы, конечно, можете сказать, что вот эти-то проценты и есть самый настоящий антисемитизм, поскольку ни в одной нормальной стране про такие проценты и вспоминать стыдятся. Что это в дореволюционной России была процентная норма для евреев при поступлении в гимназии, в университеты, на государственную службу и в офицеры брали вообще только выкрестов.

Ну вот, видите, господин посол, сами себе возражаете. Поскольку у нас таких норм нет. Сколько хочешь евреев

могут учиться и в школах и в вузах. И с религиозным вопросом все ясно. Правда, и евреев-то осталось у нас... Но тем не менее. А что до процентной нормы в Администрации, то, может, с 2001 года что-то и изменилось. Может, даже в сторону увеличения. Человека три стало или четыре... Пока президент еще ничего об этом не говорил. Но, может, скажет. Когда случай представится.

И что вы вообще хотите, господин посол? Чтобы у нас евреи всюду верховодили? Как в России? Так я вам сразу скажу, что этого у нас не будет. Тут президент четкую позицию занимает. И народ его поддерживает. Государство белорусское, отсюда и все выводы должны быть.

Вы, конечно, господин посол, можете мне возразить, что речь не идет о количестве евреев в белорусском руководстве, а о Бобруйске и той самой траве, которую евреи почему-то упрямо не хотят косить не только в Бобруйске, но даже у себя в Израиле. Можете, конечно, упрекнуть меня, что я увожу, дескать, разговор в другую сторону.

Но на самом-то деле я о главном и толкую. Ну нет у нас, господин посол, еврейского вопроса. Нет! Евреи есть, а вопроса нет! Хотя кое-кому и хочется его создать.

Вы, конечно, можете сказать: а как же быть со «свиношником», со словами о том, что евреи, где живут – там и... ну, в общем, относятся соответственно к месту проживания...

Я вам на это вот что скажу. У нашего президента было нелегкое детство. Он был очень близок к народу. Вот и остались в памяти соответствующие воспоминания.

Знаете, у каждого человека свои воспоминания. Тут уж, как говорится, не запретишь...

И потом... Ну к чему такая обидчивость, господин посол? Вот, например, редактор нашей о-ч-чень большой газеты, который был на этой самой пресс-конференции и который тоже имеет известное отношение к Бобруйску, совершенно не возмутился. Поскольку ничего такого обидного для себя в словах президента не услышал. И еще один сенатор, который машет дирижерской палочкой, тоже не обиделся.

Потому что понимают люди – ничего обидного для них президент не сказал.

Кстати, и в самом Бобруйске нет никаких массовых протестов, митингов. Люди как жили, так и живут в своем свину... извините, в своем замечательном городе. И будут жить, уверяю вас.

Говорят, господин посол, что вы сразу же после того, как узнали настоящую правду о нашем Бобруйске от нашего президента заспешили на отдых. Захотелось вам в Землю Обетованную, припасть, так сказать, к корням... Как я вас понимаю, господин посол! Кому после такого не захочется здоровье поправить, вдохнуть родного воздуха? А у нас, знаете, уже слух прошел, что, мол, отзывает вас министр иностранных дел госпожа Ципи Ливни для консультаций. Чуть ли не о разрыве отношений дипломатических заговорили. Но в Израиле мудрое руководство. Зачем доводить дело до такого скандала? Зачем уезжать для консультаций, когда можно просто уехать в отпуск? Это, кстати, тоже может быть демонстрацией. Теперь пускай в белорусском МИДе затылки чешут: зачем посол Израиля уезжал в такой удивительный отпуск, кажется, дня на три или четыре...

Но сейчас вы снова с нами, господин посол. И это может означать только одно: израильско-белорусская дружба будет крепчать. Тем более, что в Израиль уже полетел от нас истинный голубь мира – тот самый редактор самой большой и важной нашей газеты. Поверьте, господин посол, он все объяснит как надо – что имел в виду наш президент в своем получившем мировую известность выступлении по Бобруйску и какие у него вообще чувства по отношению к евреям. Ваша, господин посол, газета «Джерузалем пост» очень правильно назвала его – «близкий к президенту человек, а также еврей». Вот об этом «а также» не нужно забывать...

А в общем, господин, посол, передайте госпоже министру Ципи Ливни, чтобы она не обижалась на нашего президента. Пускай в гости к нам приезжает. Много еще интересного и поучительного от нашего президента может услышать... Он человек хороший. И к евреям хорошо относится. В смысле – как следует. А ежели и скажет что особенное – так это не от злого умысла. А просто – от души.

«Народная воля», 2007, 1 ноября.

Лорд Белл как новый благодетель Беларуси

Нет ли у вас, читатель, желания улучшить собственный имидж?

Ну там... перед женой, друзьями, сослуживцами... В общем, начать как-то лучше выглядеть в их глазах.

Вы, конечно, подумаете, что в этом деле самое важное – критически осмыслить собственное поведение и начать как-то самосовершенствоваться.

Но ведь это самый простой и, поверьте, не очень надежный способ. И, главное, не современный. Тут нужно идти другим путем. Вам, конечно же, знакомо это слово – «имиджмейкер». Короче, приглашаете специалиста, и он за бабки – это уж как договоритесь – лепит из вас другого человека.

В общем, с преобразованием отдельной личности уже накоплен определенный опыт. А вот как быть со страной, с отдельно взятым государством? Оказывается, и здесь есть специалисты. Представляете: в некоей стране все прекрасно, демократия цветет пышным цветом, благосостояние граждан замечательное, а за рубежом недруги бурчат, про «последнего диктатора Европы», про «тоталитаризм», нарушения прав человека, низкие доходы граждан и ужасное здравоохранение. Ну и что тут делать? Своя идеологическая обслуга с задачей не справляется, поскольку ей веры ни в стране, ни на Западе нет. Но есть, есть выход!

Имя ему – лорд Тимоти Белл. Да, да, да, член Палаты лордов Великобритании занимается тем, что нам нужно. Он возглавляет компанию «Чайм Коммюникейшн», которая занимается не просто имиджем отдельных государств, а, как говорит сам сэр Белл, улучшением их репутации. Кстати, у сэра Белла есть серьезный опыт. Он «улучшал» Маргарет Тэтчер, вплоть до рекомендаций по части нарядов. Его советами пользовались такие разнообразные корпорации как «Уолт Дисней», «МакДональдс», «Ролекс», «Роллис Ройс». Говорят, Борис Абрамович Березовский, который и сам великий мастер по части всяческого камуфля-

жа, не пренебрег советами сэра Беллиа. Ну а что касается стран, то здесь можно отметить особый успех сэра Беллиа в деле создания нового имиджа Саудовской Аравии. Каких только ужасов не рассказывали про эту страну как якобы рассадник мирового терроризма! А вот сэр Белли сумел раскрутить дело так, что теперь о ней говорят как об оазисе демократии и гуманизма.

И вот такой замечательный человек побывал недавно у нас в Беларуси. По сообщениям прессы, долго разговаривал с нашим Главным Начальником, который с присущей ему откровенностью и прямоотой сказал: *«Думаю, вам будет приятно работать в нашей стране, с той властью, которая так гонима. Мы должны Вас убедить в том, что Беларусь является европейской страной... И мы готовы предоставить вам любую информацию, показать любое интересующее вас место».*

Более того, Главный Начальник признал: *«Мир развивается таким образом, что без вашего ремесла невозможно представить в мире ту или иную страну».* В общем, как ни крути, выходит, что имидж Беларуси надо поправлять, поскольку он неважнецкий. Ну а что же лорд Белли? Он серьезный человек. Оказывается, уже успел в интернете просмотреть информацию о Беларуси и нашел там «много двуличных и лицемерных комментариев». Представляете, человек ни дня не был в Беларуси, а только заглянул в интернет и сразу ухватил суть проблемы. С которой, конечно же, нужно бороться, тем более, что Беларусь, как выразился сэр Белли, «играет своеобразную роль ворот в геополитическом и геостратегическом плане».

В общем, берется сэр Белли подремонтировать, освежить эти самые ворота. Тут, конечно, важны детали, особенности процесса. Английский лорд человек деловой и не скрывает своей методологии. В интервью журналу «Профиль» он заявил: *«Я начинаю с обзора ситуации: где находимся, чего хотим достичь. Это сразу определяет, какую репутацию страна хочет заработать в другой стране или в регионе, в стране с демократическим правлением или с диктатурой...»*

Замечательная откровенность, не правда ли? Впрочем, чего удивляться? Рынок есть рынок. Если есть спрос на репутацию государства, следовательно, формируются и

деловые предложения. Ну и цены, соответственно. Поскольку репутация страны – это тот же товар. О ценах, впрочем, пока ничего неизвестно. Но догадываться можно. Все-таки речь идет не о картошке на рынке, а о репутации целого государства. Это, безусловно, стоит. Да и вообще, прилично ли торговаться, когда речь идет о репутации твоего отечества? Тут, как поется, мы за ценой не постоим... Налогоплательщик должен это понимать, затягивать ремешок на штанах и настраиваться на патриотическую волну. Ведь ясно, что такие дела не за медный грош делаются.

Что же касается других деталей... К сожалению, в прессу они не проникли. А любопытно было бы послушать этот разговор Главного Начальника с великим марафетчиком. Судя по интервью журналу «Профиль» спектр предложений сэра Белла невероятно широк. Какую хотите репутацию? В какой стране? С демократией или с диктатурой? Пожалуйста! Все по желанию заказчика!

Мы-то, наивные люди, думали до сих пор, что имидж страны делается самой её жизнью, её гражданами. Оказывается, мы ошибались, ни жизнь страны, ни положение и мнение ее граждан об этой самой жизни здесь ни при чем. Все будет так, как захочет, как сделает великий маг и кудесник сэр Белл. Диктатуру он может превратить в демократию. А может и наоборот. Платите – и все будет о'кей!

Но раз так, то поторговаться, конечно, стоит. Нет, не из-за цены. Народ, безусловно, заплатит за хорошую репутацию своего государства. Но вот обговорить особенности приобретаемого продукта, а точнее, того, что конкретно все-таки нужно будет сделать для улучшения репутации страны это дело первостепенное. Трудно судить, дошло ли до такой конкретики в состоявшейся встрече нашего Главного Начальника и лорда Белла. Поэтому совершенно не настаивая на том, что именно так оно и было, попробуем представить себе возможные нюансы этой беседы.

Лорд Белл: – Надеюсь, вы понимаете, сэр, что улучшение репутации вашей страны потребует определенных усилий с вашей стороны и конкретных шагов. Например, неплохо освободить из тюрьмы Козулина. Со свободой слова тоже можно кое-что пересмотреть. Почему бы «Народ-

ную волю» не разрешить печатать в одной из государственных типографий и вернуть ее в подписные каталоги и в киоски «Белсоюзпечати»?

Главный начальник: – Это, безусловно, можно сделать. Но понимаете, господин Белл, в чем дело: это может быть кое-кем воспринято как проявление слабости нашего государства. А этого очень не хотелось бы.

Лорд Белл: – Тогда давайте уточним, какой собственно продукт вы хотите приобрести. Вам нужна репутация государства полной, в европейском смысле демократии? Или вы хотели бы приобрести репутацию государства со своеобразно, с учетом национальных и исторических традиций понимаемой демократии?

Главный начальник: – Вот-вот! С учетом... Что-то в этом роде!

Лорд Белл: – В нашем каталоге есть такая услуга. Она называется – «Ограниченная демократия или Демократия с необходимыми элементами авторитаризма».

Главный начальник: – Пожалуй, это то, что нам нужно.

Лорд Белл: – Должен предупредить вас, сэр, это одна из наиболее сложных и – что самое печальное – самых дорогих наших услуг. Понимаете, Запад еще не созрел до понимания таких ценностей как «ограниченная демократия», тем более «демократия с необходимыми элементами авторитаризма». Поэтому здесь потребуются особенно большие затраты.

Главный начальник: – Я прошу вас, господин Белл, быть совершенно спокойным на этот счет. Я ведь говорил вам уже, что наш народ пойдет на любые жертвы ради доброго имиджа своей родной страны.

Лорд Белл: – Да, белорусы – истинные патриоты своей страны! Это очень приятно.

Визит лорда Белла в Минск пришелся как раз в разгар более чем широко известной истории, когда пытавшиеся остановить пьяного водителя инспекторы ГАИ выстроили «живой щит» из частных автомашин. И хотя время сэра Белла было ограничено, все-таки нужно было упротить его

придти в МВД и дать нужный совет. Надо полагать, история с «живым щитом» приобрела бы в его трактовке образ героического подвига сотрудников МВД, о котором еще будут слагать народные песни и предания.

А пока народ возмущается, в интернете кипят страсти. Один шибко образованный гражданин даже соотечественника лорда Белла философа Джона Локка вспомнил: *«Если государь нарушает закон, то народ получает право на восстание»*. Вообще любопытно, что именно эта история так всколыхнула людей. Обыватель, который считал, что у него не может быть проблем во взаимоотношениях с государством, если он не ходит на митинги, не связан с оппозиционными партиями и негосударственными профсоюзами и вообще ведет себя смирно, вдруг понял, что, несмотря на «тихость и смиренность», есть серьезнейшая проблема – его безопасность вовсе не гарантирована. Что в некий момент его, едущего со своей женой и ребенком на своем авто со своей дачи, государство просто может использовать как бревно, перегородив дорогу мчащемуся алкоголику или наркоману. Что его жизнь ничего не стоит в глазах государства. Обыватель в растерянности закричал, завопил. А ему бы самое время вспомнить, где был он, когда выгоняли с работы забастовавших машинистов метро, где был он, когда исключали из вузов имеющих свое мнение студентов, где был он, когда власть закрывала независимые газеты?

Моя хата с краю... Вот и кушайте, господа соотечественники! Вы кричите сегодня о правах, о попранной законности. Чаше читайте Щедрина, у которого один держиморда разъясняет населению: «Не право вам дано, а разрешение». Можно предположить, что если лорд Белл удачно справится с миссией по улучшению репутации Беларуси за рубежом, то ему можно будет доверить и работу внутри страны. И он сумеет, вслед за щедринским героем, убедить граждан Беларуси, что пользоваться разрешением куда выгоднее, нежели правом. И тогда «живой щит» действительно покажется благом...

«Народная воля», 2008, 20 марта.

Беларусь как «Евророссия», или «Советская Шамбала»

Видения московского Белла

Россия на краю гибели. И спасти ее может только Беларусь. Такова точка зрения московских патриотарских кругов, истовым выразителем мнения которых является журнал «Наш современник». Эту позицию облек в жесткие формулы давний и, разумеется, бескорыстно преданный друг белорусской власти Михаил Делягин, доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации.

Что это за институт – неведомо. Но теперь ведь времена такие: нашел деньги, повесил вывеску «Институт такой-то» и давай отрабатывай бабки. Судя по всему, г-н Делягин отхватил неплохой куш, потому и проект, выдвинутый им в «Нашем современнике» (№ 5 за нынешний год), называется не абы как, а действительно глобально – «Новая Беларусь для новой России».

В общем, ситуация выглядит следующим образом. Сегодняшняя Россия «буквально изнемогает под бременем огромного числа проблем – от тотальной коррупции до этнической преступности», российская политика направлена «не на общественные цели, а на личное обогащение бюрократов, причем за счет разрушения общества». Ожидать на этом фоне каких-то перемен сверху или восстания масс не приходится. Осталась одна надежда. И связана она только с Беларусью.

Если вы думаете, читатель, что г-н Делягин надеется каким-то образом оживить старые разговоры про интеграцию и Союзное государство, то это зря. У директора Института проблем глобализации есть план поистине захватывающий и смелый до отчаяния. Если коротко, то Беларусь должна стать Новой Россией. В свое время называли же Америку Новой Англией. Правда, в основном, из-за переселенцев с британских островов. А в случае, рассматриваемом г. Делягиным, и переселять никого не требуется. Поскольку Бела-

русь сама, по собственной инициативе, так сказать, «становится для российского общества подлинной «другой Россией», реализацией упущенной исторической перспективы».

Что же это за «другая Россия», в которую мы вот-вот можем превратиться, уже превращаемся? Г-н Делягин широкими мазками рисует образ этой счастливой страны, *«не демократичной, не либеральной и во многом не рыночной, но значительно более справедливой и эффективной, а значит, и привлекательной»*. Такое вот Эльдорадо без демократии и рынка и даже, признает г. Делягин, при *«достаточно высокой бюрократизации и советском по стилю ограничении инициативы»*, существующих в нынешней Беларуси. И экономика может, оказывается, цвести без рынка. И справедливость торжествовать без либерализма и демократии, взамен которых господствуют бюрократы.

Вообще насчет демократии г-н Делягин особо не обольщается. Нет ее, по его убеждению, ни в России, ни в Беларуси. Но – здесь я прошу читателя быть особенно внимательным – *«есть принципиальная разница: если в Беларуси формальная демократия ограничивается ради обеспечения общественного развития, пусть и не во всем удачного, то в России – ради свободы коррупции и насилия правящей бюрократии»*. Оказывается, у нас демократия всего лишь «формальная», да и то ограниченная, но она-то и является на самом деле наилучшим благом для белорусов, поскольку нацелена на «общественное развитие». Мы-то, глупые люди, до сих пор думали, что настоящая, а не формальная демократия как раз и обеспечивает подлинное развитие общества. А по г-ну Делягину выходит, что именно отсутствие свободных выборов, независимого суда и свободной прессы это и есть первейшие признаки общественного развития.

Надо отдать должное г-ну Делягину: он достаточно откровенен. Признает, что *«последовательное уничтожение институтов демократии, осуществляемое Путиным»*, сблизило политические модели России и Беларуси. И мы бы уже целиком совпали, если бы не все та же пресловутая разница: в России уничтожают демократию во вред народу, а в Беларуси делают то же самое, но во имя народного блага.

И вот этой-то разницей, а точнее *«неспособностью российской бюрократии выстроить с Беларусью конструктивные отношения»*, могут воспользоваться коварные силы на Западе. Они-то, по мысли г-на Делягина, и предложат стратегию *«превращения Беларуси в своего рода «Европейскую Россию», соединяющую основные культурные ценности и позитивные поведенческие нормы России с бытовым порядком, рациональным государством и относительно высоким уровнем благосостояния основной части общества»*. Тут, конечно, г-н Делягин не может не видеть определенные проблемы, заключающиеся прежде всего в том, что президент Лукашенко держит *«курс на развитие белорусской культуры как государствообразующей»*.

Думаю, однако, что здесь г-ну Делягину незачем особо беспокоиться. Разгром Союза белорусских писателей, униженное положение отказавшихся лакействовать многих деятелей культуры, очевидное пренебрежение к главной национальной ценности – белорусскому языку свидетельствуют о совсем другом курсе. Впрочем, г-н Делягин и сам понимает это, поскольку тут же отмечает, что *«близость белорусской культуры как с русской, так и с массовой российской сделает это противоречие незначительным»*.

Начало реализации этого проекта по превращению Беларуси в Евророссию начнется с интенсивного вытягивания *«из России наиболее здоровой – культурной и работоспособной – части современного российского общества. В результате Беларусь как «Евророссия» станет естественной наследницей и новым воплощением российской цивилизации»*.

Казалось бы, вот он, миг торжества фантастических видений г-на Делягина! Но директору Института проблем глобализации тем не менее грустно. И как не грустить, если российское общество, на фоне процветающей Беларуси-Евророссии, *«будет отброшено в новое Средневековье, новый военно-полицейский феодализм, некую смесь Гаити с Нигерией»*. В общем, *«переезд» России в Беларусь* вроде бы и не такая плохая идея, при всей возможной ее инициированности со стороны Запада, но все-таки г-ну Делягину тяжело оставаться наедине с образом России, превратившейся в *«смесь Гаити с Нигерией»*. Тем более, что сам он,

вероятно, еще не решил, где останется, – в Евророссии и в той же смеси Гаити с Нигерией.

Поэтому мысль г-на Делягина, хотя и соблазняемая проектом Беларуси как Евророссии, больше склоняется в сторону проекта Беларуси как Новой России. И тут на сцену выдвигается более милый сердцу г-на Делягина вариант – «Беларусь как фактор модернизации». Директор Института проблем глобализации призывает граждан России внимательнее взглянуть в *«опыт Беларуси, руководство которой, несмотря на довольно жесткое противостояние с Западом, обеспечивает относительно успешное социально-экономическое развитие своего общества»*, опыт, *«интересный еще и тем, что представляет собой гармоничное продолжение в качественно новых условиях весьма интересного модернизационного проекта еще советских времен, развивавшегося скрытно, но вместе с тем весьма эффективно»*.

В общем, еще в глухие советские годы у Беларуси обозначился некий особый социалистический прогрессивный путь, который был обеспечен главным образом непродажной, истинно патриотической (в советском, разумеется, плане) «партизанской элитой», во главе которой стоял Петр Машеров. Наши партизаны с конца 1970-х годов готовились *«к броску во власть в масштабах всего Советского Союза»*. Но в Кремле разгадали этот план, и Машерова убили.

Я не буду здесь касаться личности Машерова, вдаваться в рассуждения о причинах его гибели, давать оценки «партизанской элите» и ее планам. Это отдельная тема. Важнее обратить внимание на реанимированный г-ном Делягиным и зародившийся еще с подачи Хрущева тезис о Беларуси как самой советской из всех республик СССР и белорусах как самых советских людях. Тезис этот предстает уже обновленным согласно традициям и лексике современного идеологического словоблудия. Обращаясь к *«анализу советского опыта развития Белоруссии»*, г-н Делягин не может *«удержаться от ощущения, что она была выбрана в качестве своего рода «советской Шамбалы» – полигона для создания и отладки действительно принципиально нового, советского типа человека и принципиально нового, советского типа общества, гармонично увязывающего этого человека с каче-*

ственно новым типом общественных отношений». Короче, «Белоруссия была во время Советского Союза и остается по сей день самым советским элементом советской цивилизации».

А знаете кто, по предположению г-на Делягина, заложил этот «белорусский проект»? Оказывается, к нему самое непосредственное отношение имеет Сталин. Видимо, преследуя эту цель «создания и отладки принципиально нового, советского типа человека», он благословил уничтожение в 1930-е – 1950-е годы цвета белорусской интеллигенции. А выбрали Беларусь, как «полигон», потому, что учитывали *«исключительно спокойный и уравновешенный белорусский характер»*. Такие бунтовать не станут... Тем более после войны, когда погибла четверть населения и царила невероятная разруха.

И вот наследником этого «проекта», этого *«полигона для отработки и отладки»* г-н Делягин провозглашает нынешний белорусский режим. Забывая при этом о переименовании президентской трассы, издавна носившей имя Машерова. Впрочем, только ли это не желает помнить и видеть пропагандист «советской Шамбалы», ратующий за использование в России «белорусского опыта» с одновременным превращением Беларуси в «Новую Россию»? Той же коррупции, того же воровства, естественно, в меньших размерах, поскольку меньше, по сравнению с Россией, возможностей. Того же бессовестного обогащения номенклатурной верхушки за счет народа, установившей для себя особые зарплаты, пенсии, льготы, во много раз перекрывающие разницу, существовавшую между рядовыми гражданами и советско-партийным чиновничеством во времена Советского Союза. Ну а насчет полного торжества в Беларуси бюрократии при «ограниченной демократии» даже у г-на Делягина, при всей его захваченности *«невероятным потенциалом «советской Шамбалы»*, сомнений нет.

Отчего же так дорого г-ну Делягину уподобление нынешней Беларуси порожденному индийской мифологией образу мистической страны, находящейся где-то за Гималаями, может быть, в Тибете, где царит всеобщее счастье благодаря живущим там «великим учителям»? В общем-то, новоявленного, на этот раз московского Белли понять

не трудно. Провозглашать Беларусь оазисом коммунизма или тем более какого-то «справедливого капитализма» – дело гиблое. А пропаганда (вероятно, не остающаяся без вознаграждения) «социальных достижений» белорусского режима требует новой терминологии. И тогда начинается мистика, начинается почти религиозный экстаз, рассказы про «советскую Шамбалу» и т.д.

Я не уверен, понравится ли Лукашенко сравнение его государства с «какой-то» Шамбалой. Но поскольку всегда есть потребность в обновлении идеологии, не исключая появления в ближайшем будущем как введения в вузах и даже школах официального курса «патриотической теософии», так и строительства в Минске храма Шамбалы, где одним из верховных жрецов, безусловно, станет г-н Делягин.

Разумеется, если митрополит Филарет будет не против...

«Народная воля», 2008, 26 сентября.

Цена «окна в Европу»

Кое-кто из наших аналитиков любит утверждать и тешить себя тем, что самое высокое российское начальство не любит и даже на дух не переносит нашего самого большого начальника. И, мол, из этой нелюбви, время от времени подтверждающейся «газовыми конфликтами», повышением цен на энергоносители, может родиться нечто позитивное на Беларуси, в смысле каких-то перемен... Мол, экономика заставит... Хотя, полагаю, последние суперщедрые кредиты российские должны успокоить всех оптимистов. Даже если действительно В.В. не любит А.Г., то следует считаться прежде всего с фактом – Россия дает, и дает много и щедро, чтобы ни говорили об экономической петле. Поскольку петля это нечто неопределенное и отдаленное, а жить нужно и можно сегодня. А там поглядим... Наш начальник тоже, как говорится, не первый день замужем... Если Россия долги прощает каким-нибудь африканцам, то разве не грех требовать с братского, единокровного народа? К тому же готового костыли лечь за Россию на ее западных рубежах.

Есть точка зрения, что укреплению у нас авторитарного режима способствовал «Газпром», принявший решение в 1994 г. провести через Беларусь трубу «Ямал – Западная Европа». Развивающие этот взгляд В. Панюшкин и М. Зыгар, российские журналисты, авторы вышедшей недавно книги «Газпром. Соглашение с властью», пишут, что появление «самого страшного европейского диктатора» состоялось «исключительно благодаря тому, что он сидит на газовой трубе, которая ведет из России в Западную Европу. Если бы не было этой трубы, режим был бы в Беларуси целиком иным». Упрощенность и даже наивность этой позиции выявили предновогодние события: визит Путина в Минск, предоставление тех же, еще недавно казавшихся невозможными кредитов и энергетических льгот. Кажется, не так давно российский президент восклицал: «Котлеты отдельно, мухи отдельно!» А вот выяснилось, что можно и смешивать в нужных случаях то и другое, т.е. мух с котлетами. Пришлось В.В. переступить через возможные личные антипатии. Поскольку тактические и стратегические интересы оказались важнее не только личных эмоций, но и цен на газ. Об этих «российских интересах» относительно Беларуси с полной откровенностью пишет в двенадцатом номере (2007 г.) журнала «Наш современник» доктор экономических наук Юрий Годин.

Но сначала несколько слов о журнале. У этого органа российских писателей, называющих себя «патриотами» в пику разным «либералам» и «демократам», много лет разоблачающего «мировой сионистский заговор», особый «вздрог» к Беларуси. Еще в годы перестройки в Минске высадился солидный десант его сотрудников и авторов, получивший горячую поддержку на встрече в Академии наук, где в ту пору тон задавали Бегун и близкие к нему «борцы» с Марком Шагалом. Может, с той поры и укрепилось у «современниковцев» представление о Беларуси как о надежнейшей опоре шовинистической великодержавности. Но особой любовью пылают они к нынешней белорусской власти. Чувство, надо отметить, взаимное. Главный редактор журнала Станислав Куняев лично знаком с нашим главным начальником. Надо полагать, что не без офи-

циальной поддержки «Наш современник» широко зашагал по библиотекам Беларуси. На другие российские журналы литературные тем же библиотекам проблемно оформить подписку, а вот куняевскому журналу дорога открыта. Говорят, что даже рекомендация сверху существует – продвигать к читателю этот журнал, следовательно, иметь его в наличии дело почти обязательное. Короче, близкое нашей власти по духу издание.

Потому и печатает время от времени авторов из Беларуси. Правда, с отбором. Среди наиболее почитаемых Эдуард Скобелев, что вполне понятно: родной по крови. Естественно, что нет на страницах журнала ни Бородулина, ни Рязанова, ни Хадановича... Имена Быкова и Адамовича если и встречаются, то только в негативном если не оскорбительном контексте. Ну и, конечно, особая забота журнала – идеологическое обеспечение «союзного государства», чему, собственно, и посвящена упомянутая выше статья Ю. Година. Автор начинает с плача по «потерянной нами великой стране», в которой «большинство из нас чувствовало себя достаточно уютно». Никак не объясняя, почему же на защиту этого «уюта» так и не встали граждане СССР в конце 1991 г., он сокрушается, что сегодня «правопреемница бывшей великой державой» снова в кольце врагов, которое прорывает только «маленькая Белоруссия», застрявшая «как кость в горле у наших недоброжелателей». Образование этой «кости», естественно, прежде всего заслуга «белорусского лидера», который «подвергается беспрецедентному политическому остракизму со стороны Запада, называющего его» – о, ужас! – «даже диктатором».

Конечно же, Ю. Годин не затрудняет себя перечислением причин, вызвавших этот самый «остракизм». К чему такая мелочность как рассмотрение положения с правами человека в Беларуси, свободой прессы, независимостью судов? Разве это истинные проблемы – отказ власти от построения гражданского общества, репрессии против людей, решивших заявить о своем несогласии быть покорными баранами? Автор «Нашего современника» мыслит глобальными категориями. Вот вы, читатель, возможно, думаете, что последние президентские выборы в Беларуси – это

наше внутреннее прежде всего дело. И ошибаетесь. Оказывается, результат этих выборов это «геополитическая победа России». А те, кто в России так не считает, знаете, кто они на самом деле? Страшно вымолвить: это противники «усиления геополитических, геоэкономических и военно-стратегических позиций России на ее западных границах». Короче, если по-сталински – это враги народа. А с врагами у нас известно какой разговор...

Но пока до массовых репрессий не дошло, доктор экономических наук Ю. Годин подводит соответствующую базу под рассуждения о том, почему «России выгоден союз с Белоруссией». Собственно, с этими выкладками мы уже знакомы: и про торговый оборот (кстати, шестое место в торговле с Россией не только после Германии и Китая, но даже Нидерландов), и про белорусские интересы российского военно-промышленного комплекса, ну и, разумеется, про экспорт энергоресурсов в Европу. Автор «Нашего современника» делает вид, что ему ничего неизвестно о последних газонефтяных белорусско-российских войнах. А заботит его только одно: как бы уменьшить «украинский монополизм в транзите, прежде всего газа», естественно, прежде всего «за счет более активного использования белорусской газопроводной структуры». Поскольку Украина ориентируется «на евроатлантические структуры», а Беларусь... А вот на что Беларусь ориентируется, что это вообще за государство по своей сути, – об этом доктор наук Годин предпочитает не рассуждать. Главное – это соблюдение российского интереса.

И, конечно же, вершина этого самого интереса – «объединение двух стран в единое государство». Подписывается, наконец, Конституционный акт о Союзном государстве. Золотой сон российских патриотов. Вот идейная, так сказать, основа этого сна: «На бытовом уровне белорусы считают себя с русскими единым народом». На бытовом... А на каком, позволительно спросить, уровне имеются расхождения, позволяющие считать, что народ все-таки не единый? Тем более это любопытно, что подразумевается существование уровня, превосходящего бытовой. Увы – здесь также следует фигура умолчания. А, может, для Ю. Годин

на «бытовой уровень» и есть самый главный? Ну что там ему за дело до белорусской истории, культуры, до белорусского языка? Главное – «моя твоя понимает».

Но если народ един – так за чем же дело стало? Почему, в самом деле, нет до сих пор единого государства? Ответ известен: действуют все те же враги. Причем не прячущиеся в подполье, а находящиеся «в высших эшелонах российской власти». Это они, с целью сделать белорусско-российскую «единогосударственность» невозможной, проводят в России «экономическую либерализацию». А надо бы действовать, с учетом «позиции белорусского лидера», «с опорой на государственное регулирование экономики». Потому что российское общество в результате либеральной рыночной политики и, соответственно, имущественного расслоения «остается расколотым». Про состояние же белорусского общества аналитик из «Нашего современника» ничего не пишет, видимо, оно представляется ему монолитным в социальном плане. Здесь все равны. Царит социальная справедливость. Это в России большинство граждан каждый день думают о «куске хлеба». В Беларуси же такой проблемы нет. Г-ну Годину как-то не приходится в голову, что в Беларуси тоже состоялось и все более углубляется имущественное и социальное расслоение. Разумеется, нашему чиновничеству далеко до российских олигархов. Но то, что они, чиновники белорусские, особенно из средних и высших властных эшелонов, сегодня составляют жирующий на фоне общей бедности класс, это факт общеизвестный. Они – хозяева жизни и победители. Их зарплаты и пенсии в разы превосходят доходы гораздо более заслуженных людей, во всяком случае много лет и сил отдавших честному и полезному труду. Поэтому не следует, г-н Годин, так уж противопоставлять российскую и белорусскую социальную ситуацию. По части пренебрежения интересами большинства граждан у нас много общего.

Автор «Нашего современника» цитирует слова покойного академика Н. Моисеева о том, что «системный кризис проявляется тогда, когда государственный аппарат не имеет целей обеспечить благополучие и развитие государства, а стремится лишь обеспечить собственную стабильность».

Но разве это характеристика только нынешней российской ситуации? Разве не применимы эти же слова к положению в Беларуси? И наш «аппарат», г-н Годин, имеет ту же цель – обеспечить прежде всего собственное благополучие. И правитель наш, понимая, что нужно иметь опору в бюрократии, подписывает «особые указы», касающиеся «особых», «отдельных» категорий граждан, которым положены и зарплаты, и премии, и пенсии, которые и не снились остальным жителям страны.

В общем, есть действительно «сближающие» нас элементы. И ежели бы не все те же враги... Если в России они засели «в высших эшелонах власти», то в Беларуси это оппозиция, «польская, по своей родословной», потому и настраивающая страну «на другой вектор развития». Открытие Ю. Година не блещет новизной, если припомнить времена борьбы Советов с панской Польшей и ее агентами. Борьба, как видим, продолжается...

Но как же подтолкнуть российскую власть к переходу к действительно активной политике по отношению к Беларуси? Разве это не безобразие, возмущается Ю. Годин, что во время заседания Парламентской Ассамблеи в Брюсселе весной 2006 г. делегация российской Госдумы «самоустранилась от осуждения антибелорусской резолюции по результатам выборов президента в Белоруссии и скромно воздержалась от голосования»? В общем, итожит аналитик «Нашего современника», пора кончать с этой политикой, «противоестественной с точки зрения обеспечения национальной безопасности России». И вот отбрасываются, наконец, ширмочки-оговорочки насчет «исторического братства» и «близости на бытовом уровне». Карты на стол! – говорит г-н Годин. И вот они, истинные мотивы.

Мы не можем допустить, чтобы для России было закрыто белорусское «окно в Европу».

Союз с Беларусью – «ключевое звено в обеспечении национальной безопасности России на западных границах».

И, наконец: «Россия должна исходить из основополагающего кредо: «Белоруссия нам больше нужна, чем мы Белоруссии».

И по части тактики есть совет: «Смелее и активнее ис-

пользовать Минск в качестве политического противовеса прозападной позиции Киева, Тбилиси, Кишинева, антироссийским акциям Варшавы и прибалтийских республик».

Мы-то, белорусы, думали, что мы народ, страна, а, оказывается, мы для России всего лишь «окно» и «звено». И еще неплохо бы превратить нас в сторожевого пса, злобно лающего на ближайших соседей.

В конце статьи аналитик из «Нашего современника» отбрасывает к черту экономические расчеты (газ, нефть, кредиты) и прямо говорит, что следует прекратить, все эти разговоры о том, что мы «кормим Беларусь». Если США ежегодно оказывают экономическую помощь Израилю и Египту в объеме 3 миллиардов долларов, то почему Россия не может делать то же по отношению к Беларуси? «Державная геополитика стоит определенных денег», – мудро замечает Ю. Годин.

В общем, осталось только определить цену, за которую можно купить это самое «окно в Европу», именуемое пока еще Беларусью. Собственно, торги идут не первый день. Купцы то ударят по рукам, то разойдутся в стороны... Сделка совершается при большом стечении народа. Белорусский народ, как всегда, в качестве зрителей. Надолго ли?

«Народная воля», 2008, 1 февраля.

О «потайных мыслях» и сигналах от газеты «Завтра»

1

Рухнула башня Пицаловского замка.

«Дурное предзнаменование для власти, – сказал мой знакомый. – Разрушаются тюрьмы.

И я тоже готов был поверить в эту примету.

Конечно, ничто не вечно...

Но с другой стороны, это же сколько лет простояло?

Да, крепко строили в старые времена.

Что же до власти, то здесь проблема только в одном: что будет выстроено взамен?

В условиях дефицитного бюджета тратиться на современную, соответствующую европейским стандартам тюрьму власть, естественно, не будет.

Но и приспособливать под узилище, как это ранее практиковалось, монастыри и другие старинные сооружения, как-то нынче не с руки. Да и монастырями сейчас церковь занимается.

В общем, вопрос о новой тюрьме – это не только бюджетная проблема.

Это, так сказать, некий взгляд в наше недалекое будущее.

Какова тюрьма, таково в известной степени и это самое будущее.

Поэтому предлагаю проект будущего тюремного сооружения вынести на широкое общественное обсуждение.

Уверен: отказавшись от участия в обсуждении как наскучивших проектов различных партий, касающихся коренного реформирования и соответственно улучшения нашей жизни, так и государственных подачек (в виде возврата льготного пенсионного проезда на несчастные сотки), наш народ примет живейшее участие в «тюремном вопросе».

Поскольку тюрьма для нас – это не какая-то абстракция вроде демократии и свободы. А напротив – дело житейское, привычное, а потому очень даже понятное.

И от него наш народ никогда не зарекался...

2

В интервью, которое дал «Народной воле» новый главный «идеологический» начальник Янчевский, меня особо заинтересовало вот это место: *«Но если у госслужащего есть какие-то потайные или двойные мысли, то он должен просто уйти».*

Вот как надо свидетельствовать свою суперпреданность системе! Учитесь у молодого старые кадры!

Имеешь потайные мысли – уходи!

Но кто ж в таком грехе добровольно признается?

Вроде и соблазнительно заглянуть под черепную короб-

ку белорусского госслужащего. Действительно, что у него там за мысли? И есть ли в самом деле «потайные и двойные»?

Правда, и сильное сомнение берет: скорее всего, там вообще никаких мыслей нет.

Пусто. Как во вскрытой консервной банке.

А вдруг все-таки есть?

Как узнать?

Пока от Национальной академии наук в этом нужнейшем деле власть не имеет никакой помощи. А нужда великая.

Со своей стороны, могу кое-что порекомендовать из опыта дореволюционной России. Когда будущий председатель Государственной Думы Родзянко только начинал свою карьеру и его выбрали председателем Екатеринославской губернской земской управы, он в первом же своем распоряжении объявил, что примет меры для того, чтобы *«все гг. служащие по всем вопросам держались самого желательного и надлежащего образа мыслей»*.

Вы спросите: ну и как ему это дело удалось?

История не сохранила на сей счет свидетельств. Хотя говорят, что по сути ничего нового придумано не было: просто чиновникам объявили, что с такого-то дня об их образе мыслей будет докладываться самому председателю управы. Говорят также, что особо отличился среди служащих некий Иван Петрович, который в специальном заявлении на имя Родзянко написал, что у него не только нет «ненадлежащих», «но и вообще никаких мыслей не замечается». Иван Петрович был поставлен в пример и даже сильно пошел на повышение.

Так что были и у наших деятелей вполне достойные предшественники.

Но все-таки нельзя равнять дореволюционных чинуш с нынешними молодыми, умелыми, рассуждающими. Как говорят в чиновной среде – грамотными.

Вот спрашивают г. Янчевского, стало ли для него неожиданным решение президента назначить его главным идеологическим начальником. И г. Янчевский уверенно отвечает: *«Любое решение главы государства трудно прогно-*

зировать...» Кому-то покажется, что это сомнительный комплимент в адрес главы государства, рисующий этого самого главу как личность непредсказуемую и так далее...

Но мы твердо скажем этому сомневающемуся: не нужно «перекручивать»! Г-н Янчевский имел в виду высокую мудрость главы государства. Правда, получилось двусмысленно... Но ведь он хотел как лучше! Это нужно прежде всего принимать во внимание!

Надо сказать, что несмотря на молодость г. Янчевский достаточно зрело судит о многих вещах. Казалось бы, молодым свойственны нетерпение, жажда перемен, стремление к новому. А г. Янчевский не спешит, ему немногим за тридцать, а рассуждает он как семидесятилетний почтенный бюрократ: *«кардинальные изменения должны происходить тогда, когда сложилась критическая ситуация», «надо приспособливаться к дню сегодняшнему».*

Вот с этим очень важным словом – *«приспособливаться»* – вообще не поспоришь. Хочешь жить – нужно приспособливаться. Тем более, если хочешь жить не просто хорошо, а очень хорошо. Это правильная философия.

Кое-кто может заметить, что в интервью г. Янчевского ничего не сказано по поводу конкретного содержания той самой идеологической работы, на которую его поставили. Что это за работа, в чем она заключается?

Но ведь давно известно: идеологическая работа настолько тонкая материя, что ее просто так не ухватишь, не пощупаешь пальцами. Либералы твердят, что идеология – неперенный признак тоталитарного государства. А как, в самом деле, без нее быть? Как прикажете бороться с теми же «потайными или двойными мыслями»? Тут она, идеология, оказывается самым верным оружием.

И как не согласиться с г. Янчевским, что нельзя о «стране, где есть масса очевидных положительных вещей», писать только плохое. Но можно ли считать *очевидной положительной вещью* то, что «Народная воля», не какая-нибудь подпольная, а зарегистрированная в государственном органе газета, лишена возможности печататься в Минске, как и права продаваться в киосках, поступать к читателям по подписке. У нас ведь не времена Герцена и Ленина, когда

«Колокол» и «Искру» доставляли в Россию в чемоданах с двойным дном. Почему же легальная газета «Народная воля» должна печататься за границей, в Смоленске, а доставляют ее подписчикам не почтальоны, а разносчики-добровольцы?

Замечательно, что г. Янчевский вслед за своим патроном призывает писать правду. Но если газета пишет неправду, то для соответствующей разборки существует суд. Зачем это постыдное выкручивание рук, этот беспричинный и, безусловно, продиктованный сверху сговор-отказ типографий и «Белпочты»? Неужто, это и есть тот самый закон, по которому, по словам г. Янчевского, накажут того, кто «будет писать очередную клевету»?

«Никто не скажет, что в «Советской Белоруссии» никого не критикуют», – не без пафоса заявляет г. Янчевский. Но ведь и в «Народной воле» тоже критикуют... Так в чем же дело? В том, как критикуют? Или в том, как воспринимают критику? А что если восприятие последней связано с уровнем развития личности? А уровень этот, скажем мягко, невысокий? Что же делать? Ложиться под эту самую личность и подыхать? Или все-таки отстаивать свои взгляды? А, может быть, лучше всего скрывать их, т. е. иметь те самые «потайные мысли»? Похоже, это нынче удел большинства граждан Беларуси.

Но двоемыслие опасно. Оно истощает нервную систему. А ежели еще в экономике плохо... Тогда режимы валются, как та самая башня Пицаловского замка. Все внешне вроде выглядит хорошо, крепко, имеется, как говорит г. Янчевский, «политическая стабильность». А внутри, оказывается все сгнило, струхлело. Вот и повалилось...

3

Кстати, о «Советской Белоруссии»... «Смотрящий по Беларуси» от суперпатриотической российской газеты «Завтра» г-н Ростиков узрел страшную крамолу на страницах президентского издания. Оказывается, «СБ» напечатала «реабилитационную» статью о Ларисе Гениуш, этой, цитирует с сарказмом Ростиков, «вядомай нацыянальнай паэтке», а

на самом деле пособнице фашистских оккупантов. На подходе и реабилитация другой «фашистской прислужницы», Натальи Арсеньевой. И потому г-н Ростиков, как ответственный человек, не может не доложить своему московскому начальнику и главному российскому борцу за незамутненную славянскую чистоту А. Проханову о происках почитателей «паэтак» с подпорченной биографией на земле такой, на первый взгляд, тихой и преданной российской сестры, какой всегда была в глазах Москвы Беларусь. Здесь не место для разговора о неоднозначности переплетений судьбы конкретного человека и его художественного дара. Гитлер ценил Вагнера, а Гамсун поддерживал Гитлера. Имена немецкого композитора и норвежского писателя и по сей день в первых рядах мировой культуры. Почему белорусы должны быть лишены замечательного поэтического наследия двух женщин, чьи судьбы сложились достаточно трагично? О чем, кстати, можно написать вполне объективно, не скрывая и самых сложных страниц их жизни.

Впрочем, все эти «литературные проблемы» мало заботят г-на Костикова. Он ищет «корень зла» и находит его. Дело оказывается в том, что редактор президентской газеты «конечно же, еврей». Безусловно, по-своему замечательно это утверждение – «конечно же». Почему редактор президентской газеты должен быть обязательно евреем г-н Ростиков не объясняет. Поэтому остается предположить, что в этом утверждении «конечно же» содержится определенное объяснение причины появления «положительной» публикации о Ларисе Гениюш в «СБ». В общем, кому как не редактору-еврею и печатать статьи о «профашистских» паэтках? Звучит, конечно, странно. Уж еврею-то полагалось бы бежать от этой темы да пошустрее. Но тут, видимо, г-н Ростиков узрел некий сионистско-фашистский заговор с белорусским националистическим оттенком. Вещь, разумеется, сложная, не всякому понятная. Но г-н Ростиков тем не менее ударил в набат. И, видимо, ждет, что его тревожный звон будет услышан.

А, может, и впрямь у белорусского корреспондента московской газеты «Завтра» есть шанс быть услышанным? Знает, кому посылает сигнал... Пикантность ситуации, одна-

ко, состоит в том, что именно г-н Ростиков, относящийся к евреям, как говорил один старый публицист, «достождолжно», озабочен ныне тем, что «президентская газета ... подает этих антисемитов уже под современным» национал-патриотическим соусом».

Вот ведь какие курбеты выбрасывает жизнь! Есть от чего сойти с ума. Ростиков борется с антисемитами, которых пропагандирует сама президентская газета! Как говорил один из героев Щедрина, «так извертишься порой, что сам себя не узнаешь».

«Народная воля», 2008, 1 мая.

Сталин близко

О московском телепроекте «Имя Россия»

Более полугода (с мая) длился этот конкурс, в организации которого участвовали телеканал «Россия», Институт российской истории Академии наук России и фонд «Общественное мнение». Из поначалу пятисот предложенных имен отобрали пятьдесят, а затем уже всенародным голосованием через интернет выделили только двенадцать. Из них-то присяжным заседателям во главе с Никитой Михалковым нужно было выбрать только одно имя, которое может быть символом России. Но решающий голос в этом деле принадлежал по-прежнему голосовавшему через интернет народу.

И вот вечером минувшего воскресенья проект завершился. На первом месте оказался князь Александр Невский (529 575 голосов), на втором – Петр Столыпин (523 766), на третьем – Сталин (519 071). Всего приняло участие в голосовании около трех миллионов человек.

Таким образом, из двенадцати присяжных, агитировавших за свои кандидатуры, успешнее всех оказался митрополит и местоблюститель Российской Православной Церкви Кирилл, ратовавший за благоверного Александра Невского. Немалое удовольствие, надо полагать, испытал и Никита Михалков: что могли знать (несмотря на относительно недавно прошедший телесериал) люди о дореволюционном

премьере и министре внутренних дел, а вот, поди ж ты, поставили его на второе место. Значит, не зря старался Никита Сергеевич, расписывая достоинства Петра Аркадьевича. Но самое большое удовлетворение, несомненно, получил генерал Варенников, чьей креатурой был Сталин. Тем более, что Сталина от Невского отделяют всего-то десять тысяч человек. Еще чуток более сознательного голосования и Иосиф Виссарионович занял бы надлежащее ему первое место, показав на самом деле, кто царит сейчас в головах граждан России. Нет, не случайно, когда в голосовании присяжных Сталин занял последнее место, кто-то из них сказал что-то вроде того, что это еще не все, поглядим, как выскажется народ. И народ, как видим, высказался.

Когда стали окончательно известны итоги, двое из трех присутствовавших при сем присяжных, посол России на Украине, известный интеллектуал и оратор Черномырдин и всегда удобно объективный председатель Совета Федерации Миронов попытались что-то мямлить насчет того, что, мол, дело не в местах и голосах, а в том, что ВСЕ ЭТО – и Невский, и Сталин, и Ленин, и Пушкин, и Иван Грозный и прочие – *это наша история, и потому всеми ее деятелями нужно гордиться и т.д. и т.п.* И вообще – главный герой истории это все претерпевший и преодолевший русский народ. Ведущий проекта, не только физически сильно раздобревший со времен «Взгляда» Александр Любимов уже собирался закончить передачу. В этот момент почувствовавший неловкость ситуации – в демократической России Сталин прорвался в ведущую тройку имен! – Никита Михалков попытался скорректировать: знаменитый актер и режиссер сказал о том, что нужно обратить внимание на Сталинский прорыв, что разница в предпочтениях народа невелика, и ежели жизнь в стране начнет сильно крениться в худшую сторону, то тут-то народ и призовет на царство ежели не самого Иосифа Виссарионовича, то надежную тень его.

Пикантность положения заключалось в том, что это говорил сын автора сталинского гимна, приспособившего свой текст и к новым временам. Впрочем, Никита Сергеевич, несмотря на горячую любовь к Столыпину, тоже за широкое отношение к российской истории в том смысле,

что все, что было в ней, ЭТО ВСЕ НАШЕ. Но неловкость, даже стыдность возникшей ситуации была в том, что одно дело привычно болтать штампованные фразы о том, что *и славные и страшные страницы нашей истории ЭТО ВСЕ НАШЕ*, и совсем другое, когда явно, открыто на первые места граждане демократической России выдвигают фигуру диктатора, тирана, погубителя миллионов людей. Это уже скандал. И Никита Сергеевич действительно попытался показать, что они там, в суде или жюри присяжных, хотя и долдонят про НАШЕ ВСЕ, но понимают «повернутость» в мозгах своих сограждан.

Попытка эта, впрочем, ничего не решала и не определяла. Граждане России высказались вполне определенно: сегодня очень нужен Сталин. Без него никак! А уж как хотелось присяжным, чтобы выбор граждан был гармоничным: скажем, на первом месте Александр Невский (и это правильно – государственный деятель!), на втором – Пушкин (наша духовность!), на третьем – Менделеев (наш интеллект, наука!). Какое это было бы счастье, какое проявление истинной народной мудрости и гармонии!

Но народ выбрал другое. Пушкин и Менделеев, вся эта интеллигенция в шляпах и очках, оказалась не нужна. Нужен оказался здоровенный кулак. В известном смысле вся первая тройка – это тот самый кулак. Что знает народ про Александра Невского? Что разбил тевтонских псов-рыцарей. Сами кино видели с Черкасовым. Столыпин – для народного сознания, прав Михалков, фигура темная, неясная, какой-то царский министр, что-то там пытался сделать, ну и шлепнули его. Но где-то в уголках народной памяти могли застрять, нет, не реформы, а скорее – «столыпинские галстуки». Так назывались в народе виселицы, которыми Петр Аркадьевич устроил страну с 1906 гг. И уже ближе к нашим временам – «столыпинские вагоны», в которых перевозили арестантов. Ну а Сталин – кто же не знает, что это был сам порядок, сама справедливость? Разве при нем могли бы разные Березовские, Абрамовичи и Дерипаски заполучить в личную собственность столько народного добра, настроить себе суперяхты и накупать шикарные дворцы в Европе? Да при нем бы!!!

В общем, все понятно, где *при нем* бы были эти самые Дерипаски. Но меня другое занимает. Неужто среди более полумиллиона отдавших свои голоса за Сталина человек не было ни одного, у которого не сгинул в сталинских тюрьмах и лагерях кто-то из родных? Из людей, не имевших, кстати, ни шикарных яхт, ни дворцов в Лондоне, обычных крестьян, рабочих, учителей, врачей... Да быть такого не может! Тогда что же это за беспамятство?

А это, господа хорошие, ни что иное как плоды нынешней демократии в России. Демократии, которая не захотела дать строгую и точную оценку своему прошлому, не захотела настоящей десталинизации и декоммунизации страны. Приспособила к болтовне о гражданском обществе и законности сталинский гимн, трехцветный флаг разорителя России и закрепостителя ее народа Петра Первого, двуглавого орла «воевавшего Литву» Ивана III. И прет страна на всех парах к вершинам демократии под плохо скрытой уваровской формулой «Православие, самодержавие, народность». Соответственно, и народ реагирует – давай Сталина! Это немцы проклинали Гитлера и нацизм, хотя тоже могли сказать, что ЭТО ВСЕ НАШЕ. Но ведь не сказали. И не скажут. Потому что даже в законе закреплено отношение нынешней Германии к ЭТОМУ своему прошлому. Попробуй скажи! В тюрьму загремишь.

А в России нужен Сталин. Уж как старался директор академического института истории Сахаров убедить сограждан, что есть другой правитель, на которого стоит оглянуться, Александр II, вошедший в русскую историю с именем Освободителя. Отмена крепостного права, новые суды, земство, рост уважения к личности... Но не это оказалось нужно нынешнему русскому народу, не такой правитель-либерал. В почете только все тот же здоровенный кулак.

В Беларуси про эту народную тоску власть знает давно. Оттого и устроила «линию Сталина». Хотя только ли в ностальгии дело? Может, с нее-то, надеется та же власть, с белорусской «линии Сталина» все и начнется? И мы, белорусы, окажемся, если не впереди планеты, то впереди России всей? Потому что если есть «линия», то как не быть наследникам Сталина?

«Народная воля», 2008, 30 декабря.

V. Из прощальных слов

«Он человек был в полном смысле слова»

Памяти Аркадия Бржозовского

Не стало нашего коллеги, нашего друга Аркадия Бржозовского. А казалось, что он, хотя и одолеваемый недугами, будет жить долго. Потому что была в нем основательность, некая спокойная и надежная, глубокая и упорная жизненная сила, прикосновение к которой было существенно и для нас, его друзей. Теперь, с его уходом, это ощущение становится все реальнее. Понятнее становится, что притягивало нас в нем, к нему, – не только его культура, интеллигентность, человечность, доброта, но, может быть, прежде всего своеобразный сплав этих качеств, породивший личность уже редкую для наших времен. Это тот именно случай, когда интеллигентность и культура, отзывчивость и бескорыстие в высокой степени органичны, являются сутью человека. Поэтому вынесенные в заголовок слова Шекспира кажутся здесь наиболее подходящими.

Аркадий был человеком искренне и в какой-то степени жертвенно преданным искусству слова, журналистике, литературе, книге. Бог отметил его прекрасным художественным вкусом, так пригласившимся ему и в журналистике и в редакторском деле. Наверное, не случайно еще в годы учебы на факультете журналистики Ленинградского университета он редактировал студенческую газету, в которой появились стихи мало кому тогда известного Иосифа Бродского. В те же годы завязалось и его знакомство с Сергеем Довлатовым. Его журналистский талант был замечен и в Москве, редактор популярнейших в ту пору «Известий» Алексей Аджубей приглашал его в свою газету.

Широкой популярностью, особенно в первые годы существования, обязана Аркадию Бржозовскому газета «Вечерний Минск». Неутомимый выдумщик, он отправил в походы по городу своего въедливого и все примечающего героя Антона Вечеркина. Он сдружил минчан с моряками черноморского крейсера «Минск». А сколько интереснейших интервью Аркадий провел с приезжавшими к нам

выдающимися артистами и музыкантами. Образованнейший журналист, он мог беседовать на равных со Святославом Рихтером и Давидом Ойстрахом, с Аркадием Райкиным и Анной Герман...

Замечательный редактор, он дорожил культурой слова и потому был строг к словесной фальши. Это его профессиональное качество, как и энциклопедизм познаний, ценили в издательствах «Интердайджест» и «Парадокс», где он проработал не один год. Безусловный эстетический слух лежит в основе его тонкого сатирического, пародийного дара, которым он, умевший таить иронию за внешним бесстрастием, удивлял и восхищал и в дружеских компаниях и на страницах газеты «Авив». О том, как много сделал он для последней, разговор отдельный.

Отредактировав множество книг, Аркадий не успел выпустить своей, в которой собирался объединить очерки о встречах с замечательными людьми, которыми его одарила судьба. Теперь это дело памяти об Аркадии Бржозовском за нами.

«Авив», 2008, № 9.

Ушел мальчик-партизан

Памяти Валентина Тараса

Валентин Ефимович Тарас умер спустя три дня после своего 79-летия и неделю после того, как провел вечер (был его ведущим), посвященный выходу посмертной книги его друга поэта Александра Дракохруста. Он много вспоминал в тот вечер – о своей молодости, о многолетних дружбах, которыми одарила жизнь, о том, как находили друг друга они, молодые «шестидесятники», поверившие в ветер «оттепельных» перемен и жадно искавшие их приметы.

Давно умер лидер той горячей, спорщицкой и не умевшей жить друг без друга компании – блестящий критик Григорий Березкин, десять лет назад ушел мудрый и трагический поэт Наум Кислик, три месяца назад не стало интеллигентнейшего Александра Дракохруста. Теперь,

пожалуй, только поэт Федор Ефимов может припомнить пушкинское:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Наверное, квартира Кислика на улице Фрунзе, рядом с Домом литератора, была их «лицеем». Бывали там и Василий Быков, и Алесь Адамович, и Рыгор Бородулин, и Игорь Шкляревский, в общем, немало разных людей бывало. Но свой, «ближний круг» сохранялся долгие годы, десятилетия. Разлом страны не мог не сказаться на нем, как и сложность характеров, неоднозначность взглядов, как и старость, болезни. Но давшие слово собираться на могиле Березкина в день его смерти, они затем приходили на могилу Кислика.

Наш круг час от часу редет...

Со смертью Тараса ушел летописец не только этого круга, но и той эпохи в литературной, общественной жизни Беларуси, которая не всегда понятна и различима сегодня. Достаточно вспомнить вопросы, которая задавала ему молодая аудитория «Радые Свабода». Тарас отвечал прямо, честно, без уверток и вместе с тем стремился убедить своих слушателей в необходимости более глубокого вхождения в жизнь, в историю и, следовательно, не избегать сложности оценок.

И в своей итоговой книге «На острове воспоминаний» он не только вспоминает, но и пытается понять себя, своих товарищей во времени. Мемуары – опасный жанр. Может быть, чувствуя это, Тарас, уже после выхода первого, а затем второго, дополненного издания книги, продолжал дописывать и править. Четыре года назад, на вечере, посвященном его 75-летию, я, пользуясь правом ведущего, спросил его, не утаил ли он чего-то важного, сокровенного, всю ли правду рассказал о себе, своем писательском пути. Он ответил, что *всю правду* рассказать невозможно. Здесь не было кокетства, это был честный ответ. Потому что он искал, продолжал искать ответы на непростые вопросы собственной биографии, судьбы, истории страны, в которой состоялся, утвердил себя как талантливый поэт, прозаик,

переводчик (не забудем о его совместном с К. Шерманом великолепном переводе «Осени патриарха» Маркеса), а затем и публицист.

Если у кого-то сложилось впечатление, что биография Тараса это путь от мальчика, в тринадцать лет ушедшего из оккупированного немцами Минска в партизанский отряд, через послевоенного, вполне советского молодого поэта (писал и стихи на смерть Сталина), а в зрелые годы певца интернационализма (известное стихотворение «Дзевомы») до защитника демократических и белорусских национальных ценностей – это сильное упрощение. Тарас ни от чего не отрекался в своей жизни. И с Беларусью, с белорусским языком он был всегда. И тогда, когда писал и по-русски. Потому что Беларусь всегда ощущал своей Родиной. А почему писал по-русски? А по той же причине, по какой писал по-русски и молодой Якуб Колас, не говоря уже о немалом числе русских стихотворений в наследии Максима Богдановича и написанной по-русски знаменитой партизанской дилогии Алесьа Адамовича. И нет здесь никакой творческой ошибки или национальной неосознанности. Есть влияние близкой и большой культуры. И не нужно этого влияния бояться. И тем более оправдываться. Нужно помнить всегда о биографии писателя, о том, как складывалась его жизнь, и тогда многое станет понятным. Нужно понять, к примеру, что такое была для изгнанного из минских редакций в конце 1960-х гг. и лишенного возможности печататься в Беларуси писателя публикация повести «Первая молния» в популярнейшей московской «Юности» времен редакторства Бориса Полевого.

С годами, особенно в последнее время, Тарас стал значимой общественной фигурой. Наверное, этому способствовали и получившие читательскую известность обширные воспоминания, и многочисленные интервью, и, безусловно, его принципиальная демократическая позиция... А мне почему-то в эти горькие дни вспоминается великолепный юмор Валентина, его уморительнейшие пародийные изображения разных литераторов. Но помню его и непреклонного, острого, помню наши споры и разногласия и наше же обоюдное желание сохранить дружеские отно-

шения и все доброе, что было между нами в течение долгих лет. И все это теперь покрыла такая неожиданная и непоправимая потеря. Ушел человек яркий, до последних дней излучавший импульс творческой активности и неравнодушный к жизни, наделенный многими талантами, успевший кого-то и перед самым уходом обогреть, поддержать. Последние слова его были: «Я ухожу». Мальчик-партизан, которому он сохранил верность в течение своей долгой жизни, был мужественным до конца.

Мир твоей беспокойной и доброй душе, Валентин Ефимович, Валушик, как называли тебя самые близкие друзья.

«Народная воля», 2009, 17 февраля

Непокоренная

Памяти Яны Поляковой

Я не был знаком с Яной Поляковой. Теперь вот всматриваюсь в ее фото на страницах «Народной воли». И понятнее становятся ее слова после судилища: «Я не буду эзчкой».

Она была гордой и волевой женщиной, Яна Полякова. В этом убеждают ее взгляд, ее глаза. И ее уход из жизни – это не только акт отчаяния, но и вызов потерявшей человеческий облик власти.

Она была юристом, правозащитником не только по глосу совести, но и по профессиональной принадлежности. И потому для нее была особенно ужасна эта очевидность царящего в стране произвола, абсолютного беззакония, полного попрания элементарных человеческих прав. Она боролась, обращалась в следственные органы, в прокуратуру, а в ответ шли угрозы, ее, тридцатилетнюю женщину, били в подъезде специально нанятые для этого громилы. Она обвинила в нанесении ей побоев капитана милиции. И власть решила проучить непокорную и тем самым преподать урок другим.

Два с половиной года «химии». Я спрашиваю: даже если бы капитан Пугачев был действительно оклеветан – это что

нормальный, адекватный провинности приговор? Разве Полякова угрожала Пугачеву, избивала его? Только за подачу жалобы на капитана милиции – упрятать человека на два с половиной года? Впрочем, это, безусловно, нормально в стране, где совершивших обдуманное и жестокое убийство освобождают от ареста. Ведь убили-то сельские мужички, как сказал правитель, не «великого человека», своего же деревенского пьянчужку и поджигателя сараев. Такого не жаль, а убийц можно пожалеть, что тут же, грубо попирая закон, и осуществила власть. Дав тем самым знак: в некоторых случаях творить самосуд, убивать можно... Нищей деревне бросили популистскую кость.

А вот скромная солигорская правозащитница Яна Полякова была действительно Великим Человеком. Боролась за правду. Потому и был дан приказ: «Ату ее! Трави!». И заставили. И подвели к петле.

Мы никогда не узнаем, о чем она думала в последние свои часы. Яна Полякова оказалась наедине с бездной и мраком бесправия. Что она могла еще сделать? Силы были на исходе. И она решила на последнее.

«Вот был бы у нас суд присяжных, – сказал мне знакомый, – Полякову бы не признали виновной». Мечтать, конечно, не вредно! Но суд присяжных противопоставлен этой стране. Это в проклятой царской России присяжные могли оправдать Веру Засулич, стрелявшую в московского градоначальника генерала Трепова. Представляете, что было бы, если бы Полякова стреляла в Пугачева? Вероятно, она была бы повешена на главной площади Солигорска. Если только за жалобу – два года «химии», то за покушение на жизнь милицейского чина в ранге капитана, конечно, казнь! По-другому у нас и быть не может. А если бы на генерала подняла руку – даже страшно подумать. Наверное, четвертовали бы.

Гибель Яны Поляковой – это продолжение списка преступлений, в котором имена Захаренко, Гончара, Красовского, Завадского и других людей, наших соотечественников, по разным причинам ушедших из жизни, похищенных и убитых, затравленных и униженных, разоренных и доведенных до инфаркта, уволенных с работы и исключен-

ных из вузов. Придет время и этот свиток будет целиком раскрыт перед другим судом. Это случится в те времена, когда в Солигорске будет улица имени Яны Поляковой, а в Минске проспекты имени Гончара и Захаренко.

В том, что это будет, нет никакого сомнения. Порукой тому история развалившегося Советского Союза. Страна была не чета нынешнему режиму, держащемуся на российских штыках и зомбированном спецназе. Трусливому настолько, что приговаривает женщину к «химии» на два с лишним года только за жалобу на милицейского чина. Это чтобы слуги режима знали, что власть, всегда, в любом случае, будет на их стороне. Лишь бы верно ей служили.

Вот она и показала себя еще раз, либерализация по-белорусски! Солана приехал, поболтал с правителем, отбыл из Минска такой благодушный, а теперь пускай Запад по полной кушает и аресты среди молодежи, и отправку молодых бунтарей в армию, и наше правосудие. Запад должен понять, что у нас своя демократия и свой соответственно либерализм.

Есть у этой трагической истории еще один гнуснейший аспект. В той же дореволюционной России пресса нередко была на стороне рядового человека в его схватке с государством. Потому что у государства хватало средств – полицейских, судебных... И обыкновенному человеку бывало трудно рассчитывать только на справедливость закона. Возвышали свой голос в защиту простого человека лучшие русские писатели, журналисты, адвокаты. Жила эта традиция и на Западе. Достаточно вспомнить вспомнить Золя с его «Я обвиняю!» в деле Дрейфуса. И сегодня в нормальных цивилизованных странах пресса на стороне ищущего правды и справедливости человека.

То, как поступила по отношению к Яне Поляковой, белорусская газета, считающая себя самой главной и самой лучшей в стране, свидетельство не только аморализма, абсолютной перевернутости понятий о добре и зле, о чести и бесчестии, о профессиональном долге журналиста, но, может быть, прежде всего об идущей в обществе моральной деградации. Не так уж, впрочем, важно, режим ли растлил журналистику до такого вырождения, сама ли она

оказалась такой податливой. Факт налицо – некий нравственный урод, трусливо скрывшийся под псевдонимом, морально подтолкнул Яну Полякову к петле.

Вот от этого уже до конца жизни не отмыться автору гнусной статейки. И прочим, «делающим жизнь» под этого самого Ксенофонта, впору задуматься. От некоторых из них приходилось порой слышать: «Да я чистенький, я в нашей газете проблемами культуры занимаюсь, экономике освещаю, в политику не лезу». Нет, братцы, вы все в этом дерьме. И любому из вас могут приказать, как тому же быковскому Рыбаку вышибить скамейку из-под Сотникова. Ваш коллега вместе с судейскими и милицескими деятелями из Солигорска, фигурально выражаясь, вышиб скамейку из-под Яны Поляковой. И как теперь? Будете по-прежнему пожимать ему руку? Льстиво улыбайтесь? А потом мыть руки и давиться рвотой в туалете...

Впрочем, у каждого свой выбор в этой жизни. Придет время, и свой ответ будут держать и те же милицеские и судебные чины и в полном согласии с ними пишущие Ксенофонты.

А вот белорусский народ? Как он? Что он? Если верить Интернету – есть возмущение, боль, горечь, гнев. Но вот читаю там же: за гробом Яны шло человек двести. Может быть, это даже много для шахтерского Солигорска с его сильными мужиками? Или все-таки мало? И шахтерский Солигорск предпочел свои высокие зарплаты выражению солидарности с человеком, который, в сущности, погиб-то и за них, поскольку отстаивал правду?

Но что звать к совести простых солигорцев, если не видно было среди идущих за гробом и тех, кто как будто является видными оппонентами режима. Разумеется, у них, как всегда, были более важные дела. В том числе переговоры с радателями белорусской демократии в Западной Европе.

Гибель Яны Поляковой – может, она того и хотела? – волей-неволей в который раз поставила старые больные вопросы: что мы за люди, белорусы? почему нам все до феньки? почему мы так не уважаем себя? почему предаем своих близких, свою честь и совесть?

Вот и Павел Шеремет пишет: *«Что это за страна такая – Беларусь, что люди не знают краев в ненависти и жестокости. И ведь не ради высокой идеи расовой чистоты или построения светлого будущего так стараются уничтожить ближнего. Ну так ради чего? Не понимаю, не могу представить, не вижу логики, не нахожу объяснений».*

Признаюсь, я тоже нередко размышляю об этом же. Неужели прав был Герцен, когда, публикуя в «Колоколе» сделанную в Париже по инициативе Адама Мицкевича литографию «Белорусский раб», писал об изображенном на ней потерявшем человеческий облик белорусе, как о жертве крепостничества, доведенной до того, что *«он пошел вспять от человека к животным»*? И мы еще не преодолели *«деградации десяти поколений народа»*? И сегодня пожинаем плоды этой «генетики»? Все эти капитаны милиции, прокуроры, судьи, Ксенофонты, правители, делящие свой народ на «великих» и «невеликих»...

Но мы давно знаем: есть другие белорусы. Была же Яна Полякова! Впрочем, почему была? Она осталась с нами навсегда. Чистая. Свободная. Непокоренная. Символ и залог победы *нашего* Добра над *их* Злом. Собственно, мы уже победили. И Яна доказала это.

Народная воля, 2009, 13–16 марта.

Содержание

I. Из биографии	5
Красноярск-26. <i>Записки военного строителя</i>	6
Капитан Артеменко	6
Старшина Задыба	11
Изгнание из университета	20
Дорога в зону	28
«Двадцатка»	34
«Полусотка»	49
«Куприн из автобата?»	57
Полковник Федорчук	62
«Восточная контора» и система	68
Поиски братьев	77
Обыск в шахте	91
«Развели тут антисоветчину!»	99
Прощание с зоной	102
II. Из путешествий	107
«Брат мне мил, какой бы веры ни был».	
<i>Белградские заметки</i>	108
Улица князя Михаила	108
Третья Югославия	113
Исламский синдром	120
Можно ли установить демократию свистками?	127
Boswil. <i>Швейцарские заметки</i>	133
Три полета в Швейцарию в течение одного лета	133
Разнобокий нейтралитет	136
Кунслерхауз	149
Альберт Райшек	153
Воруют ли в Швейцарии, или Приключения проездного билета	157
От Винтертура до Лугано. Что такое Форум «OST-WEST»	161
Новые фигуранты на семинаре	163
Прогулка перед трудами тяжкими	164
Как работает «Медиафорум»	165
Проблемы и реальности	168
Две встречи в российском посольстве	169
Дорнах	171

III. Из прочитанного	175
Ориана Фаллачи продолжает борьбу	176
Памяти Орианы Фаллачи	184
Трудно посмотреть себе в глаза	189
Адам Михник: в поисках подлинной Польши	195
Спор о Валенсе	203
Что есть Добро и Зло. <i>Продолжение старого спора</i>	208
«Чтобы учащиеся ни в какие тайные общества и союзы не вступали»	216
Рабы не мы?	221
Когда история превращается в цирк	224
Куда ползет «зловещий чеченец»? <i>Об одной рецензии в «Нашай Ніве»...</i>	231
Так ли плох почтенный Соломон? <i>Евреи в русской литературе</i>	234
Бутафория на темы Гоголя. <i>О фильме Владимира Бортко «Тарас Бульба»</i>	253
«Правда гитлеризма» как новая тема в белорусской литературе	256
Последний призыв, или Памяти журнала «Неман»	260
IV. Из статей и фельетонов	267
Так за какую мы Беларусь? <i>По поводу одного комментария в «Нашай Ніве»</i>	268
Старый-новый облик коллаборантов, или Под чем предлагают подвести «жирную черту» «социально близкие»	272
Кому оплеуха, или Плоды патриотического одичания	279
Костяшка налево, костяшка направо... <i>По поводу статьи Зенона Позняка</i>	287
Если сойти с котурнов... <i>Письмо читателю</i>	290
Шум вокруг мессиджа	297
Ждать ли нам «ооновских танков» или надеяться на диалог с властью?	305
Кого волнует, где Захаренко и Гончар?	313
Пожалуйста за «свидетельством о благонадежности»	318
Как у вас с ориентацией?	324
Удавка для журналистов	329
Прислушается ли суд к указанию Екатерины II?	335
О национальной истории и «шкурном вопросе»	341
Разные судьбы	346
Гражданином быть не положено. <i>Впечатления от очень старого спектакля в Русском театре имени Горького</i>	352

Белорусский вариант «Чайки»	359
Вне политики, или Как жить человеку с совестью	364
Беккет в Кобрине, или Полный аллес	370
Грустный Мицкевич	375
Ужасная «карта поляка»	376
Как правильно косить траву	382
Лорд Белл как новый благодетель Беларуси	387
Беларусь как «Евророссия», или «Советская Шамбала».	
<i>Видения московского Белла</i>	392
Цена «окна в Европу»	397
О «потайных мыслях» и сигналах от газеты «Завтра»	403
Сталин близко. О московском телепроекте «Имя Россия» ...	409

V. Из прощальных слов 413

«Он человек был в полном смысле слова». <i>Памяти</i>	
<i>Аркадия Бржозовского</i>	414
Ушел мальчик-партизан. <i>Памяти Валентина Тараса</i>	415
Непокоренная. <i>Памяти Яны Поляковой</i>	418

Литературно-художественное издание

Букчин Семен Владимирович

Прощание со славянкой

Повесть. Статьи. Фельетоны

Дизайн обложки О. Сычев

Редактор А. Александров

Корректор Н. Власова

Подписано к печати 17.03.2010. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экземпляров.
Заказ 273.

Издательство ООО «Невский Простор»
194100, г. Санкт-Петербург, пр. Мориса Тореза, 6.

Напечатано в типографии «Т-Сервис», г. Москва.

